

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

**ВОКРУГ СВЕТА
С КИЛЛЕРАМИ ЗА СПИНОЙ**

**ВОКРУГ СВЕТА
С КИЛЛЕРАМИ ЗА СПИНОЙ**

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

РЕИНКАРНАТОР

**ВОКРУГ СВЕТА
С КИЛЛЕРАМИ ЗА СПИНОЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АСТ** • МОСКВА

2001

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник В.Н. Ненов

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Синякин С.

С38 Реинкарнатор. Вокруг света с киллерами за спиной: Романы. —
М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 496 с. — (Звездный
лабиринт).

ISBN 5-17-004960-9

Кто не помнит дивные слова «и, может быть, в начальника душа твоя
вселится»?

Желаете, значит, переселиться в тело крупного политика?

Извольте платить — конкуренция есть двигатель прогресса!

Желаете, может, переродиться во образе «крестного отца»? За деньги
возможно и это. Но — не перепутать бы тела и души своих родных,
«братков» и оказавшегося случайно рядом СТАДА БАРАНОВ. Таинствен-
ный реинкарнатор не намерен решать ВСЕ проблемы клиентов!

Думаете, это все? О нет! Вас ожидает еще и уникальная мистическая
версия классических «Восьмидесяти дней вокруг света». «Проделки Фикса» —
ничто перед проделками киллеров, гоняющихся за «крутым бизнесменом» по
заказу, пересланному через мистического Диспетчера...

Мы, господа, — в Новой России.

А в Новой России возможно ВСЕ!..

© С. Синякин, 2001

© ООО «Издательство АСТ», 2001

РЕИНКАРНАТОР

Глава 1

Если у вас есть служебная машина черного цвета с тонированными стеклами, служебный кабинет и секретарша, если ваш возраст за пятьдесят и вместе с положением в обществе за годы вашей жизни вы приобрели солидное брюшко, которое старательно маскируете просторным пиджаком и не менее просторными брюками, тем более если вы ко всему этому имеете обширную лысину и носите очки в тонкой золотой оправе, а на груди вашей сине-бело-красными сполохами сверкает значок, значит, скорее всего вы представитель областной администрации. А если к тому же при встречах с вами такие же холеные чиновники подобострастно улыбаются и гнутся в поклонах, то можно вполне предположить, что вы не менее чем глава этой администрации.

Губернатор Царицынской области Иван Николаевич Жухрай, благоухая одеколоном, сосредоточенно прошел по коридору управы. На ходу он демократично и вполне доброжелательно отвечал на предупредительные благолепные улыбки короткими кивками, сам мимолетно улыбнулся секретарше, открыл дверь в свой кабинет и небрежно бросил на стол кожаную папку, которую, честно говоря, таскал более для солидности. Не дурак ведь, чтобы документы домой таскать! Для работы существует специально отведенное время, дома надо семьей заниматься, внука воспитывать, с женой, ежели такая имеется, ругаться! Да мало ли чего можно делать дома! А папка просто необходима, чтобы видели люди — горит человек на работе, времени для семьи не остается.

Нажав на кнопку селектора, Иван Николаевич поинтересовался:

— Шурочка, Куретайло уже явился?

— У себя, — сказала секретарша, и Жухрай испытал легкое раздражение: ишь, барин, у себя он! Сам Жухрай до победы на губернаторских выборах ходил рядовым партийным функционером из корпуса «красных директоров», а именно: был он до выборов директором Царицынского рыбозавода, но вместе с тем — ярый демократ по убеждениям. Так сказать, свой среди чужих и чужой среди своих. По натуре он был человеком осторожным, а потому, оказавшись в губернаторском кресле, партбилет свой публично, как некоторые недоумки, уничтожать не стал, а спрятал его в первый том Полного собрания сочинений товарища Сталина, который еще отцом Жухрая поле XX съезда партии был задвинут во второй ряд книжных полок и заботливо укрыт от постороннего взгляда сочинениями Коптяевой и Анатолия Иванова. В работе своей Иван Николаевич придерживался принципов демократического централизма и потому проявлений барства и бюрократического чванства терпеть не мог.

— Вызови его ко мне, — приказал он секретарше.

Его заместитель Игорь Дмитриевич Куретайло хищной щучкой проскользнул в кабинет, демонстрируя губернатору свою готовность к продуктивной работе. В руках у него были блокнот и золотой «паркер». Сам Игорь Дмитриевич был высок, худ, старательно маскировал остатками когда-то черных волос обширную лысину, которая с каждым годом завоевывала на голове Куретайло все новые и новые высоты. Одет он был в хорошо сшитый костюм — не Карден, конечно, не Гуччи, но вполне смотрибельным был костюмчик, не иначе кто-то из предпринимателей с Куретайло этим костюмчиком расплатился, сам Игорь Дмитриевич никогда бы на подобную вещь не раскошелится. Прижимист был Куретайло, сколько Жухрай его помнил: даже когда в райкоме комсомола они вместе работали, Игорь Дмитриевич и там всегда но-

ровил на халяву выпить. Потом, когда родимая партия по миру с протянутой рукой пошла, каждому пришлось свое место в жизни искать. Сам локтями народ расталкивать Куретайло опасался. В бизнесе такая инициатива зачастую смертельно наказуема. За ненужную инициативу вполне заказать могли. И Куретайло понял, что надо идти другой дорогой. Еще немного Игорь Дмитриевич без особого успеха помыкался в столице и несолоно хлебавши вернулся в родимый Царицын. Жухрая как раз губернатором выбрали, надо было свою команду набирать, вот и пригодился ему Куретайло. Жухрай его по прежней работе знал, а тут еще Игорь Дмитриевич в столицах пообтерся, с Бурбулисом вместе пил, с Коржаковым в сауне парился, Руцкого во время октябрьской заварушки в плен брал. Такие люди всегда сходятся. По роду своей работы Куретайло в губернаторстве курировал средства массовой информации, культуру и народное образование, а в нагрузку ему Жухрай еще выделил религиозные и общественные объединения.

Сейчас, сидя у Жухрая в кабинете, Игорь Дмитриевич льстиво и вместе с тем независимо улыбался, только улыбочка у него выходила поганая — словно он превосходство свое показывал и презирал все, как гордый Демон из поэмы Михаила Юрьевича Лермонтова. Жухрай хмурым взглядом согнал улыбочку с лица заместителя, поинтересовался:

— Что нового в прессе?

— В целом все нормально, — часто закивал головкой Куретайло. — Но вот «Городская правда» опять подкачала. Статеечку в ней тиснули о реконструкции Егланского маслосырзавода. Намекают, что некоторые областные руководители полученные кредиты, так сказать, экспроприировали и за бугор перевели.

— Конкретные фамилии называют? — нахмурился губернатор.

— У них одна фамилия на уме, — пригорюнился Куретайло, и по внешнему виду его и гадать не приходилось, чья фамилия в «Городской правде» прозвучала. Газетенка эта была

органом мэрии, поэтому сразу было ясно, чьих рук дело и против кого именно гнусная статейка направлена.

— Брюсова работа, — сказал губернатор с сиплой ненавистью. — Вот гнус! Спит и видит себя в моем кресле! Что предпринял?

— Предупреждение газетке выписали через комитет, — безмятежно улыбнулся Куретайло.

— Что ж так откровенно? — недобро прищурился Жухрай. — Теперь жалобы во все инстанции пойдут: мол, зажимаем критику, свободу печати душим!

— Да ей давно уже пора петлю на шею накинуть, — осклабился Куретайло. — Каждый квакает, что хочет и против кого хочет. Эра свободного кваканья, понимаешь! А насчет предупреждения, Иван Николаевич, вы не волнуйтесь. Я же не дурак, чтобы так откровенно и глупо подставляться. Они там фантастику братьев... этих... — Куретайло ловко заглянул в блокнот, — Стругацких перепечатали. «Жида города Питера» называется фантастика. Вот за жидов мы газетке и врезали. Ишь, понимаешь, антисемитизм развели! Нет, чтобы достойно национальность указать — евреи, мол, в крайнем случае — иудеи, нет, они самое оскорбительное словечко использовали! Отсюда и до погромов рукой подать! Мы их и предупредили, пусть теперь утираются. Я приказал в «Царицынской нови» фельетончик небольшой тиснуть. «Черная сотня мэрии» называться будет. В завтрашнем номерочке и поместим. Так сказать, наш ответ Чемберлену, Иван Николаевич!

Жухрай встал из-за стола, заложил руки за спину и, выпукло обозначив животик, подошел к окну. Из окна был виден сквер и скамеечки, на которых совещались пенсионеры, второй день пикетирующие областную администрацию. Плакаты грудой лежали на одной из скамей. Длинный худой мужчина, совсем не похожий на агитатора-главаря, что-то объяснял пикетчикам, размахивая руками. Настроение у губернатора испортилось еще больше.

— Брюсов... — Он досадливо поморщился. — С ним надо что-то делать. Он нам все карты портит, этот гаденыш!

Валерий Яковлевич Брюсов был вечным соперником Жухрая. И в конце восьмидесятых их пути переплетались не раз. Однако в те времена партия была еще крепка, а мудрое партийное руководство до прямых конфронтаций дело не доводило, улаживало конфликт необходимыми назначениями еще в самой начальной стадии. Теперь же, с приходом демократии, прежняя война между Жухраем и Брюсовым вспыхнула с новой силой. Новые времена — новые веяния. Гасить конфликт никто даже и не пытался, а вот скандальных дровишек в разгорающийся костерчик вражды каждый по возможности подкидывал. Особенно в последнее время, когда встал вопрос об очередных выборах на пост губернатора Царицынской области. Естественно, что Жухраю на этом посту хотелось остаться, а Брюсов с такой же настойчивостью губернаторское кресло желал занять.

Идеологическая передовая располагалась в средствах массовой информации. Линией фронта были тиражи губернаторской «Царицынской нови» и «Городской правды», которая являлось рупором мэрии. Журналисты в обеих редакциях были истинными виртуозами и акулами пера, закаленными в боях за построение развитого социалистического общества. С таким же усердием они сейчас поддерживали либерально-демократические реформы. Информационную войну журналисты обеих газет вели по всем правилам военного искусства. Происходили здесь свои битвы, обходные маневры, окружения, разведывательные операции и бомбежки. Иногда возникали идеологические перемирия, которые, впрочем, никогда не доходили до братаний. В этой войне были свои герои, но случались и свои предатели и перебежчики. Чаше всего информационная война велась партизанскими методами: идеологические диверсии, к которым прибегали обе стороны, преследовали одну цель — пустить под откос бронепоезд соперника.

Кроме того, были у Жухрая и личные причины для вражды с мэром, но об этих причинах Иван Николаевич не стал бы говорить с посторонними людьми, а тем более с Куретайло.

— Брюсов, — с томной ненавистью повторил Жухрай. — О кредитовании, значит, вспомнил! Ладно! Ты, Игорь Дмитриевич, запускай информацию о реконструкции театра музыкальной комедии. В самый раз! Сколько они там растратили?

— Два с половиной миллиарда, — с готовностью доложил Куретайло. — Семьсот тысяч — Брюсову, четыреста пятьдесят — его заместителю Кукушкину и двести пятьдесят Сыренко, который реконструкцию театра курировал.

— Фамилии, пожалуй, упоминать не стоит, — задумался Жухрай. — Скажут, что счета сводим.

Куретайло не согласился.

— Не счета сводим, бабки подбиваем. Но я с вами согласен, Иван Николаевич, Брюсова и Кукушкина трогать пока не стоит, — сказал он. — Но только пока. А про Сыренко писать можно. Не велика птица. А потом, сами знаете, попыбует оправдаться, крыльями махать начнет, всех вокруг себя перемажет.

— Ладно, — сказал Жухрай. — Делай как знаешь. Ты ведь мой Геббельс, сам знаешь, где и как соврать. Умного учить — только портить. У тебя все?

Куретайло заглянул в блокнот.

— Вчера из Союза писателей приходили, — сказал он. — У них там Владимир Маковецкий дуба дал.

— Денег на похороны просят? — догадался Жухрай.

— И на поминки тоже, — лицемерно вздохнул Куретайло. — Некролог в «Царицынской нови» мы уже поместили, а вот насчет денег — тут я с вами хотел посоветоваться. Они же еще и на книгу его просят. Посмертное творение гения, так сказать.

Жухрай, склонив голову к плечу, оценивающе оглядел заместителя.

— И сколько же они просят? — поинтересовался он.

— На похороны и на поминки шестьдесят тысяч, — доложил Куретайло, вновь осторожно заглядывая в блокнотик. — И на книгу стихов сто пятьдесят.

Губернатор подумал.

— Надо дать, — сказал он. — Все-таки инженеры человеческих душ. И потом, мы не дадим — они у Брюсова выцыганят. Тем более что фамилия у него соответствует. Надо дать. Во время следующей избирательной кампании каждому голосу будешь рад. Дать, но в обмен на поддержку.

— А где взять? — Куретайло исходу дела не удивился, заранее знал, сукин сын, чем дело кончится. — Сами знаете, у нас в бюджете кот заплакал!

— Найдешь! — Жухрай встал, снова пробежался по кабинету, остро глянул на заместителя. Куретайло поджался. Почувствовал, старый партийный волчара, что сейчас и начнется тот самый серьезный разговор, из-за которого Жухрай его с утра вызвал.

— Хреново ты работаешь, Игорек, — с проникновенной фамильярностью сказал губернатор. — Я тебе для чего под крыло попов и прочую лабуду отдал? Чтобы ты деньги, выделенные на реставрацию Свято-Владимирского монастыря, с отцом Филаретом делил? Нет, дорогой мой заместитель, я тебя на это место поставил, чтобы ты сам в курсе всех дел был и меня о них в известность ставил. А ты что делаешь?

Куретайло всей своей позой выразил покорность и непонимание ситуации. Хищная щука исчезла, на коряге вертелся хитрый и скользкий налим. Налим этот осторожно выглянул из коряги кресла.

— Не пойму, вы о чем, Иван Николаевич? — Куретайло развел руками. — Все вроде в порядке, с руководством церковным регулярно в баньке паримся, от них полная поддержка во всех начинаниях. Отец Филарет на прошлой неделе по телевизору выступал: мол, всякая власть от Бога, а уж ваша... — Куретайло улыбнулся. — А про дом я вам уже докладывал, как говорится, слава Богу, все в паях, даже менты не забыты... Сам Филарет котлован и освятил.

Жухрай отвернулся к окну и посопел.

— Тебе о Борисе Романовиче Даосове что-нибудь известно? — спросил он, не поворачиваясь.

— Секта? — Куретайло проворно зашуршал листочками блокнота. — Даосов... Даосов... Даосов... — Поднял на губернатора огорченные глаза. — Ничего нет, Иван Николаевич. Он кто? Предприниматель? Или из... — Куретайло неопределенно пошевелил пальцами.

Жухрай вернулся за стол.

— Из! — передразнил он. — Что у тебя по линии буддизма? С российским ламой общался?

Куретайло засмеялся.

— В прошлом году, — сообщил он. — В сауне парились у Филарета. Большой человек! Чуть еще в сауне не утонул.

Видя, что губернатор его веселья не разделяет, Куретайло оборвал смех и выжидательно уставился на хмурого начальника.

— Ты что-нибудь о реинкарнации слышал? — спросил Жухрай.

— Реинкарнация... — Заместитель снова уткнулся в свою записную книжку. — Саравасвати... Сатанаил... Содомия... Рибоксин... Есть такое дело! Реинкарнация... Точно! Ну, так это же больше к медицине отношение имеет, Иван Николаевич! А медицину у нас Санжапов курирует, это не ко мне претензии, это Санжапова надо за зебры брать! Я вас предупреждал...

— Выгоню я тебя, — перебивая Куретайло, вслух подумал губернатор. — Этот Даосов таким делом занимается, а ты, понимаешь, и ухом не ведешь. Про ТОО «Мистерия жизни» что-нибудь слышал?

— Ничего, — сразу став серьезным и озабоченным, признался Куретайло. — Ну, может, я что-нибудь и пропустил, Иван Николаевич. Недосмотрел, как говорится. Делов-то невпроворот. Но зачем же сразу оргвыводы делать? Исправлюсь, значит. Видите, записываю уже? ТОО «Мистерия жизни»... Даосов... Борис... Как там по папашке его?

— Романовичем его по папашке зовут, — утомленно сказал Жухрай. — Даосов Борис Романович. И сроку тебе, чтобы справку о нем и его, понимаешь, мистериях навел, я тебе,

Игорь Дмитриевич, даю два дня. И ни днем более. Хочешь, сам по городу бегай, можешь милицию к этому делу подключить. Твое дело. Только через два дня я об этом человеке и обо всех его занятиях должен знать все.

— Будет сделано, — сказал Куретайло, который на глазах веселел и обретал прежнюю живость. — Можете даже не помнить, Иван Николаевич, сам напомню и доложу. Разрешите?

— Ну, что у тебя еще? — недовольно поморщился Жухрай. — Только побыстрее, мне через полчаса в аэропорт схать надо, китайцев встречать.

— Из Союза писателей интересуются, — доложил Куретайло, — вы на похоронах будете или пришлете кого?

Губернатор задумчиво поиграл нижней губой.

Особого желания произносить над гробом, а тем более выслушивать рядом с покойником прочувствованные и неискренние речи о нем Жухрай не испытывал. Да и на поминках пришлось бы чокаться со всеми собратями покойного по поэтическому перу, и не только чокаться, но и пить, тем более что от желающих выпить с губернатором и попросить у него денег на издание нового произведения отбоя не будет. И ведь полезут, обязательно полезут, а здоровья и денег у него не так уж и много. Порой даже не поймешь, чего меньше.

— Сам поедешь, — сказал он Куретайло. — Выпьешь, скажешь, что, понимаешь, положено... Только ты там смотри, печень свою береги, все-таки творческий народ...

— Понял, — сказал Куретайло. — Веночек от вашего имени заказать?

— Как обычно, — согласился Жухрай. — Талантливому поэту — от администрации области.

— Это как водится, — сказал Куретайло. — А лично от вас веночек не сделать? Все-таки вы с Владимиром Дмитриевичем, можно сказать, довольно близки были. Помню, вы у Сыроварова в откормсовхозе парились!

Жухрай хмыкнул.

— А ты забудь, коли помнишь. Венка не надо, — сказал он. — Заедешь в совхоз декоративных культур, корзинку

живых цветов возьмешь. Не будем, понимаешь, афишировать банную дружбу.

Куретайло вышел из кабинета. Слышно было, как он отпускает игривые комплименты секретарше. Жухрай откинулся в кресле. До прилета китайской торговой делегации оставался еще час. Брюсов... Нет, с мэром пора кончать. Больно смел сокол, высоко летать хочет. Надо бы ему крылышки малость укоротить. Да и язык не мешало бы. Впрочем, это самый крайний вариант. Более всего губернатору Царицынской области Ивану Николаевичу Жухраю хотелось, чтобы все рассказанное ему о реинкарнаторе Борисе Романовиче Даосове оказалось чистой правдой. Именно такой человек был нужен губернатору. Именно такой!

А Куретайло мсж тем вошел в свой кабинет и преобразился. Хищная щука бесследно исчезла, как, впрочем, и скользкий налим. Сом сидел в кресле, уверенный в себе сом, хозяин омута сидел под портретом первого российского президента и макетом двуглавого орла, похожего на корону. И вел себя Куретайло подобно самодержцу — казнил и миловал.

Но больше все-таки казнил.

Глава 2

Поэтические сборники старейшего члена Царицынского отделения Союза писателей Владимира Дмитриевича Маковецкого продавались в любом магазине Царицына. В подарочных изданиях и в обычных, в бумажных мягких обложках. Обычного формата и малого. Иначе и быть не могло, кого же издавать местному издательству, как не того, кто рулил местным отделением Союза писателей добрый десяток лет? Не молодежь же желторотую с ее идеологическими вывертами и душевными колебаниями? «Поэт в России боль-

ше, чем поэт...» С этим Владимир Дмитриевич полностью соглашался. Все творчество Владимира Дмитриевича было направлено на то, чтобы утвердить в сознании граждан нетленные истины и уважение к власти предрежащим. Поэт в России больше, чем поэт. Он — мессия, который несет в народные массы доброе, мудрое, вечное. Творчество — его крест, с которым поэт обречен брести на свою собственную Голгофу. Голгофа Владимира Дмитриевича Маковецкого находилась в баре ресторана «Маяк», расположенного неподалеку от Царицынского отделения Союза писателей. Маковецкий всходил на эту Голгофу ежемесячно. Сначала он выпивал стаканчик-другой, чтобы взбодриться после трудного рабочего дня. После этого ему начинали нравиться женщины — от рядовой официантки до случайной посетительницы. Владимир Дмитриевич начинал усаживать их за столик, принимался читать им свои сокровенные стихи, чтобы женщины ощутили и поняли его нежную ранимую душу. Некоторые женщины (а таких было подавляющее большинство) понимать Маковецкого не хотели и порывались уйти, порой даже допуская оскорбительные выпады в адрес заслуженного поэта, лауреата премии Шумахера и участника Больших Марковских чтений. Маковецкий с достоинством, но порой излишне горячо отвечал им, разгорался скандал, в котором продажная администрация ресторана занимала сторону оскорбительниц. И тогда появлялись вызванные администрацией римские легионеры в серых мундирах и с резиновыми мечами на поясе. Каждый раз все заканчивалось тривиальным выптрезвителем. Утром следующего дня заслуженный поэт извинялся перед администрацией ресторана и клялся, что подобного больше никогда не повторится. Стыдливо дыша в сторону, Маковецкий каялся перед работниками общественного питания, объяснял, что во всем виновата суровая, полная схимничества жизнь творца, и все успокаивалось до следующего раза.

Царицынский классик был невысок и дороден. Ходил он обычно в синей тройке и черном беретике, который залив-

ватски сдвигал на ухо, тщательно следя, однако, за тем, чтобы плешь, уже занявшая на голове все основные высоты, не привлекала к себе особого внимания. На лацкане пиджака желтел постоянно лауреатский кругляш, в праздничные дни левую сторону пиджака занимали орденские планки, а в особо торжественных случаях — тяжело звенящая чешуя орден и медалей. К наградам своим Маковецкий относился с пиететом и даже так писал о них в своих стихах:

Я получил медалей много —
Хотя о них и не мечтал!
На пиджаке сияет строго
Трудом заслуженный металл.
Я их обрел — не по наряду!
Не как вожди застойных лет...
Других медалей мне не надо,
Мне мил моих медалей свет!*

Правда, находились злые языки, которые утверждали, что почетное место в иконостасе Маковецкого занимали медали «За сдачу пустой тары» и «За победу над зеленым змием». Маковецкий лишь презрительно топырил губы — известное дело, у каждого живого классика есть свои недоброжелатели. Александра Сергеевича Пушкина недруги при жизни вон как полоскали! И где они теперь, эти недруги? Зато Пушкину памятники по всему миру стоят, скоро двухсотлетие со дня рождения великого русского поэта отмечаться будет! А стихи Маковецкого, в которых житейский опыт и вдохновение переплавлялись в единый выверенный сплав, печатались в различных издательствах, переводились на языки народов могучей страны, знакомство со стихами Маковецкого рождало у читателей душевную сопричастность к творчеству Владимира Дмитриевича и доставляло тем истинное удовольствие и радость для каждого читающего.

Ни в Москве, ни в Туле, ни в Рязани,
Ни в Сибири... счастья не найдешь,

* Автор использовал в тексте стихи Е. Евтушенко, В. Высоцкого, М. Абрамова, О. Гегемона, И. Жеребцова, В. Мамуриной, М. Брюсова. — *Примеч. авт.*

Если женишься, как в наказание,
Если в жены, не любя, пойдешь!
Нет, не будет счастья в Тегеране,
Не поймут ни Австрия, ни Рим,
Коль стрелой Амура не израненный,
Из-за денег ты ложишься с ним.
Или с ней. И будет наказание —
Если без любви ты вступишь в брак,
То любой москвич или рязанин
Справедливо скажет: ты — дурак!

Молодых шалопаев Владимир Дмитриевич старался не замечать. На семинар они к нему не ходили, а значит, шанс стать настоящим поэтом у самоуверенных сопляков был совсем незначительным. А если время от времени и появлялся, то рецензии на творчество молодых писал именно Владимир Дмитриевич, и он был в своих рецензиях строг и принципиален, как и подобает мастеру большого поэтического дарования.

По совместительству Владимир Дмитриевич также являлся советником губернатора Ивана Николаевича Жухрая по вопросам искусства. Губернатор был раньше директором рыбозавода, который неожиданно окунулся в хозяйственные заботы, ему искусством заниматься некогда было — то посевная, то уборочная, то жатва, то скирдование. Бензин найди, технику выбей, элеваторы подготовь, голодных коров накорми, механизаторов напои, а то ведь вообще откажутся работать! Поэтому губернатор каждому слову Маковецкого внимал с тем уважением и доверчивостью, с какими робкий первоклассник внимает своему классному руководителю. В области литературы авторитет Маковецкого был на немыслимой высоте. Он уже смело мог о Роберте Рождественском отозваться как о певце нашего коммунистического прошлого, Николая Рубцова беззастенчиво лягнуть за злоупотребление спиртными напитками, Андрея Вознесенского назвать формалистом. А уж о местных стихотворцах, особенно о тех, кто не входил в узкий круг друзей и почитателей Владимира Дмитриевича, и говорить не приходилось. Маковецкий отзывался со всей своей крестьянской прямоотой и открытостью.

С особой теплотой и бережливостью Владимир Дмитриевич Маковецкий относился к молоденьким поэтессам. Этих он всегда приглашал к себе в дом, когда его труженица-жена находилась на даче, долго и с упоением зачитывал поэтессам свои стихи, показывая неопытным ученицам, как правильно сочетать форму с содержанием. Маковецкий учил молодых учениц верно описывать эмоциональные всплески, которые рождаются в общении с противоположным полом, за что и получил незаслуженно обидную кличку от завистливых товарищей по литературному цеху — «лирик-производитель». На навешиваемые ярлыки Владимир Дмитриевич внимания не обращал, однажды он так и написал в очередном лирическом стихотворении, посвященном очередной любви, отгоревшей и осыпавшейся, словно цвет герани:

Сожаленья друзей мне не надо.
Осужденья врагов — не приму!
Я ушел, и душа моя рада,
Что все вышло у нас по уму...

Труженица-супруга к выходкам Владимира Дмитриевича привыкла, как привыкают среднеазиатские дехкане к норовистому ишаку, и в общении с ним придерживалась восточной мудрости, которая гласила, что «как осел ни петляет, перед старостью все равно на прямую дорогу выходит». Между тем Владимиру Дмитриевичу Маковецкому уже исполнилось шестьдесят лет, и местное издательство выпустило юбилейный двухтомник его избранных стихов, но до прямой дороги ему было идти и идти. Ишак Ольге Дмитриевне Маковецкой попался чересчур норовистый и упрямый.

Впрочем, это только казалось. На самом деле дорога оказалась не слишком долгой. Аккурат в ноябрьский праздник Маковецкий сидел в ресторане «Маяк» с очередной любительницей высокой поэзии и по этому поводу вел себя на редкость прилично и вежливо — брал молоденькую поэтессу за тонкую белую руку, наливал ей из графинчика водку и цитировал себя любимого и влюбленного:

Ах, Рая, Рая, Рая —
Мой давний идеал!
От счастья замирая,
Тебя я целовал...

И в этот самый совершенно неподходящий момент к то-
кующему поэту подошел высокий, худой и полупрозрачный
товарищ, который коротко и выразительно представился:
«Товарищ Кондратий!» Маковецкий непонимающе вскинул-
ся, побледнел и грянулся лицом в салат из свежих помидо-
ров, а пришел в себя уже в реанимационной палате област-
ной клинической больницы. Анализы и кардиограмма были
неутешительными, и Маковецкий понял, что может рассчи-
тывать лишь на свое литературное бессмертие. Но книги
книгами, а жизнью Маковецкий был в достаточной степени
умудрен, понимал внутренне — не Гомер он, не Гете, даже
не Слуцкий, в конце концов.

Больничные коридоры, выкрашенные тоскливой казен-
ной краской, располагают к размышлениям о душе и небе.
Тем более что вдоль этих коридоров ходят такие же бедо-
лаги, уже внешним видом показывая, что вечная жизнь —
удел богов, но не смертных. Вспоминался печальный анек-
дот, который раньше рассказывался со смехом, а теперь
располагал к грустной философии. Больной спрашивает:
«Доктор, жить буду?» «Будете, — вежливо отвечает врач. —
Но недолго».

Верить в это не хотелось, поэтому, когда в курилке Вла-
димир Дмитриевич услышал о загадочных карначах, кото-
рые скупают для повторного использования души, ему стра-
стно захотелось познакомиться с одним из таких повелителей
человеческих сущностей, и он начал расспрашивать про кар-
начей каждого встречного, надоедая и врачам, и больным.
Долгое время ничего существенного узнать не удавалось, так,
слухи, не больше того. Да и слухи все эти были, что гово-
рится, из пятых рук, они больше походили на бредовые
фантазии, которые только распаляли любопытство и боль-

ше ставили новых вопросов, чем давали ответов на уже существующие.

— Ты, мил человек, с какого дерева свалился? — поинтересовался сухонький древний старикан, лицом и фигурой похожий на высушенный опенок. — Ишь, реинкарнатора ему подавай! Нет, мил человек, по правилам карнач с тобой о покупке души и разговаривать не станет, а ежели кто назовет себя карначом да прицениваться начнет, сам понимай, откуда он! Карнач души оптом покупает, он знает, у кого души-то брать, а что до твоего покупателя, так на таких вот, как ты, душеприказчики есть, они этим делом занимаются.

Маковецкий осторожно тронул больничного старца за плечо. Уж больно хрупким он ему казался, прикоснись — один табачного цвета дымок по коридору поплывет.

— Да мне без разницы, папашка, — сказал он. — Ты мне скажи, где этого душеприказчика найти, а дальше я уж сам как-нибудь!

— Папашка, — беззубо усмехнулся собеседник. — Самому-то сколько стукнуло? Не шестнадцать случаев?

— Ну извини, — покаянно потупил голову Владимир Дмитриевич. — Не хотел тебя обидеть. Ты толком скажи, что за душеприказчики, где их найти?

Старец задумчиво пожевал синими губами.

— Кто они, от них и узнаешь. А где найти, подскажу. Пойдешь на Центральное кладбище, скажешь дьякону Михаилу, что, мол, Евлампий ему кланяется, он тебя с кем надо и сведет.

Интуитивно Владимир Дмитриевич Маковецкий понял, что расспрашивать старика больше не о чем, и удалился в свою палату. Жена принесла ему необходимые для творчества принадлежности, но Маковецкому не писалось. Может быть, питание в больнице было непривычным, может, больничные запахи угнетали, но строчки из-под пера выходили вялые и анемичные, как дистрофики из шестой палаты. Заигрывать с санитарками Владимир Дмитриевич не решался, левую сторону его лица немного перекосило, отчего Мако-

вещкий постоянно улыбался саркастической и немного загадочной улыбкой, речь стала невнятной, и Владимир Дмитриевич немного шепелявил, а объясняться санитарочкам в любви с шепелявостью, плохой дикцией и дергающимся лицом было просто глупо.

Ежедневно к нему заходили товарищи по литературному цеху. Молодежь, конечно, о болезни Владимира Дмитриевича и не вспоминала, а если и вспоминала, то как не отмеченный в календаре праздник. Пока Маковецкий лежал в больнице, Царицынское книжное издательство приняло и подписало в печать сборник молодых поэтов «Речное удивление», куда вошли стихи, не раз справедливо критикованные Владимиром Дмитриевичем за недостаточный патриотизм, эгоистические мотивы и ползучий эмпиризм. Товарищи по литературному цеху часами расспрашивали Маковецкого о его болезни и выражали надежду, что в самом скором времени он поправится и вновь встанет у руля местного отделения Союза. Все они были в чем-то правы. Даже покойники попадают в больницу не навсегда. После работы судмедэкспертов они отправляются на кладбище, выслушивая по дороге причитания и жалобы оставшихся в одиночестве родных. Владимир Дмитриевич — напротив: вскоре почувствовал себя значительно лучше, перестал использовать в постели утку и был признан условно здоровым человеком, подлежащим выписке из больницы.

Пару недель он отлежал дома, однако и в родных стенах Маковецкий не обрел утраченного душевного спокойствия и сил для поэтического творчества. Только однажды под его пером родилось нечто достойное прежнего Маковецкого — это была рецензия на рукопись молодого царицынского автора Анджея Лукомцева. Анджей Лукомцев закончил фантастическую повесть «Славные среди славных». Со свойственной ему проницательностью Маковецкий обнаружил, что негативные построения начинающего фантаста являются антинародными, псевдосоциальными и не служат главному — победе идей перестройки на всей территории Российского

государства. О негативном влиянии повести на читателей свидетельствовал и тот факт, что ее уже издали в Германии, Чехии, Англии и Австрии, идейные противники печатать хорошие книги никогда не будут, поэтому читать повесть российским читателям Владимир Дмитриевич Маковецкий категорически не советовал.

Однако признаки депрессии и психического расстройства проявлялись у Владимира Дмитриевича все чаще и явственней.

На одном из июльских общих собраний членов писательского Союза, на котором разбиралось заявление выезжающего на постоянное место жительства в Израиль прозаика Ярослава Гуммельмана, Маковецкий повел себя очень необычно. Гуммельман потребовал, чтобы собрание приняло на постоянное хранение его партийный билет, так как платить взносы регулярно он не имеет возможности, а в Израиль едет просто посмотреть — плохо там или хорошо. Собравшиеся начали возмущаться поведением Гуммельмана как недостойного звания российского писателя. «Наши писатели или уезжают, или остаются! — резко высказался царицынский детективщик Пакетный. — Что значит посмотреть? Он будет прикидывать, где ему лучше, а мы за него взносы плати? Китайцы, и те с собой за рубеж горсть родной земли берут! Пусть Ярослав Маркович партбилет с собой забирает, как память о преданной им Матери-Родине! И нечего собратьям по перу головы морочить!» Евгения Пакетного шумно поддержали остальные. И тут Маковецкий сурово оглядел зал и заявил, что как пролетарий от пера он не понимает товарищей. Что значит — заberi партбилет на чужбину? Человек имеет право оглядеться. Вот вы, товарищ Пакетный, вы за последние три года свои опусы шесть раз опубликовали, а ваш собрат по искусству Гуммельман только два. Вам, товарищ Пакетный, с вашей гонорарной колокольни легко смотреть, как мучаются и голодают соратники по литературному труду. Но мы-то не должны на это спокойно смотреть. Пусть Ярослав Маркович едет и посмотрит, что там и как.

Он уже пострадал от новоявленных российских антисемитов, они его собаками кусали, печатать его отказываются. А что касемо партбилета, то тут еще надо посмотреть, нет ли каких закрытых постановлений Центрального Комитета нашей партии, которые позволяли иностранному гражданину состоять в ее рядах. Выступление Владимира Дмитриевича потрясло всех до такой степени, что многие из присутствующих тут же проголосовали на всякий случай «за», хотя никто не мог сказать, за что же именно он проголосовал.

После этого к Маковецкому накрепко прилипла кличка «пролетарий от пера». Некоторые даже шутили, что Маковецкому нечего терять, кроме своего пера. А иные, пугливо оглядевшись, быстрым шепотом добавляли, что ежели перо им будет все-таки утеряно, то большой беды в том не будет и литература эту утрату переживет, не проливая особых слез.

Но странности странностями, а на Центральное кладбище Владимир Дмитриевич все же поехал. Чувствовал — пора!

Дьякон Михаил оказался тридцатилетним рыжебородым мужчиной с редкими, но длинными волосами и неожиданно басовитым голосом. Черная ряса на нем была в перхоти и табачном пепле, а в некоторых местах попросту прожжена. Голубые пронзительные глаза дьякона смотрели поверх собеседника, словно за плечами Маковецкого дьякон видел если не самого Бога, то не меньше чем архангела, и отвлекаться на поэта не считал необходимым. Однако привет от старца Евлампия спустил дьякона на грешную землю.

— Я так понимаю, что тебе душеприказчик нужен? — задумчиво прогнул дьякон. — Решил о душе подумать? Что ж, правильное решение и... — дьякон нехорошо усмехнулся, — своевременное. Сестра, — позвал он какую-то старушку из числа церковных активисток. — Пройдись погляди, может, Ловкач на месте?

— Я в долгу не останусь, — легко и привычно намекнул Владимир Дмитриевич.

— Все мы в долгу перед Господом, — строго сказал дьякон Михаил и указал собеседнику на большую церковную

кружку. — Не скупись, сын мой, у нас здесь запросто, можно и баксами.

Скупиться на глазах у старух из церковной общественности было невозможно, и Маковецкий, холодея от сожаления, опустил в кружку две сотенные бумажки.

— Здесь он, батюшка! — вернулась с кладбища посланница. — Идет! Я ему сказала: «Иди, Ловкач, тебя отец Михаил кличет». Так он все сразу бросил и пошел. «Я, — говорит, — хоть и особой работой занимаюсь, слугу Божьего ждать не заставлю!»

Душеприказчик Ловкач оказался кладбищенским рабочим. Был это плечистый и крепкий мужчина лет тридцати пяти, небритый и в солдатской форме без погон и ремня. На нечищенных кирзовых сапогах его желтела кладбищенская глина.

— Пришел? — с ухмылкой спросил он. — Я тебя раньше ждал. Еще бы неделька...

Договор был составлен по всей форме и заверен дьяконом. По этому договору душеприказчик получал откупные, а царицынский поэт Владимир Дмитриевич Маковецкий после кончины душеприказчиком передавался (продавался) по согласию сторон городскому реинкарнатору и получал возможность обрести себя в новой жизни...

— Когда родились? — спросил душеприказчик и, получив ответ, быстро что-то посчитал на измятом клочке бумаги. — В четвертом рождении, — сказал он.

В последний рабочий день последующей недели Владимир Дмитриевич почил вечным сном. Сидел он в рабочем кабинете, персчитывал кое-что из своего недавно изданного избранного, неожиданно ему стало немного нехорошо, а потом совсем плохо, и со словами «Не надо было соленые огурцы к пиву брать!» царицынский классик приказал всем долбо жить.

На панихиду ждали Жухрая, но губернатор был занят с китайцами из провинции с труднопроизносимым названием. Вместо него на церемонии присутствовал заместитель Игорь Дмитриевич Куретайло, при одном взгляде на которого каждый понимал, что имеет дело с жуликом, а после второ-

го и более внимательного взгляда становилось ясным, что жулик это не рядовой. Заместитель губернатора приехал с пышным лавровым венком и сказал прочувствованные слова, а под конец своей речи пустил крупную и прозрачную слезу и облобызал вдове руку. «Поможем! Сохраним память о выдающемся поэте!» — выкрикивал он, хотя ясно было, что забудет, едва лишь ступит за порог кафе, где справлялись поминки, а уж помощи от него дожидаться вообще невозможно даже при самом благоприятном раскладе.

Руководство Царицынской области поместило в «Царицынской нови» обширный некролог, заслуженные долгим и упорным трудом медали Владимира Дмитриевича Маковецкого, как это и положено было, несли перед гробом, а в последних словах своих соратники по литературному труду говорили только хорошее. Правда, окаянная писательская молодежь поминала руководителя долго и охотно. Даже когда писательская тризна завершилась, творческая молодежь продолжила это увлекательное занятие на свои кровные денежки.

Игорь Дмитриевич Куретайло выпил с литераторами положенное количество официальных рюмок и ушел из местного отделения Союза писателей со стопкой книг с автографами, которые ему охотно давали жаждущие новых книжек писатели. Книжки заместитель губернатора ссыпал в багажник, а сам, усевшись в машину, некоторое время недоуменно разглядывал водителя, потом нетвердой рукой полистал записную книжку.

— Дао-сов, — прочитал он и, откинувшись на сиденье, неопределенно махнул рукой: — В администрацию Центрального района, братец!

Глава 3

«Душу выну!»

Тот, кто думает, что это всего лишь иносказательная угроза, обещающая неприятность, глубоко ошибается. Это —

профессия. Что, собственно, представляет собой простая человеческая душа? Да набор электромагнитных колебаний, поддерживаемых биохимическими реакциями человеческого организма. А как известно, реакции в теле умершего продолжают сорок дней. На сороковой день душа покидает тело, и тут ее можно поймать и использовать повторно. Если душа заказная, если клиент заранее подсуетился и с душеприказчиком договорился, то и сорока дней ждать не надо, трубочку даже выведут, чтобы о почву не поцарапалась, эктоплазму не повредила. Собственно, обменный фонд реинкарнаторов из таких душ и формируется. А если душу на выходе не перехватишь, так ищи ее в Чистилище, повторному использованию она уже не подлежит. Оттуда, из Чистилища, у нее лишь два пути, сами знаете каких. Однако ошибается тот, кто думает, что отловом душ на кладбищах занимаются реинкарнаторы. У них на это времени не хватает, да и не пустят их к могилам истинные хозяева кладбища — душеприказчики. И вообще рискованное это дело — ловить души покойных. Тут не только ловкость нужна, но и определенная сноровка. И храбрость, конечно.

Храбрость у Даосова была, и ловкости у него вполне хватало, только вот места на городских кладбищах были давно распределены между душеприказчиками, и впускать Бориса Романовича в свой узкий круг они не собирались. Кому охота налаженный бизнес ломать? Нет таких дураков, особенно сейчас, когда перестройка в разгаре. Однако и отказать Даосову никто из них не решался. Борис Романович мог напрямую договариваться с клиентурой еще перед самой кончиной, и тогда уже душеприказчикам пришлось бы сопровождать до могилы раздушевленный хладный труп, не представляющий ни малейшей ценности. Это душеприказчиков также не грело, хорошие деньги терять никто из них не хотел, и поэтому между городским реинкарнатором и кладбищенскими королями существовало неофициальное соглашение, по которому кесарю оставалось кесарево, а слесарю, понятное дело, — слесарево. Соглашение это неукоснительно соблюдалось обеи-

ми сторонами, вот и приходилось Даосову каждую пятницу ближе к полуночи объезжать кладбища и вести переговоры с душеприказчиками на предмет скупки освободившихся душ. Занятие, конечно, муторное, но без него было не обойтись — клиенты Даосова любили, чтобы у него в конторе выбор душ был побогаче, да и самому на душе спокойнее, когда в твоём душехранилище, как в армейской казарме, места свободного нет. Почти все сторожа Даосова уже знали в лицо и почитали за придурковатого сатаниста. Нормальный человек ночами на кладбище ходить не станет, у него других забот хоть отбавляй. Но поскольку Даосов могил не разрывал и надгробий не портил и даже один раз на Центральном кладбище поймал и сдал сторожам малолетнюю шпану, малевашую на памятниках свастики и прочую пакость, то с ним мирились и особой огласке посещения Даосовым кладбищ не предавали. Тем более что молчали они все небезвозмездно. А раз так, что им Даосов? В конце концов, у каждого в жизни свой бзик: кто-то любит по кабакам свою жизнь прожигать, деньги на проститутток тратить, а кого-то на смиренные погосты тянет.

В эту пятницу погода выдалась мерзопакостная, городской асфальт блестел, как черная лайковая перчатка, а бурые тучи висели, едва не касаясь мягкими пористыми боками высоких кладбищенских кипарисов. В довершение ко всему время от времени моросил холодный мелкий дождь. Настроения такая погодка никому прибавить не могла, а уж сопряженная с посещением погостов вообще вызывала раздражение и тоску.

На двух кладбищах удача Даосову не улыбнулась. Душеприказчики что-то бормотали об отсутствии нужных захоронений, мутно ежились под дождем, отводили глаза, и вообще по их поведению и настроению было видно, что пришли они на кладбище только ради того, чтобы с карначом повидаться и тем ранее достигнутой договоренности не нарушить.

У железных ворот Центрального кладбища Даосов посигналил. Из сторожки выскочила длинная худая фигура в

светлом плаще. Сторож, что-то дожевывая на ходу, взгляделся из-за ворот, узнал машину, приветливо помахал рукой и заулыбался радостно, будто брат родной к нему в гости приехал. А что ему не радоваться? Даосов за каждый свой визит независимо от результатов платил сторожу полтинник, и сторож, наверное, уже прикидывал, на что он потратит халявные деньги. Ворота заскрипели, медленно разошлись в стороны, и машина Бориса Романовича вползла на территорию кладбища.

Сторож сунулся в окошко, получил от Даосова купюру и расплылся в благодарственной улыбке. У него было длинное костистое лицо и лошадиные зубы, отчего Даосову всегда казалось, что ему улыбается один из покойников, похороненных на этом кладбище. Впрочем, кто знает, что за душа была у этого сторожа, да и была ли она у него вообще. Обычно реинкарнированные виделись Даосову с радужными ореольчиками вроде мыльных пузырей, а вот сторож этот был без ореольчика, ровно души у него вообще не было или — что уж совсем невероятно — сторож был первородком. И что было совсем уже странно, знал этот сторож, кто такой Даосов, сам однажды проговорился, назвав Даосова карначом. Непростой был сторож, все хотелось Борису Романовичу приглядеться к нему повнимательнее, да, как обычно, времени не хватало.

— Как дежурство? — поинтересовался Даосов.

— Нормально, — снова показал длинные зубы сторож. — У меня народ смирный, водочку пить не мешает.

— В часовне есть кто? — продолжал ночной гость расспросы.

— Мишка-дьякон спит, — сообщил сторож. — Вмазали вечером во славу Божию, вот и не пошел никуда. Здесь-то к Богу ближе!

— Ладно, — проворчал Даосов. — Негоже, братец, слугу Господа нашего хулить. Кормилец все-таки!

Сквозь мокрое стекло среди мрачной темной бесформенности кустарника и деревьев белели памятники. По аллеям

кладбища гулял дождь. Даосов вылез из машины, поежился, натянул на голову капюшон, сунул руки в карманы и побрел по центральной аллее мимо памятников почетным гражданам города и героически павшим в товарищеских разборках бандитам. Сторож с задумчивым любопытством посмотрел ему вслед, сладостно нащупал в кармане только что полученную от Даосова купюру и торопливо скрылся в своей сторожке. Похоже, что ему было чем в сторожке заняться.

Слева рядом с часовней из зарослей вечнозеленой туи кариесным клыком темнел гранитный памятник царицынскому бандиту Мише Сологубову, который в свое время немало народу обидел, но в конце концов и сам пострадал, получив пулю в лоб во дворе своей собственной бани, когда распаренная в сауне душа его совсем не ожидала подлых сюрпризов. Дойдя до сологубовского памятника, Даосов свернул и двинулся по аллее, углубляясь на территорию кладбища. Деревья вдоль аллеи печально поскрипывали, сумрачно дышала кладбищенская земля, и где-то в глубине кладбища одиноко покачивался уцелевший светильник, разбрасывая по сторонам рассеянный свет. Светильник освещал кирпичную кладку забора, на которой неровными кривыми буквами было написано: «Все бабы — суки!» Чувствовалось, что достала любящая жена кого-то из покойничков, и здорово достала, раз уж на заборе ночами писать начал! Время от времени в редкие просветы между туч выглядывала луна, и тогда все кладбищенское пространство освещалось бледным мертвенным светом, а белые мраморные памятники становились похожими на восковые свечи или затаившиеся привидения. Все было как в американских фильмах ужасов. Только скалящихся вурдалаков не хватало и прогуливающих по аллеям покойников. А вот душееды, судя по быстрым теням, на некоторых могилах дежурили. Видать, крепко покойнички при жизни кому-то насолили, вот и намолили им от всей души.

— Романыч? — негромко окликнули Даосова.

Даосов обернулся. Из-за памятника цыганскому барону, что лет пять назад погиб в автокатастрофе, осторожно вы-

глядывал один из душеприказчиков, или, как они сами себя называли, — подушников. Морда у него была мучнисто-белая и жутковатая, никаких вампиров не надо. Борис Романович узнал его сразу, это был Жора Инкубатор, однажды он продал Даосову сразу полторы сотни душ, среди которых были уникальные экземпляры. Взял Жора за них дорого, но и Даосов не прогадал — заработал втрое больше выплаченного.

Жора среди душеприказчиков был за главного, ни одно кладбищенское правило без него не обходилось, и к мнению Инкубатора прислушивались.

— Рисковый ты мужик, Романыч, — сказал Инкубатор, едва реинкарнатор подошел ближе. — Гуляешь свободно. Ты что, ничего не слышал?

— А что я должен слышать? — хмуро поинтересовался Даосов.

— Да говорят, что заказали тебя, — смущенно сказал Жора.

— Как это заказали? — Борису Романовичу показалось, что он ослышался.

— Ты что, не знаешь, как заказывают? — еще больше смутился душеприказчик.

Даосов ощутил неприятный холодок в спине. А кто бы к такому известию спокойно отнесся?

— И кто же этот наглец? — не надеясь на ответ, спросил он.

— Да откуда я знаю! — Похоже, что Жора уже сам был не рад затеянному разговору. — Слушок, говорю, прошел!

Даосов сменил тему:

— Товар есть?

Жора Инкубатор развел руками.

— Пустой я, Романыч. Невезуха последнее время идет. И душееды совсем обнаглели... Шастают, сволочи, по ночам, словно у нас здесь медом намазано...

Это на кладбище-то? Медом? Ну-ну!

— А Солидол где? — поинтересовался Даосов.

— В больнице. Я же говорю, что душееды оборзели вконец. Вот он на них и нарвался. У бабы одной на могилке. Ему бы, дураку, сразу душу бросить и бежать, так нет, бляха

муха, отбиться захотел. Ну и покровсали мужика. Морда в крови, чакра в дырах. Морда-то ладно, заживет, а вот кто ему чакру штопать будет?

— Серьезно?

— Недельки на три из бизнеса выпал. И то, можно сказать, повезло Солидолу, на щенков нарвался, не на взрослых тварей!

— Ты здесь один?

Жора замялся.

Даосов терпеливо ждал.

— Вся кодла здесь, — сказал Инкубатор. — Как, значит, слух про тебя прошел, сам понимаешь, всем интересно стало...

— Замочат меня или нет? — догадался Даосов.

Жора потупился.

— Мы здесь тотализатор организовали, — признался он. — Против тебя ставки принимают пять к одному.

— Ну-ну, — саркастически сказал Борис Романович. — Дерзай, может, капиталец сколотишь.

— Ладно, — сказал Инкубатор. — Ты, Романыч, не держи зла. Сам знаешь, каждый сам за себя, один Бог за всех.

Даосов с презрением отвернулся от напуганного душеприказчика и двинулся по аллее. Некоторое время Жора Инкубатор с опасливым интересом наблюдал за ним, потом скрылся в тени памятника, и только темное пятно метнулось к стене, словно прополз огромный паук или тень крупной птицы промелькнула.

Может быть, душеприказчики и в самом деле собрались на кладбище, но никто из них, за исключением Жоры Инкубатора, на глаза Даосову попасться не спешил. Или прятались, сволочи, или в засадах сидели. Реинкарнатор брел по аллее, с тревогой поглядывая на голубые огоньки, помигивающие на могилах, и ощущал всевозрастающее беспокойство. Жора Инкубатор такого придумать не мог, не решился бы он в отношении карнача такую пулю отлить. А это значило, что слушок о заказанном убийстве Даосова среди подуш-

ников действительно прошел. И ничего хорошего это не сулило. Более того, это значило, что, пока все не утрясется, никто ему ни единой души не продаст. Хорошо еще, что старые запасы неплохие оставались. И ходить Даосову теперь надо было, как говорится, пятками вперед. Подушников напугать легко, у них по обе стороны кладбища, мягко говоря, недоброжелателей хватает. Их Борис Романович не боялся, весовые категории у них не те, но не зря говорят, что от врагов лишь Бог защищен...

— Эй, — тихонько позвали из кустов. — Души не нужны?

Борис Романович остановился и осторожно повернулся на голос. Из кустов на него испуганно смотрела острая хитрая мордочка. Душеприказчик, позвавший Даосова, был молод, пацан еще совсем, и чем-то напоминал крысу, хотелось даже подойти ближе и проверить, не тянется ли за ним голый розовый хвост. Однако Даосов сдержался. Похоже, незнакомый подушник готов был дать деру при любом его неосторожном движении.

— Ты что, новенький? — поинтересовался Борис Романович, ежась от вновь заморосившего дождя.

— Почти, — признался его собеседник. — Племянш я Ловкача. Знаете такого?

— А где же сам Ловкач?

— А его на новое Ворошиловское кладбище работать позвали, — сказал новоявленный душеприказчик. — Там товара побольше будет, вот он меня сюда и пристроил, чтобы место не пропало.

— А как ты догадался, что меня души интересуют?

— Кто еще с подушниками ночью на кладбище разговаривать будет? — нахально удивился подросток. — Я сразу допетрил, что вы из карначей.

— Ишь ты, смысленный какой, — хмыкнул Даосов. — Ладно, говори, что у тебя есть?

— Солидного ничего нет... Обычные души. Маковецкий Владимир Дмитриевич, поэт, четвертое рождение... Балабанов Аким Георгиевич, одиннадцатое... Бочков Федор Бори-

сович, этот, пожалуй, интересен, дядя его птичкой отметил... Седьмое рождение, в пятом — губернатор Царицына Рогозин, в третьем — личный шут Ивана Грозного... тот самый... Никитин Семен Николаевич, из разночинцев, шестое рождение... Ну и так далее... Всего тридцать пять душ. Если возьмете, то сами дома посмотрите. Будете брать?

— Все с завещаниями?

— Да нет. С завещаниями только трое — Балабанов, Бочков и еще один, местный поэт, который Маковецкий. Его вчера похоронили, так мы с дядькой его еле перехватили. На его могиле штук восемь душеедов дежурили: видно, крепко он кому-то насолил, от души ему намолили. А остальных можно использовать как угодно, претензий не будет.

— Рано вы Маковецкого прихватили, — сказал Борис Романович. — Даже девяти дней ждать не стали.

— Так заказник же! — удивился мальчуган. — По договоренности.

— Сколько ты за них хочешь?

— За Бочкова — полторы сотни, за Маковецкого — стольник, а остальных оптом по десятке отдам.

— Пятьсот восемьдесят, правильно?

— Хорошо считаете, — качнул головой юнец.

— Тебя как зовут? — поинтересовался Даосов.

— Шустрик, — не задумываясь, сказал мальчишка.

Борис Романович усмехнулся. Тот, кто дал пацану кличку, похоже, знал его хорошо.

— Ты знаешь, сколько ангелов помещается на острие иглы?

— Не меньше, чем чертей, — быстро выпалил Шустрик.

— Надеюсь, что ты меня не обманешь, — сказал Борис Романович и полез в карман за бумажником.

Шустрик пересчитал купюры, порылся в карманах и добросовестно отсчитал сдачу.

— Себе дороже, — сказал он. — Дядька рассказывал, что сделал хозяин виноградника с виноградарями, убившими его наследника.

Не прост, ох не прост был этот мальчишка, заполучивший на кладбище место своего родственника! Надо же, Евангелие от Матфея, пусть даже в чужом пересказе, сопляк цитирует. Даосов повнимательнее взгляделся в бледное лицо, взял у мальчишки иголку с душами, небрежно кивнул юному душеприказчику на прощание и пошел к своей машине. Вокруг острия иголки разливалось радужное сияние ореолов, но считать их Даосову было некогда: а что, если его на кладбище решатся подкараулить? Очень Борису Романовичу хотелось узнать, что за охотник на него охоту открыл, а вот спросить не у кого было.

Сторож, услышав, что Даосов заводит машину, выглянул из своей теплой сторожки. По неверным движениям сторожа было видно, что, пока гулял реинкарнатор по кладбищу, он зря времени не терял. Однако ворота отпер удачно и даже шутливо отдал выезжающей машине честь. Борис Романович выехал с кладбища и, уже отъезжая, посмотрел в зеркало. И опять ему показалось, что закрывает ворота покойник, а не живой человек.

Весь обратный путь он проделал томимый сомнениями и тревогой. Непонятно было, кто мог решиться поднять руку на карнача, не было еще отморозков в Царицыне. Уважали в городе карначей, побаивались, может быть, даже кое-кто и ненавидел. Божество не божество, а возможности любого дурака впечатлят. Поэтому заказать карнача мог лишь тот, кто совсем рассудка и осторожности лишился. С реинкарнаторов даже бандиты дани не брали. Некоторые недоразумения с начинающими, у которых глаза были белыми от жадности, иной раз случались. Но заказать карнача? Это надо совсем идиотом быть: меченые деревья долго в лесу не растут — или буреломом сломает, или спилят однажды. Хорошо, если сразу сожгут, а ну как в дом потянут, для забора используют или двери в свинарнике подпирать? Бандиты карначей уважают. Они понимают, что в противном случае ходить им в опущенных или чушках — что-что, а корпора-

тивность среди реинкарнаторов похлеще, чем в любом ином ремесленном клане. За своего карначи мстят обязательно, можете не сомневаться, душа того, кто на жизнь или здоровье карнача посягнул, в Чистилище никогда не попадет, на земле ее мордовать будут до самого последнего рождения. Надо будет — ее у чистилищных выкупят, отмолят в крайнем случае, но виновный ответит по полной программе — от вселения в домашнего таракана до червя в банке у рыбака. Нет, смело можно сказать, ни один живодушник против карначей не пойдет, даже отморозок последний — и тот побоится, на такое только чистилищная братия способна, она в карначах конкурентов видит.

А может, так оно и есть? Посчитал кто-то из чистилищных авторитетов, что Даосов ему дорогу перебежал, отсюда и все неприятности? Раньше все как было? Чистилищные, понятное дело, свое берут, у них одни безвозвратники, а карначам достается то, что в обменный фонд пустить не грешно. Никто никому не мешал, и обид никаких не было. Борис Романович начал припоминать свои приобретения последних лет. Особых праведников или ярых грешников среди скупленных душ не было, но ведь кто чистилищного поймет? Втемяшил себе в голову, что Даосов ему враг, вот и изгаляется. Но тогда ведь и исполнитель должен быть соответствующий... Даосов содрогнулся и едва не остановил машину. Вот потому ему и не продавали ничего. Точно. Душеприказчики — они тоже люди, хоть и не совсем обычные. Услышали про неприятности Даосова и решили немножечко выждать. Каждому жить хочется, а у чистилищных все запросто: он прошел, и вот нет его; ищу его и не нахожу. Трусом Даосов никогда себя не считал, но при мысли о чистилищных ему стало нехорошо. Волосы даже на бородке дыбиться стали. И было от чего. С чистилищными простыми мантрами бороться бесполезно, да и молитвами их не взять, а вот Каббалой Борис Романович никогда не интересовался и в заклинаниях ее, что могли бы помочь делу, ориентировался плохо. Не то у него образование.

Он прикинул, что будет делать с дорогими душами. Балабанову и Бочкову пока особого применения не было, а вот Маковецкий мог пригодиться. Последнее время поэтические души были в некоторой цене. Новые русские добра уже разного набрали и теперь желали, чтобы их дети похавали культурки. «Надо будет завтра в книжный магазин зайти, — подумал Даосов. — Купить книжку этого самого Маковецкого и посмотреть, что он там кропал». В шибко большой поэтический дар Маковецкого Борис Романович, разумеется, не верил, но и в провинции порой встречаются весьма и весьма приличные поэты, не всем же в столицах пороги издательств обивать.

Машин на проспекте Маршала Жукова почти не было, поэтому реинкарнатор сразу увидел идущий от перекрестка фургон. Фургон был огромен, черен, и фары у него подозрительно не горели. На скорости он вышел на встречную, и если бы Даосов не был уже внутренне готов, то случилось бы непоправимое, но тут он ушел на трамвайные рельсы, машина запрыгала по ним, и фургон промчался мимо, обдав Бориса Романовича чадом и леденящим холодом потусторонней действительности. Конечно, на такой скорости в неосвещенной кабине что-либо разглядеть было трудно, но именно в это время из серых низких туч на мгновение выплыла луна, и Даосов увидел водителя опасного фургона.

Водитель был черен, как эфиоп.

Глава 4

Вернувшись домой уже во второй половине ночи, Борис Романович Даосов долго сидел на кухне и пил чай. Чтобы вернуть душевное равновесие, он даже выпил граммов сто водки, но покой не приходил. Интересно, а кто бы сохранил душевное равновесие, если бы его только что попытались

раздавить грузовиком? А самое главное, причин к такому жестокому обращению с собой реинкарнатор не видел. Каждый занимается своим делом. Борис Романович исключением из правила не был.

Лет десять — пятнадцать назад Борис Романович был скромным младшим научным сотрудником одного из царицынских научно-исследовательских институтов. Работа была не особо пыльной, но и платили за нее не слишком щедро. На хлеб хватало, а на масло приходилось подрабатывать, разгружая вагоны с сахаром и солью на царицынской «Росбакалее». Этот же каторжный труд позволял Борису Романовичу Даосову, которого в те годы иначе как Борьком или Бориской никто и не звал, иметь некоторые карманные деньги, которые он тратил на литературу. Случайно ему попался потрепанный томик какого-то буддийского проповедника, Борис его внимательно прочитал и на долгие годы заболел буддизмом. Вскоре он уже тратил на книги подобного толка и часть скромной зарплаты мэнээса. Это не замедлило пагубным образом сказаться на семейном бюджете. Жена долго боролась с увлечением Даосова, но супруг лишь раскачивался и читал нараспев мантры от злых духов. Неизвестно, сколько бы их борьба продолжалась, но тут родители жены Бориса внезапно умерли, оставив ей кооперативную квартиру в самом центре города на проспекте Ломоносова. Жена махнула на Даосова сразу обеими руками, плюнула на семейное благополучие и ушла жить вместе с пятилетним сыном Иваном в квартиру родителей. Тем их совместная жизнь и закончилась.

Года два Борис Романович прожил в оставленной ему женой однокомнатной квартире, незаметно бросил работу в институте и некоторое время жил по инерции, приобщаясь, как и полагается бывшему интеллигентному человеку, к многочисленному племени пьющих. Постепенно он пропил все свои буддийские трактаты и часть мебели, что не забрала при переезде жена.

Однажды он проснулся в комнате, заставленной пустыми бутылками, увидел в поверхности чайника свою небрирую и опухшую физиономию и на десять лет раньше известного кинорежиссера Станислава Говорухина понял, что так дальше жить нельзя. Но если Говорухин дальше разговоров не пошел, то Борис Романович свои субъективные ошибки преодолевал с решительностью российского учителя, который, устав от безденежья, решился ограбить банк.

Заняв деньги и сдав квартиру своему коллеге по работе Ефиму Самойловичу Кутнику, Борис Романович Даосов выехал в город Душанбе, где некоторое время изучал в библиотеках уцелевшие буддийские трактаты, потом понял, что напрасно теряет время, заплатил деньги бородатым и хмурым таджикским контрабандистам и ушел с ними в горы. Перейдя границу, он некоторое время скитался по горным селениям, пока не оказался в горном монастыре, который назывался дацаном. Там он научился есть цампфу и пить тибетский чай, понял, что убивать живое существо не очень хорошо, но самое главное — Даосов осознал, что у каждого живого существа на земле имеется душа. В сущности, что такое человеческая душа? Набор полевых колебаний, который может сохраняться неограниченно долго. Достаточно, чтобы был постоянный источник для ее подпитки. Вот почему в некоторых домах еще столько нереинкарнированных душ. Рассядутся по сети и близ электрических розеток, энергию сосут. Иной раз по неосторожности или по жадности какая-нибудь душа насосется энергетических излишков и давай светиться. Кто-то говорит — НЛО, кто о привидениях испуганно шепчется, ученые о шаровых молниях толкуют, а это обсосавшаяся энергии душа. Своего рода энергетическая обжора. У Даосова открылась неожиданная способность находить к этим душам подход, и из дацана он вышел признанным реинкарнатором. Однако специалистов подобного рода в горах хватало, некоторые из-за отсутствия фронта работ даже в медитации ушли, а Даосов самоуглубляться и си-

деть за молитвенной мельницей не очень любил, поэтому попросил разрешения вернуться в Россию.

Буддизм в России приживался плохо, и именно поэтому разрешение вернуться на Родину Борису Романовичу дали легко. Некоторые ламы полагали, что пора уже полуазиатскую страну сделать окончательно азиатской и к восточной культуре приобщить. Начали с боевых искусств, потом стали музыку на российские рынки проталкивать, особенно с тантрическими мотивами. С «Камасутрой» народ знакомить стали. Молодежи учебник эротического искусства индийского народа особенно понравился: познакомившись с теорией, народ кинулся в активную практику. Разумеется, за пресыщением наступила обязательная усталость, и, следовательно, можно приступать к ознакомлению широких российских граждан с принципами дзэн и основными положениями восточных философских течений.

Борис Романович Даосов вернулся в родную страну в самый разгар перестройки. Гайдар и Чубайс уже осчастливили народ по полной программе, все, что не смогли украсть они, добрали различные «РДС» и «МММ», которые плодились в больной от реформ стране с кроличьей скоростью. Деньги, которые Ефим Самойлович Кутник ежемесячно откладывал на сберкнижку Даосова как плату за пользование его квартирой, превратились в гроши, на которые не только жить, в гроб ложиться было невозможно, потому что хватить всех этих сбережений могло лишь на целлофановый кулек. Перед Борисом Романовичем встал извечный вопрос российского интеллигента: что делать?

Конечно, он запросто мог открыть школу боевых искусств. В свое время он получил звание боевого дракона и черный пояс чемпиона Гиндукуша, что в условиях малой населенности этого района Тибета сделать было не особенно трудно. Однако Борис Романович не хотел умножать насилие, царившее, по его мнению, в России. Немного подумав и взвесив свои возможности, посоветовавшись с малым российским ламой, Даосов получил от последнего патент на

реинкарнаторство и занял вакантную должность городского реинкарнатора в Царицыне. Природная смысленность Бориса Романовича помогла ему, не нарушая буддийских законов и российского законодательства, открыть в Царицыне индивидуальное частное предприятие «Мистерия жизни», которое за умеренную плату делало то, что на Тибете подобные Борису Романовичу специалисты делали бесплатно.

Выглядел он к тому времени довольно импозантно. Борис Романович был чуть выше среднего роста, но полнота пощадила его, отметив свое скромное присутствие небольшими складками на животе. Да и эти складки были скорее следствием длительных постов, которым Борис Романович подвергался в дацанах. Даосов был русоволос и русобород. Отпущенная в тибетских странствиях растительность мелкими кольцами покрывала нижнюю часть лица, делая Бориса Романовича похожим на басмача Абдуллу из знаменитого советского вестерна «Белое солнце пустыни». Слава Будде, зубы в своих странствиях Борис Романович сохранил, а каких-либо особых отметок в виде шрамов или родимых пятен на лице его не было.

В помощницы он взял первого же кандидата — длинноногую и молоденькую Елену Владимировну Богомаз. Было девице двадцать лет, внешность она имела обманчиво невинную, а очки придавали Леночке строгость школьной учительницы. Оказалось, что за невинной внешностью прятался грешный бес. Вместо «Домостроя» Елена Владимировна Богомаз вечерами читала все ту же «Камасутру», а любовников у нее оказалось столько, что надо было загнуть пальцы на руках и ногах, да и то лишь используя для этой цели пальцы гвардейской роты. Впрочем, это обстоятельство не мешало Елене Владимировне относиться к своим служебным обязанностям со всей серьезностью. И надо было честно сказать, что с обязанностями она справлялось неплохо.

Молодая сотрудница не обошла своим вниманием и работодателя. Даосову в то время исполнилось тридцать шесть лет, был он недурен собой, к тому же, как уже говорилось,

внешностью, особенно бородкой, напоминал хана из знаменитого советского боевика. Надо сказать, что круглосуточные моления в дацанах не прошли для Даосова бесследно. Не то чтобы он был абсолютно равнодушен к женщинам, но вполне мог обходиться без них. Тем не менее чары легкомысленной поклонницы «Камасутры» оказали влияние и на него. В один прекрасный вечер они оказались в постели Даосова. Борис Романович был приверженцем традиционных способов любви. Разумеется, он начал с предписанного «Камасутрой» сорокапятиминутного целования пяточек, а утомленная рестораном и выпитым шампанским Леночка постыдно задремала и все самое интересное пропустила. С этого времени помощница к своему шефу относилась с уважением, называла его «маленьким гигантом большого секса», но попыток к сближению не возобновляла. Даосов воспринял это с глубоким внутренним облегчением, к которому, впрочем, примешивалось и некоторое разочарование.

Предприятие Даосова оказалось неожиданно удачным. Впрочем, неожиданной эта удача была лишь для Бориса Романовича. Российские граждане, воспитанные в эпоху социализма в доверии к государственному аппарату и в ожидании вечной халявы, только и ждали тех, кто захочет их обмануть. Они доверчиво получали ваучеры и сдавали их в инвестиционные фонды, которые, обожравшись ваучеров, лопались, не оставляя каких-либо следов. Российские граждане долго не унывали и продолжали с достойным иною применением усердием искать новых мошенников, вкладывая деньги то в «Русский Дом Селенга», то в «МММ», просто в «Хопер», а то и в «Хопер-инвест». Жажда халявы и доверие были так безгранично велики, что некоторые из граждан попадались на один и тот же голый крючок по нескольку раз. Удивительно ли, что ИЧП «Мистерия жизни» оказалось именно тем предприятием, о которых среднестатистические россияне могли только мечтать. Где еще найдешь предприятие, которое может обмануть тебя в следующей жизни? А умудренные собственным негативным опытом россияне к детищу Бориса

Романовича Даосова относились именно так. В принципе их грела перспектива обмануть самого реинкарнатора: «Вот он, жулик несчастный, возьмет с нас деньги за последующее рождение в новом теле, придет время — где душа? А нет ее, в Аду мы, дорогой товарищ Даосов, паримся, хрен ты нас оттуда достанешь!» Почему-то все ожидали, что попадут именно в Ад, перспектива райского блаженства российским гражданам казалась столь же реальной, как индексирование дореформенных вкладов Сбербанком — может быть, когда-нибудь...

Как бы то ни было, но предприятие Бориса Романовича Даосова процветало. Успехи в бизнесе дали ему возможность приобрести автомашину, двухкомнатную квартиру и сделать евроремонт в офисе. Получилось солидно. В одной комнате сидела Елена Богомаз, выполняющая обязанности секретаря и бухгалтера, в другой сидел сам реинкарнатор. В ящике письменного стола Даосова жила большая мудрая кобра, которая помогала Борису Романовичу уламывать недовольных и упрямых клиентов. Животное было спокойное и в отличие от компаньонки неприхотливое, гонорар брала мышами, да и то не каждый день.

Стержнем ИЧП «Мистерия жизни» был обменный фонд душ, которые Даосов хранил, как и предписывалось трактатами, на острие иглы. Иглы Борис Романович держал в специальных подушечках, которые ложились в деревянную шкапулку, а шкапулка, в свою очередь, запиралась в сейф. Иногда он раскладывал подушечки с иглами на своем рабочем столе и любовался многочисленными ореолами, исходящими от собранных на иглах душ. В основном, конечно, преобладал серый цвет посредственности, который изредка разбавляло розовое мерцание поэтических душ, красноватые художественные блики и бордовые пятна душ, склонных писать прозу и жалобы (надо иметь в виду, что высокохудожественную и оттого правдоподобную жалобу или донос иной раз написать сложнее, чем рассказ в привычной народу манере социалистического реализма); изредка озаряло комнату голубоватое

сияние инженерно-технической души, аквамариновая синева научного работника, желтые искры религиозных душ и иные сполохи, соответствующие основным наклонностям имевшейся у Даосова сути. Конечно, хотелось бы, чтобы в общем калейдоскопе почаще вспыхивали бриллиантовые блески гениальности и таланта, но об этом можно было только мечтать. Редкие карначи могли похвастать, что видели подобные блески в своей коллекции, такими душами можно было завладеть лишь в случае, когда они не проявили себя в предыдущем рождении, обычно же, проявив себя достаточным образом, они непременно попадали в Рай или Ад, за этим чистилишные следили особенно внимательно.

Шкатулкой Борис Романович Даосов особенно дорожил, поэтому категорически запретил своей помощнице лазить в сейф. Запрет этот был опрометчивым, уже на следующий вечер Борис Романович обнаружил в расположении игл видимый беспорядок. Сообразив, что в своей беспечности он сподобился Синей Бороде, Борис Романович вызвал Леночку к себе. Убивать ее в соответствии с сюжетом французской сказки он не стал, а наоборот, сев поудобнее в кресло, долго объяснял девушке, что может произойти, если человек не имеет навыков реинкарнации, приводил ужасные своей недостоверностью примеры, показывал, как неопытные реинкарнаторы теряют свою индивидуальность в результате неправильного обращения с инкарнированными на длительное хранение душами, и с укоризной высказывал мысль о том, что по халатности Леночки они могли потерять основу благосостояния их предприятия. Около четырех часов утра Елена Владимировна Богомаз расплакалась и попросила уволить ее с работы, но увольнять девушку Даосов не стал, а отвез ее домой. Увольнять сотрудника с работы было бы непростительной ошибкой — ведь каждый новый человек мог раскрыть секреты производства, но Елене Владимировне ее начальник все-таки продолжал верить.

Подумав о девушке, Даосов некоторое время обдумывал возможность ее участия в происходивших событиях, но по

здравому размышлению отказался от мысли о такой причастности. Однако оставалось неясным, кому он перешел дорогу. Вроде бы жил — не химичил, на чужое не зарился. Когда подсовывали души, по праву принадлежащие верхним или нижним, сразу отказывался, даже цены не узнавал. Две недели назад, например, предложили Борису Романовичу душу настоятеля Свято-Духовичного монастыря Устима Царицынского. Так ведь он сразу от нее отказался, знал, что это не его товар. А души священников последнее время были в ба-альшой цене! Выгодно можно было бы ее пристроить, желающих хватало. Однако реинкарнатор договоренности соблюдал и настоятельскую душу не приобрел-таки. Так ведь душеприказчик недобросовестный, что Устима Царицынского предлагал, никак не пострадал. Живет себе и даже «вольво» новый купил. И никто его давить грузовиком не собирается, никто не спрашивает, каким образом он святую душу умыкнул, архангелов не дождавшись. Что же, Борис Романович Даосов — крайний? Нашли виноватого! За чужой овес холку мылить взялись!

Нет, определенно на него злились не верхние и не нижние. Были бы верхние, давно бы прилетел Ангел, ахнул бы по предприятию молниями, праха бы от здания не осталось. Да и нижние по таким диверсиям великие мастера были, не в ночь они Борису Романовичу вспомнилось! Нет, на верхних и нижних это вообще было не похоже. А может, чистилищные? Встретиться бы с ними, поговорить... Только как же, поговоришь с ними! Даосов помрачнел. Впрочем, на чистилищных это тоже было не особо похоже. Тогда кто же? Может, конкурент какой объявился? Нет, не выпускник дацана, этих реинкарнатор знал хорошо, и вряд ли кто из дацанских пошел бы на такую подлянку. Но ведь мог кто-то из шаманов или вообще неучтенная самоучка, к которому случайно попали старые списки нужных трактатов. Навострился, стервец, по ним основным реинкарнаторским понятиям и действиям, а теперь жаждет найти применение своим знани-

ям и мастерству, жизненную нишу или материального благополучия, подлюга, ищет.

Даосов выпил еще немного, разделся и в одних трусах пошел стелить тахту. Ветер разогнал тучи, и в окно шаловливо заглядывала огромная клонящаяся к закату луна, поэтому и свет в комнате можно было не включать. Борис Романович лег в прохладную постель, и едва его голова коснулась подушки, как в нее пришла еще одна мысль. Что, если это какой-нибудь клиент недовольный безобразничает? Однако, как Даосов ни вспоминал, ни одного негра из своих клиентов припомнить не мог. Ладно бы это, черный мужик за рулем фургона мог быть простым наемником, но недовольных клиентов Даосов тоже не припоминал. Не было ведь таких! Если бы клиент остался чем-то недоволен, он бы сначала скандалить пришел, ручную кобру реинкарнатора пугал бы. Но ведь не было подобных случаев, никогда не было!

Он попробовал уснуть, но мешала смешливая луна.

Даосов прошел на кухню, допил водку и снова улегся на тахту, закинув руки за голову. Нет, давили его на полном серьезе. Но зачем? Может быть, кто-нибудь из городских группировок шалит? Так ведь нет среди них дураков, чтобы на карнача вздумали бочку катить! Все знают, карначи друг друга держатся, обижать своего не позволят. Коллеги этого карнача виновную душу пасти будут, у чистилищных выменяют, нижним стократно отвалят, лишь бы только душу негодяя заполучить. Он ведь все рождения пройдет, все мучения испытает, все вселения пройдет — от червяка для рыбалки до рожаящей женщины! Не найдется среди царицынской братвы отморозка, что на карнача руку бы поднял. Этот вариант тоже отпадал.

А если все-таки чистилищные? Борис Романович даже поежился в теплой постели. Этот вариант ничего хорошего ему не обещал. И о причинах их недовольства можно было только гадать. Кто знает, какие у чистилищных могут быть интересы. Господи! Да намекнули бы, он с превеликим бы удовольствием чистилищным в любом вопросе навстречу

пошел. Себе дороже с этой братией спорить! В конфликте с ними и сам верховный тибетский лама за тебя не вступится, а уж малый российский лама — тот вообще промолчит или на стрелке чистилищных в их требованиях поддержит. Ситуация!

Даосов зевнул. Водка наконец подействовала, и тело немного расслабилось. Сейчас бы самое время помедитировать немного, попытаться нирваны достичь, но Даосов устал как собака, а потому только лег на бок и прикрылся от наглой луны подушками. Представил себе пространственную вереницу Будд и принялся неторопливо считать их. На сто четвертом Будде Борис Романович уснул. Луна разочарованно улыбнулась и ушла за облака. И зря она это сделала, потому что не увидела сна, который Даосову приснился.

А приснился Даосову Ангел. Ангел был какой-то тоскливый, потерянный, с понурыми белыми крыльями, из которых в разные стороны торчали перья. Печально взглянув на Даосова, Ангел сказал:

— Что ты делаешь, Боренька? Ну что ты делаешь?

— Чего тебе? — спросил Борис Романович без особой радости от видения. А чему, собственно, радоваться, не новое воплощение Мантрейи снится! Сами понимаете, что Ангелы, как и черти, к добру не снятся!

Ангел склонился и заглянул в душу реинкарнатора большими голубыми глазами.

— Ты зачем, Боренька, женские души в мужские тела вселяешь? — горько спросил Ангел. — Разве ты не знаешь, что потом с этими мужиками бывает?

— Знаю, — честно признался Даосов.

— Знаешь и делаешь, — всплеснул Ангел крылами. — Разве ты не знаешь, что грех это? Разве не боишься гнева Отца нашего? Содом и Гоморру забыл?

— Да иди ты, — сказал Ангелу Даосов. — Спать мешаешь! И Ангел пошел.

Некоторое время большие растерянно расставленные в сторону крылья его виднелись сквозь окружавший Даосова

туман, потом не стало видно и их. Только слышался скорбный шепот:

— Что ж ты делаешь, Боренька? Что ж ты делаешь? И зачем ты, Боря, педиков на белом свете плодишь?

И в самом деле — зачем? Никто Бориса Романовича делать это не заставлял, и особой цели у Даосова не было. Так, любопытство одно.

Любопытство и озорство.

Глава 5

Самое опасное в административно-управленческой работе — проявлять инициативу. И ведь знал об этом Игорь Дмитриевич Куретайло, не раз уже обжигался, проявляя излишнюю самостоятельность во времена разгула критики и самокритики. А вот не сдержался, посчитал, что угадал мысли своего руководителя. И ошибся. Не иначе как в отделении Союза писателей лишнюю рюмку выпил. Или, как отметили бы служители религиозного культа, гордыня обуяла.

Собственно, а кто бы на его месте поступил иначе? В администрации Центрального района ему дали тощенькое дело юридического лица ИЧП «Мистерия жизни». Как вы думаете, чем этот самый Борис Романович Даосов занимался? В жизни вам не догадаться! Души он за умеренную плату переселял. Черным по белому значилось в уставе товарищества, что создано оно для вторичного использования душ умерших, не прошедших калибровку Чистилища. Вы когда-нибудь такие формулировки в частном бизнесе встречали? Ну ладно, народные целительницы там или, скажем, выпрямители кармы. С этими все ясно. С предсказателями типа П. Глобы тоже все ясно. Поглядел на ночное небо, открыл там для себя планету Приап и шуруй, передавай информацию от братьев по разуму о нашем завтрашнем дне. Но вто-

ричная переработка душ? Явным мошенником был Борис Романович Даосов, и на свободе он, по мнению Куретайло, обретался непозволительно долго. Надо было еще внимательно посмотреть, кто ему санитарно-медицинское свидетельство выдал и за какую взятку. Чувствовал, нутром чуял Куретайло, что без участия его конкурента Санжапова здесь не обошлось.

И вот тут эта самая гордыня Игоря Дмитриевича и обуяла. А может, бес его попутал, только связался он по телефону с начальником отдела по борьбе с экономическими преступлениями полковником милиции Ивановым Андреем Андреевичем и саркастически спросил его, как же это так выходит, что российский народ нагло грабит прямой продолжатель и последователь дела Мавроди, а милиция его охраняет? И не желает ли сам Иванов Андрей Андреевич себе две жизни отхватить: одну, чтобы взятки в достаточном количестве с нечестных предпринимателей набрать, а другую — чтобы потратить полученные деньги на различные удовольствия и излишества?

— Не по-нял! — сказал в телефонную трубку полковник Иванов. — Ты мне, Игорь Дмитриевич, часом не из сауны звонишь? Может, перегрелся с девочками? А то я тебя прямо не узнаю: голос, ну просто удивительно похожий на голос заместителя нашего губернатора.

С того самого времени, как человека, похожего на Генерального прокурора республики, засекли на блатхате с двумя проститутками, весь административный аппарат, включая правоохранительные службы, был так очарован находкой телеведущих, назвавших его похожим на Генерального прокурора, что в сомнительном случае оказавшегося в неприятной ситуации чиновника или предпринимателя никто по фамилии и должности не называл, а эвфемизмом пользовались — дескать, человек, похожий на и далее — имярек.

— Ладно, — сказал Игорь Дмитриевич, сухо посмеявшись шутке милицейского начальника. — Ты приезжай, посоветоваться надо.

Полковник Иванов, хотя порою и проявлял излишнюю самостоятельность, все же хорошо понимал, что, коли тебя первые лица области зовут, надо поспешать если и не на полусогнутых, так обязательно рысью. Поэтому он уже через полчаса листал в кабинете Куретайло тоненькую папочку упоминавшегося выше юридического лица, сокрушенно покачивая головой. Комплекция у него была как раз на полковника, может быть, даже на генерал-лейтенанта тянула. Несколько обрюзгшее лицо Иванова и темные подглазники ясно указывали на то, что из всех видов спорта он жалуется лишь один, который в официальные спортивные программы никогда не включался и включаться не будет. Мясистый в красных прожилках нос украшали старомодные очки, неестественно увеличивающие глаза и делающие их более пронизательными и умными, чем на самом деле.

— Все по закону, — сказал он. — Регистрация пройдена, необходимые пошлины уплачены, санкция нашей медициной дана. А налоги с него пускай служба Малкова спрашивает, нам главное, чтобы у государства не воровал и общественный порядок не нарушал. Чем он тебе не нравится, Дмитриевич? Да ведь и нужным делом человек занимается, за вторичную переработку взялся, у нас и так экология загажена до невозможности. По моему разумению, области таких людей поддерживать надо.

Куретайло взвился.

— Да ты внимательнее почитай! — завопил он. — Ты погляди, что он во вторичную переработку взял! Вникни, миллицейская твоя голова!

Иванов вновь пододвинул к себе папочку, надел очки и с выражением прочитал:

— «Товарищество создано для вторичного использования душ умерших, не прошедших калибровку Чистилища...» Что ж ты так сердце надрываешь, Дмитрич? Правильно товарищ пишет. Все как у нас. Тот, кто правила общежития соблюдает, на воле гуляет, нарушители злостные в зоне сидят. Но есть ведь и еще одна категория граждан! Те, которым условно дают! Их ведь исправить можно. Государственно мыслит

этот самый... — полковник глянул в анкету, — Даосов Борис Романович. Понимает товарищ, что общество наше лечить надо!

— Это тебя надо лечить! — дернул плечами заместитель губернатора. — Вы там совсем с процентом раскрываемости ошалели, чушь всякую нести стали.

Главный борец с экономическими преступлениями в Царицынской области обиженно бросил документ на стол.

— Может, мы и в невеликих чинах, — сказал он, пряча очки в карман форменной рубашки, — но оперативной обстановочкой владеем. Вот, скажем, есть такая фирма турецкая, «Аврорус» называется...

Куретайло поперхнулся.

— Андрей Андреевич, — ласково развел он руки в стороны. — Я ж тебя не ругаться позвал, советоваться! Ну ты меня тоже пойми, не понравился этот самый Даосов нашему губернатору. А может, и дорогу где перешел! Надо с этим Даосовым... Ну, ты сам понимаешь, чтобы и фирмы, как говорится, целы, и губернатор сыт.

— Это другое дело, — уже добродушно прогудел страж государственной экономики. — Теперь ты, Игорь Дмитриевич, изъясняешься по-военному. Кратко, так сказать, и ясно. Задание усвоил, господин заместитель губернатора, разрешите исполнять? — И полковник шутливо отдал правой рукой честь — так, словно она у него и в самом деле была.

— Ты погоди, погоди, — сказал Куретайло. — Так что мне Ивану Николаевичу доложить?

Полковник подумал.

— Будем заниматься, — сказал он. — Документики изымем, прижмем маленько. Пусть только Жухрай установку четкую даст.

Всегда бы он так рассуждал! А еще бы лучше — действовал!

— Вот и славно. — Успокоенный словами полковника, Куретайло полез в тумбу стола и достал оттуда две стопки и бутылку коньяка.

— Это не для меня, — сипло и испуганно сказал Иванов, торопливо посмотрев на часы. — Мне в двенадцать еще к генералу на доклад идти. Не дай Бог, унюхает!

— Не унюхает, — уверенно сказал Куретайло. — Я его с председателем областного суда час назад у «Радгоста» видел. Ты ведь не думаешь, что они туда минералки попить поехали?

Полковник так не думал, а потому взял свою стопку смело и даже радостно.

Оставшись один, Куретайло откинулся в кресле и долго лежал с закрытыми глазами. «Вот гаденыш! — подумал он с раздражением. — Фирма «Аврорус» ему не понравилась! Не дай Бог еще Жухраю капнет, тогда вообще никакой выгоды, одни неприятности останутся. Интересно, кто же на меня настучал? «Стук-стук, это я, твой друг...» С такими друзьями и врагов не надо, со спокойной душой можно сразу идти сдаваться. Да, Андрей Андреевич, показал ты клыки. Только мы ведь тоже не травоядные, хотя и любим капустку «зеленую». А вот с «Мистерией жизни» этой самой полковник прав. Даосова под корень рубить не стоит, посмотреть надо, вдруг и с вторичной переработки душ можно свою выгоду поймать. Пусть его менты немножечко подавят, на излом проверят, а там уже и свои выводы сделать можно будет. А губернатору доложим все как надо. Мол, срубили голову гидре, больше и не поднимется никогда, не станет свои мелкособственнические идеалы лелеять».

Вот тут Игорь Дмитриевич Куретайло и испытал легкую тревогу. А собственно, с чего он решил, что Жухрай этого самого Даосова давить решил? Может быть, у Ивана Николаевича как раз противоположные интересы! Под ложечкой засосало. Посидев немного, Игорь Николаевич поднял трубку прямой связи с губернатором. Того в кабинете не было. Секретарша сказала, что Жухрай поехал по предприятиям и до конца дня его не будет. Формулировку эту Куретайло знал хорошо, понимал, что если губернатор поехал по предприятиям, то и искать его не стоит. Так уж заведено было с незапамятных времен. Губернатор уезжал по предприятиям. Прокурор отправлялся осу-

ществлять общий надзор. Главный милиционер области в этих случаях отправлялся на координационное совещание. Мэр города отправлялся на смычку с селом. Общим было одно — никого из названных лиц найти было невозможно и даже не стоило искать. Все эти уважительные причины назывались для того, чтобы руководители могли предаться охоте на фазанов в Крайнеахтубинском районе.

Подумав немного, Куретайло позвонил Иванову. Борьба с экономическими преступлениями спешки не любит, но предупредить Андрея Андреевича, чтобы тот поспешал еще медленнее, было просто необходимо. Секретарша полковника Иванова сообщила Игорю Дмитриевичу, что Андрей Андреевич Иванов убыл в район на проведение оперативных мероприятий. Эвфемизм этот означал, что товарища полковника также не стоило искать до конца рабочего дня. На фазанов охотиться он скорее всего не поехал, а вот оперативные мероприятия у полковника могли быть самыми неожиданными.

Куретайло прошелся по кабинету, постоял немного у окна, барабанил пальцами по пластиковой раме, потом вышел из кабинета и сказал секретарше, что до конца рабочего дня его не будет — уезжает на строительство одного из объектов спортивного городского комплекса. Секретарша сделала запись в журнале и даже не улыбнулась, хотя прекрасно знала, что означают слова шефа: он собрался на дачу в Белослободск, причем с любовницей, потому и машину служебную не берет.

Дождавшись, когда шеф уйдет, секретарша подняла трубку и позвонила в транспортный отдел своей знакомой Аллочке Звонецкой.

— Алюся? — радостно сказала она. — Мой смылся. Ну да, насовсем. Не будет его сегодня. Приходи, чаю попьем. И вырезки захвати.

Куретайло между тем сел в свою машину, немного подумал и достал сотовый телефон. Андрей Андреевич Иванов отозвался не слишком быстро, похоже было, что он свой

мобильник оставил в машине и не сразу до него добрался. Из этого Игорь Дмитриевич сделал вывод, что главный борец с экономической преступностью выпивает с приятелями где-то на природе. И точно, голос у Андрея Андреевича был каким-то нетвердым, хотя и властным.

— Андрюша, — ласково сказал Игорь Дмитриевич. — Это Куретайло тебя беспокоит. Я тут подумал немного, и вот что: ты пока эту самую «Мистерию жизни» не трогай, давай лучше прямых указаний Ивана Николаевича дождемся.

— Поздно ты спохватился, — засмеялся в трубку Иванов, и заместитель губернатора понял, что его собеседник все-таки уже изрядно принял на грудь. — Я как к себе приехал, так сразу своего Глазкова в эту самую «Мистерию жизни» и направил.

— Вечно так, — сказал раздраженно заместитель губернатора. — Как надо, вас не допросишься, а если нужно подумать немного, выясняется, что вы уже все сделали. И как всегда, в ущерб делу!

Полковник посопел в трубку.

— Что-то я тебя не понял, — с пьяной медлительностью сказал он. — Ты же сам, Игорь Дмитриевич, меня сегодня просил? Я все сделал как договаривались, а ты мне это в вину ставишь? Подставить меня перед Жухраем решил? Это ты зря...

Куретайло поморщился и поспешил прервать неприятный разговор. Не дай Бог, опять про «Аврорус» вспомнит! Дался он этому милицейскому бурбону!

— Ты погоди, — сказал он. — Не об том речь, Андрей Андреевич, я к тому, что не ты, я сам виноват. Поспешил малость, понимаешь? Надо было все-таки команды Жухрая дожждаться. Боюсь, напылим мы с тобой, а он нам за это шкурку наизнанку вывернет!

Полковник Иванов опять раздумчиво посопел в трубку.

— Так я не понял, — сказал он. — Мне что, позвонить Глазкову, чтобы он не лез пока в эту самую «Мистерию»?

— А ты можешь с ним связаться? — с надеждой спросил Куретайло.

— Обижаете, — засмеялся на другом конце города полковник. — У меня все как у больших, все сотрудники с пейджерами бегают, любого и в любое время достать могу!

— Тогда достань, — сказал с облегчением Игорь Дмитриевич. — Пусть пока не суются туда, просто присмотрятся, чем там этот Даосов на самом деле занимается.

Выключив сотовый телефон, Игорь Дмитриевич Куретайло удовлетворенно усмехнулся. Вот теперь можно смело ехать в Белослободск, только сначала следовало заскочить в магазин за пивком, да и секретарша Анечка из этого самого «Авроруса» его уже, похоже, заждалась. Куретайло посмотрел, свободна ли улица, и тронул машину с места.

Вряд ли он был бы так спокоен, если бы видел, с кем отдыхает на природе Андрей Андреевич Иванов. И не дай Бог было это Игорю Дмитриевичу увидеть — инсульт бы его поразил быстрее всякого грома. Потому что у стола, на котором грудями лежала снедь и заманчиво поблескивали бутылки, стоял ненавистный соперник областного руководства — мэр города Царицына Валерий Яковлевич Брюсов. Был он высок, худощав и лысоват. У мэра было удлиненное лицо, на котором выделялись карие глаза. Как всегда, мэр был в свитере и джинсах. На одежду Валерий Яковлевич никогда не обращал особого внимания, а вот на разговоры, касающиеся власть имущих, он всегда реагировал остро.

— Курочка звонила? — спросил мэр, выбирая в дымящемся шашлыке кусочек попостнее.

— А кто же еще меня будет на отдыхе доставать? — удивился полковник, жирными пальцами набирая номер диспетчера. — Девушка, абоненту 201, повторите два раза: «Гена, поручение отменяю. Свяжись по сотовому. Шеф».

Он положил телефон на стол, вытер руку салфеткой и поднял стакан.

— Тост можно, Валерий Яковлевич?

— Валяй! — благодушно разрешил мэр.

— Давайте выпьем за то, чтобы мы с вами шли по лесу и на нас напали деньги, а мы с вами, Валерий Яковлевич, не смогли от них отбиться!

От костра, на котором жарились шашлыки, засмеялись водители. Хорошо было в лесу! Пахло хвоей и свежей теплой землей, где-то неподалеку журчала ручейком бывшая речка Царица, в кустах свиристела птичья мелочь, а по голубому небу медленно плыли редкие белые облака.

Брюсов благосклонно улыбнулся и поднял свой стакан.

— А что это за «Мистерия жизни», о которой наш Курочка печется? — спросил он с напускным равнодушием.

— Жулики, — сказал Иванов, накладывая ломтик буженины на кусочек булки. — Что-то вроде экстрасенсов и предсказателей. Вы Глобу или Алана Чумака по телевизору видели?

— Я их, Андрюша, не только видел, — сказал Брюсов. — Я с ними и в кабаках сидел. Так что ты там о «Мистерии жизни» говорил?

— Товарищество с ограниченной ответственностью, — сказал полковник Иванов. — Организовал его какой-то Даосов. И знаете, чем они занимаются? В жизни не догадаетесь! У них в уставе черным по белому записано: вторичным использованием душ умерших, не прошедших калибровку Чистилища. Вы когда-нибудь такое встречали?

Он снова разлил по стаканам.

— А вот еще тост, — поднял он свой стакан, грузно навалившись грудью на стол. — Когда человек рождается, с небес спускается Бог и целует новорожденного. Поцелует в голову — ребенок станет бизнесменом или ученым, в руку поцелует — будет мастером или музыкантом, в ногу поцелует — будет спортсменом или танцором. Так выпьем за то, чтобы при рождении наших детей Бог никогда бы не целовал их, как Борю Моисеева!

Можно было бы улыбнуться, но Брюсову было не до того.

— погоди, — сказал мэр. — Ты мне скажи, эту самую «Мистерию» Курочка опекает?

— Я еще не понял, — сказал Иванов. — Вроде бы Жухрай на эту фирму запал, но что ему надо, я так и не понял. Темнит Куретайло. То, говорит, за вымя их возьми, а через некоторое время вообще просит не трогать. Темная история, Валерий Яковлевич!

— С кем ты, Андрей Андреевич? — спросил Брюсов. — Ты меня поддерживаешь или Жухрая?

— Обижаете, — со слезой в голосе сказал Андрей Андреевич. — Ясно же, как песня, что на выборах Жухрая прокатят со свистом. А кто его главный конкурент? Вы, Валерий Яковлевич! И мы вас поддержим! — Видно было, что Иванов уже выпил достаточно, чтобы стать словоохотливым и слезливым. — Да вы для меня, Валерий Яковлевич, столько сделали! Да я за вас! — Полковник едва не задохнулся от охвативших его чувств.

— Я думаю, не зря они на эту фирму нацелились, — похрустывая соленым огурчиком, сказал Брюсов. — Как ты думаешь, зачем им она?

— Ошкурить хотят, — без особых раздумий сказал начальник управления по борьбе с экономическими преступлениями.

— Дай-то Бог, — задумчиво сказал мэр. — Значит, так, Андрюша. Фирму эту ты пока не тронь, а вот справки о ней наведи обязательно. Сделаешь?

— Спрашиваете! — Иванов выпил и торопливо зашарил взглядом по столу, шумно выдыхая воздух. — Сделаем, конечно! А хотите анекдот?

— Что? — Мэр Царицына задумчивым невидящим взглядом посмотрел на собутыльника.

— Анекдот рассказать? — повторил полковник.

— Анекдот? — Мэр плеснул в стакан. — Давай свой анекдот. Только чтобы не бородатый был и смешной.

— Знаете, почему милиционеры ходят по трое?

— Откуда? — удивился Брюсов. — Я в ваших делах не специалист! А они действительно ходят по трое?

— Стандартный наряд, — засмеялся полковник Иванов. — Так вот, один из них умеет писать, но не умеет читать. Второй, ха-ха, умеет читать, но не умеет писать, а третий, который не умеет писать и читать, приставлен присматривать за этими опасными интеллигентами! — И начальник управления по борьбе с экономическими преступлениями жизнерадостно заржал.

Валерий Яковлевич Брюсов посмотрел на часы.

— Хорошо в лесу, — с сожалением сказал он. — Но надо ехать.

— Куда? — удивился Андрей Андреевич. — Я баньку заказал, девочки есть верные, из тех, у кого рот на замке...

Насчет девочек со ртом на замке у Валерия Яковлевича были свои соображения, но делиться ими с милицейским руководителем не стал. Сам должен соображать, что мелет!

Вместо ответа Брюсов посмотрел на водителей.

Водители сидели на бревнышке около костра и ели шашлыки. Видно было, что занятие это водителям нравится и жалеют они, что выпить им под такую закуску нельзя. Валерий Яковлевич их хорошо понимал.

— Хорошо бы, — с видимым сожалением сказал он. — Но не могу, у меня сегодня еще деловая встреча. Ее мне откладывать никак нельзя. Ладно, — он беззаботно махнул рукой, — не последний день видимся. Ты мне лучше вот что скажи: с деньгами у тебя все получилось?

— Обижаете! — снова засмеялся начальник УЭП. — Еще вчера в предвыборный штаб передал.

— Никто не кочевряжился? — поинтересовался мэр. — Без слов дали?

— Какие вопросы, Яковлевич! — несколько фамильярно воскликнул собутыльник. — Им ведь самим этот Жухрай поперек горла стоит. Он же в одного жует, никого к кормушке не подпускает. Куретайло его с «Аврорусом» свой гешефт имеет, а Жухрай со всего!

— Ладно. — Мэр Царицына призывно махнул рукой водителю, уже вытирающему руки. — Про «Аврорус» ты мне уже говорил. И про секретаршу Аннушку тоже. Это мы бу-

дем иметь в виду. Все. Поехал я, Андрей Андреевич. А ты не торопись, погода-то глянь какая прекрасная. Сам бы не уезжал, если бы не дела.

Полковник Иванов некоторое время смотрел, как петляет машина мэра по узкой лесной дороге, потом подозвал водителя:

— Собери тут немного, Славик, а то Салатников в бане небось уже слюной изошел.

Подумал, хмыкнул и добавил:

— А если телки пришли, так вообще «скорую помощь» вызывать надо!

Глава 6

Мэр города Царицына Валерий Яковлевич Брюсов в семейной жизни был счастлив и несчастлив одновременно. Женился он, будучи директором Царицынского центрального гастронома, на старшем продавце того же гастронома Анне Леонидовне Кулагиной. Должность, занимаемая супругой, обязывала. Анна Леонидовна была властной и волевой женщиной и за семейное счастье боролась так же активно, как и за естественную убыль в своем отделе, которая всегда являлась немалым приварком к зарплате. Встав у руля новой советской семьи прямо перед достижением Россией независимости от Советского Союза и всех населяющих его народов, Анна Леонидовна быстро сообразила экономические перспективы большой политики и погнала мужа во власть. Время было противоречивое, старые и бессменные политики уже всем надоели, а новые еще только пытались понравиться массам на митингах своими зажигательными речами и отрицанием всего того, чему они поклонялись ранее. Валерий Яковлевич вступил в партию, а через неделю публично сжег на площади Борцов за революцию свой новенький партби-

лет, после чего зарегистрировался в кандидаты на пост мэра города. Должность директора центрального гастронома и возможность манипулировать поступающими в него товарами в пользу избирателей сделали свое дело — Валерий Яковлевич Брюсов стал мэром Царицына.

Незадолго до этого у него родился сын, которого в честь деда Валерия Яковлевича назвали Михаилом. Будучи властной супругой, Анна Леонидовна оказалась и суровой матерью, которая не только хорошо знала, что нужно ее мужу, но и прекрасно понимала, что необходимо ее ребенку для правильного развития и воспитания. Отныне все полученные деньги Валерий Яковлевич сдавал в семейный бюджет, отчитывался перед супругой за каждый прожитый день, а за каждое появление в доме с запахом спиртного подвергался суровому разному.

Первые подозрения, что с ребенком не все благополучно, у счастливых родителей возникли сразу после выписки усталой, но довольной матери с новорожденным из родильного дома. Малютка лежал в кровати, задумчиво и капризно выпячивая пухлые розовые губки, открыл еще не налившиеся философской глубиной ясные глаза и хриплым застуженным басом потребовал:

— Пива!

Ошарашенные происходящим родители промолчали. Обиженный их невниманием малютка замолчал на долгих три года.

Во всем виновата была, конечно же, Анна Леонидовна, а Валерий Яковлевич всего лишь бесхребетно пошел у нее на поводу.

Каждый родитель мечтает о гениальном ребенке. Это аксиома, не требующая дополнительных доказательств. Пусть не Эйнштейн, не Ландау, не Лермонтов — великих талантов, ясное дело, на каждого ребенка не напасешься. Но если повзрослевший ребенок добивается административно-командных высот или к тридцати годочкам вступает в Союз писателей, то счастливые родители считают свою воспитательную

задачу выполненной и заслуженно гордятся отпрыском ничуть не меньше, чем это делал бы папа того же самого Эйнштейна или, скажем, мама Евгения Евтушенко. При этом присущие домашнему гению и таланту недостатки возводятся в ранг своеобразных достоинств и считаются продолжением характера. Что поделаешь — свое чадо, не чужое!

Конечно, милое дело, когда талант у ребенка является наследственной чертой. Родители, скажем, актеры, а дочь стихи пишет, сынок на скрипке пикирует. Тут уж все ясно — яблоко от яблоньки недалеко падает. А если родители дитяти обычные торговые работники, мечтающие о гении? Тогда основной упор делается на воспитание или на связи. Больше, конечно, на связи. Гениальность — это черта, которая может быть сформирована окружением. Главное, чтобы тебя считали гением, тогда ты им и будешь. Супруга Валерия Яковлевича, которая, как уже говорилось, до замужества работала старшим продавцом того же магазина, о дефиците знала все и справедливо полагала, что талант, как и всякий узко распределяемый товар, можно купить. Известное дело, такая дефицитная вещь, как талант, на прилавках не лежит, но ежели с умом и усердием, как говорится, используя личные связи, да к тому еще щедро приплатить, то ребенок без таланта, конечно же, не останется. А мечтала Анна Леонидовна о том, что их ребенок станет гениальным поэтом, переплюнет всяких там Евтушенок и Вознесенских, ну разве что Пушкину с Лермонтовым немного уступит. Понятно ведь, что большое поэтическое дарование, достойное народного гения, стоит огромных денег, никаких гастрономических возможностей для его приобретения не хватит.

Было самое начало девяностых годов, и дефицит постепенно выходил на свои лидирующие позиции в обществе. Спор физиков и лириков уже давно уступил место спорам продавцов и покупателей; водка — это универсальное мерило общественно полезного труда — пока еще продавалась по талонам; профессии заведующего складом и товароведа постепенно становились все более уважаемыми, а на «барахол-

ке» у спекулянтов, плодящихся, как моль в набитом добром сундуке, можно было при определенном достатке и усердии купить все — от штатовских джинсов до черной браконьерской икры в трехлитровых стеклянных банках. Материальных возможностей уже не каждому хватало, и, восполняя потребности общества, появились всякого рода экстрасенсы, колдуны и маги, которые, впрочем, возможности свои пока еще всячески скрывали, потому что возможности эти законом в то время квалифицировались как мошенничество, а проще говоря — злоупотребление доверием. Однако деньги на этом все-таки зарабатывали, а как говорят искушенные американцы — без паблисити нет процветания. Правда, рекламных газеток в то время еще не было, но слухи расползались по городу с невероятной быстротой. Мода на колдунов и экстрасенсов пришла вместе с появлением на телевизионных экранах Кашпировского и Чумака.

Услышав от знакомых, что в Сарепте живет экстрасенс и народный целитель Иван Неплавный, супруги Брюсовы сразу же к нему отправились в надежде похлопотать за будущее своего сына, который в то время уже активно стучал ножками в живот Анны Леонидовны. Иван Неплавный к тому времени в Царицыне пользовался большим авторитетом. Во-первых, он одному армейскому прапорщику грыжу без операции вправил. Во-вторых, парализованных калек, просящих милостыню у местной церкви, заставил бежать с паперти. Но самое главное — он начальнику Красноармейского райотдела милиции ход очередной коллегии предсказал и, что совсем уж было невероятно, научил, как выпутаться из неприятностей. Правда, находились недоверчивые атеисты, которые в эти чудеса не особо верили: мол, армейскому тому прапорщику достаточно было трибуналом пригрозить, у него не только бы грыжа рассосалась, хватательные-носительные рефлексы тотчас бы исчезли. А якобы парализованные калек и вовсе абсолютно здоровыми жуликами были, паразитировавшими на вечной жалости доверчивой массы простых верующих. И заставить их бежать с паперти особого труда

даже ментам не составило бы, не делись с ними эти самые калеки своими нетрудовыми доходами. А что касаясь начальника милиции, то его от неприятностей спас не Иван Неплавный, а взятка, врученная перед началом коллегии начальнику штаба местного управления товарищу Макищенко, уж об этом-то Валерий Яковлевич как мэр города знал лучше других, но старался в это не верить и частенько говорил, что злые языки страшнее пистолетов! И неудивительно, ведь Николай Иванович Макищенко был его лучшим другом. Но, как говорится на мудром Востоке, собака лает — караван идет. В городе Царицыне об экстрасенсе Неплавном заговорили шепотом и с боязливым уважением. Иван Неплавный приближался к юбилейному шестидесятилетию, но был еще дороден и крепок. Внешне он походил на хитрого бая из узбекских народных сказок. Выслушав просьбу супругов, почесал густую нечистую бороду, согласно кивнул кудлатой с намечающейся на темени лысиной головой и объяснил, что наделить ребенка поэтическим талантом особой трудности для него не составляет, реинкарнатора сейчас у города нет, и, наоборот, у него, Неплавного, есть на примете ряд свободных поэтических душ, тот же, скажем, Михаил Светлов или Иосиф Уткин, но стоит такая работа будет более чем прилично: поэтические души всегда в цене, а уж истинные таланты...

Услышав про Светлова, Валерий Яковлевич поморщился, но, посмотрев на супругу, сразу же сказал, что благодарность его будет безмерной. В разумных, разумеется, пределах. А «Гренаду» и «Каховку» он в детстве распевал у пионерского костра, и поэтический дар Михаила Аркадьевича Светлова его совершенно устраивает. Анна Леонидовна проформы ради поинтересовалась и Иосифом Уткиным, она даже приобрела в букинистическом магазине сборники стихов сразу обоих поэтов и несколько вечеров придирчиво сравнивала их поэтические дарования. Наконец она захлопнула оба тома, подняла на супруга задумчивые влажные глаза и певуче сказала:

— А Мишенька позвончее, поярче будет! Да и не в наше время сына Иосифом называть, люди неизвестно чего подумают могут! Доказывай потом, что ты не из жидков производишь!

Через четыре месяца в семье Брюсовых появилось долгожданное пополнение. К тому времени экстрасенс и народный целитель Иван Неплавный обзавелся в Сарепте небольшим уютным особнячком, а родившийся у супругов Брюсовых сын Мишенька с самого рождения был наделен большим поэтическим даром, о котором и сам еще не подозревал.

В год и два месяца Мишенька пошел, в два годика украл из папиного кармана десятку, а в три, прервав долгое и томительное молчание, обругал домработницу Клавдию, используя для этого такие обороты ненормативной лексики, что сразу стало ясно: в семье растет крупный филолог и не менее крупный лингвист. В четыре года Миша овладел алфавитом и в пять уже мог прочитать свои стихи, написанные до рождения. При этом он мило картавил и упрямо вздергивал подбородок. Примерно в то же самое время в тетрадках, заботливо купленных Анной Леонидовной, появились первые, еще неуверенные строки будущего поэта. «Мама мыла раму, — высунув от усердия розовый язычок, старательно выводил малыш. — Миша кушал кашу». И даже в такой мелочи Мишенька врал. Кашу он не любил, а раму мыла не мама, а домработница Клавдия. Вообще Мишенька рос живым и любознательным ребенком, однако новые стихи будущий гений, как ни добивались от него родители, писать не хотел. Более того, подсовываемые ему листы писчей бумаги Мишенька предпочитал заполнять не поэтическими строчками, а примитивными рисунками, доступными любому ребенку. Достаточно было на эти рисунки взглянуть, чтобы сделать единственно верный вывод: не Пикассо над ними трудился и даже не известный в Царицыне Кугель-Заплавский. Несколько разочарованный Валерий Яковлевич попытался тайком от жены выбить из сына художественные устремления, и в какой-то мере ему это удалось. В один из

счастливых дней Валерий Яковлевич обнаружил в спальне домашнего гения листок бумаги с коряво выведенным двустешием:

Убивают гүмкү, убивают.
Через пону гүмкү ыабивают!

— Аня! Аня! — закричал воодушевленный отец и помчался на кухню, размахивая листком с первым поэтическим творением сына. — Ты только послушай!

Анна Леонидовна выслушала взволнованную декламацию мужа со слезами радости на глазах. Подхватив с пола юного гения, она осыпала лицо Мишеньки тысячью поцелуев. Вечер этого чудесного дня ознаменовался чаепитием с огромным тортом. Первое поэтическое творение сына Валерием Яковлевичем и Анной Леонидовной было прочитано по телефону всем своим родственникам и просто знакомым, причем заслужило самые высокие оценки.

Однако первый поэтический успех одновременно оказался и последним. В день, когда Михаилу Брюсову исполнилось семь лет, Анна Леонидовна обнаружила его в спальне с полупустой бутылкой «жигулевского» пива. Глядя на истерику матери, Мишенька весело засмеялся и стал показывать ей язык, время от времени не по-детски умело прикладываясь к бутылке.

Тяга ребенка к спиртному и полное нежелание его отдаваться творчеству вновь возбудили у супругов Брюсовых самые черные подозрения. Желая развеять эти подозрения, супруги Брюсовы обратились к известному в городе медиуму Семену Второвертову с просьбой вызвать душу поэта Михаила Светлова и допросить ее о нынешнем месте пребывания. Семена Второвертова им особо уговаривать не пришлось. Уважая Валерия Яковлевича как мэра города и увидев, что сумма обещанного гонорара за услуги обрела три последующих за цифрой нуля, медиум дал согласие на вызов требуемого духа и даже собственноручно доставил в квартиру Брюсовых круглый спиритический столик. Вызов духа покойного

советского поэта Михаила Светлова состоялся в полночь. Свет в комнате был погашен, шторы плотно прикрыты. Спириты сидели за столиком, испуганно взявшись за руки. Некоторое время Второвертов гнусаво читал какие-то заклинания, потом объявил, что вызывает душу Светлова. Столик под сцепленными руками супругов Брюсовых дернулся, зашевелился, словно живой, и Анна Леонидовна страшным шепотом принялась читать «Отче наш». Второвертов сердито дернул ее за руку, но тут послышались шлепающие шаги босых ног. Душа приближалась. Тут уже и сам медиум ощутил холодок в груди, поскольку вызванная им душа самостоятельно явилась впервые. Душа остановилась рядом со столиком, шумно сопя, задвигала стулом, и Анна Леонидовна, закусив губу, чтобы не закричать, больно стиснула руки мужа и медиума. В комнате вспыхнул свет, и спириты увидели стоящего на стуле Мишу. Ребенок был в одной ночной рубашечке. С нескрываемым торжеством жандарма, неожиданно раскрывшего заговор, Мишенька вглядывался в потрясенные лица родителей.

— Ни фиги себе! — озадаченно и вместе с тем озаренно пробормотал медиум Второвертов, вцепившись обеими руками в острую рыженькую бородку. — Ни фиги себе! Я так и думал!

— Мишенька, — слабо сказала Анна Леонидовна и страдальчески закатила глаза. — Что ты здесь делаешь?

Сын покачнулся на шатком стуле, но удержался. Глаза его жарко и вдохновенно горели.

Хорошая женщина Лида
в подъезде напротив живет, —

с чувством продекламировал ребенок, топая босой ножкой.

И папа частенько заходит
погладить ей теплый живот.

Малютка — он и есть малютка. Услышал где-то и повторяет... Такое в шесть лет не сочиняют, житейского опыта недостает.

— Светлов, — безапелляционно сказал медиум, скидывая густые брови. — Самый настоящий Светлов. Но «левый»!

Что с медиума самопального возьмешь? И не такие Светлова со Смеляковым путали!

Анна Леонидовна не обратила на слова медиума внимания. Выслушав маленького декламатора, она вскинулась над спиритическим столиком гибким сильным телом и, гневно размахнувшись, отвесила мужу звонкую оплеуху.

— Я так и знала! — яростно прошипела она. — Я давно это подозревала! Да не верила, дура! Не верила! Ты все-таки связался с этой шлюхой! С этой лахудрой крашеной!

Миша звонко засмеялся, захолопал в ладоши и, топоча босыми ножками, выбежал из комнаты, оставив родителей наедине с их ссорой. Впрочем, нет, в комнате оставался медиум Семен Второвертов, потрясенный неожиданной чистотой спиритического опыта. Но люди добрые, когда ссора в самом разгаре, кто из ее участников замечает случайных свидетелей?

Спиритический сеанс имел неожиданные последствия.

— Бывают души чистые, — объяснял Семен Второвертов утром родителям малолетнего гения. — Так сказать, целостные. Но иногда случается, что по объективным причинам эта целостность не сохраняется, и тогда умелый медиум достраивает ее случайной эктоплазмой. Как говорится, что с источника питания соберет. Если уж совсем наглядно, то все происходит как в сказке о колобке — по сусекам помели, по амбарам поскребли... С виду душа как новенькая, а на деле сфальсифицирована, словно водка у азербайджанцев.

Они сидели на кухне. Не дожидаясь решительных действий хозяина дома, Второвертов плеснул себе из пузатой бутылки и выпил.

Правая рука его с зажатой в ней вилкой осой закружилась над тарелками в поисках нужной закуски.

— Это что же получается? — мрачно поинтересовался Брюсов, машинально поглаживая свежий лейкопластырь на

левой щеке. — Выходит, этот самый Неплавный нам негожую душу всучил?

— Как вам сказать, — замялся Второверт, не желая окончательно разоблачать товарища по ремеслу. — Душа вам досталась именно та самая, но с брачком. Может, хранилась в неподобающих условиях... А может быть, все это следствие неправильных последних лет жизни поэта, говорят, закладывал он последнее время более чем крепко.

Анна Леонидовна умело и деловито запудривала синяк под правым глазом.

— Этот Неплавный у меня и в самом деле угловатым станет, — мстительно пообещала она. — Такие деньги, подлец, содрал, а за что? Вместо поэта алкаша какого-то подсунил. Светлов, Уткин! — издевательским тоном спародировала она. — И ты тоже хорош, муженек, по бабам таскаешься, вместо того чтобы за сыном смотреть. Да добро бы действительно бабы были, так нет, такую лахудру крашеную выбрал, на нее же без слез глянуть невозможно! — И обидно добавила: — Мэр долбаный!

— Аня! Аня! — страдальчески морщась, простонал Брюсов.

— Что Аня? Что Аня? — яростной мстительной фурией вскинулась Анна Леонидовна. — Ищи расписание электричек, развратник! Когда там ближайшая в Сарепту идет?

Вот тут внимательный читатель недоверчиво прищурится — это что же, у городского мэра машины своей не имеется? А если и не имеется, что он — служебную вызвать не мог? Имелась у Брюсовых своя машина, редкостная в те времена иномарка у них в гараже стояла. Но, во-первых, дело было около пяти часов утра, а во-вторых, нарушать закон не хотелось. Известное дело — пьяный за рулем всегда потенциальный преступник. А тут еще и нервы случившейся ночной ссорой потрепаны! Служебную машину Валерий Яковлевич не вызывал по все тем же причинам.

Второверт выпил еще, страдальчески морщась, подождал, пока водка освоится в желудке, закусил кусочком буже-

нины и, задумчиво глядя на лысину хозяина, склонившегося к тарелке, сказал:

— Не мое это дело, конечно, Анна Леонидовна, но на вашем месте я с этим целителем связываться не стал бы. Наслышан я о нем, ох как наслышан! Этот самый Неплавный в своей области ба-а-альшой авторитет, особенно заговорами мастерски владеет.

— Промолчать? — Анна Леонидовна швырнула на стол косметичку. — Да вы знаете, сколько он с нас за эту драную душу содрал? Не-ет, я его, сволочугу старую, исцелю! Он у меня заговоры свои забудет! Он у меня всю оставшуюся жизнь кособоким ходить будет!

— Аня! — простонал Валерий Яковлевич, трясущейся рукой щедро наливая себе из бутылки.

— Прощать, оно, конечно, не надо, — раздумчиво сказал Второвертов. — И деньги с него назад можно будет взять, только без горячки, без спешки излишней... А вот с дитем что-то делать надо. Сопьется малыш!

Супруги оторвались от тарелок и мрачно уставились на медиума.

— Да не в больницу же обращаться! — возмутилась Анна Леонидовна. — В наших больницах здорового залечить могут, что уж о больных говорить! Да и соседи меня не поймут, если я дите малое кодировать по способу Довженко поведу! И мужнин авторитет никак нельзя подрывать. Второй ведь срок кончается! Выборы на носу! Ехать надо, — с мстительным нетерпением сказала она, — ехать, ехать!

— В клинику, оно, конечно, обращаться не след, — согласился Второвертов, задумчиво похрустывая болгарским маринованным огурчиком. — Но и Ваньку Неплавного лишний раз гневить не стоит. Осерчает мужик, больших бед от него ждать можно. Ему, Анна Леонидовна, семейный достаток порушить — раз плюнуть! Одно слово — ас!

— Что же делать тогда? — всплеснула руками мать фальсифицированного гения. — Стерпеть? Утереться?

— Газетки читать надо, — посоветовал Второвертов. — Там сейчас каких только рекламных объявлений нет. Глядишь, и найдется человек, который вашему горю пособить может. Нынче жизнь сама талантливых людей выдвигает, найдется и такой, что самого Неплавного за пояс заткнет.

И тут Второвертов был прав. Конечно, самозванцев вроде Чумака и шарлатанов навроде Кашпировского у нас пока еще хватает. То речку зарядят, то по телевизору кого-нибудь обезболят. Народу к этому не привыкать. Но ведь и в самом деле иной раз какая-нибудь Матрена Филипповна наловчится сглазы вылечивать да порчу снимать, что вместе с этими чисто психическими отклонениями катаракту излечивает, простатит на нет сводит! Талант! И главное, что необходимо, это внимательно прессу разную читать. Настоящий талант рано или поздно, но себя покажет.

Валерий Яковлевич читал много и охотно. А что касается Анны Леонидовны, то она в рекламных объявлениях чувствовала себя как рыба в воде. А быть может, даже и посвободнее! Только ничего подходящего в газетах не обнаруживалось. Известное дело: искомого всегда днем с огнем не найти. Кругом шарлатан сидел на шарлатане, а в газетах сплошь и рядом предлагали свои услуги те, кто знал надежнейшие способы разбогатеть. От клиента, желающего обогатиться, ничего особенного и не требовалось — полтинник да конверт с обратным адресом. Простота эта Анну Леонидовну поразила: по почте деньги было легче зарабатывать, чем за прилавком. Даже обвешивать, рискуя нарваться на ОБХСС или госторгинспекцию, не надо — дурак, мечтающий разбогатеть, пер буром и даже не особенно обижался, получив честный ответ.

А вот специалиста, который и в самом деле мог помочь семье Брюсовых в решении их проблемы, не находилось. Было от чего прийти в полное уныние — Мишенька к тому времени на пиво начал глядеть с пренебрежением, и Валерий Яковлевич начал запирать от него свой домашний бар.

Глава 7

Людей в пивной почти не было.

Бармен сидел, подперев отвисшую, плохо выбритую щеку пухлой рукой. На вошедшего Даосова он посмотрел без особого интереса, словно на муху случайную — жужжит, зараза, людям настроение портит, от размышлений о жизни отвлекает. Уважаемый человек был бармен Фома Гордеевич Угроватов, известная всему микрорайону личность. Нет таких дураков, чтобы пива не пили. А Угроватов работал в пивбаре с молодых лет, грязные кружки начинал мыть. Фома Гордеевич еще раз взглянул на посетителя, и его словно подменили. Бармен напрягся, словно почуявшая дичь легавая, глаза его оживленно заблестели, и он принялся натирать кружку до немыслимого блеска, словно не в забегаловке работал, а, скажем, в «Метрополе» или «Савое», и не рядовой любитель пива к нему зашел, а французский президент со своей свитой. И кружку он пивом наполнил до самых краев. Дождался, когда пена осядет, и долил, как это обычно делал только для самых почетных посетителей.

Преданным взглядом бармен проводил Даосова до самого столика, потоптался за стойкой, потом, торжественно и вместе с тем несколько виновато неся объемный живот, приблизился к столу.

— Вялочки не желаете? — робко предложил он. — Или рачков свеженьких?

Даосов сделал несколько глотков и отрицательно покачал головой. Бармен некоторое время грузно переминался с ноги на ногу, все поглядывал на посетителя, словно хотел что-то сказать и не решался. Пухлые ручки его безостановочно обшаривали карманы несвежего белого халата, как если бы бармен искал мелочь для сдачи и не мог ее найти. «Черт! — с досадой подумал Даосов. — Пивка спокойно не попьешь!» Приснившийся после всех событий Ангел заставлял задуматься. Может быть, сон ему снил-

ся вещей? Может, и в самом деле наверху недовольны тем, что Даосов вселял женские души в мужские тела и наоборот? Но зачем сразу наезжать на него грузовиком и заказы делать? Да и черный эфиоп с грузовика на представителя верхнего мира был похож мало. Но тогда к чему Ангел приснился? А не надо было столько пить на ночь. Это еще повезло, что смирный Ангел приснился, мог и похуже ночной гость в сновидения забрести...

Бармен потоптался еще немного, застенчиво хрустя пальцами. На левом запястье бармена голубела расплывшаяся от времени и оттого неразборчивая татуировка. Наконец он решился, огляделся по сторонам и опасливой торопливой скороговоркой произнес:

— Ради Бога, я понимаю, собака... Так ведь не дворняга же, правда? Ведь породистая, верно?

Даосов отхлебнул из кружки.

— Ну, разумеется, — слегка запнувшись от неожиданной откровенности бармена, сказал он. — Определенным образом не дворняга, Фома Гордеич. Фокстерьер... Да, фокстерьер...

Бармен криво заулыбался. Жалость, безмерная жалость к самому себе была в этой улыбке.

— Фокстерьер — это хорошо, — нерешительно протянул он. — Но, может быть, все-таки лучше дог? Ну что фокстерьер? Не дай Бог, на охоту потащат... Ведь подстрелить могут по пьяной лавочке, сами же знаете, каковы нынче охотники. Не успеют из машины вылезти, за бутылку хватаются. А догом надежнее, порода обязывает.

— Может быть, — согласился Даосов. — Видно будет. Жизнь, Фома Гордеич, сама все расставит на свои места. Вам же не завтра помирать.

Чувствовал он себя, однако, неловко. Однажды, будучи весьма раздраженным, пообещал Даосов Фоме Гордеичу, что быть тому после смерти все последующие рождения собакой. Со злом сказал, с чувством, так, что Фома Гордеич Угроватов сразу понял: не шутка это и не пожелание немно-

жечко перебравшего лишку человека. Угроватов был человеком со связями, он быстро навел справки о своем посетителе и поверил в его возможности так, как могут только торговые работники уверовать во всемогущество ревизора, — решительно и бесповоротно.

Бармен с сомнением вздохнул и с наигранным обожанием глянул на собеседника.

— Родной вы наш, — нежно сказал он. — Вы заходите, заходите, не стесняйтесь. Ей-ей, здесь вам будет все, что только пожелаете. Воблу для вас держать буду! Еще пивка?

Борис Романович с сомнением оглядел кружку и отрицательно покачал головой.

— Пожалуй, довольно, — решил он. — Кружечка — это для удовольствия, все остальное лишь ненужная нагрузка на организм.

Бармен проводил Даосова до выхода. Следуя за посетителем, он так немислимо гнул спину в поясице и так умильно улыбался, что всякий хорошо знающий Фому Гордеевича, без сомнения, решил бы, что посетитель является не меньше чем обэхээсником или — бери выше — представителем госторгинспекции. И ошибся бы. Даже к городской прокуратуре бородатый и кареглазый Даосов не имел никакого отношения.

— Без стеснения, — бормотал Фома Гордеич, — ежели нужда какая или жажда замучит, милости просим, всегда готовы посильную услугу оказать. Не пропадет за нами, хе-хе, Господом нашим Вседержителем клянусь! Не сомневайтесь, дорогой мой человек, Фома Гордеич умеет быть благодарным!

Он бы и ручку посетителю с удовольствием поцеловал, если бы ему позволили, да что там целовать, ноги мыть готов был Фома Гордеич непонятному посетителю своему и воду с-под них пить, только гость внимания на него уже не обращал, поднялся по ступеням из подвала, посторонился, пропуская компанию молодых и излишне веселых людей, и пошел по тротуару в своем синем джинсовом костюмчике.

Уверенно пошел, хозяином судьбы своей. Бармен тоскливо посмотрел ему вслед.

— Фокстерьером... — неопределенно сказал он и сморщил пухлое личико, словно плюнуть хотел вослед недавнему собеседнику. Но не плюнул, потому что из подвала разгоряченный молодой голос позвал:

— Гордеич! Ты нас обслуживать будешь или нам самим себя обслужить?

— Иду, мальчики! Иду, милые! — нараспев запричитал бармен и устремился на свое рабочее место.

Он так торопился, что уже не видел, как из ближайшего переулка выполз старый потрепанный «москвич» зеленого цвета и, оставляя за собой клубы сизого дыма, устремился вслед за Даосовым. Боковое стекло автомашины опустилось, и в проеме показался вороненый автоматный ствол. Очередь была щедрой — на полрожка — и вместе с тем неточной. Пули высекли искры прямо у ног Даосова. Вслед за выстрелами автомобиль натужно взревел мотором и устремился по улице. В заднем стекле гримасничала и кривлялась жуткая харя, в которой не сразу можно было узнать крокодила Гену, потому что длинный зеленый нос крокодила для удобства был наполовину обрезан. За рулем, разумеется, сидел Чебурашка. Маски были магазинные и явно отечественного производства.

Даосов, обреченно застывший на тротуаре, медленно приходил в себя. Да, похоже было, что за него взялись крепко и основательно. Он наклонился и поднял с земли еще теплую сплюсненную пулю. Семь, шестьдесят две... Ай-ай-ай, как нехорошо... Ясно было теперь, что Ангел ему ночью снился по собственной инициативе, будь на то воля верхнего руководства, ахнули бы с безоблачного неба молнией и все дела.

Задумчиво подбрасывая сплюсненную пулю на ладони, Даосов неторопливо шел по улице. У фонтана Борис Романович остановился и долго смотрел на чугунного мальчика с большой рыбиной в руках. Из пасти рыбины в высоту били красивые водяные струи, которые, достигнув предельной

высоты, рассыпались каскадами радужно подсвеченных солнцем капелек. Даосов наклонился и ловко запустил пулей по поверхности воды. Пуля запрыгала, оставляя на воде маленькие блинчики.

Ясно было и ему, что подобные покушения и нижние устраивать не стали бы, они тоже эстрадных миниатюр не любят и к покушениям готовятся куда более солидно. А в случившейся стрельбе было что-то театральное, вахтанговское: как глаза ни закрывай, все равно трудно поверить.

Весь путь до работы Даосов провел в печальных раздумьях, но ни к какому определенному выводу так и не пришел. Но что ни говори, а бытие все-таки действительно определяет сознание. В вестибюле навстречу Даосову из кресел поднялись сразу несколько человек.

— Борис Романович, — обиженно протянул представительный мужчина в отличном сером костюме, скрывающем уже наметившуюся полноту. — Мы же на два договаривались!

— Обстоятельства, — неопределенно сказал Даосов. — Сейчас все решим, господа-товарищи, проходите, пожалуйста!

На табличке открываемой им двери скромно значилось: «ТОО «Мистерия жизни» и чуть ниже шрифтом поменьше: «Борис Романович Даосов, реинкарнатор». За массивным столом сидела его компаньонка Елена Владимировна, длинноногая и фигуристая блондинка лет двадцати. Задорно поблескивая линзами очков, компаньонка листала иллюстрированный журнал. Слава Будде, столпившиеся в дверях посетители не дали ей поприветствовать шефа надлежащим образом.

Однако сразу проникнуться заботами посетителей Даосову не удалось. Едва он сел на свое рабочее место, как зазвонил телефон.

— Вас, — сказала Леночка. — Уже второй раз звонят!

Борис Романович взял трубку и услышал взволнованное шумное дыхание.

— Даосов? — поинтересовался собеседник и, не дожидаясь ответа, взхлеб зачастил: — Ты понял, братила, кто тебе звонит? Я это, Боря, я! Ну как тебе понравилось? Не хуже, чем в столице, а? А ведь могли и не промахнуться, Романыч, ведь с пяти метров стреляли! Лежал бы ты сейчас холодный и торжественный, а над тобой царицынские менты семечки щелкали. Ладно, Боб, считай, что это последнее китайское предупреждение! Бородуля зла не помнит! Бородуля добрый! Лишь бы к Бородуле хорошо относились. Сечешь?

— Секу, — хмыкнул Даосов.

— Вот и славно, — сказал собеседник. — Раскинь мозгами, Романыч, не мальчик ведь уже, а? Должен понимать, что лучше мозгой раскидывать в кабинете, чем на асфальте родимого города. — Бородуля громко порадовался своей незатейливой шутке и, постепенно обретая покровительственный тон, продолжил: — Да шутю я, карнач, шутю. В авторитете ты, Боб, как наш всенародно избранный! Народ тебя любит! Ты только загнись, такие похороны устроим — президент завидовать станет. Ты меня слышишь, Даосов? Чо молчишь, братила?

Бородуля... Борис Романович почувствовал облегчение и одновременно с этим разочарование. Надоел ему этот районного пошиба мафиози хуже горькой редьки. Все пристаивал он к городскому реинкарнатору, чтобы тот ему справку выдал, подтверждающую, что душа бывшего лидера преступной группировки, а ныне покойного Сени Абрамчика в него, Бородулю, вселилась. А потому, мол, только он, Бородуля, будучи духовным наследником авторитета, может единственно достойно исполнять роль преступного пахана. Вот уже третий день он преследовал Даосова. Пугал всячески. Казалось бы, чего проще — шлепни печать ИЧП на уже подготовленную Бородулей справку да распишись. Но Борис Романович врать не умел и не хотел. Да и опять же с чистилищными ругаться не хотелось. Как он мог дать такую справку, если душа Сени Абрамчика в действительности пребывала сейчас в Чистилище? Ну не перехватили ее кладбищенские подуш-

ники! Нет, заказ от братвы был. Однако все думали, что Сенью, как порядочного, на Центральном кладбище с отпеванием и обязательными клятвами хоронить будут, а родственники его тайком на Краснооктябрьском погосте зарыли. Если говорить честно, никто душу Сени Абрамчика не стремился оставить на этой Земле. Мало ли что братве хочется! Тем более что душа у Сени оказалась такая черная, что ее, говорят, всем персоналом Чистилища всеми известными препаратами уже неделю отбеливали, но даже пятнышка светлого обнаружить не смогли.

Даосов положил трубку и жестом показал Елене Владимировне, что брать трубку не стоит. Почти сразу же телефон зазвонил вновь и звонил, не переставая, все две установленных ГТС минуты, потом замолчал, вновь взорвался трелью тревожных звонков, и только на третий раз звонивший понял, что хозяин телефона трубку не возьмет.

— Борис Романович, — сказала Леночка. — А к нам мент вчера приходил. По борьбе с экономическими преступлениями.

— Он сказал, что ему нужно было? — спросил Даосов, не испытывая, впрочем, особого испуга. Нарушений в своей деятельности он не видел, а документы ТОО были в полном порядке.

— Ничего не сказал. Посидел немного, потом ему на пейджер сообщение скинули, и он ушел.

— Старый или молодой? — поинтересовался Даосов.

— Молодой, — сказала Леночка, подумала немного и нахально добавила: — Симпатичный... Он тут данные свои оставил. — Леночка взяла со стола визитную карточку и с выражением прочитала: — Глазков Игорь Дмитриевич, старший оперуполномоченный.

— Бог с ним, — сказал Даосов. — Понадобимся — сам придет!

Он оглядел присутствующих.

— Ты, Иван Дмитриевич, погоди, — сказал он. — У нас с тобой разговор долгий будет. Давай я пока с остальными раз-

берусь. Кто здесь у нас с завода «Аврора»? Справки на родственников привезли?

Невысокий остроносый мужчина лет сорока мелко закивал и с готовностью принялся раскладывать перед хозяином кабинета бумаги. Даосов небрежно просматривал их, откладывая нужные в сторону. Бумаг было много, похоже было, что клиент принес весь семейный архив.

— А где заключение терапевта? — спросил Даосов.

— Завтра будет готово, — признался посетитель, по-детски шмыгая носом.

— А документы из ВПЭЛС?

— С лесного хозяйства? Не дают, бюрократы, — пожаловался клиент. — Пальцем у виска крутят, за психа держат. А вы сами, Борис Романыч, такую справку у них взять не можете? Я бы доплатил!

— Пятьдесят долларов, — сказал Даосов. — Можно рублями по сегодняшнему курсу. Сами понимаете, непредвиденные расходы...

— А то... — уныло согласился остроносый. — Я понимаю, Борис Романыч, за так сейчас и птичка не чирикнет!

Работа Даосова синекурой не была. Ну кто бы поверил, что за умеренную плату он занимается переселением душ, или, по-научному, — реинкарнацией? Большинство нормальных людей относились к Даосову с понятным недоверием и иначе как шарлатаном и жуликом не называли. Служители правоохранительных органов, случалось, заглядывали, но, убедившись, что Даосов действует на вполне законных основаниях и даже имеет медицинский сертификат, быстро теряли к его конторе всяческий интерес, едва только выясняли, что налоги он платит исправно и исполнителем заказных убийств не является. А ведь мог, черт возьми, знаем мы эти самые переселения душ! Правда, не раз уже отмечалось знающими людьми, что человечество состоит из умных и дураков. Если первые недоверчивы, то вторые являли абсолютную противоположность умным и были основной клиентурой товарищества Даосова. Поскольку дураков в мире всегда зна-

чительно больше, чем умных, то в иные дни от клиентов отбоя не было, и желания у этих клиентов были самыми невероятными. Такими, что порой Даосову посетителей и отговаривать приходилось, предлагая варианты попроще, а следовательно, и подешевле.

В этот день после обеда посетителей было немного. Обговорив дополнительные условия и отправив клиентов за недостающими документами, Даосов выслушал рапорт своей компаньонки о телефонных звонках и визитах и великодушно отпустил ее домой. Тем более что и самому ему в свете, как говорится, последних событий задерживаться на рабочем месте абсолютно не хотелось.

Подумав немного, Даосов решил отправиться к своей недавней знакомой Наталье. Конечно, как обычно, здесь все должно было завершиться обязательной постелью, но по крайней мере там можно было отведать китайскую кухню, в которой Наталья достигла определенных успехов, а во-вторых, самостоятельна она была в любви не в меру, поэтому обязательных ритуалов Даосов при всем желании ни разу соблюсти не сумел. Можно было не сомневаться, что от случившихся неприятностей она Даосова сумеет отвлечь без особых усилий.

Есть женщины, которые созданы для семьи, и только для семьи. Со дня своего замужества — а оно обычно бывает ранним — они безропотно тянут нелегкую женскую лямку, рожают и воспитывают детей, тащат с базаров в тяжелых авоськах капусту, картофель и мясо, которым в их умелых руках предстоит превратиться в роскошные блюда. Они ходят в школы на собрания, стирают в свободные от работы ночи, гладят, не отрывая глаз от экрана телевизора и сопереживая героиням мексиканских сериалов, воскресными днями не разгибая спины вкалывают на дачах, а осенью круглосуточно — словно маленькие консервные заводы — закручивают соленья, компоты, аджику, обмениваются рецептами джемов и варений, а в перерыве между этими обязательными домашними делами еще ухитря-

ются забежать в парикмахерскую, купить в магазине недорогие и потому не обременяющие семейный бюджет духи, отремонтировать вздумавшие поползти колготки, прибраться в квартире, починить утюг и стиральную машину и, наконец, в редкую минуту уснуть прямо в очках, слепо уставившись в экран телевизора, где демонстрируется увлекательный детектив.

Вырастив детей и удержав от падения в пагубную алкогольную бездну мужей, они незаметно стареют, вечерами сидят у подъездов и ведут долгие беседы ни о чем с такими же, как и они, постаревшими соседками.

Но есть и другая категория женщин. Они не предназначены для домашнего уюта, они не предназначены для воспитания детей, они просто не умеют этого. Поэтому такие женщины не торопятся обзавестись семьей, их трудно заманить на базары, и на дачах они никогда не гнут под палящими лучами солнца гибкие стройные спины. И на родительские собрания, если они все-таки обзавелись детьми, их лучше не приглашать — у них всегда и во всем останутся виновными педагоги, которые по своей природной тупости не могут найти подход к их очаровательным и разумным отпрыскам. Впрочем, дети у них появляются либо слишком рано, когда эти женщины не понимают, чем это грозит, либо тогда, когда мотыльковая жизнь их приближается к периоду утраты крылатой легкости и женщина по утрам начинает напоминать гусеницу, которая забыла с вечера смыть свой разноцветный грим. С самого своего рождения эта категория женщин чувствует себя созданной для счастья и для полета, они обожают хорошую косметику, прекрасные духи, великолепное белье и колготки и считают, что они этого достойны. При этом доходы мужа их интересуют не более чем прошлогодний снег; если муж не способен достойно обеспечить свою очаровательную жену — считают они, — то это могут сделать любовники. К любовникам эти женщины относятся как к необходимому атрибуту жизни, ведь они не мыслят себя без любви,

тусовок в ночных клубах и ресторанах, а летний период своей мотыльковой жизни предпочитают проводить на морском побережье, желательно подальше от родимой земли.

Надо сказать, что красота этих мотыльков привлекает многих жу... я хотел сказать — мужчин. В попытках добиться их благосклонности мужчины порой идут на все, даже с риском быть на долгие годы отлученными от свободного мира, где эти красивые бабочки встречаются.

Честно говоря, к знакомству с Натальей Даосов особых усилий не прилагал. Как-то само все получилось. Даосов сейчас даже под угрозой расстрела не смог бы вспомнить, где он с Натальей познакомился. Ну не на футбольном же поле! И на уличное знакомство Наталья бы никогда не пошла. Значит, оставался какой-то кабак, но какой? Впрочем, никакого значения это не имело. Странное дело: особым умом Наталья не блистала, а вот ореол вокруг нее бесцветно-серым не был. Наоборот, наблюдалось вокруг нее какое-то разноцветное мельтешение, словно Наталья всю свою жизнь прожила в огромном мыльном пузыре.

В постели они оказались в первый же вечер. Даосов не мог сказать, что это было великолепно, но и плохо ему не было, благо, что командовала в постели именно Наталья, и тут уже было не до обрядов и ритуальных упражнений. Ближе к полуночи женщина села, по-мужски расставив длинные стройные ноги, достала из сумочки и закурила длинную коричневую сигарету и, небрежно потрепав курчавые волосы на груди Даосова, сказала: «А ты ничего, старичок! Я думала, будет хуже!» Грудь у нее были красивые, да и сама Наталья была в прекрасной форме, сроду бы ей никто не дал тридцать пять лет, от силы тридцать, не более.

Они начали встречаться. Обычно инициативу проявляла Наталья, она звонила Даосову на работу и хрипловатым голоском своим спрашивала: «Ну что, старичок? Токсикоз не замучил? Или ты меня бросить собрался? А может, жениться задумал.» Жениться Даосов не собирался, ему первого опы-

та вполне хватило, чтобы вторично с ума не сходить. Взаимоотношения с Натальей его вполне устраивали, тем более что и она от него ничего сверхъестественного не требовала и в бюджетные рамки реинкарнатора укладывалась без особого труда; время от времени Даосов дарил ей золотой перстень, цепочку или шубку, а так они больше походами в рестораны увлекались, пару раз в месяц на спектакли НЭТа или музкомедии похаживали да на концерты заезжих эстрадных звезд, которые в поисках зелененьких и до Царицына добились.

Леночка, несомненно, подслушивала их разговоры, потому что на Даосова поглядывала с веселым недоумением, а встретив их с Натальей в бывшем Доме политпросвещения на очередном концерте, так выразительно оглядела даосовскую любовницу, что и гадать не стоило — сравнивала, и сравнение это получалось не в пользу Натальи. Впрочем, до явных подтруниваний Леночка в разговорах с шефом не опускалась, выше себя ставила. А сам Даосов на темы любви и дружбы с компаньонкой не разговаривал, да и не знал он, что у него за взаимоотношения с Натальей — на любовь не особо похоже, но и откровенным блудом назвать было нельзя.

Разумеется, о профессии своего любовника Наталья знала.

Сомневалась, конечно, и иногда даже приговаривала: «Ох, Боренька, загребут тебя однажды за бессовестный обман россия! Ты, котик, в Уголовный кодекс заглядывал? Примерял к себе статеечки из него?» Даосов фыркал на нее, а однажды не выдержал, прямо почти из постели притащил ее в офис, достал из сейфа заветную шкатулочку и принялся демонстрировать любовнице коллекцию душ. Похоже, Наташа из его объяснений мало что поняла, но игра ореолов и ее заворожила. Уже дома, после демонстрации Даосовым своих возможностей, она внимательно прочитала устав его предприятия, покачала головой и тихо спросила:

— Боренька, ты мне честно скажи — можешь?

— Могу, — честно сказал Даосов.

Наталья капризно поморщилась.

— Я не о том, — сказала она. — Это я и без твоих слов вижу. Ты мне честно скажи, ты действительно души переселяешь? Или для понтов все это, чтобы капусты на жизнь срубить?

— Говорят тебе, все на самом деле, без обмана, — досадливо сказал Даосов. — Я же тебе не Алан Чумак, чтобы мозги людям пудрить!

— Боренька, — женщина вытянулась на диване, стервозно давая обрисоваться всем самым соблазнительным изгибам своего тела, — а если со мной что-нибудь случится, ты меня в кого переселишь?

Даосов оценивающе оглядел женщину.

— А как ты сама думаешь? — спросил он.

Наталья села на постель, взяла со столика сигарету и закурила.

— Я понимаю, что ты сам не все это решаешь, — сказала она, насмешливо попыхивая дымом в бороду Даосова. — Но для тех, кто тебе бабки платит, ты ведь все по-другому решаешь? Ты ведь им навстречу идешь? — Она засмеялась и свободной рукой пошлепала себя по длинному красивому бедру. — Слушай, котик, а давай я с тобой тоже договор заключу? Тебе ведь все равно, с кого деньги брать? А я заплачу, честное слово, котик, заплачу. Я не хочу в кошки, Даосов, я не хочу, чтобы каждый ободранный уличный самец на меня право имел. Я женщиной хочу быть! Понимаешь, котик, женщиной! Можешь?

Даосов лег рядом, задумчиво глядя в потолок.

— Это я и без договора могу, — сказал он. — Только что изменится?

— Гад ты все-таки, Даосов! Сволочь!

Она тычком затушила сигарету в пепельнице, обеими руками огладила свои круглые груди и, шурясь, сообщила:

— Ты мне, котик, сейчас сам свои услуги предлагать будешь. В обмен на жизнь! — И уселась верхом, растопырив в

стороны круглые красивые колени. А в глубокую теплую ложбину между ними лучше было и не заглядывать...

В этот вечер Наталья ничего особого не готовила, и они обошлись бутылкой «Поручика Голицына» и коробочкой конфет «Рафаэлло».

Наталья ловко выскользнула из-под любовника, села, прижавшись спиной к коврику, и закурила.

— Боря, — спросила она, поглаживая плечо медленно приходящего в себя Даосова. — У тебя неприятности?

— С чего ты взяла? — судорожно выдохнул Даосов.

— Ты словно торопишься куда-то, — задумчиво выпустила струйку голубоватого дыма любовница.

— Тебе было плохо?

— Да нет... — Она прохладной ладошкой прошлась по волосатой груди Даосова. — Я за тебя волнуюсь, все-таки жаль такого спонсора потерять...

— Все нормально, — сказал Даосов. — Ты мне здорово помогла.

— Да? — Наталья положила сигарету в пепельницу и легла, обнимая Даосова свободной рукой.

— Перестань, — сказал Даосов. — Ты ведь не хочешь, чтобы я прямо в постели загнулся?

— Ах какие мы нежные, — засмеялась любовница. — Ну, иди ко мне, котик, иди ко мне!

В общем, отвлекла его Наталья от печальных и тревожных размышлений и даже некоторое душевное равновесие восстановила.

А что? Даже врачи рекомендуют заниматься этим регулярно, объясняя, что таким образом снимаются стрессы и снижается возможность сердечно-сосудистых заболеваний. В индийской же философии это занятие вообще возведено в ранг искусства. Кто не верит, может купить в книжном киоске и почитать «Камасутру».

И хорошо понятно, в чем дело.

Всем хочется быть спокойными и здоровыми.

Глава 8

Домой Даосов вернулся уже в сумерках. Наталья, правда, пыталась его удержать, но что-то подталкивало Бориса Романовича побыть сегодня дома в одиночестве. У Натальи всегда хорошо, но дом... Сами понимаете, дом, милый дом! По пути на него никто не покушался, и вечер был прекрасным, разве что приятная и понятная всякому мужчине сладкая усталость томила Бориса Романовича и манила обещаниями маленьких домашних радостей. Квартал был пуст, около подъездов уже никто не сидел. Хотелось войти в квартиру, согреть чаю и без лишних вопросов и требований у телевизора посидеть. А с Натальей спокойно посидеть у телевизора невозможно, уж в этом-то Даосов был убежден.

Во дворе было тихо. Только на крыше душераздирающе орала кошки — похоже, делили территорию. В зелени деревьев сонно попискивала птичья мелочь. В окнах домов горели огни. В беседке сидели несколько молодых бездельников, украдкой прикладываясь к какой-то бутылке. Бренчала гитара. Даосов поравнялся с беседкой, и молодой нахальный голос тотчас развязно и нетерпеливо спросил:

— Мужик, у тебя закурить не будет?

— Да когда же вы накуритесь? — не поворачивая головы, пробормотал Даосов.

— Ты чё, мужик? — радостно возгласил все тот же голос. — Борзой или голодный?

В беседке завозились, звеня, покатилась пустая бутылка, и пьяные голоса уныло забубнили:

— Ты чё, Валет, вальтанулся, что ли? Не видишь, кто идет?

— А пусть не выделяется! Я только закурить хотел, чё он, козел, выступать начал?

— Да это ведь карнач, дебил! Я его знаю, он в нашем доме живет. Ты бы еще у мента закурить спросил!

В беседке замолчали, потом первый подросток ломким голосом неуверенно и с некоторым испугом сказал:

— Подумаешь, цаца какая — карнач! Да Бородуля ему быстро чавку поправит! Сам слышал, он на базаре хвалился, что этот твой карнач перед ним на цырлах бегать будет!

Подходя к своему подъезду, Борис Романович машинально поднял голову и посмотрел на окна своей квартиры. Света в квартире, понятное дело, не было, некому было, черт побери, свет зажигать в квартире холостого человека!

У самой крыши, поскрипывая, покачивалась на таяях строительная люлька, которой Даосов искренне обрадовался. Похоже, начальник жэка умел не только обещания давать, взялся наконец, стервец, за ремонт крыши.

Есть не хотелось, а вот чай Даосов заварил. Хорошая получилась заварка, как у еврея из известного анекдота. Борис Романович долго и с наслаждением пил чай на кухне. Чаек, надо сказать, в этот раз действительно получился отменный! А секрет хорошего чая был прост — заварки не надо жалеть. Даосов подумал и налил себе еще одну чашку. Прихлебывая ароматный напиток, он снова принялся вспоминать и осторожно обдумывать последние события. Не нравилось ему то, что происходило вокруг него и его предприятия. Чернокожий за рулем, слухи о заказе Даосова, которые, похоже, дошли уже до душеприказчиков на всех кладбищах города, теперь эта идиотская охота, которую на реинкарнатора устроил мафиози местного пошиба по кличке Бородуля... Надо же такое придумать, на цырлах он бегать заставит... Посмотрим, кто перед кем на этих самых цырлах будет. И будет ли вообще бегать. Но что-то за всем этим скрывалось, и это что-то было не очень приятным для Бориса Романовича. У всего есть своя причина. Иногда она бывает следствием событий, случившихся ранее. В чем крылись причины и следствие начавшихся у него неприятностей, Даосов никак не мог сообразить. Ничего он понять в происходящем не мог, ничего! И сон этот вчерашний с Ангелом... Глупый сон, можно подумать, что у верхних только и забот, что за «голубых»

заступаться! Дикость какая-то! В конце концов, он же не со зла этот фокус выкинул, из любопытства элементарного! Кто же знал, что они именно так и получаются! Даосов нервно хлебнул чайку и снова задумался. Надо будет газетки рекламные посмотреть, вдруг где-то поблизости и в самом деле конкурент объявился. Может, даже души скупать начал, избавь нас Брахма от такого конкурента! Каждый знает, кто у нас души скупает и для каких целей!

За окном слышались какие-то поскрипывания, но Даосов на них внимания не обращал — наслаждался чаем, сосредоточенно размышляя о последних событиях. И напрасно. Потому что все эти поскрипывания имели непосредственное отношение к нему и его квартире. Рядом с окном что-то гулко ударилось в стену, и за стеклом непонятно кто произнес застуженным басом:

— Романыч, ты дома?

Вопрос был чисто риторическим, тут же за окном с удовлетворением отметили:

— Дома... Что же ты, Боря, телефон не берешь, когда серьезные люди звонят? Не уважаешь... Не знаешь, ты, Боря, Бородули. Если Бородуля что-то решил, то будь спокоен, он своего добьется!

В окно сунулась жутковатая рожа, прилипла к стеклу, расплющив щеки и нос, и внимательно уставилась на спокойно пьющего чай Даосова.

— Чай пьет, — насморочно и грустно констатировала рожа. — А порядочные люди должны на строительной люльке у окна болтаться. Не уважаешь, значит, Бородулю? Даже разговаривать не желаешь, да? Бородуля не гордый, Бородуля даже дверей вышибать не будет, он согласен и на то, чтобы за твоим окном в люльке повисеть... Молчишь?

Трудно разговаривать, когда горячий чай пьешь да еще при этом представляешь, что веревка на блоке строительной люльки совсем уже перетерлась, на честном слове держится, на честном Бородулином слове, обещал же, гадюка стриженная, что по вечерам ломиться не будет. Борис Романович

сосредоточенно пил чай и вспоминал мантру, что оберегала домашний очаг. На окно он старался не смотреть.

— Эх, Романыч! — с обидой возгласил за окном Бородуля. — Я же не за себя прошу, мне за братву обидно! Знаю, что можешь, вижу, что не хочешь, вот только понять не могу — почему?

То ли веревка на блоках действительно стерлась и оттого люлька под окном квартиры Даосова висела на соплях, то ли Бородуля сделал неверное движение, или все-таки мантра, произнесенная Борисом Романовичем, оказала свое магическое воздействие, но за окном вдруг загремело, Бородуля истошно завопил, взмахнул руками, и его перекошенное рыло дернулось вниз, с визгом проехало по стеклу, а потом и вовсе пропало.

— Смотри, Романыч! — донеслось из-за окна запоздалое предостережение.

Даосов воспользовался приглашением, поставил чашку на стол и вышел на балкон. На цветочной клумбе среди груды досок, некогда бывших люлькой, пытался встать и приглушенно матерился Бородуля. Одновременно он норовил погрозить кулаком даосовскому окну, но, как это обычно бывает, делать сразу два дела ему удавалось плохо, гораздо успешнее он делал третье — вытаптывал расползающимися ногами невзрачные и чахлые от городской пыли цветы, посаженные по весне заботливыми соседями. С других балконов за поведением Бородули с интересом наблюдали жильцы дома. В этот раз дело, правда, обошлось без комментариев, все замороженно прислушивались к высказываниям Бородули, который щедро использовал богатство русской ненормативной лексики. Богат и могуч был в его изложении великий русский язык! Даже соседи, высадившие цветы, и те со своими нелестными высказываниями не вылезали, понимали, что Бородуле они не конкуренты.

Даосов, невольно улыбаясь происходящему и собственным мыслям, плотно закрыл двери на балкон и вернулся на кухню. Нет, с этим Бородулей надо срочно что-то делать.

Прямо хоть к Яме обращайся. Борис Романович представил себе хмурое чугунное и безразличное лицо Ямы и помрачнел. Не было у него никакого желания по собственному почину общаться с этим жутким и неприветливым божеством. И все-таки что-то надо делать. В конце концов, не в милицию же с жалобой идти! Да и чем эта милиция могла помочь Даосову? Ну посадят они этого дурака на пятнадцать суток за хулиганство. Что это — положение спасет? Да и не верилось Даосову, что милиция станет к такой крутизне административные меры принимать, у таких обычно и в милиции все схвачено. Нет, с Бородулей следовало разобраться раз и навсегда. А заодно и со всей бородулинской командой. Стадо козлов! Даосов неожиданно развеселился. Действительно, стадо козлов. Черно-белых и бородатых козлов. А еще лучше — ишаков. Маленьких серых осликов. И ведь были прецеденты, были! Вон, Иисус в стране Гергесинской души двух бесноватых почистил, а изгнанных бесов вселил в стадо свиней. А те бросились с крутизны в море! И проблем у людей сразу уменьшилось! Борис Романович налил себе еще чашку ароматного чая и прошел в комнату. Дистанционка лежала на диване, и нажать на клавишу оказалось секундным делом. На загоревшемся экране в студии, напоминавшей кабинет кремлевского чиновника, телеведущий Владимир Певзнер сумрачно и обреченно допрашивал какого-то бритоголового с золотой цепочкой на шее. Цепочка тянула граммов на четыреста и немилосердно натирала шею. Бритоголовый то и дело поправлял ее левой рукой с синими от выколотых перстней пальцами, поэтому на вопросы телевизионного ведущего отвечал с заметными запинками. Был он в роскошном малиновом пиджаке, но без галстука. Понятное дело: надень он галстук, цепочки бы видно не было.

— Но ведь истинный капитал кроется в теневой экономике? — напористо интересовался ведущий.

— Бабки? — Бритоголовый привычно поправил золотую цепь и нахально сверкнул золотой фиксой в объектив. — Братан, ты же сам знаешь у кого сейчас бабки. Не у учителей

же! Бабки всегда были у деловых. Денежки, Вован, всегда фартовых любили!

— Но ведь эти деньги можно привлечь для оживления и развития экономики страны? — продолжал настаивать телеведущий. — Создать такую ситуацию, когда деловым людям было бы выгодно ввозить в Россию капитал, а не вывозить его из страны?

Бритоголовый подумал. Видно было, что для него это непосильное занятие, бритоголовому легче было бы показать этому самому Певзнеру что-нибудь из приемов каратэ или элементарного бокса. Или просто, без особых хитростей, морду набить, чтобы интеллигентностью своей не хвалился.

— Ну, Вован! — Бритоголовый снова без особой нужды поправил цепочку, потом застегнул ворот рубахи на верхнюю пуговицу. — Ты... это... как спросишь! Кто же бабки в чужой общак вложит? У этого... у президента... у него своя кодла, а у нас, сам понимаешь, — своя! Им баксы доверишь, сам рубли считать начнешь.

— Но ведь можно сделать так, чтобы интересы государства и деловых людей совпадали? — настаивал телеведущий. На высоком лбу его блестели капельки трудового пота.

— Можно, — немного подумав, неуверенно сказал его бритый собеседник. — Но тогда... это... тогда сам понимаешь, в паханы надо Михася сажать... или Валеру Аверу... и... это... чтоб клятву братве дали, что с общака на себя тратить ничего не будут, только на эти... на государственные дела.

Ну да, только Михася с Аверой многострадальному государству российскому не хватало! Борис Романович переключился на РТР. На канале сегодня властвовали «Маски». В этот раз они представляли зрителю сценку из времен Отечественной войны. Командир партизанского отряда в кумачовых штанах, шевеля усами, давал последние распоряжения перед нападением на базу немецко-фашистских захватчиков. Немецко-фашистские захватчики, позевывая, ожидали нападения партизан и творили свои немецко-фашистские па-

кости и зверства. Ну, это было куда ни шло! Хуже Задорнова, но лучше Хазанова. Даосов устроился поудобнее, вытянул ноги на столик, зевнул пару раз и совсем уж было принялся наблюдать за происходящим на экране, но в это время в дверь позвонили.

Даосов понял, что Бородуля все-таки выбрался с цветочной клумбы и жаждет пообщаться. Говорить с ним Борис Романович не желал, поэтому он снова сделал глоток чая и стал терпеливо ждать, когда напористые и длинные звонки прекратятся. На экран он уже не смотрел, настроения не было.

Звонки прекратились, но в дверь принялись стучать.

— Романыч! — застуженно сказал из-за двери Бородуля. — Открой по-хорошему! Сядем рядком, поговорим ладком...

«Щаз! Головой постучи, тогда я тебе открою!» Даосов заставил себя смотреть на экран телевизора. Возгласы, доносящиеся из-за двери, его раздражали. Нет, с этим Бородулей надо срочно что-то делать. Достал он уже Бориса Романовича своей незатейливой простотой. Наглец распальцованный! А может, выдать ему нужную справку и пусть катится ко всем чертям? Даосов подумал немного. Нет, таких прецедентов создавать нельзя. Эта шпана не один год под милицеским наблюдением ходит, того и гляди их в один прекрасный день повяжут. Мало ли у кого может тогда оказаться эта справочка, и еще неизвестно, как в прокуратуре эту справочку расценят, ведь в руководстве преступным сообществом обвинить могут! И так уже мент в контору приходил. А кстати, зачем он приходил? На длинные ноги Леночки полюбоваться? Вот уж кружева начались, ни хрена не поймешь. Чувствовал Борис Романович, что стал он кому-то поперек горла, только вот не мог никак понять, кому именно.

За дверью наконец замолчали. То ли Бородуля понял, что в квартиру его пускать не собираются, то ли в его голове созрел очередной гениальный план. От Бородули всего можно ожидать. Он мог вертолет угнать с Бекетовского военного аэродрома. Или лестницей пожарной машины воспользовать-

ся. Неугомонный человек был Бородуля в свои тридцать семь лет. И непредсказуемый.

Вновь зазвонил телефон.

Только теперь его звонок не грубо звучал, а нежно и даже, можно сказать, игриво. Даосов поднял трубку и не ошибся.

— Доехал? — спросила Наталья.

— Да, — с досадой сказал Даосов. — Лучше бы и не уезжал! Достали тут меня разные доброхоты!

— Вот и не уезжал бы, — с готовностью сказала Наталья. — Мог бы и у меня переночевать.

— Нет уж, спасибо, — отказался Борис Романович. — Мне еще работать завтра! После ночи с тобой какой из меня работник!

Наталья на другом конце телефонной трубки тихо засмеялась, и Даосов представил, как она сейчас сидит с телефоном на постели. От воображаемой картины у него даже голова закружилась.

— Ну, спи, — ласково, но с едва заметной ноткой раздражения в голосе сказала любовница. Подумала и с ехидством добавила: — Отдохни, Боренька, перед началом трудового дня.

Даосов положил трубку. «И в самом деле, — зевая, подумал он. — На кой черт я от Натальи сорвался? Спал бы сейчас как сурок! Чего я домой поперся? Дурака этого слушать?»

И, словно подслушав его мысли, в дверь снова тяжело ударили.

— Лады! Не хочешь, значит, с трудовым народом переговоры вести! — трубно и прощально возгласил Бородуля. — Хрен с тобой, Романыч! Я не в обиде. Ничего, Боря, разочтемся как-нибудь! Мы с тобой, братила, завтра поговорим!

Борис Романович с досадой выключил телевизор, раскинулся на диване и, глядя в потолок, принялся читать оградительную мантру. Читать ее надо было двадцать раз подряд, с расстановкой и выражением, а поможет ли она избавиться от настырного Бородули, один Будда знал.

Ближе к двенадцати он с неохотой встал и принялся стелить себе постель. За дверью, ведущей в подъезд, было тихо. Похоже было, что Бородуля и в самом деле удалился восвояси. А может, все-таки мантра подействовала. Даосов восславил Будду, завел будильник и лег. Сон пришел быстро, Даосов даже до пятидесяти досчитать не успел. В бок его решительно кольнули, и Даосов увидел усталого и раздраженного черта. Похоже было, что черт сам недоволен выпавшей ему миссией. Ему было куда сподручнее грешников в кипятке топить. В тепле, да и при деле. А в квартире у Даосова и в самом деле довольно прохладно.

— Спишь? — агрессивно спросил посланник преисподней, опираясь на багор.

— Ночь ведь... — зевая, сказал Даосов.

— Ишь, Чичиков! — с отвращением сказал черт, кривя рило. — Знаешь, почему Гоголь в гробу перевернулся?

— Откуда? — сказал Даосов, умышленно зевая и демонстративно прикрывая рот ладонью. Не то чтобы он своего визитера не боялся — боялся, да и еще как боялся, только виду подавать не хотел. Сами знаете, коготок увяз — всей птичке пропасть.

— А вот не фигу было пасквили о мертвых душах писать! — рывкнул визитер. — Ой плохо тебе, Даосов, будет! Ой плохо!

— Чего надо-то? — спросил Даосов. Он и в самом деле недоумевал.

— А то сам не знаешь! — Черт ухмыльнулся, сверкая бандитской фиксой на правом клыке. С этой фиксой он походил на недавнего собеседника Певзнера с экрана телевизора. А может, они и близнецами были! Впрочем, Даосов от ухмылки беса испытал некоторое облегчение — чем черт не шутит, может, сейчас все и прояснится!

Однако сновидение вдруг заколебалось, задрожало и начало таять. «Ах ты, в три архангела Бога-душу мать!» — богохульно выругался тающий в квартирном мраке черт, и Даосов даже на секунду усомнился, что это и впрямь было всего

лишь сновидение. Но потом сообразил, что сновидение испугало.

Звонил телефон.

Даосов на ощупь нашел трубку, поднес ее к уху.

— Алло?

— Шан Римпоту? — хрипловато отозвалась трубка. — Это ты, Шан Римпоту?

— Это Царицын, — сказал Даосов. — А вы, наверное, в Лхасу звонили.

— Я тебе покажу Лхасу! — гневно сказала трубка. — Ты что, Даосов, мозги заспал?

Только тут Даосов припомнил, что Шаном Римпоту его звали в период ученичества в дацане, и догадался, что ему звонит малый российский лама.

— Виноват, — спуская босые ноги на прохладный пол, сказал он.

— Виноват! — передразнил его малый лама. — О нем, понимаешь, заботишься, сам недосыпаешь, ночами ему звонишь, а он... Как у тебя дела? Все в порядке?

— Достают меня здесь помаленьку, — признался Даосов. — А я, честное слово, ни сном ни духом... Понять не могу, что они ко мне привязались. На днях даже грузовиком давить пытались.

— Знаю, — прервал его малый лама. — Кое-что я уже выяснил.

— Верхние? Нижние? — обрадованно поинтересовался Даосов.

— Не по телефону, — сказал малый лама. — Медитируй, Шан, медитируй. Спрашивай у богов.

В трубке затрещало, и связь прервалась.

Даосов послушал еще немного, потом раздраженно бросил трубку на рычаги и вздохнул. «Медитируй! — передразнил он. — Только и дел у меня, что по два дня беспрерывно поклоны бить и мантры распевать! Взял бы и намекнул, если такой шустрый. А еще бы лучше — вообще не звонил!»

Он лег в уже успевшую заохолдеть постель, накрылся легким одеялом и в который раз за этот вечер с досадой подумал, что зря он не остался у Натальи, нервы целее были бы.

Вместе со сном пришел все тот же черт. Сел на край кровати, внимательно посмотрел на Даосова и обидчиво дернул пяточком.

— Ты трубку-то не хватай, — сказал черт. — Поговорить же надо!

«О чем?» — с досадою подумал Даосов.

— О Гоголе, — сказал черт и нехорошо, с подвизгами, засмеялся. — Вот возьми его «Мертвые души» и перечитай.

— Слушай, — не выдержал Даосов, — валил бы ты! И без тебя тошно. Если уж ты такой заботливый, объяснил бы, кто на меня охотится.

Черт поскущел, тяжело вздохнул и нервно покрутил кисточкой хвоста. Так свободный таксист ключиком на пальце крутит. Или проститутка, показывая, что жилплощадь для любви у нее имеется.

— А ты знаешь, что Гоголя живым в гроб положили? — неожиданно сказал черт.

— Ну и что? — без особого любопытства поинтересовался Даосов.

— А то, — сказал черт. Подумал и добавил: — Дурак ты, Даосов!

«Слушай, — недовольно подумал Даосов. — Катился бы ты к себе... Мне завтра вставать рано!»

— Ладно. — Черт встал с постели и принялся расплываться по комнате. — Если случится чего, сам себя вини!

— Эй, эй, — сказал Даосов, открывая глаза. — Погоди. В комнате было пусто, но явственно пахло серой.

Глава 9

Игорь Дмитриевич Куретайло явился на работу не в самом добром расположении духа. Любовница Аннушка на дачу ехать отказалась, причина для того у нее оказалась чисто

женская и ежемесячная, а без нее все дачные прелести свелись к окучиванию грядок с помидорами и распитию бутылки «Смирновской» с соседом, отставным бронетанковым полковником Николаем Никаноровичем Агафоновым, который и на пенсии со всеми разговаривал командным басом. Огромный и пузатый, с остатками седины на круглом багровом черепе, он нависал над Куретайло и, дыша в лицо водой и табаком, басил:

— Советская власть вам была плоха! Коммунисты вам не нравились! Да при Леониде Ильиче мы в Чечне города и народ гусеницами не давили! При Леониде Ильиче мир в стране и во всем мире был! Да в нашу сторону дохнуть боялись!

— А воровство какое было? — пытался возражать сановный огородник.

— Да воровали, — соглашался отставной полковник, — но ведь всем хватало! А теперь? Ал-лигархи, мать их! Они не нефть нашу, они кровушку нашу сосут! Да фули там олигархи, вы сами из области нашей все соки повыпили! Осетров нет, икры черной нет, килька — и та скоро золотой станет! Нет, Дмитриевич, ты скажи, чем тебе наша родная Советская власть не нравилась?

Куретайло морщился и пытался отвернуться.

Вот привязался, провокатор пьяный! Да нравилась, нравилась Игорю Дмитриевичу Советская власть, он при ней как сыр в масле катался. Но попробуй скажи сейчас это вслух. Услышит кто или сам отставной полковник по пьянке где-нибудь скажет, поползут слухи, что Куретайло против демократии и реформ, попробуй потом отмойся. Свободный рынок — он тоже незашоренных мозгов требует! Не с тем соседушка связался, ему бы на эту тему с Жухраем поговорить. Мы все под Богом ходим, а они под обкомом КПРФ. Так ведь и обком нынче против застоя и за осторожное реформирование выступает. Помрачневший Игорь Дмитриевич наливал Николаю Никаноровичу очередные сто граммов и по возможности спокойно объяснял:

— Ну чего ты, Коля, голосишь, как горнист в пионерском лагере? Мы с тобой кто? Мы — народ! Там, в столице, головы умные, они лучше знают, как дальше жить. А наше дело исполнять, понимаешь?

Полковник демонически хохотал:

— Исполня-ять! Просрали страну, продали ее Клинтону за понюх табаку! Эх, Сталина на вас, козлов, нет! Будь Иосиф Виссарионыч живой, вы бы все давно на лесоповале в ватниках бегали, работой от мороза спасались!

Налитая в стакан водка заставляла его на время замолчать, но вслед за звоном стаканов все начиналось заново. Когда «Смирновская» кончилась, полковник убежал в свой домик и принес оттуда трехлитровую банку самогона, который он по собственной рецептуре гнал из арбузов.

— Чист, как Советская власть! — гордо кричал Николай Никанорович. — А горит как! Газету можно читать!

С большим трудом Игорю Дмитриевичу удалось отправить соседа отсыпаться. Пришлось даже его проводить немного. По дороге к своей даче бронетанковый полковник попытался спеть любимую песню вождя всех народов «Сулико», но быстро выяснилось, что он напрочь забыл слова, а слуха у него вообще никогда не было. Напившись из колодца холодной воды, Николай Никанорович начал уговаривать Куретайло бросить свою гнусную политическую деятельность и поселиться на даче.

— Грибов — море! — соблазнял он. — Сазаны немеренные, сами в сети заворачиваются, полдня их потом выпутываешь! Да что — рыба! Ночью на поле акционерного общества выедешь, морковки и лука на полгода вперед накопишь, помидорчиками да огурчиками на пятилетку запасешься!

На обратном пути, уже после переправы из Белослободска в город, заместителя губернатора остановил наряд ГИБДД на патрульной машине. Игорь Дмитриевич остановился сразу. Из предусмотрительности и осторожности. Время такое пошло, что лучше остановиться, борзые менты запросто могли по машине из автомата очередь дать. Объясняйся потом на

небесах, что у тебя специальное удостоверение было за подписью начальника областной милиции с зеленой полосой и красным предупреждением дебилам в сапогах: «Не проверять!»

Старший наряда долго и подозрительно вертел удостоверение в руках и все принимался к Игорю Дмитриевичу. По красной и обветренной роже мента было видно, что испытывает он нестерпимое желание заставить владельца заветного удостоверения пройти по осевой линии, а то и десяток раз присесть у машины. Куретайло подумал и показал ему свое служебное удостоверение. Совокупность документов оказала на милиционеров магическое действие: откозыряв, они сели в машину и отбыли по своим разбойным дорожным делам — людям настроение портить и по возможности на жизнь зарабатывать. А осадок неприятный на душе у Игоря Дмитриевича остался. Менты фамилию прочитали, значит, засветился он, завтра слушки по городу поползут, что заместитель областного губернатора по городу в умате катается, еще и приплетут, что женщин легкого поведения снимал.

Приняв душ, Куретайло сунулся к жене, но та лишь подняла брови и сказала: «Здрасьте! Считать разучился, что ли?» Можно было подумать, что у мужа ее не было более важных забот, чем критические дни у жены и любовницы высчитывать!

Игорь Дмитриевич обозлился и едва не сказал вслух фразу из анекдота о всеобщем женском сговоре, но сдержался. Лег себе на застланную женой постель, посмотрел фильм из жизни бразильских буржуев и обиженно уснул. Даже ужиться не стал.

Спал он плохо, все снился ему сосед по даче, который заставлял Игоря Дмитриевича маршировать парадным шагом по скверу у областной администрации и распевать все ту же «Сулико». При этом Николай Никанорович зычно орал: «Выше! Выше ногу! Выше, мать твою! Я вас, гадов, научу Родину любить!»

С утра Игорь Дмитриевич, как водится, встал не с той ноги, полаялся с женой, порезал щеку при бритье, облился чаем и понял, что неприятностей у него будет более чем достаточно. В пору на работу не ходить. Конечно, можно было вызвать на дом врача, благо, давление после вчерашних дачных возлияний явно повышенное, но Куретайло опрометчиво пренебрег приметами и все-таки на работу поехал.

Едва он появился в кабинете, как зазвонил красный телефон. Как будто губернатор в окно за ним подсматривал, даже в кресло не дал сесть.

— Зайди ко мне, — буркнул Жухрай.

Куретайло еще не успел войти в отделанный под дерево турецкими рабочими кабинет губернатора, а Иван Николаевич уже обрушился на своего заместителя с упреками:

— Нет, ты мне скажи, у тебя голова на плечах есть? Или у тебя вместо головы задница?

— Иван Николаевич, — взмолился Куретайло, чувствуя беду.

— Что Иван Николаевич? — Лиловое полное лицо губернатора свидетельствовало о его сильном душевном волнении. — Я тебе что сказал? Я тебе что приказал? Я тебя, паразита, о чем попросил?

Выпятив губы, он презрительно оглядел заместителя.

— Сказано было тебе — справки навести! Справки! А ты себе чего позволил? Да ты хоть понимаешь, что, если бы с этим самым Даосовым что-нибудь случилось, я бы тебе яйца оторвал и к Филарету в хор петь отправил! Ты чем думаешь?

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

— Это... — Куретайло облизал пересохшие губы. — Вы хоть объясните, Иван Николаевич, в чем дело.

Это он для проформы спросил. Ежу было понятно, в чем дело. Полкаш этот экономический настучал, что Куретайло его на «Мистерию жизни» раньше губернаторских указаний нацелил. Однако такой бурной реакции Жухрая Игорь Дмитриевич никак не ожидал. Ну, пожурить его мог губернатор за излишнюю самостоятельность, но чтобы так!

— В чем дело? — Жухрай отошел к окну, поворачиваясь спиной к заместителю, и, по-прежнему не глядя на него, уже более спокойно спросил: — Ты какую тварь на этого самого Даосова натравил?

Та-ак! Ну, полкаш! Игорь Дмитриевич содрогнулся от ненависти. Вслух же сказал примирительно:

— Так я ж ему позвонил и сказал, что все отменяется. Разве он вам не докладывал?

Жухрай хрипло выдохнул, стремительно развернулся к заместителю. Щеки его гневно затряслись.

— Нет, Игорь Дмитриевич! Нет, Куретайло! Ты меня в свои дела не впутывай! Я в такие игры не играю! Ты мне вот что скажи: ты этому в Москве обучился? У Коржакова с Барсуковым? Или, может, ты там с мафией снюхался, в бригаду какую-нибудь вошел? Цепь на шею, пальцы всею, мочи всех, кто не за нас!

Заместитель губернатора преданно глянул на шефа.

— Иван Николаевич! — зачастил он. — Ну что вы, ей-богу! Вчера мы поговорили, я Иванову в УЭП позвонил, попросил его справки об этом самом Даосове навести, выяснить, что там и к чему. Грешен, по дурости своей попросил Иванова прижать этого Даосова маненечко. Так я же исправился! «Нет, — думаю про себя, — раз Иван Николаевич мне никаких указаний не давал, придержу борзых ментов, а то ведь загрызут ненароком, а потом отвечай за него!» Сразу же позвонил и отозвал, честное благородное!

Жухрай, выпятив нижнюю губу, некоторое время разглядывал потное лицо заместителя. Похоже, Куретайло не врал.

— А кто стрелял в него по твоему указанию? — спросил он уже более примирительно. — А кого ты к нему домой посылал?

Игорь Дмитриевич побледнел еще больше. Подобных обвинений он никак не ожидал.

— Матерью клянусь! — хрипло сказал он. — Иван Николаевич, вы же меня знаете! Нет у меня таких знакомых, чтобы так запросто... Мы с вами интеллигентные люди! Да разве

бы я посмел без ваших указаний? Никогда! Честное благородное!

Жухрай сел за стол, побарабанил пальцами по полированной поверхности, недоверчиво и глумливо разглядывая растерянного заместителя. Вид у того был такой, словно он только что из бани вышел, где парился прямо в своем костюме. Или впрямь невиновен был, или, как та кошка, чуял, чье мясо слопал.

— Да вы хоть расскажите, что случилось! — выдавил из себя Куретайло. — А то накинулись на меня истинным орлом, Иван Николаевич! — Заместитель льстиво улыбнулся. — Я уж думал, хана мне, заклюет Иван Николаевич и оправданий никаких слушать не станет!

Краски постепенно возвращались на его лицо, но странными пятнами, придающими Куретайло внешность недооскальпированного ирокеза. Половина физиономии у него была красного цвета, другая половина все еще оставалась мучнисто-белой.

— Значит, не ты? — сгорбился за столом губернатор черным задумчивым вороном.

— А то вы меня не знаете, Иван Николаевич! — Куретайло стоял перед шефом по стойке «смирно», как будто все еще спал и находился во сне на строевом плацу. — Вы же знаете, Куретайло мухи не обидит, Куретайло безобидный, как мотылек!

А вот в безобидность своего заместителя Жухрай не верил. В прошлом году, когда Иван Николаевич попросил его помочь кадровику Арику Саганяну сформировать службу безопасности риэлтерского отдела при областной администрации, Игорь Дмитриевич в эту службу таких орлов рекомендовал, что, покажи их пенсионерам, те бы сами из своих квартир в двадцать четыре часа выехали и ключи в риэлтерский отдел добровольно сдали. Ишь вытянулся, глазами начальство ест! А окажутся будущие выборы неудачными, отвернется ведь, шура продажная, руки не подаст, если выгоды в том не увидит!

Только сейчас губернатор задумался о том, какие люди его окружают. И мысли эти были горькими и тоскливыми. Помощнички! Один Санжапов чего стоит! Думает, Иван Николаевич не догадывается, каким образом он по обязательной страховой медицине деньги с больниц гребет. Впрочем, и остальные не лучше. Помнится, полковник Иванов докладывал, что стоящий сейчас перед столом и сочащийся преданностью Игорь Дмитриевич Куретайло в турецкой фирме «Аврорус» не только секретаршу окрутил, он еще и с Исманом Исмет-агой гешефт имеет, каждый месяц деньги в какой-то западный банк переводит. Волки, волки, а не бедные овечки окружали губернатора, и с ними ухо надо было держать востро. Сожрут ведь, гады, и не подавятся! Соратнички! И ведь приходится с ними мириться, не зря же кем-то когда-то сказано: «Мы должны сделать добро из зла, потому что его больше не из чего делать».

Жухрай вздохнул и снова посмотрел на терпеливо ждущего заместителя. Хотелось высказаться со всей партийной прямоотой, но он сдержался. Не заместитель, сирота казанская топталась перед его столом, осторожно вздыхая.

— Значит, не ты, — снова хмыкнул губернатор. — Лады, Игорек, а то уж я думал, что это ты инициативу проявил. Понимаешь, только мы с тобой об этом самом Даосове говорили, а тут, как на грех, кто-то в него прямо в центре города из автомата лупцанул. Слава Богу, что не попали! А потом мне сообщили, что к нему в квартиру пытался какой-то хмырь через окно забраться, только не рассчитал и сорвался. Значит, кто-то этим самым Даосовым помимо нас интересуется, мед ему в ухо!

Куретайло осторожно сел за стол.

— Я вчера дело этой самой «Мистерии жизни» поднимал, — сообщил он. — Жульническая фирма, Иван Николаевич. Это что, бизнес — вторичной переработкой душ заниматься? Дурит этот самый Даосов людей, бабки с дураков стрижет.

Жухрай покачал головой.

— Эх, Игоряша, — сказал он. — Прагматик ты рассудительный, потому тебе в возможность чуда трудно поверить.

— Ну, Иван Николаевич, — уже с прежней улыбкой говорил Куретайло. — Да вы сами посудите, какие чудеса могут быть в нынешней жизни? Неужели вы всерьез верите, что Кашпировский и впрямь обезболивал бабу по телевизору? Или в то, что Алан Чумак банки с водой заряжает? Да умел бы он что-нибудь заряжать, он бы взял какую-нибудь реку, нашу Волгу — например, помахал руками — и лечись народ, в аптеки ходить не надо! Это ж как НЛО, все слышали, но никто толком не видел. Смущают людей, с нищих полтинники вышибают!

Губернатор задумчиво подергал себя за кончик носа.

— Кончай распрямляться, Игорек, — посоветовал он. — Не на митинге. Значит, так: свяжись с Ивановым, пусть они там этого самого Даосова в разработку возьмут. Агента своего к нему подошлют, телефон прослушают. Андрей и сам сообразит, что там и как, не первый день замужем, знает, что в таких случаях делается. Но мужичка пока не трогать. Только наблюдать. И если его кто-нибудь обижать станет, выручить. Ты все хорошо понял?

Куретайло мелко кивал.

— Сделаем, Иван Николаевич, — повторял он. — Все будет в лучшем виде! Можете не сомневаться!

Жухрай подумал.

— Ты с ламой давно общался? — спросил он заместителя.

— Два дня, как созванивались. Он как раз в Саратове, им там Аяцков деньги выделил на храм Камасутры.

— Вот и подъехал бы к нам. — Губернатор задумчиво потер подбородок. — Тут тоже проблем немеренно, есть о чем поговорить.

— Сегодня же позвоню, — пообещал Куретайло.

Он уже выходил из кабинета, когда губернатор с отеческой ядовитостью посоветовал ему в спину:

— А бумажечками перед ментами я бы на твоём месте поменьше тряс, потерять ведь можно!

Из кабинета Жухрая Игорь Дмитриевич вышел с несколько ошалелым видом, достал из холодильника рядом со столом секретарши бутылку минералки, расческой открыл ее и прямо из горлышка долго пил воду. Острый кадык его вторил каждому глотку.

— Досталось вам, Игорь Дмитриевич? — сочувственно спросила секретарша, которая хорошо знала нрав своего начальника.

Куретайло поставил бутылку на стол.

— Начальство лает, караван идет, Эльза Андреевна, — подмигнул он секретарше, вытер вспотевшую лысину и старательно причесался. — Врачи сказали, жить буду!

Секретарша вздохнула. Игоря Дмитриевича, как и своего шефа, она знала более чем хорошо, поэтому его обещание жить долго Эльзу Андреевну не слишком порадовало.

Игорь Дмитриевич между тем прошел в свой кабинет, сел в кресло, но звонить начальнику управления по борьбе с экономическими преступлениями не торопился. Надо было крепко подумать, прежде чем сделать следующий шаг. Да и раздражение, вызванное предательством этого милицейского иуды, следовало немного унять. Ты смотри, как в этого Даосова губернатор вцепился! Интересно, зачем он ему понадобился? Внезапный холодок прошел по спине заместителя губернатора, легонько царапнул коготками душу и сердце. В первый раз Игорь Дмитриевич со страхом подумал, а что, если все это истинная правда и этот самый Даосов не врет, не жульничает, а и на самом деле, как он это пишет, вторично перерабатывает и использует души? Но даже если все это было именно так, Куретайло никак не мог сообразить, зачем эта переработка губернатору понадобилась. Мужик он еще молодой, о жизни загробной задумываться рановато, вторая душа ему ни к чему, своей достаточно. И коммунист вроде убежденный... Не ждет милостей от природы, правильно по-

нимает стоящие перед ним задачи. Нет, если занятие Даосова не было жульничеством, Куретайло и сам бы с ним с удовольствием и обоюдной пользой пообщался. Скажем, для того, чтобы прикупить другую душу и ее вместо себя после кончины в соответствующие края отправить. Конечный пункт назначения своей души в случае реальности загробного мира Игорь Дмитриевич знал точно. Правда, испуга пока не было. Чувствовал он себя прекрасно, да и в существование этого самого загробного мира верилось плохо. Улыбаясь тайным мыслям, Куретайло принялся неторопливо размышлять, и размышления эти ему очень даже понравились. По всему выходило, что заместителю губернатора к неизвестному специалисту по вторичному использованию душ стоило приглядеться более внимательно, да, пожалуй, и не только приглядеться. В простых бизнесменов из автоматов не стреляют, к ним ночами в квартиры не ломаются! Разобраться надо было в ситуации, серьезно разобраться...

Заместитель губернатора посидел в кресле, подумал еще немного, но, так ничего и не надумав, потянул к себе телефон:

— Андрей Андреевич? Куретайло тебя беспокоит. Подъезжай, нас Жухрай видеть хочет. Обоих, конечно!

Он положил трубку на аппарат и вздохнул. Откровенно говоря, куда с большим удовольствием Игорь Дмитриевич поговорил бы сейчас с начальником управления Рвачевым, чтобы этого стукача в ментовских погонах на пенсию отправили. Хватит, послужил, пора и дачным хозяйством заняться. Но — специалист! Где другого такого сразу найдешь? Нужен был народу милицейский полковник Иванов, потому и на пенсию его не отправляли.

Игорь Дмитриевич достал сигареты и зажигалку, закурил и начал прикидывать, как ему рвение милицейского полковника в служебные рамки ввести. А то ведь как бывает: сегодня он тебя по мелочам вкладывает, а однажды такое устроит, что распятие сладкой сказкой покажется!

Ах, Андрей Андреевич, Бог один знает, чей он сын. Однако определенный образ полковничьей матери заместителю губернатора явственно рисовался.

Глава 10

Легко сказать, найти специалиста!

Валерий Яковлевич Брюсов хорошо понимал всю сложность вставшей перед его семьей задачи. Времена такие пошли, что сплошь вокруг одни дилетанты. Прав был мудрый Иосиф Виссарионович, когда говорил, что кадры решают все. Мэр города Царицына всегда считал, что у него ни одного толкового заместителя нет. Воровали все, но делали это открыто и неумело, а те, кто какое-то мастерство показывал, так хищениями увлекались, что о служебных своих обязанностях забывали. Боже ты мой! Ведь в бытность директором гастронома Валерий Яковлевич рубщика мяса в магазин по полгода подбирал. И не потому, что тот наваром не делится, это-то самое легкое, за полгода макаку можно научить отнимать и делить. А вот деградировало искусство разуба. Где сейчас найдешь специалиста, который способен разрубить тушу так, чтобы в каждом приличном куске мяса таилась нежданная покупателем увесистая кость? Искусство мясника вымирало. И виной тому были постоянные гонения на этих узких специалистов со стороны госторгинспекции, народного контроля, ОБХСС и иных контролирующих и проверяющих органов. А вот работников городской администрации никто гонениям не подвергал, неожиданно обретенная свобода вела к их деградации. Но что же тогда говорить о колдунах, магах, ведьмах и прорицателях, которые подвергались гонениям целые столетия? Их ведь на кострах за знания и убеждения жгли! Не без оснований Валерий Яковлевич предполагал, что среди расплодившихся в последнее время колдунов дилетантов и самозванцев больше, чем в мэрии.

Поэтому газеты Валерий Яковлевич просматривал без лишнего энтузиазма и особых надежд на успех в своих изысканиях не питал. Нет, объявлений различного рода экстрасенсов и колдунов в газетах было более чем достаточно, но вот, мягко говоря, непрофессионализм этих... самоучек... оставлял желать лучшего. Ну скажите на милость, кто из солидных людей всерьез бы отнесся к следующему объявлению: «Заговорю. Телефон 35-33-21»?

Такому-то и звонить страшно, не дай Бог действительно заговорит!

Еще страшнее были те, кто по фотографии привораживал. Валерий Яковлевич сам слышал жуткую историю про инструктора Ворошиловского РайОНО, который влюбился и попытался через экстрасенса свою возлюбленную присушить, да по ошибке передал магу и кудеснику групповую фотографию, сделанную на курсах повышения квалификации. Экстрасенсу что, деньги получены, фотография — вот она, а скорее всего и с бодуна он был, экстрасенс этот проклятый! Присушил весь снимок. Ох и натерпелся этот самый учитель от своих бывших коллег! Пока его дамочки среднего и пенсионного возраста доставали, еще вполне терпимо было, но когда интеллигентные мужики, товарищи по дошкольно-воспитательной работе донимать стали! Дважды в милицию попадал, из партии мужика исключили. Геи, говорят, его секс-символом России объявили! Сами понимаете, что после всех треволнений этот самый инструктор мужиков и женщин бояться стал, а экстрасенсов и колдунов ненавидит лютой ненавистью. Поговаривали, что он даже в общество «Знание» вступил, чтобы разоблачать всяких лжекудесников, знахарей и прочих подлецов, что честных людей с панталыку сбивают, толкают на кривой и опасный путь супружеской измены. А в свободное от лекций время упражняется в стрельбе. Правда, пока еще только по мишеням.

И все-таки одного магистра черной и белой магии Анна Леонидовна по телефону вызвала. Пусть, говорит, посмотрит, может, у Мишутки в спальне энергетика ненормаль-

ная. «Энергетика ненормальная!» Тут в пору специалистов по этой энергетике лечить! Пришла крашенная дамочка неопределенного возраста, в мужской кожаной куртке и с туристическим топориком за поясом юбки, отрекомендовалась магистром. С успехом ей можно было дать от двадцати до шестидесяти, да и то если косметику смыть. Была она самоуверенная, невежественная и воинственная. Едва вошла в квартиру, как тут же безапелляционно объявила, что Валерия Яковлевича сглазили завистливые соседи, но ей это поправить — раз плюнуть. За такие мелочи она и денег не берет. Бутылки хорошего коньяка будет вполне достаточно. И ведь прекрасно знала, мыпра крашенная, с кем говорит! У Анны Леонидовны она нашла малую порчу по женской линии. Порчу эту экстрасенша и магистр взялась вывести за сорок девять долларов. Затем она вошла в детскую, достала из сумочки подзорную трубу с зелеными стеклами, осмотрела комнату, заглянула под кровать и в шкафы и принялась охать, что у ребенка в комнате пять злобных мракобесов живут и один барабашка. За изгнание каждого мракобеса дамочка потребовала по сто баксов, а за барабашку вообще дикую сумму загнула плюс столоваться каждый сеанс захотела, а таких сеансов она наметила более десяти. Анна Леонидовна на условия магистра в юбке было согласилась, но Валерий Яковлевич резонно рассудил, что за такие деньги в комнате ребенка полный ремонт сделать можно, глядишь, может, нечисть и сама рассосется. А если и не рассосется, то лучше с мракобесами в одном доме жить, чем по миру с протянутой рукой пойти. Мысли свои он высказал вслух. Экстрасенша оскорбленно и испуганно поднялась, зашипела не хуже змеи подколотной и пообещала на Валерия Яковлевича такую порчу напустить, что рядом с этой порчей СПИД безмятежной детской сказочкой покажется! Прыщом, говорит, пойдешь, а в туалете, как малое дите, рыдать будешь! В общем, как говорится, скандальчик заказывали? С порчей дамочка, конечно, погорячилась, жена у Брюсова боевая, сама на кого хочешь порчу наведет, но нервы им с Анной Леонидовной

экстрасенша попортила. Хорошо еще, что Аннушка у него слишком горячая, убить нахальную визитершу не убила, однако причесочку попортила, и туристический топорик экстрасеншу не спас. Но ретировалась эта клятая экстрасенша только после того, как Валерий Яковлевич на нее ментов пообещал натравить. Это крашеной лахудре так не понравилось, что она тут же сбежала и платок даже при этом свой забыла!

А потом Анна Леонидовна от знакомых торговых работников услышала об Иване Неплавном. В городе о нем говорили с тайным и опасливым восхищением, а те, кому он помог, даже заикались и захлебывались от восторга. Слухи о Неплавном ходили самые невероятные: геморрой голой рукой лечил, зубы заговаривал, чакру штопал, импотентов так зомбировал, что те чуть ли не сексуальными маньяками становились. Да что говорить, этот самый Неплавный фригидных жен до страстных проституток вытягивал!

Валерий Яковлевич проклинал тот день, когда поддался уговорам жены и поехал в Сарепту к этому Ивану Неплавному. Дался им этот самый поэтический дар! А все супруга разлюбезная: «Хочу, чтобы ребенок интеллигентом вырос, чтобы в городскую элиту входил!» А того, дура, не понимала, что элита — это те, у кого деньги. Деньги и власть. Интеллигентов до хрена, мест в этом самом элитарном автобусе мало! И без поэтического дара ребенок мог прекрасно обойтись. Валерий Яковлевич сам был из крестьянской многодетной (шутка ли — трое детей!) семьи, а выбился в люди. Простым продавцом работал, учеником мясника, а попутно учился. Сначала в торговом училище, потом в техникуме, а поднатужился, деньжонок занял, так и торговый институт окончил. И при этом мясо рубить не прекращал. Нет, к Ивану Неплавному после того спиритического сеанса, когда они от медиума всю правду узнали, поехать все же пришлось, тут с супругой спорить бесполезно было. Анна Леонидовна прямо рвалась в бой и Второвертова даже слушать не стала. Но, как и следовало ожидать, экстрасенс развел руками — дескать,

неисповедимы пути Господни — и показал ошеломленным супругам забытую ими расписочку, что в случае незначительных отклонений они претензий к нему, Ивану Неплавному, не имеют.

— Это алкоголизм у шестилетнего ребенка — незначительное отклонение? — взвилась Анна Леонидовна, решительно наступая на экстрасенса. Отчаянная была супруга у мэра города, не зря же шесть лет до замужества в старших продавцах ходила. С ней тогда, помнится, ни один покупатель спорить не решался. Кому охота счетами по морде получить? Но на экстрасенса ее решительность особого впечатления не произвела.

— Дар ведь на месте! — невозмутимо поглаживал бороду Иван Неплавный и улыбался. За несколько прошедших лет он окончательно раздобрел и стал еще больше похож на узбекского бая. — Вот и такой крупный специалист, как Семен Второвертов, понимаете, подтверждает, что поэтический дар в наличии. Как есть автор «Каховки» и «Гренады»! Я вам обещал Светлова? Вот он, ваш Светлов! Чего ж вам еще? — Неплавный покачал головой. — Вот ить люди какие, и рыбку, значит, желают съесть, и денежку назад получить.

Анна Леонидовна, конечно, поскандалила немного, зеркала и слоников мраморных в горнице экстрасенса проклятого побила, да толку от этого было чуть, разве что душу отвела. Похоже, что экстрасенс все-таки чувствовал себя немного виноватым — никаких ответных мер не последовало. Даже порчи маломальской не напустил. И insultом с параличом мог пугануть, да не стал. А дома ничего не изменилось. Порой даже в детскую заходить страшно было, не дай Бог увидеть трезвого и оттого злого Мишутку.

Вот и сейчас Валерий Яковлевич заглянул в комнату с некоторой опаской. Мишутка лежал на полу, вжимаясь в пушистый ковер, и, задумчиво сопя, что-то старательно рисовал на большом ватманском листе. На лице его были все цвета радуги. Белая маечка была в красных и голубых пятнах. Работал сынок, творческое вдохновение переживал. На

отца Мишутка даже отвлекаться не стал, достал из коробки красный карандаш и принялся его слюнявить, чтобы цвет пожирнее был.

— Рисуешь? — присел на корточки среди разбросанных карандашей и фломастеров заботливый отец. — И что же ты, Мишенька, рисуешь?

Задуманная ребенком картина Брюсова испугала. В ней было что-то диссидентское. Лет пятнадцать — двадцать назад за такую картину всю семью на лечение от вялотекущей шизофрении в психбольницу закрытого типа отправили бы. А при Иосифе Виссарионовиче, глядишь, и вовсе расстреляли. Или сослали в Туруханский край. А как еще компетентные органы могли отнестись к картине, на которой Седьмого ноября во время праздничной демонстрации глава государства со своим охранником тайно распивают бутылку водки на трибуне Мавзолея? И не как-нибудь — без закуси, из горла!

— Господи, Мишенька, — почти всхлипнул отец. — Лучше бы ты ежиков в тумане рисовал. Или Пятачка с Винни-Пухом.

Ребенок сел на корточки, по-взрослому внимательно разглядывая перепуганного отца, задумчиво помигал.

— Не волнуйся, старик, — сказал он. — Ну не хочется мне пока писать стихи, не хочется!

— Дар ведь у тебя, — сказал Валерий Яковлевич. — Ты же можешь, Мишенька! Можешь?

Отпрыск задумчиво оглядел обмусоленный кончик карандаша и раздраженно отбросил его в сторону.

— Ну напишу я, — недобро прищурился он. — Скажем такое: «Я обращаюсь к стране: Выдай оружие смелым! И в первую очередь мне!» И что? Думаешь, я не слышал, как вы с мамой разговаривали, что от армии меня отмажете, когда подрасту? Конечно, папашка — мэр города! Ясное дело, служить не придется! Так чего же людям врать? Хорошая рифма всегда правды жизни просит!

— Родители тебе только добра хотят, — назидательно и вместе с тем растерянно сказал Валерий Яковлевич. — Ты еще маленький, не знаешь, какая армия сейчас стала. Дедовщина там, наркотики... Прапорщики пьяные!

— Вот и я говорю, — засопел малыш. — Какие стихи, когда тебя от суровой правды жизни оберегают!

Валерий Яковлевич потоптался в нерешительности. Кто после таких разговоров рискнет ребенка по голове погладить? Валерий Яковлевич и не рискнул. Только вздохнул печально и тоскливый взгляд в сторону отвел.

— А ты все же попробуй, — уныло посоветовал он. — Может, что и получится... У тебя ж, Мишенька, дар Божий!

Миша шумно вздохнул и развел ручонками, словно хотел сказать: «Ну что с ними поделать, с такими непонятливыми родителями?»

— Не хочу я растрачиваться на однодневки, — сказал он. — Вон Женька в свое время написал строчки: «Какую же должны мы вкладывать страсть, себя и других поднимая, в слова «Коммунизм. Советская власть. Революция. Первое Мая!» До сих пор ведь стыдится, все боится, как бы не припомнили! С начала перестройки, говорят, сборники с этими стихами у букинистов скупает и вечерами сжигает на кострах в переделкинских лесах. Ты этого хочешь, да?

Валерий Яковлевич в поэзии не был силен, поэтому стыдливо поинтересовался, какого именно Женьку имеет в виду ребенок.

— Да Евтушенко, кого же еще! — вскинул упрямый подбородок Мишенька. — Талант ведь, Маяковскому с Есениным не уступит, а смотри, какими кривыми тропками в литературу входил!

— Ты лучше рисуй, — посоветовал Валерий Яковлевич, несколько шалея от последних слов сына. Ты только посмотри, едва с горшка слез, а уже критикует. И кого? Евгения Евтушенко Брюсов, несмотря на свою поэтическую фамилию, никогда не читал, все некогда было, но Валерий Яков-

левич слышал об этом поэте много. А много говорят и много пишут лишь о талантливых и потому значительных людях. Но критика значительных людей всегда опасна, лучше уж помалкивать в тряпочку. Слова ребенка резали слух. Это все равно как если бы сам Валерий Яковлевич Брюсов взялся критиковать президента или хотя бы, скажем, министра торговли. Впрочем, такое могло случиться лишь в случае его душевной болезни или временного помутнения рассудка. Только глупый медведь из анекдота будет пилить сук, на котором сидит. Опасные слова говорил маленький Мишутка, такие слова только на кухне шепотом говорят, и то лишь тогда, когда окна плотно закрыты. Брюсову даже перекреститься захотелось, только он вспомнить не мог, как это правильно делается. Пусть уж лучше рисует. Картинку всегда спрятать можно, а слово, оно, как говорится, не воробей: вылетит — не поймешь!

Мишутка независимо пожал узенькими плечами, взял карандаш, лег на живот и снова принялся подрумянивать президентские щеки. Красивый у него получался президент, здоровый такой, веселый.

— Ты не волнуйся, старик, — рассеянно сказал Миша. — Придет время, и стихотворения напишу, и поэмы, и в Союз писателей меня обязательно примут. Не дурнее других. Глянь вон, на полочке стишки лежат. Вот уж действительно люди пишут! Уж если с такими принимают...

На полочке действительно лежало несколько тошених разноцветных книжечек. Не иначе, Анна Леонидовна стихотворные сборники покупала. Пыталась таким образом интерес к поэтическому творчеству у сына пробудить. Валерий Яковлевич сгреб книжки и вышел, чтобы не тревожить увлеченного делом сына.

На кухне он сел за стол и открыл первую попавшуюся книжицу. Книжица эта называлась «Земное удивление» и принадлежала перу известной царицынской поэтессы Валентины Мамуриной.

...как у нас в казачестве водится,
на столе догорает свеча,
За столом сидит Богородица,
пьет из блюдечка крепкий чай...

М-да! Валерий Яковлевич перелистнул несколько страничек и снова уткнулся в текст.

...Девоч красных сводит с ума
деревенский крепкий первач.
Вот и яхватила сама —
и теперь хоть смейся, хоть плачь...

Брюсов торопливо захлопнул коварную книжицу и подумал, что, может быть, они напрасно придираются к ребенку, может, это просто необходимо для вдохновения — дерябнуть соточку, притомить немножко принятую водочку пивком и сесть за стол нетленку лепить. Вон и поэтесса знаменитая первача не чурается, хлопнет стаканчик, с девками попляшет, попишет немного, а потом всю ночь с Богородицей чай пьет. Впрочем, это еще разобраться надо — чай ли они по ночам пьют!

Валерий Яковлевич взял в руки следующую книгу. С разворота на него глянул бравый сокол пенсионного возраста с лауреатским значком на лацкане пиджака. Владимир Маковецкий делился с читателями своими избранными стихами. Книжица была старая, еще времен начала перестройки. Стихи были написаны в ногу со временем. Впрочем, и поэт был отнюдь не романтическим юношей.

И вспомнилось мне в сельской дали,
как при покупке молока
мы по ошибке водки взяли
в окне молочного ларька.

Валерий Яковлевич Брюсов вспомнил то веселое время, толпы у магазина в дни завоза спиртных напитков, разъяренных пенсионеров, штурмующих отдел, и хмуро подумал: «Прибедняешься ты, Владимир Дмитриевич! Тебя за молоком стоять в то время под пулеметом не заставили бы! Три

бутылки водки по талонам урвал бы, еще пять своей ветеранской книжечкой вытряс! И директор магазина хорош, это додуматься надо было — заставить молочный отдел водкой торговать! Не иначе он госторгинспекцию и обэхээсников прикормил». Впрочем, Валерий Яковлевич несколько кривил душой. Хорошее было время, перестройка только началась, законом была тайга, а медведь — хозяином. Дорогой ты наш Михаил Сергеевич, уважаемая Раиса Максимовна! Именно тогда начали сколачивать свои состояния наиболее предприимчивые директора. А ради благой цели и уборщиц заставляли торговать, и из личных гаражей навывнос водку продавали. А как же! Бизнес есть бизнес. На прилавок закрытого отдела копейка не падает. Он улыбнулся неожиданным воспоминаниям и отложил Маковецкого в сторону. Покачивая головой и задумчиво улыбаясь, Брюсов взял со стола следующую книгу.

Автором ее был некий Оскар Гегемонов, поэт городского шума, гений трамвайных искр и промышленной электросварки, как скромно было указано в аннотации. И называлась книжечка этого самого Гегемонova «Мелодии проката». Широка была строка у Оскара Гегемонova. Широка и объемна. В стихах своих Оскар Гегемонов душою не кривил, писал честно, что думал и чувствовал:

После работы тяжелой,
выйдя за проходную,
так хорошо с устатку
выцедить кружечку пива,
с белой, как облако, пеной,
янтарного нежного цвета.
Город родной мой Царицын!
Как хорошо в нем летом!
Да и зимой прекрасно.
Выйдешь зимой с работы,
сядешь в кафе уютном,
примешь сто грамм с устатку...

«Свят, свят, свят! Избави меня от лукавого! Сговорились они, что ли? И Анна, похоже, вконец сдурела — больному

ребенку такие книжки покупать! Да после чтения таких стихов и трезвенник запьет!» Валерий Яковлевич торопливо открыл третью книгу и успокоился — это был сборник стихов Еvtушенко. И это обнадеживало. Евгений Александрович о пьянке писать не станет. Евгений Александрович — серьезный поэт. Евгений Александрович обычно пишет о любви или о политике. Политический лирик. И впрямь, первое стихотворение было нежным и лирическим, Брюсов прямо размяк душой, читая его. Но строки следующего стихотворения его повергли в тихое и отчаянное недоумение:

В старой рудничной чайной
городским хвастуном,
молодой и отчаянный,
я сижу за столом.
Пью на зависть любому,
и блестят сапоги.
Гармонисту слепому
я кричу: «Сыпани!..»

М-да! Валерий Яковлевич крикнул, торопливо захлопнул томик, посидел немного над разноцветными книжками, встал, прошелся по кухне, постоял задумчиво у окна, потом решительно поставил на стол хрустальную рюмку, открыл холодильник и достал ледяную запотевшую... «Интересно, — подумал он, наливая холодную водку в пузатую рюмку, — носил ли Еvtушенко сапоги? И если носил, то где? Неужели в Кремль на приемы ходил?» Поднести стопку ко рту он не успел.

— Андрюша! — Услышав голос жены, Брюсов испуганно повернулся, привычно пряча бутылку за спину.

Анна Леонидовна белой лебедушкой всплыла на кухню, царски взмахнула рукой, в которой была зажата рекламная газета. Бутылки в руке мужа и рюмки на столе она пока не замечала.

— Нашла! — радостно сказала она. — Вот посмотри! Я сразу подумала, что этот человек нам обязательно поможет!

Валерий Яковлевич взял газету и прочитал объявление:

Вылечу души и кармы сменю,
Беса любого в момент изгоню.
Сделаю все с минимальной оплатой,
Вас уважающий Рудольф Н. Платов.
43-47-45

Порчу и сглазы могу также снять.

Брюсов вздохнул и погладил жену по спине.

— Что ты, Анята! Это же самый настоящий шарлатан! И стихи у него графоманские. Ты погоди, мне кажется, я нашел нужного человека! Завтра я к нему своего референта пошлю.

Глава 11

Вот и обрел ты некоторую власть над человеческими душами. И что же? Призрачна оказалась эта самая власть, потому что все в мире суeta суeta. Скука. Страшная скука. Ты думал, что Бог, но ты не Бог, ты всего лишь администратор. Вроде апостола Петра. Открывать и закрывать райские ворота целую вечность... Дали тебе право переселять души из одного тела в другое. С тоски можно сдохнуть от такого предназначения! Работа реинкарнатора, несмотря на ее кажущуюся божественную сущность, оказалась заурядным и нудным делом. Где-то купил душу, в чье-то тело ее пристроил. Если говорить откровенно, то городской реинкарнатор ничем не отличался от торговца, который пытается всучить жителям того же города какой-нибудь товар. Там купил подешевле, здесь продал подороже. Разницу положил в карман. Если говорить в двух словах, коммерческая романтика.

Даосов нахлебался этой романтики до тошноты. А тут еще какие-то конкуренты объявились. То ли охотники за чужой прибылью, то ли вообще хотели у Даосова весь его бизнес оттяпать. Трудно было в происходящем разобраться. Весь романтический флер пропадает, когда о душе начина-

ешь думать как о товаре, а вокруг неизвестные силы суетятся, и главная цель этой суеты в том, чтобы помешать тебе этот товар реализовывать. А суета вокруг него шла, Борис Романович это всей шкурой своей чувствовал.

Поэтому проснулся Борис Романович без особого настроения. И на работу ему идти не хотелось. Тем более что еще не совсем ясно, дойдешь ли ты до своего рабочего места благополучно, или что-нибудь, как это зачастую бывает, случится.

Правда, выспался Борис Романович великолепно. То ли запретительные мантры свое воздействие оказали, то ли просто Бородуля за ночь не нашел вертолета или завалящей пожарной машины, но Даосову всю ночь никто не мешал. Хмуро оглядев себя в зеркало, Борис Романович умылся, побрился, почистил зубы и позавтракал. Это только замордованный начальством и окружающей действительностью советский служащий вскакивал поутру и в панике мчался на работу, боясь опоздать к началу рабочего дня. У Даосова было частное предприятие, а частная собственность развивает в человеке ба-а-а-льшее чувство собственного достоинства и осознание личной значимости. Но главное — позволяет не особенно торопиться по утрам на свое рабочее место.

Заперев за собой дверь в квартиру, Даосов направился к лестнице. Враждебные силы, если они и были, себя ничем не оказывали. В подъезде все было спокойно, и даже Бородуля засады на реинкарнатора этим утром не устроил.

Негромко насвистывая, Даосов принялся спускаться по лестнице. Навстречу ему поднималась девушка, жившая этажом выше. Девушка вела на поводке крупного розовомордого бультерьера, который при виде Бориса Романовича вздыбил короткую шерсть на загривке и неприятно оскалился. А скалиться бультерьеру было чем! Девушка наклонилась, успокаивая питомца и давая Даосову пройти. Бультерьер продолжал рычать и скалиться.

— Хорошая псина, — протянул Борис Романович, протискиваясь между девушкой и железными перилами. — Хорошая...

Бультерьера он знал не первый день и, называя его хорошим, грешил против истины. Бывший хулиган Федька Обмылок и в прежней жизни симпатий у населения микрорайона не вызывал. Трезвым его никто не видел, а напившись, Обмылок качал права по любому поводу, задирался на всех, кого считал достойным своего внимания, и ненормативная лексика у него была вместо родного языка. Так вот он и прорывал на людей свою недолгую жизнь, пока не отравился в компании таких же оболтусов метиловым спиртом. Событийников откачали, а Федька по жадности своей выпил столько, что врачи в районной больнице лишь бессильно развели руками. Даосову эта душа досталась случайно и так же случайно была вселена Борисом Романовичем, согласно карме, в бультерьера. Заплатить-то за изменение кармы Обмылка никто не мог, а скорее всего и не хотел. После переселения в бультерьера душа Феде особых изменений не претерпела — он все так же хрипло облаивал любого прохожего, грызся с дворовыми собаками, на команды своей хозяйки особого внимания не обращал и жрал любую падаль, которую только находил во время выгуливаний. Видно было, что и в новой своей ипостаси Обмылок протянет не особенно долго.

День был солнечным, и у подъезда кружились несколько кошек, которые при виде Даосова испуганно порскнули в разные стороны, но одна — самая изодранная и наглая — долго бежала следом, укоризненно мяукая, и отстала лишь вблизи проезжей части, где можно было угодить под машину. Была она черной и с белыми подпалинами на мордочке и на лапках, но чья душа в нее вселилась, Борис Романович вспомнить никак не мог. Да и в самом деле, мыслимое ли это дело каждую прости-господи помнить?

Путь на работу шел мимо трехэтажной школы из красного кирпича. Около школы на асфальте ворковали голуби и кружились дети. Судя по поведению, дети не испытывали

особого желания идти в школу, и Даосов всей своей широкой душой пожалел детвору. Тоскливо было в этот погожий день сидеть в классе и заучивать какой-нибудь закон Ньютона или спрягать что-нибудь.

Все-таки в солнечное утро настроение само собой улучшается. В голову приходят хорошие и добрые мысли. Если, конечно, Обмылок какой тебя с утра не облает или какому-нибудь Бородуле в голову очередная гениальная мысль не придет.

Нет, не к добру вспомнился ему Бородуля! Рядом с домом, где располагался офис ТОО «Мистерия жизни», прогуливались крепкие мордастые парни с короткими стрижками и низкими лбами, на которых выделялись глубокие толстые морщины. Мордовороты поглядывали по сторонам и сличали прохожих с имевшимися у них фотографиями. Но на этих фотографиях Даосов был в черном свитере, а сегодня он надел светлый летний костюм, да и прическа на фотографии у него была не в пример короче, чем в действительности. А мысль о том, что реинкарнатор, которого они так старательно пасли, мог сменить одежду или отрастить волосы, мордоворотам даже в голову не приходила. Некуда мыслям было приходить. Была у мордоворотов в мозгах только одна извилина, да и та спрямленная.

Поэтому Борис Романович без особой опаски постоял рядом с соглядателями и даже послушал ленивые разговоры братков. Да и чего ему было бояться, если рядом по тротуару неторопливо разгуливали трое милиционеров, лениво поигрывая резиновыми дубинками, которые в народе уже метко прозвали демократизаторами и ускорителями перестройки.

— Он что, должник? — недоуменно спросил один из братков.

— Он хуже, — отозвался второй, который был поинформированнее. — Он, Колян, такое может, Кио рядом с ним не стоял!

— Ну, ты удивил, — флегматично отозвался первый. — Наш Киквидзон похлеще всякого Кио будет. Его уже четыре

раза УБОП забирало, и каждый раз ментам извиняться перед ним приходилось.

— Ты, Колян, сравнишь хрен с пальцем! — возмутился его собеседник. — Какого-то Киквидзона с карначом равняешь. Ты Вову Виноградова из Уникомбанка знаешь?

— Банкира-то? — засмеялся первый бандит. — Знаю, конечно. Два раза из его банка людям проценты вышибал!

— И кто он сейчас?

— Как это кто? — удивился бандит. — Покойник, конечно! Его кадинцы еще по весне в Сарепте завалили!

— А этот его... эта... ре-ин-кар-ни-ровал, — едва не сломал язык собеседник и даже загордился, что вот эдак, без запиночки, произнес сложное и мудреное слово. — Хомяк он теперь!

— Тебе-то откуда знать? — недоверчиво прищурился товарищ.

— Оттуда! Мне баба, что с этим карначом работает, сказала, понял? Меня еще Абрамчик на нее нацелил, давай, Вован, слепи девочку. Я на нее в кабаках столько шампуня извел, залиться можно! Ух, жаркая цыпочка! Вот она-то мне и сказала. Иди, говорит, на рынок, там мужик в синей куртке хомяками торгует. Там, говорит, ты своего Виноградова и найдешь. Борькой, говорит, его теперь зовут! Прихожу на базар, точно — мужик сулаками торгует, и Виноград у него в клетке прыгает. Понял?

— Подумаешь! — засомневался собеседник. — Обыкновенная животица. Ты с чего взял, что это Виноградов?

— Узнал я его, — веско сказал рассказчик. — Вылитый Вован! И глазки так же бегают, и пузечко розовое. А когда я ему рубль металлический сунул, окончательно убедился. Он его обнюхал и рыло скривил. Ты ж помнишь, Вован к баксам привык, когда ему рублями платили, с ним приступы бешенства случались. Но жадный был, иной раз выпрашивать из него деньги приходилось. Без паяльника он с братвой и разговаривать не хотел! Вот и в этот раз, на базаре, посидел с

харей недовольной, покривился чуть, видит, что баксов не будет, хватать рубль лапкой и за щеку!

— И где же он теперь?

Бандит радостно и победно заулыбался, сверкая фиксой:

— Купил я его! Теперь он у меня в клетке живет. Гнездо, подлюга, баксами выстелил, пшеницу только твердых сортов жрет, а рис ему только индийский подавай, длинненький такой. Вечерами приду домой, возьму клетку на колени, он на меня из-за решетки глядит и попискивает. А я ему и говорю: «Что, Вован, несладко на шконке? Не, братила, от зоны так просто не уйдешь!»

— А на фиг он тебе? — удивился собеседник. — Ты что, хомяков разводить собрался?

Бандит пожал плечами.

— Не знаю. А все-таки приятно иметь ручного банкира, братан.

Борис Романович, независимо помахивая купленной в киоске газетой, прошел мимо них.

— Не он? — проявил бдительность владелец хомяка из банкиров.

Его напарник сверился с фотографией.

— Не, братан, у этого волосы длиннее и нос немного не такой. И одет этот в другие шмотки.

Спрятав фотографию, браток попытался как можно умильнее и нежнее улыбнуться приближающимся милиционерам, словно собирался заговорить с ними о погоде, рыбалке и прочих прелестях жизни. Дверь в офис была приоткрыта. Леночка, сосредоточенно выпятив губки, подрисовывала их специальным карандашом. «Ох разберусь я с тобой, — подумал Даосов. — Ладно, что спишь с бандюками, профессиональные тайны зачем им выкладывать?!»

Леночка словно почувствовала, что «мудрый сенекс» не в духе, и благоразумно убрала карандаш и зеркальце в сумочку.

— А вам уже звонили, — сообщила она. — Давид Абрамович по поводу тещи, из приемной мэра и этот... — она за-

глянула в блокнотик, — Бородуля. Грозил, что вы ему за сломанный палец по полной ставке заплатите. Вы что, действительно ему палец сломали?

— Несчастный случай на производстве, — отшутился Борис Романович. — Этот Бородуля, милая Леночка, работник ножа и топора. Романтик, понимаете ли, с большой дороги. Кстати, там, у входа, его товарищи вахту несут. Выгляньте, нет ли среди них ваших знакомых, милое дитя.

— У меня среди бандитов друзей нет, — гордо сказала Леночка, но в коридор все-таки вышла. Вернулась она смущенная и притихшая. На Даосова верная сподвижница старалась не смотреть.

— Ты сказала, что из мэрии звонили? — поинтересовался Борис Романович. — Не сказали, чего хотели? А то ведь слышал я, что с ребенком у нашего мэра не все в порядке. И Неплавный мне на его супругу жаловался. Чересчур боевитая, говорит, все зеркала ему в доме побила.

— Не знаю, — дернула плечиками Леночка. — Про ребенка никто ничего не говорил, а вот референт мэра в одиннадцать заедет. Они сначала вас хотели вызвать, но я им сказала, что у нас приемный день. А референт этот сказал, что тогда он в одиннадцать заедет.

— Охохонюшки. — Даосов встал и прошелся по кабинету. — Вот так-то, девонька, любовников тоже надо выбирать умеючи!

Верная сподвижница густо покраснела.

— Один раз всего и было, — кусая губки, сказала она. — В «Окопе» Дома офицеров. Не надо мне, дуре, было «Кровавого Мартина» после шампанского заказывать!

— А откровенничать тем более, — добил сподвижницу Даосов. — А этот... который теще тепленькое место заказывал, не появлялся?

— Даже не звонил! — откровенно обрадовалась смене темы Леночка. — А он правда ей теплое местечко заказывал? Или вы это в саркастическом плане, Борис Романович?

— А вот это, — Даосов мимоходом нажал указательным пальцем на нежный курносый носик, — это, милая, уже коммерческая тайна!

— Не понимаю, — дернула плечиками Елена. — Почему мужики так своих тещ ненавидят? Ведь среди них и хорошие попадают!

— Вот повзрослеешь, на собственном опыте узнаешь, — рассеянно сказал Борис Романович, погружаясь в чтение рекламных объявлений. Читать их было просто необходимо — вдруг конкуренты незванные объявились? Тем более что события последних дней заставляли думать именно так.

Нет, не зря его сердце с утра чуяло что-то недоброе. В черной рамочке, выделяющей его из общего текста, на третьей странице газеты «Все для Вас» было напечатано объявление:

Скуплю души. Дорого. Телефон 34-11-32.

Вот так. Черным по белому. Борис Романович посидел над газетой, подперев щеку кулаком, подумал немного и потянулся к трубке, чтобы набрать номер. Но телефон его опередил, взорвавшись неожиданным звонком.

Леночка еще трубку не подняла, а Даосов уже знал, кто звонит.

И не ошибся.

— Это Бородуля, — с некоторым испугом сказала компаньонка.

Брать трубку не хотелось, но Даосов понимал, что поговорить с Бородулей все-таки придется. Тем более что при ночном падении он, если верить Леночке, палец сломал и винил в этой своей травме только реинкарнатора. Можно подумать, что Даосов его ногами в люльку заталкивал.

— Романыч? — Бородуля был зол, пьян и решителен, а оттого многословен. — Здравствуй, карнач ты наш ясный! Что же ты со мной так? Даже дверь, сучок, не открыл, «скорой помощи» пострадавшему не вызвал! Из-за тебя ведь пострадал! Не стыдно? Теперь тебе, гаду, мой больничный при-

дется оплачивать, братва так решила. А может, миром разойдемся, Романыч? Ты мне ксиву нужную выпишешь, я претензию по поводу сломанного пальца сниму. Что молчишь-то, Романыч? Ты уж меня извини, — со слезливым надрывом покаялся Бородуля. — Может, я, в натуре, слишком настойчив. Но и ты меня, карнач, пойми: тридцать семь мне завтра стукнет. Хочешь, я тебя на день рождения позову? Мы в «Рассвете» гудеть будем. Ты ж, Романыч, пойми, трудно мне в мои годы горб перед каким-нибудь сопляком гнуть. А тут Дракончик в паханы лезет, Славка Совенок масть качает. Ты бы меня справкой своей знаешь как выручил бы? Мамою клянусь, Романыч, дашь справку, я навсегда из твоей жизни исчезну! зуб тебе даю! — Бородуля хитро и выжидательно посопел в трубку. — Ты меня слушаешь?

— Слушаю, — собираясь с мыслями, сказал Даосов.

— Я понимаю, Романыч, ты человек занятой, так ведь сколько его, того времени, нужно, чтобы под справочкой готовой черкануть да на печать подышать? Когда тебе справочку подвезти?

— Достал ты меня, — устало сказал Даосов. — Я тебя, дорогой мой, выслушал, теперь ты меня послушай. Не обижайся, родимый, мой черед пришел карты сдавать.

— Банкуй, братила, — с готовностью согласился Бородуля. — Хорошего человека грех не выслушать.

— Если ты мне еще раз позвонишь, — сказал Даосов, — пеняй на себя. Сразу беги в церковь свечки ставить. Ты меня понял?

— Ну что ты, Романыч, в бутылку лезешь? — искренне удивился Бородуля. — У тебя свой бизнес, а у нас свой. Ну, попугали по дурусти малость, извини, если что не так. Зачем грозить-то? За что ты нас так не любишь?

— Да вот за этот самый бизнес ваш, — сказал Даосов и положил трубку.

Вошла Леночка, целомудренно одергивая мини-юбку.

— Там к вам посетитель, — сказала она. — Референт мэра, который утром звонил.

В кабинет вошел молодой еще, но уже полноватый мужчина в строгом черном костюме, белоснежной сорочке и в модных австрийских туфлях. Галстук был подобран в тон рубашке и поражал безукоризненной правильностью узла. Было ему чуть больше тридцати, но все портила обширная лысина, которая уже отвоевала у волос большую часть головы. От мужчины на расстоянии пахло хорошим одеколоном. Пухлые щечки были хорошо выбриты, а глаза казались пустыми и потерянными.

— Здравствуйте, — сказал он, с бесцеремонностью знающего себе цену человека усаживаясь в кресло рядом со столом. — Если гора не идет к Магомету... Моя фамилия — Терентьев. Вам передавали, что я утром звонил?

— Слушаю вас, Станислав Андреевич, — сказал Даосов.

— А мы разве знакомы? — чуть растерял уверенности посетитель.

— Работа у нас такая, — сообщил Даосов и предложил: — Чашечку кофе? А может быть, коньячку?

— Лучше коньячку, — сказал Терентьев, нервно приглаживая остатки волос на голове.

— Леночка, — позвал хозяин. — Мне — двойной кофе, господину Терентьеву — коньячок и лимончик. Вы ведь лимончиком закусывать любите? Так что там с Мишей Брюсовым, Станислав Андреевич?

— Ну да, — сказал посетитель. — Меня же предупреждали...

Леночка принесла заказ на подносике, расписанном под Палех. Терентьев взял позолоченную рюмку, сделал маленький глоток и растерянным взглядом зашарил по столу.

— Курить-то у вас можно?

— Курите, — разрешил Даосов и пододвинул к Терентьеву черную чугунную пепельницу в виде негрityнки с развратно вывороченными губами.

Референт мэра прикурил сигарету, нервно помял ее пальцами.

— Так вот, я к вам по поручению мэра. Вы не могли бы посетить его завтра часиков в десять?

— Почему не могу, — сказал Борис Романович. — Это же моя работа, Станислав Андреевич. Насколько я понял, Валерию Яковлевичу требуется моя помощь?

— Я не знаю, — нервно сказал референт мэра. — Меня попросили передать приглашение, я его передаю. Что мне сказать Валерию Яковлевичу?

— Передайте ему, что я принимаю приглашение и буду согласно договоренности. Если вы, конечно, оставите адресок.

Референт побагровел и полез в нагрудный карман за визиткой мэра с приглашением. Почерк у мэра был затейливый и стремительный, сразу выдающий делового, но несколько самоуверенного и суетливого человека.

— Охрану на входе предупредят, — сказал референт.

Проводив посетителя задумчивым взглядом до двери, Даосов немного повеселел. Что мы имеем с гуся? С гуся мы имеем пух, перья, мясо и гусиный жир. А что можно иметь с городского мэра? А-а-а, то-то и оно! А если он еще и губернатором станет? Даосов задумчиво побарабанил пальцами по столу, цинично прикидывая, как он будет ошипывать мэра, но тут его взгляд упал на рекламное объявление в газете, и от хорошего настроения не осталось и следа.

М-да... Хорошенькие дела. Выяснить бы, где телефончик поставлен. Одно дело, если он в чьей-то квартире установлен, и совсем другое — если скупкой душ занялась какая-то организация. Ежели у реинкарнатора под носом начнут души скупать, то скоро он останется без работы. Для Даосова души были таким же сырьем, как для сталевара — кокс и шихта. А как прикажете без сырья работать? Конкуренция — вещь хорошая, если от нее серой не пахнет.

Он снова побарабанил пальцами по столу, но теперь уже скорее угрюмо. Можно было, конечно, позвонить по телефону напрямую, только что это даст? Если на том конце окажется тот, о ком Даосов думает, то он карнача сразу по-

чует, и тут уж только гадать останется, что придумает и какие ловушки поставит. М-да... Лучше выждать, глядишь, все само и прояснится.

Печально посидев в кресле, Даосов вышел из кабинета. Леночка, вытянув длинные стройные ноги в колготках «Леванте», сидела за столом, чистила пилкой ногти и одновременно читала какой-то дамский романчик карманного издания.

— Ты тут воюй, — сказал Даосов, — а я по городу пробегусь. Справки клиентам соберу, во ВПЭЛС по поводу Землянухина заеду. Пора уже с ним что-то решать, пока у нас подходящих вариантов более чем достаточно.

Уже на улице Борис Романович рассеянно подумал: «М-да... С девочкой надо что-то делать, иначе может случиться так, что придешь однажды на работу, а сейф пустой. И виноватых, как водится, нету!»

Мордовороты Бородули проводили его равнодушным взглядом. Милиционеры на него вообще никакого внимания не обратили.

А того, что в бежевые неприметные «жигули» торопливо забралась четверка небрежно одетых людей, Борис Романович даже не заметил.

Глава 12

Погода на улице была отменная.

У Торгового центра кучковались цыганки в цветастых юбках. Чего они продавали, было непонятно, но при появлении милиционеров цыганки разбегались и выжидали, пока стражи закона не уйдут. Все это напоминало игру, в которой обе стороны хорошо знали правила и свято соблюдали обязанности. Милиционеры делали вид, что ловят цыганок, цыганки притворялись, будто прячутся от бдительных стражей правопорядка.

Одна из цыганок почти сразу обратила внимание на Даосова. Наметанным глазом гадалки она оценила Бориса Романовича, и он ей приглянулся. Выбравшись из толпы, цыганка принялась охмурять потенциального клиента, используя для того природные данные и знания, полученные в таборе. Говорят, что цыгане владеют гипнозом. Может быть, такие цыганки и есть, но эта брала наглостью и страстным напором.

— Да-рагой, а яхонтовый! — стонала она. — Остановись, вижу, неприятности у тебя. Дай руку, скажу тебе правду, что было, что будет, что на сердце твоём золотом лежит, бриллиантовый мой!

При этом она профессионально оглядывала Даосова с головы до ног и, конечно, не могла не прикинуть стоимости его рубашечки от «Тиффани», часов «Ориент» на левой руке и прочих мелочей, выделяющих Даосова из толпы как дешёвого и достойного цыганского внимания человека.

— Дай руку! — не унималась цыганка. — Клара все знает, Клара тебе правду расскажет! Вижу, яхонтовый, суровые испытания тебе предстоят! Печаль на твоём лице и заботы... О душе ты задумался, бриллиантовый...

Мягко прижимаясь к Даосову ворохом юбок, цыганка оттерла его от основного потока прохожих и уже вглядывалась в многочисленные линии его ладони. Однако, по мнению цыганки, линии на ладони были неясны, и поэтому руку нужно было срочно позолотить. Достаточно будет вот этого перстня-печатки, главное, чтобы он лежал на ладони, поперек линии жизни... «Поторопись, яхонтовый, вижу, что неприятности в жизни тебя ждут, только без перстня разобрать не могу их».

Конечно, цыганке в любом случае ничего бы не обломилось, не на того напала, чтобы Даосов ей печати дарил! Борис Романович уже открыл рот, чтобы высказать цыганке то, что он думает о ней и ее мастерстве, но тут цыганку неожиданно будто ветром сдуло, и Даосов спиной почувствовал, как по мягкому асфальту тротуара проходят два неторопли-

вых милицейских сержанта. А может, и не почувствовал, а слышал ленивый скрип их сапог.

Сержанты шли по направлению к кинотеатру «Гвардеец». Даосову надо было туда же. Некоторое время он скучающе наблюдал за стражами правопорядка, но тут на пути ему попался книжный магазин, и Борис Романович заглянул туда купить поэтический сборник покойного Маковецкого, по стихам которого хотел определить подлинную стоимость приобретенной поэтической души. Стихи, братцы, это зеркало человеческой души, искренность и вранье в них определить нетрудно, а талант — так еще легче. Трудно соврать в стихах — как говаривал поэт Арсений Тарковский, рифма есть категория нравственная.

Маковецкий в книжном магазине на улице Рабоче-Крестьянская был в ассортименте — от целлофанированных подарочных изданий до дешевых маленьких книжечек, отпечатанных в разные годы. Уже одно это давало пищу для определенных размышлений, тем не менее Даосов купил толстый томик с медальным профилем автора на обложке. Сборник назывался достаточно загадочно — «По суглинкам юности тревожной».

На ходу листая томик Маковецкого, Борис Романович вышел на перекресток у кинотеатра «Гвардеец». Стихи царичинского классика особого энтузиазма не вызывали, более того, чтение их могло повлечь за собой определенное душевное расстройство. На счастье, пивбар Фомы Гордеевича Угроватова рядом оказался, и Даосов зашел в прохладное помещение, чтобы кружечкой холодного пенистого пива свое душевное равновесие поддержать и хмурые мысли развеять. Нет, все-таки права была цыганка Клара — тоска подтачивала душу реинкарнатора. Сначала этот странный слух, что его собираются убить. Еще более непонятное покушение на проспекте Жукова... Потом объявление в газете. Даосов убеждал себя в том, что если кто-то и скупает души, то это еще не повод для беспокойства и волнений. Народ нынче пошел грамотный, рассудительный, просто так со своей нетленной ду-

шой никто не расстанется. Все знают, куда потом эти души деваются! И чтобы себя окончательно в мыслях утвердить и на душевное свое спокойствие радостный глянец навести, Даосов глотнул холодного пива и благодушно спросил топчущегося подле столика бармена:

— Ты мне скажи, Гордеич, вот если бы случай тебе такой представился, продал бы ты свою бессмертную душу или подумал бы?

Бармен восторженно уставился на Бориса Романовича.

— Вам-то? Отец родной! Да я вам ее за так подарю! Берите, Фома Гордеичу для хорошего человека ничего не жалко! Фома Гордеич хорошему человеку не только душу, жизнь отдаст! Господом нашим Вседержителем клянусь!

Ага! Как же! Только вот души Угроватова Борису Романовичу для полного счастья не хватало! Вглядываясь в голубые мутноватые глаза бармена, Даосов неожиданно прозрел и понял, что такой вот Фома Гордеич — если предложение будет выгодным — не только свою душу продаст, чужих не пожалеет. Лишь бы спрос был и платили хорошо. С доставкой продавал бы души Фома Гордеевич! Боялся бы, нервничал, а все равно доставал и доставлял бы. Надо было бы — на криминал Фома Гордеевич пошел бы с легкой душой. Настроение у Даосова снова ухудшилось, и пиво он допивал уже безо всякого удовольствия.

— С праздничком вас, Борис Романович, — кланяясь в пояс, умильно поздравил бармен.

— Что еще за праздник? — удивился Даосов.

— Большой праздник, — с достоинством сказал Угроватов. — Казачий праздник. Тут ихний есаул заходил пивка попить, так он и рассказал. День рождения архангела Михаила нынче. Аккурат в этот день архангел и родился!

Новость эта была столь же нелепой, сколь и неожиданной.

— Гуляют казачки? — подмигнул Даосов.

— Гуляют, — радостно сказал бармен. — Третий раз уже за пивом прибежали. Водка-то у них своя — «Хоперская».

Казаки мирно праздновали свой очередной казачий праздник. Конечно, день рождения архангела Михаила никто из них справлять не додумался, это есаул бессовестно обманул бармена, — или день избрания атамана Козицына на ответственный казачий пост был, или Илья-пророк в Дон помочился, или же действительно день рождения, но кошевого атамана Самуила Николаевича Абрамкина. Как бы то ни было, казаки гуляли. Гуляли они в Доме казачьей песни и пляски, что располагался на улице Рабоче-Крестьянской неподалеку от книжного магазина, и гуляли хорошо — под гармонь и протяжные казачьи песни с посвистом и матерными припевами, с непоказным и оттого душевным мордобоем.

В это же время от Дома культуры работников трамвайно-троллейбусного дела по улице имени основателя космонавтики К. Э. Циолковского в своих обычных одеяниях шла образцово-показательная колонна царицынских кришнаитов. Кришнаиты громко распевали гимны и мантры. Многие держали в руках надутые до невероятных размеров разноцветные резиновые пенисы. Пенисы были сделаны излишне натуралистично, с ненужными деталями и подробностями, поэтому поглазеть на кришнаитов тут же собрались любопытные граждане и неудовлетворенные дамочки. Обычные замужние женщины на всякий случай обегали кришнаитов стороной. Известное дело, бритые кришнаиты — народ мирный, но кто знает, на каком запасном пути стоит на парах кришнаитский бронепоезд! Оправдывайся потом перед мужем, что пала жертвой религиозного фанатизма!

Кришнаиты радостно и слаженно спели свои гимны и организованно, под присмотром тех самых ленивых милиционеров, что спасли Даосова от нахрапистой цыганки у Дома быта, дошли до кинотеатра «Гвардеец», где свернули на аллею садика имени царицынского героя-подпольщика Саши Филиппова, собираясь сплоченной колонной вернуться в приютивший их Дом культуры.

В это время из Дома казачьей песни и пляски вышли трое казаков в форме, при погонах и с самодельными геор-

гиевскими крестами на груди. На галифе их светились атласные красные лампасы, из-под фуражек выбивались волнистые, с кудрявинкой, чубчики, и каждый из казаков был при полной боевой выкладке — пусть без пики, но с острой казацкой сабелькой. Двое из казаков были обычными — высокими, горбоносыми и кривоногими, а посередине шел маломерок в широких галифе и хромовых сапогах, в общем, из тех, кого лишь на лошади хорошо видно. Судя по поведению и звездочкам на истертых погонах, маломерок у казачков был за старшóго. Свой вклад в праздничную гулянку и уничтожение казачьих запасов спиртного троица внесла солидный, поэтому шла лениво, вразвалочку и кругами. Смятые в гармошку хромовые сапоги казачков поскрипывали.

Вот на них-то и вышла организованная колонна кришнаитов со своими резиновыми и неимоверно раздутыми безобразиями.

Увидев явную пропаганду порнографии, казачки осата-нели, сноровисто выхватили свои сабельки и кинулись рубить резиновые члены — только разноцветные ключья в стороны полетели! Больше других зверствовал казачий недоросль. Он нападал на высокого худого кришнаита, который в попытке спасти общественное имущество поднимал фиолетовый пенис все выше над головой. Казачок кришнаиту был по грудь, но, азартно крикая, подпрыгивал, матерился и все пытался концом сабли проткнуть резиновое хозяйство Кришны. Столпившиеся вокруг бритоголовые поклонники далекого индийского бога мешали казачку как могли. Все громко и разногласо кричали. Сочувствующие из толпы зевак давали казачку нескромные советы. Наконец то ли у высокого кришнаита руки вспотели, а может, казачок-недоросль его все-таки достал, только пенис вырвался у кришнаита из рук и медленно поплыл по воздуху, покачиваясь и набирая высоту. Кришнаиты восторженно завопили и начали, раскачиваясь, слаженно распевать непонятную мантру. Казачки принялись издевательским хором добавлять в их мантру неприличные, но хорошо рифмующиеся с общим содержанием словечки.

— Вот она — борьба мировоззрений! — спокойно констатировал невысокий прохожий с большой интеллигентной лысиной и ленинской бородкой. — Истинное православие против языческого мракобесия. Так победим! — И, воскликнув это, прохожий достал из большого кожаного портфеля пустую водочную бутылку и бросился на ближайшего кришнаита. — За православие! За веру! Ура-а-а! Спасем Россию от нехристей!

Кришнаит непротивленцем и последователем Льва Толстого не был, а потому буддийского смирения не выказал и встретил защитника православия достойным ударом в челюсть. Увидев, что обижают православного, казачки осенили себя крестным знамением и слаженно выступили на его защиту.

Христианско-буддийская схватка была в самом разгаре, когда милиционеры наконец очнулись, решили, что обеими сторонами грубо нарушается общественный порядок, и принялись залиvistыми трелями своих свистков будоражить покой садика.

На молодецкий посвист милиционеров из садика выскочили еще трое одуревших от спокойного дежурства служивых в серой форме с резиновыми палками в руках. Может быть, они и поспособствовали бы наведению общественного порядка, но тут на пьяные крики казачьего трио из Дома казачьей песни и пляски выскочила целая толпа их сподвижников, разгоряченных «Барыней» с коленцами и присядкой. Началось долгое и нудное препирательство пьяных с трезвыми. У этого препирательства могло быть лишь два выхода — либо милиционеры обезоруживают и сдают в вытрезитель пьяных подчиненных атамана Козицына, либо — что более вероятно — казачки бьют морды и обнаглевшим кришнаитам, и их защитничкам в серой форме.

Дождаться кровопролития Борис Романович не стал, да и опасно это было — сколько раз на его памяти виновные в излишнем любопытстве свидетели становились в глазах милиции главными нарушителями общественного порядка и

отправлялись на принудительный труд отбывать установленное судом административное наказание. К тому же особо глазеть Даосову было некогда, хотелось еще во ВПЭЛС успеть, чтобы взять справку на своего клиента Землянухина о том, что толстый дуб, растущий на пересечении улиц Елецкая и Дербентская, ни отцом, ни ближайшим родственником по отцовской линии тому не приходится. Честно говоря, самому Даосову эта справка была не нужна, но вот для налоговой инспекции или контролеров общества охраны природы держать ее было просто необходимо, чтобы впоследствии по своей недалёковидности огромный штраф не заплатить.

В правлении ВПЭЛСа на Даосова вначале посмотрели с подозрением — больной или дурак? — но десятидолларовая бумажка всех успокоила: ни больной, ни дурак с долларами не ходят, поэтому в глазах работников ВПЭЛСа Борис Романович сразу стал обычным чудачком. Ну хочет человек нелепую справку, так что же чудачу эту справку не дать? Не в «Крокодил» же он ее понесет! А если и понесет, так что? В конце концов, никто из работников ВПЭЛСа против истины не погрешил, не являлся этот самый Землянухин родственником указанного в справке дуба, разве что знакомыми они могли быть, да и то лишь в том случае, если этот самый Землянухин ходил мимо дуба на работу или любовница у него поблизости от этого дуба жила.

Теперь можно было заняться и личными делами. Пора было вытащить некоторые занозы, мешающие Даосову если не наслаждаться жизнью, то хотя бы жить спокойно.

На Центральном кладбище дежурил все тот же сторож. Увидев Даосова не на машине, сторож, может быть, и удивился, только виду не подал. Удивился он только тогда, когда увидел причитающееся ему на сей раз вознаграждение. Так удивился, что сразу же протрезвел и сделался внимательным и предупредительным, как официант в первоклассном ресторане. Сравнение было явно неудачным, не для кладбища оно было, но заниматься литературными изысками у Бориса Романовича не было времени.

— Ты мне Шустрика найди, — попросил Даосов.

Сторож зачарованно разглядывал полученную от Даосова купюру. Он помял ее между пальцев, обнюхал, и, если бы Даосова рядом не было, сторож бы купюру на зуб попробовал. Похоже, что, как и большинство рядовых царицынцев, купюру в сто долларов сторож видел впервые в жизни. Конечно, Шустрика он бы позвал и за меньшую сумму, но, получив сто баксов, готов был бежать за сорванцом даже домой. Кажется, сторож даже жалел, что этого не потребовалось.

— Вы посидите немного, — с почтительным придыханием сказал он. — Тут где-то ваш Шустрик обретался. Сегодня Сазонова из облздравотдела хоронили, так они его... — Сторож засмеялся. — Вы не поверите! Они, стервецы, его душу в карты разыграли. Не зря говорят, что новичкам везет: Шустрик и выиграл. Теперь проставляется. Сам-то он не пьет, соплик еще малой, но мужики требуют.

Шустрик появился в сторожке хмурый и недовольным.

— А, это вы! — развязно сказал он. — На фиг звали? Теперь все знают, что я с заказанным карначом связался. И так у меня из-за вас сплошные неприятности. А теперь мне дядька вообще все уши оборвет, учить жизни будет! Я же не знал, что вам ничего продавать нельзя!

Он принялся недовольно разглядывать свои грязные ладошки.

— Это кто тебе такую глупость сказал? — нахмурился Даосов. — Слушай этих дураков больше! Какой-то идиот сказал им, что меня заказали, вот они и боятся. Но я-то помирать не собираюсь, видишь — живой, можешь руками потрогать!

Шустрик с глумливой усмешкой оглядел карнача.

— Сегодня — живой, а завтра отпевать будут! — дерзко сказал он. — Не вы первый! А то я не знаю, как это бывает!

— Ага, держи карман шире! — забыв, что перед ним глупый мальчишка, огрызнулся Даосов. — Слушай, Шустрик, ты заработать хочешь?

— От денег только дураки отказываются, — независимо и вместе с тем заинтересованно сказал мальчишка и, немного подумав, добавил: — Дураки и покойники.

Даосов встал.

— Пойдем погуляем, — предложил он. — И насчет меня ты не беспокойся, у меня все схвачено. Слышал, наверное, сколько жизней у карнача?

Неторопливым прогулочным шагом они двинулись мимо памятников и оградок.

Люди и на кладбище занимались делами — кто памятник красил, кто холмик от травы очищал. Около памятника известному царицынскому мафиози Вагинаку Мартиросяну, геройски павшему от рук наемного убийцы за ужином в летнем кафе «Ани», двое хмурых небритых армян возились с лопатами. К памятнику были прислонены два саженца грецкого ореха, которые эти армяне привезли с далекой гористой родины. Еще один армянин — наверное, главный — сидел на скамеечке и читал «Комсомольскую правду», время от времени с показной строгостью проверяя, достаточно ли глубоки ямы. На Даосова и Шустрика он посмотрел с подозрением, но, видя, что они мирно разговаривают и к могиле Вагинака интереса не проявляют, вновь вернулся к чтению газеты. Его небритые сограждане усердно работали лопатами. Для грецких орехов ямы были нужны глубокие, да еще щебень надо было для дренажа подсыпать, поэтому они и пытались успеть до сумерек.

Выслушав предложение Даосова, Шустрик похлопал глазами, потом громко захохотал.

— Ну вы даете! — восхищенно сказал он. — Конечно, без душеприказчика вам не обойтись. А лучше меня это никто не сделает! За такие бабки я даже чистилищным помочь согласился бы! Когда я вам нужен?

Даосов подумал.

— На этой неделе, наверное, — неуверенно предположил он. — Тебя где найти? Я время уточню.

— Да здесь, конечно, — сказал мальчишка. — Сторожу этому или дьякону Михаилу в церкви скажите, они передадут. — Шустрик предостерегающе поднял руку: — Но бабки вперед!

— Хочешь, я прямо сейчас заплачу? — предложил Даосов. — А то еще возьмешь и передумаешь...

— Я порядки знаю, — покачал головой Шустрик. — А если вас грохнут? Куда я потом с вашими деньгами? Чужие клады охранять?

— Типун тебе на язык, — пробормотал Борис Романович и отмахнулся сразу, на четыре стороны. — Мне, дружок, тоже жить еще не надоело! — Наклонившись к подростку, он негромко спросил: — Ты за Сазонова сколько хочешь? Я бы прикупил.

— За двести у.е. отдам, — сразу сказал мальчишка. — А что вы хотите? Классный хирург, все говорят, что у него золотые руки были!

Глава 13

Домой Даосов не пошел.

А чего он не видел дома? Припрется опять настойчивый Бородуля, будет весь вечер звонить и ломиться в дверь, окончательно испортит настроение. Хорошо, если припрется один, а то ведь может явиться и с товарищами по ремеслу, потом выслушивай от соседей замечания по поводу шума в коридоре и неправильно выбранных знакомых. Можно подумать, что Борис Романович их и в самом деле выбирал! Да его воля, он бы этого Бородулю и его прихвостней век бы не видел. Только кому это объяснишь? А может, и в самом деле дать Бородуле справку, пусть он, подлюган, ею подавится? Так ведь не отстанет, только слабинку дай, потом по пословице будет: коготок увяз — всей птичке пропасть.

Даосов подумал немного, погулял бесцельно по улицам и отправился к любовнице. Никто в него по дороге не стрелял, никто не пытался заказ чей-то глупый исполнить. Борис Романович в который раз подумал, что никакого заказа и не было, просто пошутил кто-то глупо и жестоко.

И на улице было хорошо. Погода стояла прекрасная, тополя отцвели, и пух тополиный с улиц исчез. В темнеющих небесах слабо помигивали первые звездочки.

В подъезде дома, где жила Наталья, пахло кошками и краской. У подъезда густыми непроходимыми кустами росла сирень, и встань в ее тень злоумышленник, нипочем его Даосову не увидеть. Но, к счастью Бориса Романовича, у подъезда сидели все те же старухи, которые, увидев позднего гостя, примолкли, а когда Даосов прошел мимо них, торопливо и оживленно зашущукались.

Даосов поднялся на четвертый этаж и нажал кнопку звонка.

Наталья открыла сразу, и на лице ее появилось недоверчиво-радостное выражение.

— Боречка, — сказала Наталья. — Каким ветром тебя занесло? Не ожидала, честное слово, не ожидала!

Одета она была на выход, и кожаная сумочка, Даосовым подаренная, висела у нее через плечо.

Наталья впустила Даосова в комнату.

— Хмурый ты сегодня какой-то, — сказала она. — Недовольный... Случилось что-нибудь?

Она стояла посреди комнаты в брючном костюме, красивая, умело подкрашенная в нужных местах, и пахло от нее настоящим «Кристиан Диором».

— Ты куда-нибудь собралась? — после обязательного, но заставившего сердце затрепетать поцелуя спросил Борис Романович. — Может быть, я не вовремя?

Наталья ослепительно улыбнулась.

— Вот дурашка, — необидчиво сказала она. — Гнусный ревнивый старикашка. Никуда я не собиралась. Есть будешь?

Уже позже, когда они приходили в себя на роскошных подушках ее не менее роскошной постели, Наталья спросила:

— У тебя неприятности, Боренька?

— Да нет у меня никаких неприятностей, — буркнул Даосов. — Это у них неприятности, а не у меня!

— У кого это у них? — быстро спросила любовница и даже приподнялась на локте, заглядывая Борису Романовичу в лицо.

— У дураков некоторых, — неопределенно сказал Даосов, прижимая теплую и мягкую женщину к себе. — И вообще, с чего ты взяла, что у меня неприятности?

Наталья освободилась, села в постели и потянулась к сигаретам на тумбочке. Закурила, бесцеремонно поставила на грудь любовника пепельницу. Как уже отмечалось, Даосов к женщинам относился довольно спокойно, длительное пребывание в тибетских дацанах способствовало сдержанности, но рядом с Натальей все дацанские уроки как-то забывались. Он потянулся к ней, но она снова освободилась от даосовских объятий. По лицу ее видно было, что она решила высказаться до конца.

— Знаешь, — сказала Наталья, — мне вчера странный звонок был...

«Ну, Бородуля! — раздраженно подумал Борис Романович. — Ну, скотина, и до Наташки уже добрался! Нет, я тебе этого не прощу. Ты у меня об этом всю жизнь жалеть будешь! Ну, Бородуля!»

— Кто звонил-то? — поинтересовался он, вновь нежно и настойчиво привлекая ее к себе.

— Ты знаешь... — Наталья ткнула сигаретой в пепельницу и свободной рукой на ощупь поставила ее на тумбочку. — Дурацкий какой-то звонок. Я уж потом полночи голову ломала, так и не поняла, кто это мне звонил. Голос мужской, но абсолютно незнакомый. Я бы вспомнила, если бы звонил кто-нибудь знакомый. У меня память на голоса хорошая.

Она доверчиво прижалась к груди Даосова, нежно перебирая пальцами курчавые волосы его бородки. Ощущение было приятным. Округлые груди любовницы задорно уткнулись в грудь Бориса Романовича, и это вновь побуждало его к активным разведывательным действиям.

— О чем хоть разговор шел, лапа? — ощущая легкое непонятое беспокойство, спросил Даосов.

— Да не было никакого разговора! — с видимой досадой сказала Наталья. Видно было, что беседа ее отвлекала от более приятного занятия. — Поднимаю трубку. Спрашивают: «Это квартира Пригорницкой?» «Пригорницкой», — говорю. Этот самый тип, что звонил, поздоровался и говорит, мол, знаем мы о ваших отношениях с Борисом Романовичем Даосовым. Неприятности у него, говорит, в скором времени серьезные будут. Вы уж ему посоветуйте, чтобы мужик не артачился и поговорчивее был. И ему хорошо, и вам вреда особого не будет. Сказал и трубку положил. А сегодня тебя увидела, лица на тебе нет. Вот я и подумала, что у тебя неприятности начались. Кто это мог звонить, Боречка?

Рука Бориса Романовича замерла.

«Бородуля! — утвердился он в своих мыслях. — Нашел, гнида, слабое место! Со мной у него не получилось, так он Наталью запугивать начал, чтобы она мне пожаловалась, а я за нее испугался. Если его не остановить, он Наташку вполне может захватить в качестве заложницы. Вот сукин кот!»

Захотелось действовать немедленно, и Даосов даже сел на постели, свесив ноги. Нехорошие чувства обуревали царицынского реинкарнатора! Даже пальцы в кулаки сами собой сжимались.

— Куда ты собрался? — удивилась Наталья. — Поздно уже.

«И в самом деле, — подумал Борис Романович. — Куда это я? Все равно с Шустриком мы на послезавтра договорились. Ладно. — Он снова опустился на постель. — Послезавтра мы с Бородулей поговорим. И с его орлами тоже».

Он снова лег в разворошенную постель, глядя в потолок.

Некоторое время он лежал, сладостно представляя, как отомстит Бородуле и его браткам.

— Боря, — тепло дохнула ему в лицо Наталья. — Это так серьезно?

— Ерунда все это, — сонно пробормотал Даосов. — Не волнуйся, скоро они от тебя отстанут. Все это семечки, лапа!

Потом они снова занимались любовью, и любовь вполне естественно перешла в здоровый и глубокий сон.

А во сне к Даосову пришел уже знакомый черт.

— Грессишь? — вполне дружелюбно поинтересовался он, кося заинтересованным глазом на спящую Наталью.

— Да какой же это грех? — удивился Даосов. — Она не замужем, я разведен.

— Да я не о том, — развязно сверкнул клыками черт. — Этого хоть сто порций. Гордыня тебя обуяла, Даосов. Божественные функции себе присваивать начинаешь. Все под себя гребешь. А Бог, между прочим, делиться велел. Плохо тебе будет, Даосов, ой плохо!

— Слушай, — попросил Борис Романович. — Завязывай со своими непонятками. Ты можешь что-то по делу сказать? Если тебя для делового разговора послали, так говори, не выеживайся. Спать хочется. И косяки зря не кидай, хвост оторву, понял?

Черт присел на постели. Хвост его нервно постукивал по полу.

— Значит, козыри тебе на стол выложи? — с наглой улыбкой спросил он. — А ху-ху по хо-хо не хочешь?

— Сгинь! — приказал Даосов устало. — Надоело твое рыло разглядывать!

Черт покорно сгинул.

— Ты еще пожалеешь, Даосов! — зловеще сказал он на прощание.

С левой стороны тепло и пушисто заворочалась Наталья, жарко и влажно прижалась к Даосову и сонно пробормотала:

— Псих ты, Даосов. Вот уже и во сне разговаривать стал...

Даосов на эти слова только вздохнул, крепче прижал Наталью к груди и начал привычно выстраивать вереницу Будд, хмурых и недовольных столь бесцеремонным отношением к себе.

Уснул он не сразу, а проснулся рано — молоковоз во дворе сигналить начал.

Уходил от Натальи рано.

Женщина жарко заворочалась в постели, сонно приоткрыла глаза и пробормотала:

— Сыр в холодильнике, чай сам вскипятишь. Я еще посплю, котик? У меня выходной.

— Спи, лапа, — сказал Даосов и отправился в ванную комнату. Побрившись, он выпил чашку чая, прикрыл за собой дверь и, насвистывая, принялся спускаться по лестнице. Расслабившись ночью, он сейчас был умиротворенным и даже о Бородуле вспоминал без особого раздражения. Все-таки Наталья была хорошей женщиной, Борис Романович иногда даже подумывал о том, что неудачи первого брака не могут вечно заслонять то хорошее, что все-таки имело место в общении с противоположным полом. Нет, а что? Красива, умна, хозяйственна, со спокойным характером, скандалов не устраивает, а в постели... При воспоминании о постели у Даосова вообще голова кругом шла! Вот и сейчас она у него закружилась, и Борис Романович сразу даже не понял, что его с силой ударили по затылку чем-то тяжелым. Он даже еще успел раздвинуть в глупой улыбке бороду и только потом почувствовал боль. В глазах у него потемнело, и он потерял сознание, услышав перед тем пронзительный и немного истеричный от смелости женский вопль:

— Безобразие! Прекратите немедленно! Коля, звони, вызывай милицию, здесь человека избивают!

В себя он пришел уже на диване в чужой квартире.

Толстая и сердобольная хозяйка квартиры, одетая в красивый халат, заботливо накладывала ему на лоб холодный компресс. Рядом растерянно топтался ее супруг, значительно уступавший супруге в габаритах. Одет он был в майку и

синее трико. На вид супружеской паре было лет под шестьдесят, и по внешнему виду квартиры и обоих супругов было видно, что они прожили совместно долгую и почти бесконфликтную жизнь.

— Слава Богу! — певуче сказала женщина. — А мы уж думали «скорую» вызывать. Как вы себя чувствуете?

Чувствовал себя Даосов отвратительно. Как еще может себя чувствовать человек, которому только по преступной небрежности злоумышленника не раскроили череп?

Еще с тибетского дацана Борис Романович усвоил, что у человека есть несколько чакр. Так, тантра «Шива Самхита» называла семь чакр. Муладхара находилась в копчике, свадхистана — между ног, манипура — в пупке, анахата — в солнечном сплетении, висудха — там, где гортань, аджна — меж бровей, а сахасрара являлась нервным центром на темечке. Неудивительно, что в драках били именно по чакрам. Если тебя отоварили по башке, значит, целили в сахасрару. Дали в пятак, следовательно, пытались повредить аджну. Очко порвали — несомненно, целили в муладхару, а уж про попытки повредить такую важную чакру, как свадхистана, и говорить не приходилось. Каждый может представить, куда целят, чтобы до этой нужнейшей чакры добраться!

Судя по ощущениям, били Даосова сразу по всем чакрам сразу и бил большой специалист. Не иначе, как спящий в чакрах кундалини повредить пытался, лишить Бориса Романовича этой важнейшей энергии. И надо признаться, что это ему почти удалось. Материнской энергии Даосов в себе не чувствовал. Осталось лишь виталлическое тело — и тело это сейчас трясло от бешенства и бессилия.

— Большое спасибо, — сказал он полной женщине, которая назвалась Ириной Николаевной. — Выручили вы меня. Скажите, Ирина Николаевна, вы видели, кто меня бил?

Женщина всплеснула руками.

— Да откуда ж я знаю? — сказала она. — Двое каких-то в черных куртках. Боже мой! Я думала, они вас убьют! Вы лежите, лежите, сейчас милиция и «скорая помощь» приедут!

Вот только этого Даосову и не хватало!

Кряхтя, он сел.

— Не надо милиции, — сказал он. — У меня тут знакомая живет, пойду к ней, отлежусь немного, а потом сам разберусь. Что же милицию напрасно беспокоить?

Лица супругов стали подозрительными, как у ручных белых мышей, которым вместо пшена насыпали мака.

— А что это вы милицию вызывать не хотите? — сухо спросил супруг. — А если эти бандюки завтра еще кого-нибудь измордуют?

— Так ведь все равно не найдут тех, кто меня бил, — объяснил Даосов. — А нервы вызовами трепать будут. Вы что, не знаете, как сейчас наша милиция работает?

Супруги дружно и согласно закивали.

— Не говорите, — сказала Ирина Николаевна, и полное лицо ее выразило понимание и нежную сострадательность. — Из нашего подъезда Николая из пятой квартиры в вытрезвитель забирали. Весь в синяках пришел, будто его там не трезвили, а с третьего этажа сбрасывали. И деньги отняли!

— Деньги не у него, — возразил супруг. — Откуда у Кольки деньги? Он уже полгода не работает. Деньги у Степана Митрофановича отняли, и не в вытрезвителе, а в пикете на колхозном базаре. Двести рублей было, так ни копейки не оставили!

— Да что ты говоришь? — подбоченилась Ирина Николаевна. — Мне Валька сама вчера рассказывала, она Кольке за квартиру заплатить дала, так все до копейки у него выгребли!

— Пропил, наверное, — высказал реальное предположение супруг, которого звали Николаем Владимировичем. — А все на ментов свалил, чтобы Валька не ругалась. Если бы не пил, каким макаром он бы в вытрезвитель попал?

Спор разгорался, тональности голосов все повышались, и супруги даже не заметили, как спасенный ими Даосов потихонечку вышел в коридор и прикрыл за собой дверь.

С трудом поднявшись по лестнице, он нажал на кнопку звонка. Голова кружилась, во рту стоял металлический привкус, словно Даосов всю ночь дверную ручку сосал.

Наталья еще спала. Через некоторое время за дверью послышалось шлепанье босых ног, и немного раздраженный и вместе с тем заспанный голос спросил:

— Кто это?

— Я это, лапа, я, — сказал Борис Романович.

Дверь распахнулась. Наталья торопливо оглядела Бориса Романовича, заметила его истерзанную и перепачканную одежду и, побледнев, тревожно спросила:

— Что случилось, Боренька? Тебя побили?

Даосов вошел в квартиру.

— Ничего, — сказал он. — Какие-то козлы в подъезде напали, все чакры, гады, отбили!

Наталья прикрыла ладошкой дрожащие губы.

— Это Гусек, — сказала она. — Ну, в общем, я с ним до тебя встречалась. Это он, паразит, из ревности отомстить решил! Я так и знала! Вот козел! Боречка, я не думала...

Борис Романович прошел в комнату и обессиленно опустился в кресло, вытягивая ноги.

— Этот Гусек... Он буддизмом когда-нибудь увлекался?

— Никогда, — сказала Наталья, торопливо освобождая Даосова от пиджака и ботинок. — Каким буддизмом! Он и креститься-то никогда не умел!

— Тогда это не он, — сказал Даосов, языком проверяя зубы и оттого немного шепелявя. — Непосвященный свадхистану так ловко не найдет! — И он судорожно всосал воздух.

«Какой Гусек! Бородулинской братвы это работа, — подумал он. — Пусть они и не увлекаются восточными учениями, так у них опыт какой! Ну, Бородуля, ну, козел! Ты у меня за свой беспредел ответишь! Не ментам ответишь, гаденыш, я тебя по понятиям разведу!»

— Снимай все, — сказала Наталья. — Я тебя сейчас, котик, в порядок приведу. А ты пока умойся, у меня такое ощущение, что тебя носиком по полу возили!

У Бориса Романовича было ощущение, что по полу его возили не только носиком, но вслух он ничего не сказал, а, шипя от боли, принялся умываться. Умывшись, он обнаружил, что злоумышленники оставили на его лице не такие уж большие повреждения. Бросалась в глаза ссадина на правой щеке, и левое ухо было в подсохшей кровавой корочке. Можно было даже сказать, что повезло ему, легким испугом отделался. Кровь смылась, открывая небольшую ранку, а ссадину можно тональным кремом замазать. Он посмотрел на часы и успокоился — к Брюсову он успевал, а остальное могло и подождать.

Даосов вернулся в комнату.

Наталья ловко орудовала утюгом.

— У тебя сегодня деловые встречи? — спросила она.

Даосов утвердительно промычал, с опаской щупая ноющий подбородок.

— Я бы на твоём месте все отложила, — деловито сказала любовница, укладывая на гладильной доске брюки Даосова. — Сам видишь, у тебя сегодня несчастливый день.

Даосов раскинулся в кресле. Закрыв глаза, он деловито прислушивался к своему организму.

— Рад бы, да не могу, — признался он. — Мне мэр еще вчера стрелку забил. Ну, сама прикинь, как я на эту встречу не пойду? Завтра же своих контролеров пришлет, и прощай спокойная жизнь!

— Брюсов тебе встречу назначил? — удивилась Наталья. — А чего это ему от тебя понадобилось? Опять спонсоров ищут?

— Домой пригласил, — сказал Даосов. — Какие-то семейные проблемы решать хочет.

— Я слышала, что его жена с губернатором нашим путается, — задумчиво проглаживая брюки, сказала Наталья. — Может, из-за нее он тебя зовет?

— Жена Брюсова? — удивился Борис Романович. — Сколько же ей лет?

— Молодая еще, — согласилась Наталья. — Только ведь, сам знаешь, не в годах счастье. И я вот с дури на седого старикашку прельстилась. А ведь такие мальчишки за мной ухлестывали! — Она улыбчиво покачала головой и повторила: — Какие мальчишки!

Глава 14

Никогда не путайте реинкарнатора с реаниматором.

Это абсолютно разные профессии. Реаниматор носит белый халат, всегда измучен выездами к сердечно-сосудистым больным, которым приходится делать уколы, искусственное дыхание и различные массажи сердца, потом реаниматор вынужден, чертыхаясь и молясь, везти больного через весь город в больницу и там — чаще надеясь только на чудо — прилагать нечеловеческие усилия, чтобы вернуть его к жизни. Реинкарнатор приходит в гости к своему клиенту в праздничном костюме и накрахмаленной рубашке, пьет с ним коньяк, курит хорошие сигареты и ведет светские разговоры. Сходство у них в одном — и реаниматор, и реинкарнатор имеют дело с человеческой душой. А разница заключается в том, что реаниматор имеет с ней дело до душеприказчика, а реинкарнатор — после него. Реаниматор пытается сохранить душу в теле человека, а реинкарнатор ее забирает, чтобы, по возможности, пристроить в новое тело.

И те, и другие идут к своим клиентам в любое время года и в любом состоянии.

После утреннего происшествия Даосов чувствовал себя не слишком хорошо, да и настроения ему это загадочное избиение не прибавило. Представьте себе, что идете вы по серьезным делам и вдруг получаете от незнакомых вам лиц по физиономии. Пойти на встречу вы обязательно пойдете, но вместе с тем очень легко представить, как вы будете себя на этой встрече чувствовать.

Видно было, что к приходу Даосова в семье Брюсовых долго и тщательно готовились. Анна Леонидовна уже на входе поразила Бориса Романовича своей холодной лощеностью и холодностью. Так могли бы выглядеть фотомодели, будь в них по девяносто шесть килограммов при росте в сто пятьдесят шесть сантиметров. На Анне Леонидовне было роскошное платье из фирменного бутика с улицы Гагарина, модельные туфли на высокой платформе, а прическа на голове напоминала корабль, который под всеми парусами устремляется навстречу морским приключениям.

Заметив оторопь реинкарнатора, Анна Леонидовна милостиво улыбнулась и протянула Даосову руку. Жест ее не оставлял места для возможных толкований, поэтому Борис Романович поспешил прикоснуться губами к пухлой царственной длани хозяйки дома и светски выгнул спину.

Валерий Яковлевич встретил реинкарнатора по-домашнему. На нем был адидасовский костюм, который, впрочем, не делал фигуру хозяина спортивнее, а на ногах — теплые домашние тапочки с забавными помпонами.

В гостиной был накрыт скромный по меркам супругов Брюсовых стол, на котором армянский коньяк соседствовал с розовой нежной лососиной, бутербродами с датской ветчиной и фруктами. Украшением стола служила ваза с крупным туркменским виноградом, и казалось, внутри ягод дремало солнце.

— А где малыш? — поинтересовался Даосов.

Родители юного гения переглянулись, Анна Леонидовна слегка заалела и еле слышно сказала:

— Михаил Валерьевич у себя.

Так, так, так... Такое подчеркнуто гипертрофированное уважение к отпрыску ничего хорошего не сулило. Борис Романович видел не одну мамашу, безумно обожавшую своего ребенка, но с подобным отношением к семилетнему сопляку он еще не сталкивался. Валерий Яковлевич Брюсов слегка побагровел, видно было, что ему очень хотелось сказать жене нечто нелестное, но присутствие постороннего человека за-

ставляло хозяина дома быть воспитанным человеком. Судя по всему, в вопросах воспитания ребенка у супругов общего мнения не было.

Мишенька Брюсов, одетый в матросский костюмчик, лежал на постели и смотрел в потолок ясными карими глазами.

— Слушай, мать, — не поворачиваясь к двери, сказал он. — Я же просил меня не беспокоить! Я занят. Понимаете вы это — за-нят!

М-да, как и следовало ожидать, штопка посторонней эктоплазмой была видна невооруженным глазом. Надо сказать, что штопка была грубая, поэтому из-за внутренних рубцов душа с чакрой не соприкасались. Видимо, этим обстоятельством и объяснялся существующий с рождения дисбаланс. Судя по преобладающим тонам, душа была поэтической, но кому она в действительности принадлежала в прошлом рождении, без психоанализа определить было трудно. Страшно было представить, кто и что делал с этой душой в предшествующие рождения. Можно было смело сказать лишь то, что хозяева душу не берегли, гробили ее в свое время извращениями и излишествами, да и временные владельцы хранили отнюдь не в душехранилище.

— Это к вам, Мишенька, — сказала Анна Леонидовна и промокнула увлажнившиеся глаза кружевным платочком.

Видно было, что вежливость Анне Леонидовне дается с трудом, куда охотнее она дала бы волю подлинно материнским чувствам, если бы только считала, что лежащий на постели семилетний крепыш и в самом деле приходится ей сыном. Но в этом случае яркая представительница племени торговых работников и супруга известного в городе политика была в смятении — а вдруг все-таки Светлов? Нельзя ведь знаменитого поэта ремнем по голой... э-э-э... Вот именно, никак нельзя.

Мишенька сел, внимательно оглядел Даосова, и лицо его скривилось от отвращения и тоски.

— Я так и знал, — морщась, сказал он. — Ну чего вам спокойно не живется, дорогие родители? На фига вы доктора притащили?

— Разрешите, мы с ним поговорим наедине? — тихо попросил Даосов хозяина дома. — В целом мне уже все ясно, но кое-что все-таки хотелось бы уточнить.

Брюсов покорно потянул супругу из комнаты. Видно было, что Анне Леонидовне не хотелось уходить — то ли за сына боялась, то ли мучило ее известное женское любопытство, но настойчивость мужа сделала свое дело — реинкарнатор и дефектная душа остались наедине.

Собственно, дефектной душу назвать было трудно, среди специалистов речь велась бы о так называемой реставрированной душе, причем реставрированной неудачно и неумело. Медиум Второвертов в своих объяснениях мэру и его супруге был не совсем точен: фальсифицированная душа представляет собой полностью сфабрикованный продукт, когда берутся несколько душ, произвольно смешиваются и грубо разбавляются нейтральной эктоплазмой флоры или фауны. В данном же случае можно было говорить лишь о небрежно отреставрированной поэтической душе. Что это была за душа, Даосову только предстояло выяснить.

Некоторое время он молча смотрел на мальчика. Мишутка, в свою очередь, с озорным и даже немного нахальным вызовом разглядывал Бориса Романовича.

Именно мальчик первым нарушил молчание.

— Старик, — расслабленно сказал он. — Только обойдемся без психоанализа. Не надо этих идиотских вопросов: «Любишь ли ты родителей? Что тебе нравится больше — пиво или водка?» Кстати, ты пивка с собой не захватил? Жаль... Всухую трудно общий язык найти, сам понимаешь, разговориться трудно. Ты прям как Юрий Карлович Олеша, тот тоже — вмажет дома, а потом в гости идет...

— А что ты думаешь о редакторах? — поинтересовался Даосов.

Мишутка помолчал, невинно помаргивая длинными ресницами.

— Да ничего хорошего, — сказал он. — Всю жизнь мечтал искупаться в чистом озере поэзии и каждый раз обнаруживал, что в нем уже выкупался редактор. А тебя зачем принесло? Маман напела или мой старик нервничает? Два раза уже с ремнем приходил — пиши поэму, пиши поэму! Я ему по-хорошему говорю, мол, творчества из-под палки не бывает. Я же тебе не Тарас Шевченко, да и время не то. А он... — Мальчишка махнул рукой, и губки его обидчиво задрожали. — Нет, ты скажи, кто тебя на меня натравил? Папуля или маман?

— Оба, — коротко объяснил Борис Романович. — Миша, а тебе кто больше нравится из поэтов? Маяковский, Блок или Есенин?

— Больше мне нравится Светлов, — не задумываясь, сказал мальчуган. — А еще — Иосиф Уткин и Ярослав Смеляков. Ну и что? Багрицкий нравится...

— Ничего, — миролюбиво сказал Даосов. — Я тоже Смелякова люблю. И Багрицкого, особенно «Контрабандистов».

— Да ну? — Мишенька Брюсов вытянулся во весь свой небольшой рост. — Гляньте, Смелякова он любит. А Светлов тебе, значит, не нравится? Чем же тебе Светлов не угодил?

«Излишне агрессивен, — отметил про себя Даосов. — Для его возраста это ненормально. В семь лет обычно на авторитет старших полагаются».

Он с любопытством оглядел набычившегося мальчишку и поинтересовался:

— А что ты считаешь наиболее продуктивным — анапест или хорей?

— Классический ямб, — не задумываясь, выпалил Мишутка и помрачнел: — Все-таки тестируете? Я с вами по душам, а вы... — Он махнул рукой, сел на постель и, обиженно нахохлившись, отвернулся от реинкарнатора. — Видеть вас не хочу! Катитесь в свой дурдом, вам с психами разговаривать, а не с нормальными людьми!

Даосов встал. В дверь детской сразу же заглянула встревоженная Анна Леонидовна. «Дожидалась за дверью», — понял Борис Романович.

Он вышел из детской, посмотрел на тревожно вставшего при его появлении Брюсова и нарочито бодро потер руки.

— Ну-с, — улыбнулся он. — Вот теперь можно и коньячку выпить.

Ветчина была превосходной. Коньяк, впрочем, тоже.

— Душа вашему Мише досталась поэтическая, — сказал Даосов, неторопливо покончив с бутербродом и вытирая руки о салфетку. — Судя по некоторым признакам, я могу датировать поэтический дар концом девятнадцатого — началом двадцатого веков. Несомненно, что поэт, носивший душу до своей кончины, если сам не был Светловым, то входил в окружение этого поэта. Однако, — он оглядел родителей носителя поэтической души, — должен вам сказать прямо — душа вашему Мишутке досталась реставрированная, и реставрация эта проведена не лучшим специалистом. Швы грубые, невооруженным глазом видны, для реставрации поврежденных участков использовались случайные куски грешных душ, это я вам как специалист говорю. Отсюда и все ваши неприятности.

Анна Леонидовна торопливо налила в свою рюмку коньяк и залпом, словно это был валокордин или корвалол, выпила.

— Аня! — укоризненно простонал Валерий Яковлевич.

— Это можно вылечить? — спросила Анна Леонидовна, не обращая внимания на стенания супруга.

Ее прямолинейность пришлась Даосову по душе.

— Вообще-то это не лечится, — сказал он. — Недостатки, присущие поэтической душе, есть продолжение ее достоинств. Но...

— Говорите, говорите! — жарко выдохнула Анна Леонидовна.

— Помочь я вам могу, — просто сказал Борис Романович. — Нет, не лечить, я этим не занимаюсь. Но вот обме-

нять бракованную душу на что-то более качественное — это в моих силах. Если ваши финансовые возможности...

— А что вы можете предложить? — сразу взяла быка за рога его собеседница. Чувствовалось, что возможная цена обмена ее пока не особенно интересует.

Даосов подумал.

— Особо интересного сейчас ничего нет, — сказал он. — Композиторов парочка, но не крутых... Конструктор есть, недавно по случаю взял...

— Это не для нас, — нетерпеливо сказала Анна Леонидовна. — Впрочем, композиторы... Арно Бабаджаняна я, пожалуй бы, взяла...

— Бабаджаняна нет, — разочаровал ее Борис Романович Даосов.

— А кто есть? — вмешался в разговор до того молчавший Брюсов.

— Кара Караев есть, — повернулся к нему Даосов. — Неплохой композитор, он даже балеты писал.

— Нет, Кара Караева нам не надо, терпеть не могу мусульман, — отказалась от музыкальной карьеры сына Анна Леонидовна. — Лучше мы кого-нибудь еще подождем. А что-нибудь из поэтических душ у вас есть?

Даосов добросовестно сделал вид, что вспоминает.

— Вы знаете, — сказал он. — Кажется, вам повезло. Недавно с трудом заполучил Владимира Маковецкого. Того, кто местным отделением Союза писателей руководил. С огромным трудом вырвал! Талант у него, конечно, средний, но пробивные способности!

— Про него тоже слухи ходили, — сморщила носик Анна Леонидовна.

— Так гениям всегда завидуют! — воскликнул Борис Романович. — Вы не представляете, милая Анна Леонидовна, какие сплетни распускались о Чайковском! А о Сальвадоре Дали что в свое время говорили? А о Рудольфе Нуриеве? А Есенина в каких только грехах не обвиняли!

— Скажите, — робко поинтересовался Брюсов, который, воспользовавшись увлеченностью супруги, подряд выпил три рюмки коньяку. — Вот вы говорите, что для штопки использованы куски грешных душ... А откуда они берутся? Священники говорят, что грешники в ад попадают... Врут они, Борис Романович?

— В основном, конечно, они туда и попадают, — сказал Даосов помрачневшему хозяину. — А куски... Сами понимаете, через землю лезут, обдираются немного, ну и находятся такие, что собирают эту дрянь...

Он хотел уже сказать немного о душеедах, но вовремя заметил побледневшее лицо Анны Леонидовны и промолчал.

Наступившее молчание Валерий Яковлевич Брюсов истолковал по-своему и поспешил наполнить рюмки.

— Так что вы скажете, Борис Романович, — с некоторым трудом вернулась к разговору хозяйка. — Я и на Маковецко-го согласна... Устали мы очень, — призналась она. — Чуть не доглядишь, он деньги из кошелька вытащит и за пивом. А потом начинает стишки обидные соседям на дверях писать. Пусть уж лучше Маковецкий будет, все-таки наш, местный. Это возможно, Борис Романович?

— Вполне, — согласился Даосов. — Дело-то, в общем, привычное, так сказать, освоенное. Три тысячи — я хоть завтра обмен проведу.

— Три тысячи... — Анна Леонидовна проглотила свой коньяк, словно валерьянку или корвалол, запила глотком пепси-колы. — Вы имеете в виду — рублей?

— Ну, милочка, — Даосов благодушно откинулся в кресле, — кто же сейчас на рубли меряет? Сами должны понимать, все расчеты сейчас в «зеленых» идут.

— Что ж так дорого? — спросила несчастная мать.

— Да разве дорого? — удивился Даосов. — Вы посмотрите, в какую цену сейчас машины идут. А у нас с вами речь не о железяке бездушной идет, о душе! Можно ли мелочиться, когда решается судьба вашего мальчика?

— Аня! — сказал из своего угла Брюсов.

— А что Аня? — недовольно сверкнула на него глазами супруга. — Мы ведь тоже баксы по ночам не рисуем!

Борис Романович неторопливо поднялся, галантно коснулся губами руки хозяйки.

— К сожалению, мне пора, — сказал он. — Я понимаю, сумма приличная, вам нужно посоветоваться. Мой телефон у вас есть, только учтите, хорошие души сейчас в дефиците, такой товар не задерживается.

— Мы посоветуемся, — чопорно согласилась Анна Леонидовна. По ее внешнему виду было ясно, что в советах мужа она не нуждается, и сказаны эти слова были специально для Даосова. По мнению Анны Леонидовны, немедленно соглашаться сразу на все условия было просто неприлично.

— Может, задержишься? — непринужденно переходя на «ты», с надеждой спросил Даосова в коридоре хозяин. — Посидим, коньячку хорошего попьем! Ну куда она, твоя работа, денется?

— Андрей! — властно сказала Анна Леонидовна из комнаты. — Господин Даосов торопится! Не приставай к человеку!

На скамеечке около подъезда сидели несколько старушек, имевших золотистые безобидные ореольчики. Только у одной он был хмурого бурого цвета — видно было, что и молодость у этой преклонных лет дамочки прошла бурно, и в последние годы жизни она покоя никому не давала. Лицо у старухи было властное, на Даосова она смотрела, как прокурор перед зачитанием приговора смотрит на обвиняемого.

Отойдя от подъезда на достаточное расстояние, Борис Романович еще раз оглянулся на старушек. Совещание старых прелестниц было в самом разгаре, и главную роль в обсуждении происходящего принимала старуха с властным лицом. «Характерец, — мимолетно подумал Даосов. — Ее душа хорошо бы могла пойти. Только не пасти же ее каждый день.

Такие старушки долго живут, нацелишься ее душой завладеть, а она, глядишь, и тебя переживет».

Бодро шагая по улице, он прикидывал, куда потратит полученную от Брюсовых валюту. Нужно было заплатить аренду за помещение, за телефон и свет надо было обязательно заплатить, долг соседу отдать, косится уже иной раз соседка, скоро совсем терпение потеряет.

В том, что Брюсовы ему за обмен души заплатят, Даосов ни капельки не сомневался. Надо было прикинуть еще, кому можно отдать на реставрацию душу Светлова. Работы там было много, но и овчинка выделки стоила, даже среди признанных царицынских поэтов нашлось бы немало таких, кто с удовольствием разменял бы свой скромный поэтический дар на чужой и уже проверенный временем. Немного смущала сумма, которую Даосов потребовал за обмен душ. Такой цены Борис Романович еще никогда не заламывал, просто обидело его немного, что хозяин его «Белым аистом» поил, в то время как в баре у него пузатая бутылка «Хеннеси» темнела. Выходит, сочли его Брюсовы недостойным «Хеннеси». А раз так, то и совеститься особо не приходилось. Не обедняют мэр и его супруга, по всему видно, что не последний кусок белого хлеба доедают, да и икрой этот кусок был намазан достаточно густо.

Машину Борис Романович сегодня не брал, поэтому в офис ему нужно было добираться на попутной машине. Ждать долго не пришлось, он и руку не успел поднять, как около него притормозил роскошный «вольво». Тонированное стекло опустилось, и из машины Даосову улыбнулся бритый круглолицый тип, в принадлежности которого к гражданам, именуемым братками, даже сомневаться не приходилось. А для сомневающихся на шее водителя «вольво» висела золотая цепь, которая по толщине звеньев могла смело спорить с собачьим ошейником.

— Садись, Романыч, — улыбнулся в тридцать два искусственных зуба водитель. — С ветерком домчу.

Отказаться от такого приглашения было невозможно. Да и не стоило.

Даосов сел в машину.

Браток тронул машину и, не обращая внимания на истерично сигналившие «жигули» и «волги», влился в поток машин. Некоторое время они ехали молча.

— Не тушуйся, братила, — сказал водитель, закуривая черную сигарету «Давыдофф». — Макухин я, Леней меня зовут. Ты не думай, я без подлянки какой тебя решил подвезти. Давно у тебя спросить все хотел. Ты только не думай, Романыч, что я боюсь, у меня в жизни столько всякого было, что морг детским садиком покажется. Но ведь нельзя же так, а? Приходят на понтах, пальцы в стороны, мы, говорят, с Романычем теперь кашу варим, если не отойдешь, блин, мы тебя в червяка загоним! Разве это по совести, Романыч? Я тебе дорожку переходил? Нельзя же сразу в червя! Меня только бригадиром назначили, свет увидел, за что меня в землю? Вчера прилег и снится мне, что ты меня в натуре червем сделал. Сижу я в консервной банке, как в хате ментовской, и жду, когда меня рыбак на клык посадит. Я тебя обижал, Романыч? Мог я, конечно, с авторитетными людьми посоветоваться, но я подумал: нельзя пацана обижать, может, и не при делах он. Я понимаю, братан, задарма и птичка не чирикает. У меня у самого попугай был. Я на него, блин, столько зерна потратил, а он только и научился «Кеша хороший» говорить да «попка-дурак»... Но я тоже с понятиями, соображаю, что нельзя сразу в землю, надо дать и перьями обрасти. Верно, я говорю, Романыч?

— Леня, я тебя не пойму, — сказал Даосов, пытаясь держаться спокойно. — Кто к тебе приходил, кто пальцы топырил?

— Да Бородуля, — сморщившись, сказал водитель. — Нет, я понимаю, ты такая крыша, что ментам до тебя канать и канать. Но зачем же сразу пугать? Есть и надо мной люди, ты же взрослый мужик, не малолетка ширнутая, Романыч! Пришел к достойным людям, сказал, сколько просишь, по-

толковали бы, глядишь, и в ладошки ударили. А ты сразу дурь гнать попер. Я ведь тебе дорогу не переходил, верно?

Даосов даже закрутил головой. «Ай да Бородуля, — с веселым восторгом подумал он. — Надо же, со мной не получилось, он вон какой финт выкинул!»

— Слушай, Леня, — сказал он. — Клянусь, нет у меня с Бородулей никаких дел. Понтит он, понимаешь?

— Ну?! — Водитель «вольво» нажал на тормоза и устоял на реинкарнатора. — Зуб даешь, Романыч?

— Какой зуб! — Даосов махнул рукой. — Челюстью ответить готов! Это Бородулины заморочки, я о них не знал даже.

— Лады! — Леня Макухин повеселел, посверкал приветливо своими зубками, потом траурно нахмурился: — Ладно! С Бородулей мы разберемся! Мы думали, он и в самом деле тебя подтянул. Тебе куда, Романыч? В «Мистерию» твою?

Даосов кивнул.

— Ты это... — после маленькой паузы сказал Макухин. — Если тебе чего надо, ты на рынок подгребай. Склад номер шесть, меня там всегда найдешь. А если не будет, то скажешь, что от меня, чурки, которые там работают, Рома и Расим, отоварят тебя всем нужным. Все будет путем, Романыч!

Он опустил тонированное стекло и выбросил на дорогу окуроч.

— А с Бородулей мы разберемся, — поиграв желваками, сказал он.

— Вы Бородулю не трогайте, — сказал Даосов. — С Бородулей я сам разберусь. Достал он меня вконец!

Глава 15

Центральный рынок города Царицына лихорадило.

Полгода назад арестовали директора рынка Владимира Владимировича Мустамова, который в тюрьме написал вы-

дающееся произведение, которое можно было озаглавить как «Детская болезнь левизны в розничной торговле». В произведении детально вскрывались методы хищений в ларьках и на складах рынка, и немало работников рынка пострадало от этой откровенности: ведь милиционеры использовали произведения гражданина Мустамова как практическое пособие. Но постепенно все успокоилось. Места арестованных и посаженных в тюрьму бизнесменов заняли предприниматели новой волны, жизнь постепенно вошла в обычную колею, но ненадолго. А чему удивляться? Человечество развивается по спирали.

Сегодня на Центральном рынке вновь царил смятение. И было от чего рождаться недоуменным пересудам — братва, что держала рынок и делала «крышу» торговцам, вела себя очень странно. Нет, внешне братки выглядели как обычно — в «адидасах» и при толстых золотых цепях на бычьих шеях. Но вот по рядам они ходили... Словно в загоне каком вдруг оказались. И смотрели на торговцев, как смотрит баран на новые ворота.

— Где доля? — И голос вроде суров, только глядит при этом влажными умоляющими глазами, не требует, гад, а милостыню просит.

Один из торговцев даже набрался наглости и буркнул в том смысле, что не наторговал еще, чтобы делиться. В другое время его бы уже давно вывели на товарный двор к пункту приема стеклотары вежливости учить. А этот представитель славного племени взимающих мзду даже не обиделся. Пожал литыми плечами, пожевал задумчиво жвачку и лениво бросил:

— Ну нету так нету. Постарайся, дружок, чтобы к вечеру было...

Братки этим своим поведением обитателей рынка в полное сомнение ввели. Ведь обычно как оно бывало? Те, кто мзду взимал, делились на две основные категории. Первая, наглая и бесцеремонная, состояла из представителей славного племени патрульно-постовой милиции. Этим откажи —

они сразу же в великой обиде протокол принимаются составлять, а то и в кутузку волокут. И докажи потом народному судье, что не выражался ты грубой нецензурной бранью, нарушая сложившийся на рынке общественный порядок, а мирно торговал персиками, привезенными из далекого города Андижана. Ссориться с милиционерами было глупо, все равно что плевать против ветра. Вот с пэпээсниками и не ссорились, а по мере возможности старались со лстивыми улыбками найти общий язык. И, как правило, находили. Вторая категория взимающих мзду состояла из крепкошеих и ясноглазых улыбчивых братков. По внешнему виду их было понятно, что философскими размышлениями о жизни они не отягощены, а отказ воспринимали как нарушение сложившегося порядка вещей и в стремлении восстановить этот порядок могли пойти на разные крайние меры — от примитивного мордобоя до приведения в негодность товаров неговорчивого продавца.

Кроме этих двух категорий, мзду на рынке собирала и торговая администрация, и госторгинспекция, и работники санэпидстанции, но это уже было неизбежное и неотвратимое зло, поэтому каждый продавец из этих обстоятельств старался извлечь определенную выгоду. А вот поборы мафии и милиции торговцев все-таки возмущали.

Представители первой брали несоразмерно много, а вторые — пусть и не слишком много, но чересчур часто.

И между собой они были прекрасно знакомы, открыто здоровались по утрам, обмениваясь молодецкими и крепкими рукопожатиями. Даже термины, характеризующие их основную рыночную деятельность, у обеих сторон совпадали. Рынок они называли пастбищем, лиц кавказской и восточных национальностей и те, и другие именовали чурками, разнообразные способы воздействия на продавцов — воспитанием, получение мзды с торговца и менты, и братки называли ошкуриванием, а неговорчивых и излишне принципиальных торговцев обе группировки именовали жлобами и бара-

нами. Податливых и покорствующих те и другие ласково именовали дойными коровами, общих врагов из числа оперативников считали волками, иногда даже добавляя к этому имени обязательное прилагательное — позорные. Деньги у них назывались башлями или лавами, тот, кто эти деньги платил, соответственно, башлял или отстегивал. Получение мзды товаром у обеих сторон значило брать натурой. Впрочем, и в иных, кроме прикладной филологии, вопросах у братвы и милиционеров царил полное согласие.

Поэтому неудивительно, что и милиционеры обратили внимание на странное поведение братков. Потрясла милиционеров проснувшаяся в братках страсть к капусте. Нет, зелененькие братва и раньше любила, и даже предпочтительно было браткам, чтобы долю им отстегивали не российскими стольниками, а купюрами с изображением американских президентов. С этим и милиционеры всегда соглашались, это было правильно, инфляция меньше, да и места в карманах баксы не так много занимали. А недоумение проистекало из того, что братву вдруг обуяла любовь к самой настоящей капусте. Колхозники тамбовскими волками были. И завоешь — братва к их машинам в очередь выстроилась. Колхозники пытались откупиться деньгами, но братва неожиданно проявила твердость — требовала капусты. При этом братки не гнушались лично залезть в грязный кузов «КамАЗа», чтобы выбрать вилок покрупней да посочней.

Капусту брали мешками.

Представители российской милиции, сбившись у ворот в кучу, с недоумением наблюдали за действиями своих криминальных коллег. Милиционеров терзали сомнения, они прекрасно знали, что братки ничего не делают просто так, и подозревали, что браткам о капусте стало известно нечто новое, приравнивающее капусту к валюте. Остаться в стороне и в возможных убытках никому из милиционеров не хотелось. Потоптавшись у ворот, они набрались решимости и,

поигрывая резиновыми демократизаторами, двинулись к машинам с хрустящим овощем — затариваться капустой в счет рыночных репараций. Вскоре стеклянная будка, где располагался опорный пункт милиции, напоминала ломящийся от капусты овощной ларек.

Азербайджанские перекупщики, которые постепенно начинали видеть в братках и милиционерах возможных конкурентов, негромко ругались на родном языке. Не потому что они не владели русским матом, а потому что ругаться на родном языке было значительно безопаснее.

— Козлы! — охарактеризовал милиционеров потомственный овощевод Центрального рынка Самед Мирза-оглы, который вполне серьезно считал, что огурцы сажают, как картофель, — клубнями.

— Точно! — согласился его сосед по далекой азербайджанской деревне и злобно посмотрел вслед двум браткам в кожанках.

Радостные братки сопровождали тележку, на которой бородатый и немытый бич вез несколько мешков с капустой.

— Мамой клянусь, Самед, вот эти — уже бараны! Аллаха зову в свидетели!

Азербайджанский животновод даже не подозревал, как близок он был к истине.

Братки, что бесчинствовали в овощных рядах, входили в группировку покойного Сени Абрамчика. Попытки Бородули возглавить эту группировку после безвременной кончины пахана привели к тому, что Бородуля в рэкетирской гордыне попытался оказать нажим на Бориса Романовича Даосова, промышлявшего в городе Царицыне нелегким реинкарнаторским ремеслом, но при этом Бородуля нарушил собственный принцип, который гласил — не пережимать! К тому же самоуверенный и рвущийся к власти Бородуля выдал желаемое за действительное — он назвал Даосова «крышей» своей группировки. Поэтому участь бородулинских братков была решена. Души рэкетиров в одно прекрасное утро были вселены в привезенных на мясокомбинат баранов, а добрые и

кроткие души баранов обрели пристанище в мощных спортивных телах. Всего-то и требовалось для того — светлая голова Бориса Романовича и Шустрик. Понятное дело — Даосову лезть на территорию мясокомбината через забор было просто неудобно.

В тот же день произошло чрезвычайное происшествие на Царицынском мясокомбинате.

— Представляешь, Аня, что сегодня на мясокомбинате произошло? — оживленно рассказывал мэр города жене. — Сегодня Яков Иванович приезжал, он мне рассказывал. Жуть какая-то! Привезли с Иловли три десятка баранов, загнали их в отстойник. Сегодня их в цех забивать погнали, а они словно взбесились! Не бараны, бандиты какие-то! Загон в одном месте проломили, на ящики, и махнули через стену. У них вожак был, с порванным ухом, так он охранника за ногу укусил, мужик теперь в больнице лежит, уколы ему от столбняка и от бешенства делают. А баранов по всему городу разыскивают. Яков Иванович сказал, что людей сегодня даже по телевизору оповещать будут, чтобы случайно никто от беглецов не пострадал.

Анна Леонидовна мрачно сказала:

— Теперь десять раз подумаешь, брать баранину на харчо или не брать. Я в журнале читала, в Англии среди баранов эпидемия бешенства началась. Вот и до нас дошло!

— Значит, без баранины обойдемся, — бодро сказал, выходя из душа, Валерий Яковлевич. — Что у нас на вечер?

— Окорок нарежь, — посоветовала супруга. — Нет у нас ничего, не готовила я. Ко мне Татьяна из третьего магазина забежала, неприятности у них. Их директора за пересортицу загребли, теперь, наверное, посадят.

Пухлое миловидное лицо Анны Леонидовны преисполнилось сочувствия к незадачливому директору третьего магазина.

— Тебя посадят, а ты не воруй, — по-прежнему бодро и вместе с тем рассеянно сказал Брюсов, раскрывая холодиль-

ник и выгребая припасы. — Анечка, я налью себе граммов сто коньячку? Уж больно день был суматошный.

Пользуясь благодушием жены, Валерий Яковлевич налил себе полную рюмку и торопливо выпил.

— Ты не очень! Не в пивбаре! — одернула обнаглевшего супруга Анна Леонидовна. — Ты мне лучше скажи, будем мы нашему Мишеньке душу менять или пусть уж с этой живет?

Хозяин дома задумчиво налил себе еще одну рюмку.

— Ты же знаешь, Анюта, — сказал он. — Долго мы с тобой не выдержим. Ты в библиотеку ходила? Воспоминания о Светлове нашла? Если он только выпивал в прошлой жизни, так это еще не беда. А если кололся? Не дай ведь Бог, Аннушка, к наркотикам пристрастится, эта самая богема такая кружная... Все наше благополучие пойдет псу под хвост. Вон у Кторова сынок — наркоман. И лечить пробовали, и били — все без толку. На прошлой неделе мамины кольца и серьги продал у «Топаза», видеоманитофон по дешевке отдал...

Он лихо опрокинул третью рюмку и благодушно сел за стол, оглядывая жену.

— Такие вот, Аннушка, дела, — вздохнул он.

— А браслет с бриллиантом? — неожиданно спросила Анна Леонидовна. — Его он тоже продал?

— А я откуда знаю? — пожал плечами Валерий Яковлевич. — Что мне Виктор Николаевич рассказал, то я тебе и передаю.

Он задумчиво посмотрел на холодильник, потом искоса глянул на жену. Анна Леонидовна старательно делала вид, что не замечает немых намеков мужа.

— Не нравится мне этот Маковецкий, — неожиданно сменила она тему. — Какие-то серые у него стихи. Я в книжном магазине все его сборники выкупила. Целый день читала и никакого удовольствия, кроме головной боли, не получила. И люди о нем не особо отзываются.

— Зато пробивной, — возразил Брюсов. — Был бы тряпкой, кто бы его печатал? А раз печатают, значит, умеет чело-

век за себя постоять. Поэтов много, печатают не всех. Если человек печататься может, значит, способный он, такой в нашем мире выживет!

— Три тысячи... — вздохнула жена.

— А что делать? — философски ответил супруг. — Можно, конечно, что-нибудь и подешевле подобрать. Но ты ведь помнишь, что Ашот Каренович всегда говорил: «Я не настолько богат, чтобы покупать деловые вещи». На всю жизнь ведь берем, как говорится, на вырост. А возьмешь что-нибудь деловое, кончится все это ГПТУ или спецшколой для дефективных детей, а я уже не при делах буду. Сама потом наплачешься!

— Шубу я себе хотела купить, — снова вздохнула Анна Леонидовна.

— А вот тут, милая, выбирать придется, — развел руками Валерий Яковлевич. — Либо шубу, либо новую душу сыну. На все сразу моего магазина не хватит.

— Значит, берем? — прикинула Анна Леонидовна.

— Как скажешь, — благодушно сказал Брюсов.

— Тогда звони ему завтра с утра. — Анна Леонидовна встала и утицей прошлась по кухне. — И вот еще что... Я сегодня, Лерочка, на рынке была, там народ капусту свежую мешками хватал. Серьезные люди брали. А милиционеры, те вообще всю свою будку капустой доверху забили. Ты же знаешь, они свою зарплату по пустякам тратить не станут. Ты бы позвонил Гиви, может, он знает, что там с капустой происходит! Вдруг неурожай какой или наши идиоты по контракту все на Запад поставили!

— Завтра сразу же и выясню, — пообещал мэр супруге. — Прямо с утра. И этому... реинкарнатору... с утра позвоню.

На кухню вошел озабоченный и хмурый Мишутка. Был он в серых шортиках и футболке с изображением Микки-Мауса. Волосы на головке кудрявились. Немного посопев, он обратился к отцу:

— У меня бумага кончилась. Надо купить.

— Завтра купим, Мишенька, — ответила за отца мать.

— И фломастеры, — строго глянул на нее сын. — Я Глазунова дорисовывать буду, такую хренотень наш уважаемый классик изобразил, смотреть стыдно.

— Мишутка, — сказал прочувствованно Валерий Яковлевич. — Улыбнись, сынок. Что ты хмурый такой, как бука?

— А чего радоваться? — пасмурно глянул на него мальчуган. — Тебе хорошо, принял сто пятьдесят и кайфуешь. А тут мать хуже всякого жандарма. Три дня даже пивка не глотнул. Живу, как в Туруханском крае. Ладно, — мужественно и стоически сказал он. — Вырасту, тогда и оторвусь!

Старчески сутулясь и заложив руки за спину, он ушел в свою комнату.

Анна Леонидовна застелила свежими простынями постель. Валерий Яковлевич лег и включил телевизор, ожидая начала «Криминального канала». К его удивлению, про кровожадных баранов в передаче ничего не было, видимо, зрителей предупредили еще в последних известиях. Заявленную ОРТ «Полицейскую академию» Валерий Яковлевич смотреть не пожелал, у него все фильмы на видеокассетах были, а по первому каналу комедию то и дело прерывали рекламой прокладок с крылышками и пищевых кубиков «Галлины Бланка», которые нормальный человек не взял бы в рот даже под угрозой расстрела.

Анна Леонидовна закончила свои домашние дела и грузно легла рядом. Некоторое время она ворочалась и тревожно вздыхала.

Заявление сына встревожило родителей. Анна Леонидовна и Валерий Яковлевич молчали и растерянно переглядывались. При голубоватом свете ночника лицо супруги было совсем молодым. В уголках глаз Анны Леонидовны медленно набухали крупные, как дождинки, слезы.

— Оторвется, — подтвердила она слова сына. — Очень он у нас целеустремленный! Если задумал, выполнит обязательно.

— Слушай, — Валерий Яковлевич хозяйственно положил руку на грудь жены, — а может, зря суетимся? Станет наш Мишутка большим художником вроде Шемякина, портреты наши нарисует. Будем с тобой в Третьяковке висеть, а искусствоведы о нас рассказывать будут...

Грудь под его рукой мягко заколыхалась, и Анна Леонидовна, часто дыша, погасила ночник и повернулась к стене.

— Ты права, Анечка, медлить нельзя, — по-своему понял ее волнение муж. — Завтра же буду звонить. Надо спасти ребенка.

Однако они еще долго не могли уснуть и со страхом прислушивались к звукам, доносящимся из комнаты сына. Михаил Валерьевич Брюсов по слогам и с нецензурными, но меткими комментариями читал «Записки президента». Валерий Яковлевич облился холодным потом — в семье рос отчаянный диссидент.

Глава 16

В сауне было жарко.

Куретайло постарался: на грубом деревянном столе лежала зелень, краснели помидоры и сладкий перец, по тарелкам были разложены нежный розовый карбонад и копченая колбаса. Желтел надрезанный копченый лещ, рядом с которым темнели стеклянными запотевшими боками бутылки пива. В центре стола рядом с тонко нарезанным ржаным хлебом стояли две бутылочки «Смирновской» — непременно украшения банного стола.

В углу на большом круглом подносе медленно закипал расписанный под «хохлому» самовар.

Губернатор Царицынской области Иван Николаевич Жухрай закутался в простыню, глотнул пивка и командным басом приказал терпеливо ждущему полковнику Иванову:

— Докладывай, орел ты наш краснознаменный. Что там Даосов, как себя ведет?

Полковник Иванов надел очки, потянулся к висящему на гвозде кителю, достал из внутреннего кармана несколько листов бумаги и поправил простыню, оголившую грудь.

— Все читать или выборочно? — спросил он.

— Читай подряд, — приказал Жухрай и, глянув на наслаждающегося жизнью Куретайло, добавил: — Посмотрим, посмотрим, на что еще годна старая гвардия — есть ли у нее порох в пороховницах или песок из одного места сыплется.

Куретайло мелко покивал, соглашаясь с начальством.

— Даосов Борис Романович, — монотонно принялся зачитывать справку полковник Иванов. — Родился в одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году в Царицыне, отец умер, мать — тоже, жена, считай, тоже для нашего героя умерла, она ушла от этого самого Даосова еще до перестройки и до настоящего времени даже алиментов на сына не требует... Ну, дальше почти по Маяковскому: жил, работал, стал староват. Последнее место работы в Царицыне — НИИ производственной физкультуры... Комплексы гимнастических упражнений для рабочих разрабатывали, — с недоброй усмешкой пояснил Андрей Андреевич. — Потом ему, похоже, стыдно стало, и Даосов наш уехал. Тут информация скудная, ходят слухи, что он в Средней Азии по монастырям буддийским скитался, вроде бы аж до самой Лхасы добрался.

— А где эта самая Лхаса находится? — простодушно любопытствовал Куретайло, накладывая розовый ломтик карбонада на кусочек хлеба.

— Это по карте смотреть надо, — недобро сказал после некоторого молчания милицейский чин. — В горах где-то, около Индии.

Куретайло хмыкнул.

— Ты не отвлекайся, — строго сказал полковнику Жухрай и еще строже глянул на своего заместителя. — Тут, понимаешь, один дурак столько вопросов может задать, что сто мудрецов на них не ответят. Валяй дальше!

— Дальше... — Полковник зашуршал бумажками, подслеповато вглядываясь в них.

Несколько обиженный тем, что губернатор сравнил его с дураком, а начальника УЭП с мудрецом, Игорь Дмитриевич Куретайло демонстративно налил себе чаю.

— Дальше Борис Романович опять появляется в Царицыне. — Полковник оторвался от бумаг, укоризненно глянул на Куретайло и покачал головой. Заместитель губернатора с шумом потянул чай из стакана.

Полковник поморщился и снова уткнулся в бумаги.

— Появился он, значит, в Царицыне, в квартирке своей ремонт сделал, потом поехал в Москву. Там он встретился с российским ламой, вы его все знаете, он у нас в городе частенько бывает. — Полковник отложил бумаги и снял очки. — А дальше он приехал с ламой в Царицын, открыл ТОО «Мистерия жизни» и занялся этой самой вторичной переработкой душ. Финансовое положение предприятия неплохое, даже можно сказать — хорошее, но особо деньгами не сорит, разве что любовницей обзавелся. Такие дела, Иван Николаевич!

Жухрай лениво почесал грудь.

— Что за баба? — грубовато спросил он. — Соплячка небось какая-нибудь смазливенькая?

Полковник Иванов голодным глазом обшарил стол. Куретайло даже на мгновение показалось, что вместо глаз у полковника боевой лазер — под ментовским взглядом даже сервелат выгибаться и сворачиваться стал.

— Почему же! — Андрей Андреевич соорудил себе многоэтажный бутерброд и принялся неторопливо обкусывать его со всех сторон. «И в питании его подлая ментовская натура проявилась, — подумалось Куретайло. — Вот так они, гады, фирму помаленечку и обкусывают, пока до кассы не доберутся!» Полковник на взгляд заместителя губернатора внимания не обратил, а невозмутимо продолжил:

— Знаем, что у него за любовница! Приятная во всех отношениях женщина — Пригорницкая Наталья Константиновна, тридцать пять лет, вдова, живет на проспекте Космо-

навто. Не работает, конечно, что ей работать — у нее от мужа приличные сбережения остались. Он у нее в РДС исполнительным директором по Новосибирской области работал, а когда прокурорская проверка началась, очень удачно утонул на Бакалде, аккуратно перед явкой к следователю. Умеют же люди устраиваться! — вздохнул полковник. — И позору никакого, и все наворованное в семье. Кто ж у покойника конфискацию проводить будет!

— А что, если помер, то конфисковывать уже нельзя? — неосторожно вклинился в разговор Куретайло.

Жухрай пригвоздил его к месту тяжелым большевистским взглядом, покачал седой головой и сказал, обращаясь к начальнику УЭП:

— Я же говорю, Андрей Андреевич, голодной куме — все хлеб на уме! Нам бы президента хорошего, чтоб за олигархов не держался, вот тогда бы мы борьбу с коррупцией повели!

Иванов согласно кивнул и облизал пальцы.

Куретайло встал.

— Пойду окупусь, — сказал он независимо, словно и не слышал губернаторской реплики.

Жухрай проводил его взглядом и снова повернулся к полковнику.

— А как сейчас себя Даосов ведет? Ты говорил, что стреляли в него недавно?

Полковник Иванов кивнул.

— Было дело, — с непонятным весельем сказал он. — Но мы с этим разобрались. Пугали его. Бородуля из группировки покойного Сени Абрамчика у него чего-то домогался. Ну, решил я с этим Бородулей поговорить, вызвал его к себе. Вы не представляете, Иван Николаевич, баран бараном, я даже представить не могу, как он рэкетиризмом занимался, кто ему, балбесу такому, отстегивал!

— Ты его вразумил, конечно? — кивнул губернатор.

— Ну, я, конечно, старался, — с достоинством сказал полковник. — А пока я старался, гражданину Даосову кто-то

морду набил, когда он от любовницы своей выходил. Говорят, прилично.

— Что же милиция не вмешалась? — нахмурился Жухрай.

— Утром дело было, его у дома пасли, он же на ночь у нее редко когда оставался. Такая вот накладочка получилась, — вздохнул начальник УЭП и привычно разлил по стаканам «Смирновскую». — Он у любовницы, у этой самой Пригорницкой, себя в порядок немного привел и прямиком рванул... Куда вы думаете?

— Выкладывай, — хмуро сказал губернатор, задумчиво разглядывая стакан, словно предполагая, что это не последняя неприятная новость, услышанная им сегодня.

— К нашему городскому голове Даосов отправился, — сказал Иванов. — Прямо домой к Валерию Яковлевичу, на Чайковского.

Новость губернатора ошеломила.

— Та-а-ак, — сказал он и машинально выпил налитую в стакан водку. — А не ошиблись? Может, там кто-нибудь из его знакомых живет? Чего ему у мэра делать?

Иванов с достоинством пригубил стакан.

— Вот и я говорю, — сказал он. — Что ему у Брюсова делать? Мошенничество это, Иван Николаевич, а Брюсов его покрывает. Точно!

Жухрай оглядел закутанного в простыню Иванова.

— Ты мне скажи, Андрей Андреевич, — спросил он душевно. — Ты кого поддерживаешь — меня или Брюсова?

Начальник УЭП прямо и преданно глянул губернатору в глаза.

— Иван Николаевич! — укоризненно сказал он. — Вас, конечно! Кого же еще? Я за вами весь срок как за каменной стеной! Да вас с Брюсовым даже сравнивать нельзя! Кто Брюсов в прошлом? Торгаш! А вы...

За недосказанным крылось многое. Царицынская область входила в «красный пояс», где традиционно симпатизировали левым. Избрание на пост мэра города Брюсова было неожиданным для всех. Многие объясняли это подкупом изби-

рателей, кто-то клялся и божился, что свое черное дело сделали концерты в пользу мэра, проводившиеся столичными поп-дивами, поговаривали, что члены избирательной комиссии получили право еженедельно бесплатно отовариваться в гастрономе, принадлежащем Брюсову, но были и твердо уверенные в том, что область постепенно правела и выходила из пресловутого «красного пояса», и повторное избрание зюгановского ставленника Жухрая на пост губернатора области уже полагали политической ошибкой, а потому предрекали, что на новых выборах народ пойдет иным путем и в области начнется активное строительство светлого капиталистического будущего. Не зря же по указанию Брюсова на уличных стендах уже рисовали налогового инспектора, который, вперив палец в проходящего мимо, сурово вопрошал: «А ты записался в частные предприниматели?»

Признание полковника в верности коммунистическим идеалам и лично Жухраю капало маслом в суровую и уставшую от политических баталий губернаторскую душу.

— Хорошо, — пробасил Иван Николаевич. — Я тебе верю, Андрей!

— Вообще этот Даосов странный тип, — сказал начальник УЭП, задумчиво хрустя малосольным огурчиком. — По ночам на кладбище пропадает, с мужиками там непонятными встречается. Попробовали к ним ближе подобраться, так ведь куда там! Прямо как и в самом деле он туда за душами ходит! Да вы сами посмотрите! Вот он у Брюсова дома почти полтора часа сидит. Выходит от него и садится в машину... к кому бы вы думали? К Макухину Леониду Сергеевичу он садится! А кто он такой, этот Макухин? Член серьезной организованной преступной группировки, которой руководит ранее судимый Корзухин по кличке Сакула. И сам Макухин не безгрешен перед законом, в пятнадцатой колонии три года отрубил за разбойное нападение на квартиру ювелира Айрапетяна! Нет, Иван Николаевич, вы прямо в нужную точку нацелились. Получается, что этот самый Даосов является

связным между организованной преступностью и нашим уважаемым мэром.

— Не то, не то ты говоришь, Андрей Андреевич, — вздохнул губернатор. — Нет там никакой связи с организованной преступностью: Глубже надо смотреть, дорогой ты мой полковник!

Дверь в зал открылась, и на пороге появился Игорь Дмитриевич Куретайло. Был он до пояса закутан в простынку, лицо было довольным, словно заместитель губернатора не из бассейна, а из моря вышел.

— Хорошо! — крикнул он, подошел к столу и щедрой рукой плеснул себе в стакан. — Температурка в парной — сгореть можно!

— Ладно. — Жухрай поднялся. — Пойдем и мы, Андрей Андреевич, окунемся малость, попаримся немного.

Игорь Дмитриевич проводил их цепким взглядом, в котором едва заметно тлел нехороший огонек. Голыми губернатор и милицейский начальник напоминали двух розовых бегемотов. Прыгни они вдвоем в бассейн, наводнение случилось бы в сауне! «Тайны мадридского двора, — злобно подумал Куретайло. — Нужны мне ваши секреты!» Лукавил Игорь Дмитриевич, сам себе он сейчас врал. Многое Куретайло дал бы, чтобы услышать, о чем говорит губернатор с полковником. А ну как эта серая мышь докладывает сейчас губернатору о взаимоотношениях его заместителя с «Аврорусом»? И ведь никогда не знаешь, какова на то реакция губернаторская будет. Может просто к сведению принять, это еще полбеда. Но ведь может и голову срубить в порядке борьбы с коррупцией в госаппарате. Решит, что его заместитель вполне подходящая фигура для заклания! Игорь Дмитриевич нервно плеснул себе водки, прислушался к гулко бубнящим голосам в бассейне. Слава Богу, больше говорил губернатор. Правда, все это еще ничего не значило, полкаш уже мог доложить про «Аврорус», пока он в сауне парился, а теперь вытягивается в воде, указания выслушивает. Куретайло осто-

рожно подошел к двери и приоткрыл ее. Голоса стали громче, но гулкое эхо искажало смысл слов. «Секреты! — мрачно хмыкнул Куретайло, возвращаясь к столу. — А руководителем избирательного штаба меня назначил! Ведь не выберут его во второй раз, Брюсов голоса перехватит. Где народ перекупит, где с комиссиями договорится. Сунут пачку бюллетеней, и прощай «красный губернатор»! Тем более и тенденция сейчас по стране такая пошла. После последних-то выборов».

О том, что всех его старых знакомых по Москве время отодвинуло от реальной власти, Куретайло старался не думать. Куда хуже было проиграть выборы в области. Придет новый губернатор со своей командой, прикажет Игорю Дмитриевичу выметаться из кабинета, да еще и в старых делах копаться начнут. Подобная перспектива пахла не просто неприятностями, а ба-а-альшими неприятностями, вплоть до отсидки в колонии строгого режима. Замечательная жизнь пошла, сиди и прикидывай, кому первому мысль в голову придет тебя посадить — друзьям или врагам?

Настроение у Куретайло окончательно испортилось, и он снова плеснул себе водки. Выпил, подумал и захрустел сладким перчиком.

«А может, мне к Брюсову переметнуться?» — мелькнула в голове пьяная мысль.

Он посидел немного, обдумывая мысль. Чем больше он ее обдумывал, тем больше она ему нравилась и вместе с тем пугала. Предательство — вещь тонкая, тут главное правильный баланс найти, чтобы с каната не сорваться. Правда, возможное свое поведение Игорь Дмитриевич предательством даже в мыслях не называл. Тактика! Варианты поведения для достижения стратегической цели.

О том, что начальник УЭП полковник Иванов эту тактику избрал уже давно и владел ею куда лучше него, Куретайло как-то и не подумал. И зря! Игорь Дмитриевич был бы куда менее самонадеян в своих планах, если бы знал, что основополагающим принципом работы органов внутренних дел был

принцип курятника, где главным было вовремя клюнуть ближнего и еще более своевременно нагадить на нижнего.

И никто из собравшихся в сауне даже не подозревал, что в доме мэра Царицына Брюсова именно в это время совершалось великое таинство реинкарнации.

Впрочем, чего там греха таить — таинство это прошло обыденно, словно укол в районной поликлинике. Да, собственно, это и были уколы: Борис Романович Даосов кольнул спящего Мишутку одной иглой, потом другой, протер попку всхлипнувшего ребенка загодя приготовленной ваткой со спиртом и выпрямился, бережно укладывая иголки в специальную коробочку.

— Ну вот и все, — сказал он. — Теперь придется денек подождать, пока душа Маковецкого на общий нервный ствол не привьется. Все-таки не чистый обмен, подселение. Вроде по эктоплазме души совпадают, но приболеть немного может!

— Доктор, — робко спросила Анна Леонидовна, влажными глазами глядя на Даосова. — А это не вредно?

— Я, Анна Леонидовна, не доктор, — объяснил Даосов, моя руки над раковиной. — Я реинкарнатор!

— Я к тому, что Мишеньке это не повредит? — настойчиво переспросила женщина.

— Дети обычно перенос души легко воспринимают. — Борис Романович тщательно вытер руки, небрежно принял от Брюсова пухлую пачку купюр. — В крайнем случае немного температурка поднимется. А вообще это абсолютно безопасно.

Анна Леонидовна с видимым облегчением вздохнула.

Валерий Яковлевич засуетился.

— Тогда прошу к столу, — радушно пригласил он. — Как говорится, кончил дело — гуляй смело! Аннушка, ты стол накрыла?

— Накрыла, — сказала женщина, присаживаясь на постель и заботливо трогая лобик ребенка.

Лобик был холодным.

Мужчины прошли в гостиную. На маленьком столике стояла бутылочка кизлярского коньяка, солнечно желтел прошлогодний узбекский виноград, зеленели пучки петрушки и кинзы. В этот день, говоря словами классиков, Бог послал Валерию Яковлевичу нежнейшую буженину, сырокопченую колбасу, приготовленную для избранных на местном мясокомбинате из трех сортов мяса, и гусиный паштет. В больших стаканах зашипела, покрываясь мелкими и частыми пузырьками, заботливо наливаемая минералка.

— Я вот о чем хотел поговорить, Борис Романович, — сказал после первой обязательной рюмки Брюсов. — Вам не хочется заработать по-настоящему? Я имею в виду крупную сумму. Скажем, сто пятьдесят — двести тысяч долларов?

Даосов почесал бороду.

— Ох, Валерий Яковлевич, — сказал он, грозя хозяину пальцем. — Я вижу, вы из породы искусителей. И что же для этого нужно сделать? Основать новый «Русский Дом Селенга»? Ограбить казначейство?

— Я тут слышал, вы души скупаете, — сказал Брюсов, задумчиво разглядывая пустую рюмку в своих руках. — Значит, приличный запасец имеете. Так вот, я хочу спросить, а нельзя ли сделать так, чтобы они на выборах губернатора за меня проголосовали?

Предложение было столь неожиданным, что Даосов едва не подавился виноградиной.

— То есть как? — оторопел он.

— Именно так. — Брюсов снова бережно наполнил рюмки. — Вы, значит, садитесь, подсчитываете общее количество имеющихся у вас душ, уточняете фамилии, а я со своей стороны организую, чтобы они проголосовали безо всяких там наблюдателей. Скажем, в избирательном участке для бомжей. Или в больницах. Ну как?

Борис Романович ошалело смотрел на хозяина дома.

— Вы с ума сошли! — Он вдруг почувствовал легкое головокружение. — Вы же должны понять, что это души мерт-

вых! Понимаете, мертвых! Как же они могут за вас голосовать?

Валерий Яковлевич с мягкой укоризной посмотрел на реинкарнатора. Обычно так смотрят врачи, когда язвенник или больной после резекции желудка спрашивает, можно ли ему пить по праздникам.

— Я понимаю, — сказал он. — Мертвые души. Вот они-то мне и нужны. Милое дело для выборов. С живыми хлопот много, их обиходить надо, увлекать, пенсии с пособиями вовремя выплачивать. А городской бюджет, между прочим, не резиновый, в нем на всех денег не хватит.

— Вы все-таки не понимаете, — пробормотал Даосов. — Странно даже слушать вас.

— Да что тут странного! — Валерий Яковлевич придвинул свое кресло к реинкарнаторскому. — Вот скажи, ты пионером в детстве был?

— Был, — признался Борис Романович.

— И в комсомол, наверное, вступал? — продолжал расспросы мэр.

И на этот вопрос Даосов вынужден был ответить утвердительно.

— В партии состоял? — не унимался хозяин дома.

А вот чего не было, того не было! Не состоял Даосов никогда в партии, он же итээром был, а на них всегда в КПСС твердый лимит держали, боялась партийная верхушка, чтобы не разбавили они ненароком склонную к диктатуре кровь пролетариата.

— Ладно, не в этом дело, — сказал Брюсов. — Пусть ты в партии не был. Все равно, разве тебе строим жить не надоело?

— Не знаю, — неуверенно сказал Борис Романович. — Всю жизнь учили, что «вместе весело шагать по просторам и, конечно, распевать лучше хором».

— Но ты ведь в индийских церквях обучался, — нетерпеливо сказал Валерий Яковлевич. — Там ведь тебя учили, что главное — это свобода индивидуальности, так?

Борис Романович с тоской вспомнил свое затворничество в кельях дацанов, сопровождаемое круглосуточным распеванием мантр, полуголодное существование на цампе и родниковой воде и покачал головой. Собеседник понял его по-своему.

— Сам видишь, чего коммунаки в стране натворили, — с привычным гневом сказал он. — Нищая страна, живем как в казарме... Умному человеку инициативы проявить было нельзя, карательные органы меры принимали. Ну, что Жухрай? Ставленник недобитой партократии, большевик твердолобый, до сих пор только и умеет, что отнять и между своими разделить. Разве с такими светлое будущее построишь?

Он положил руку на плечо гостя.

— Время требует к власти новых людей, — сказал он. — Не обремененных грузом прошлого. Поэтому я и протягиваю тебе, Борис Романович, руку. Ты мне поможешь, я, как водится, — тебе. Внакладе не останешься.

— Так чем же я тебе помогу? — перешел на «ты» и Даосов.

— Душами, дружище, душами! — Мэр присел, вновь наливая в маленькие рюмки пахнувший шоколадом коньяк. — Найдем народ, у меня людей в городской администрации хватает, посадим им твои души, чтобы проголосовали наши, как говорится, безвременно павшие. Главное, чтобы они как нужно проголосовали! Ведь что важно, мой друг, важно, чтобы подписи в списках голосующих подлинные были. Жухрай, если проиграет, каждую запятую обнюхивать станет, блох, понимаешь, выискивать!

— И наткнется на то, что проголосовавшие за вас люди давно уже в могилах лежат! — с энтузиазмом подхватил Борис Романович. — Плохо продумали, Валерий Яковлевич! Ничего не получится.

Чело Брюсова омрачилось.

— А если я им через паспортное справки выправлю? — спросил он осторожно, словно мартовский лед ногой пробовал.

— А прописка? — возразил реинкарнатор.

— Об этом я как-то не подумал, — признался мэр, с уважением глядя на собеседника. — Но идея хороша, а значит, и выход должен быть. Так я могу рассчитывать на вашу помощь?

— Надо подумать, — уклончиво сказал Даосов, вставая из-за стола.

— Надо подумать, — согласился хозяин дома, провожая его к выходу. — Тут вы правы, надо серьезно подумать.

Пусть думает. Иногда это даже полезно.

А от себя заметим: очень хорошо, что губернатор и мэр не знали ничего о планах друг друга в отношении реинкарнатора. И вообще хорошо, что люди не читают мыслей друг друга. Что это за политика, которая совершенно лишена интриги? Политика существует только тогда, когда облеченный властью и доверием не знает, что он скажет в следующий раз. Народ наш любит сюрпризы, потому и голосует всегда сердцем, а не разумом.

Глава 17

Малый лама приехал в Царицын неожиданно.

Приехал он ночным поездом и фактом своего приезда сорвал свидание Даосова с Натальей, по которой Борис Романович уже успел соскучиться за день. Естественно, что городской реинкарнатор чувствовал некоторое раздражение, к которому, впрочем, примешивалось и некоторое облегчение. В телефонном разговоре малый лама намекал, что кое-что выяснил о происходящем в Царицыне и случившихся с Даосовым неприятностях. Даосов полагал, что приезд малого ламы рассеет все неясности и сделает жизнь ясной и понятной, как тибетские облака. Ближе к полуночи Борис Романович поехал на железнодорожный вокзал. Вокзал был освещен, и даже ночью на нем оранжевыми трудолюбивыми

муравьями копошились турецкие рабочие из «Авроруса». Машин на площади хватало, Даосов едва отыскал место для парковки.

Найти малого ламу в гулком вестибюле вокзала оказалось нетрудно. Малый лама выделялся из толпы своим внешним видом. Издалека он напоминал ребенка, неожиданно потерявшегося в вокзальной толчее. Комплекса неполноценности из-за своего роста малый лама не испытывал, утверждая, что в малом теле всегда кроется большой дух. Судя по росту малого ламы, дух у него был огромен. Малый лама был лилипутом, рост его едва дотягивал до шестидесяти сантиметров. Аура вокруг него была рыжеватая и неровная, словно бы изъедена была совестью. Рядом топтался железнодорожный милиционер, и по лицу его было видно, что испытывает сержант великое желание отправить ламу в детприемник. На всякий случай Даосов подошел к ламе и вежливым поклоном поприветствовал его. Начальство все-таки. Милиционер, увидев это, расслабился, сунул резиновую дубинку под мышку и неторопливо побрел по залу ожидания, цепко вглядываясь в лица пассажиров, дремлющих на скамейках в ожидании своего поезда.

— Слава Будде! — радостно сказал российский лама. — А я уж думал, что мне багаж придется сдавать в камеру хранения. Ты на машине или такси придется брать?

— На машине, — сказал Даосов, подхватывая вещи. Его так и подмывало подхватить на руки малого ламу, но тот мог и обидеться.

По пути домой оба молчали. Малый лама вытянул ножки в лакированных ботиночках и медитировал, в который раз пытаясь безуспешно достичь нирваны, а Борису Романовичу разговаривать было некогда, он за дорогой следил, помнил о черном водителе ночного фургона. Не дай Будда, случится что на дороге, а тем более малый лама пострадает, позору на весь Тибет, неприятностей по самые чакры!

Обошлось. До дома Даосова они доехали без приключений. Пока Даосов загонял машину в гараж, малый рос-

сийский лама безучастно стоял подле своего багажа. Из багажа у него было две вещи — портфель едва ли не в рост ламы и молитвенная мельница, которая была даже несколько больше.

Малый лама с любопытством обошел комнаты, окинул взглядом накрытый стол и довольно потер маленькие ладошки.

— Молодец! — похвалил он. — Без излишней аскезы живешь. Будда говорил, что показная аскетичность ничем не лучше тяги к роскоши: и та, и другая будят в человеке гордыню!

Выпили за приезд.

Малый лама закрыл глаза и с наслаждением просмаковал коньяк. Неторопливо пососал тоненькую дольку лимона, закусил бужениной.

— Да, это тебе не монастырская цампа, — заметил он. — Со вкусом живешь!

— Вы к нам надолго? — спросил Даосов. — По делам или отдохнуть?

— По делам, — сказал лама. — Священные коллективы проверю и вообще... Ты мне скажи, наезды на тебя продолжаются или уже отстали от тебя?

— Да как сказать... — Даосов пожал плечами. — Были одни, но я с ними сам разобрался. Только вот слухи ходят, что заказали меня. Народ косится, но пока все спокойно, если не считать случая, когда меня переехать пытались. А ведь они и сами хороши! Вот полюбуйтесь, специально для вас купил! — Схватив с телевизора газету, он показал малому ламе объявление.

— Скуплю души, — прочитал лама. — Дорого... Гм-м... И телефончик имеется. Славно, славно... Это хорошо, Борис Романович, что ты на них компромат ищешь. Только ты сам должен понимать: им грех — что коту цыпленок. Газетку я, конечно, возьму и покажу в столице кому надо, только этого мало. Если бы свидетельство живой грешной души, что ей при заключении договора купли-продажи укороченные сро-

ки жизни проставляют, а если бы еще и экземплярчик такого договора получить... Тут бы мы их прижали!

— Что же теперь, утереться? — с раздражением спросил Даосов. — Раз нет договорчика, пусть, значит, безобразничают, как хотят!

— Терпимость, терпимость надо проявлять, — задумчиво сказал малый лама. — Ты же буддист, черт тебя побери! Ты должен стойко и без нытья переносить все трудности и лишения избранной веры. Другие вон по десять лет в пещере безвылазно сидят, не разговаривают ни с кем, все медитируют, нирваны пытаются достичь. А ты, брат, разнюнился. Ты в будущее с надеждой смотреть должен!

Он встал и прошелся по комнате, держа руки за спиной. Со стороны эта задумчивая поза малого ламы выглядела очень смешно, вроде бы мальчонка в измученного заботами взрослого играет, но Борису Романовичу было не до смеха. Спать ему хотелось, день выдался не то чтобы очень хлопотный, но достаточно напряженный.

— Ты думаешь, у меня всегда все гладко было? — спросил лама, останавливаясь у окна. — Думаешь, трудностей не было? Противники меня не донимали? Ошибаешься! Знаешь, как я в Россию попал? — Малый лама сел на подоконник и посмотрел в окно. — Исключительно из-за своей расхлябанности, родной. В Россию все вторым сортом гонят! У меня в дацане экзамены принимали. С четверть века назад это было, если не более. Здесь тогда еще верный друг тибетского народа Никита Мудрый правил. Меня тогда в Индию нефть искать отправили, я и прижился в Бомбее, а оттуда в горы рванул. Таких, как я, тогда невозвращенцами называли. Взяли меня в дацан. Про учебу я тебе рассказывать не буду, сам все знаешь! Сдавал я экзамен гуру своему из Лхасы. Имени его не называю, ты все равно моего гуру не знаешь. Учебников в дацане не было, все со слов хватал, ну и спутал я отдельные положения джанаизма и китайского даосизма. Честно говоря, не то что спутал, трактаты не дочитал. У студентов ведь как? Дай учебник на арабском, завтра вый-

дет к столу преподавателя и отвечать станет. А у меня, как обычно, дня одного не хватило. Смотрю, лама, блин, аж багровый от негодования стал. Бороденкой трясет, лопочет себе под нос — вроде матом на хинди кроет! Ну, я тоже смотрю, блин. Вижу, что облажался. Сам понимаю, что припух капитально, но продолжаю наглеть. Вместо принципов дзэн я ему законы диалектического материализма зафуячил. Мне уже, понимаешь, принципиально интересно стало — схавает он это по своей деликатности даосской или попрет меня с экзамена со свистом. И что ты думаешь? Схавал все мой гуру, как лох какой схавал. Выхожу с экзамена, настроение все-таки гнилое, ну, думаю, сейчас в себя придет, пошлет меня в пещеру невежество отмаливать. Сам знаешь, в дацанах зачеток нет, там как наставник сказал, так и будет.

Выходит гуру. Бороденка реденькая торчком, глазенки сверкают. Ты, говорит, редкое знание предмета показал, почти по цитатнику Мао все отвечал. А Мао и Конфуций — близнецы-братья, сразу, мол, и не разберешь, кто матери-истории более ценен. А раз так, то прямой тебе путь, уважаемый послушник, в Россию. Там наша вера никак не приживется, вот вам, как говорится, и мандалу в обе руки — православную Россию на истинный путь наставлять.

Вот уже десятый год наставляю. Нет, поначалу все нормально было. Волю дали, веровать в кого хочешь разрешили. Раньше-то выбора не было. Можно было только в православного Бога верить, но без возможности какой-либо карьеры, или в Маркса, но тут уже большой карьерой пахло. А ведь оба одинаковы, даже бороды похожи. Но это я так, к слову. А тут вдруг свобода — можешь даже в живых индийских богов верить. Сразу мне даже повезло, я в Киеве с бабой по фамилии Цвигун снюхался и ее мужиком. Кривошеев его фамилия. Они меня послушали, загорелись, Цвигун эта самая сразу девой Марией себя объявила. Я, разумеется, в тени. Создали мы «Белое братство», начали проповедовать. Народ валом попер. Откуда я знал, что этот самый Кривошеев кодирование на подсознательном уровне применял, чтоб

ему Кришна и в самом деле шею кривой сделал! Я радостные отчеты в Тибет строчу, мол, успешно внедряю буддийское сознание в серое вещество российских граждан, а того, блин, не ведаю, что киевские кагэбэшники на нас уже дело шьют, и не гнилыми белыми нитками, а капроновыми.

В общем, загремели мои дева Мария и ее святой дух в зону, хорошо что я сдернуть успел. Показатели мои дутые, само собой, накрылись, но тут и мне малость подвезло — СССР распался. Я рапортую, что переключился с Украины на Россию, а тамошнюю буддийскую паству местному ламе сдал. Мне благодарность даосского духовного курултая, грамоту с разноцветными шестиугольными печатями прислали, а украинского ламу за развал работы в пещеры молиться отправили. Пожизненное моление дали, понял, Боря?

Вот так в жизни бывает. А ты ноешь, что у тебя не все получается. Мозгами шевелить надо, тогда все и получится.

В стекло балконного окна что-то стукнуло. Малый лама спрыгнул с подоконника, с ногами залез в кресло. Некоторое время он опасливо поглядывал на темные стекла, потом негромко спросил Даосова:

— У тебя ритуальные колокольчики есть?

— Зачем?

— Н-ну... заклинания почитасм. От злых духов... как их... ракшасов.

— Вы с ума сошли! Прикиньте, что будет, если мы с вами в два часа ночи в колокольчики звенеть будем и мантры распевать! В дурку отправят!

Малый лама помолчал. Маленькое лицо его казалось испуганным. Потом лама поинтересовался:

— А ты твердо уверен, что у тебя на балконе никого нет?

Если бы Борис Романович мог твердо верить в это! Странное позвякивание на балконе продолжалось.

— Пойди посмотри, — приказал малый лама.

— Вы же сами говорили, что мне бояться нечего! — огрызнулся Даосов.

— Я тебе о верхних и нижних говорил, — вздохнул российский лама. — А про местных мне ничего не известно. Вдруг ты здесь с кем-нибудь поругался?

— Да разобрался я с ними, — сказал Борис Романович.

— Каким образом? — встревожился малый лама.

— Обменку им с баранами устроил. — Даосов довольно засмеялся. — На мясокомбинате. А не будут лезть, гады! Пусть теперь почувствуют, каково попасть под тесак мясника!

Малый лама осторожно показал пальчиком на окно балкона.

— А это не твои?

— Откуда! — Даосов пружинисто прошелся по комнате. — Бараны летать не умеют! Оторвалось что-нибудь, вот и хлопает на ветру.

— Я бы все-таки посмотрел, — с сомнением сказал малый лама. — И ритуальные колокольчики ты зря дома не держишь. Как бы сейчасгодились! И обмен этот твой... Подсудное ведь дело! Помнишь, что Пагба-лама сказал? Людей любить надо! А ты им положенных сроков дожить не даешь.

— Так то ж про людей, — проворчал Борис Романович и открыл дверь на балкон. — А это волки голимые!

Разумеется, на балконе никого не было.

— Я же говорил, — с нескрываемым облегчением засмеялся реинкарнатор. — Нет тут никого! Зря паникуете!

Закрыв двери, он вернулся к столу и щедрым жестом гостеприимного хозяина наполнил рюмки. Малый лама с ногами сидел на диване. На коленях у него была полупустая уже коробка конфет. Губы российского ламы были в шоколаде. Чистое дите, если бы не лицо, выдававшее возраст.

— Жалобы на тебя поступают, — уже успокоенно сказал он.

— От кого? — встревожился Даосов.

— И от верхних, и от нижних. — Лама отложил конфеты в сторону и строго взглянул на реинкарнатора. — Верхние жалуются, безобразничаешь ты, женские души в мужские тела

вселяешь. Получается, что ты вроде на противную сторону работаешь, ясное дело, что после прожитой жизни такие души в рай не попадут. А и попадут, так нормальные души с порченными жить не захотят. Нижние тоже тебя обвиняют, мол, живешь, как Чичиков, души впрок скупаешь, а реинкарна-торством не занимаешься. Да и переселением женских душ в мужские они тоже недовольны, раньше у них там для таких извращенцев уголок малый отведен был, а теперь уже подумывают отдельный круг для них открывать. Сам знаешь, среди грешников судимых полно, а они народ тертый, в одном котле с такими душами отказываются муки принимать, требуют, чтобы у них и котлы свои были, и тачки меченые.

Даосов хотел возразить, но лама остановил его движением ладошки.

— Знаю, — сказал он. — Не только ты этим злоупотребляешь. В Дании и Швеции вообще черт знает что делается. — Он подумал и тихо засмеялся. — В браки уже вступать начали! Представляешь себе пассивную невесту в белом платье и фате?

Просмеявшись, он снова взялся за конфеты.

— На самом деле этот господин как раз ничего не понимает, — доверительно сказал он Даосову. — Потому и чистилищных достает жалобами своими. У него в подчинении народ специфический, как на Земле мода на грех начинается, бесы первым делом его на себя примеряют. Кому это может понравиться, если даже грешники тебя главным петухом называют!

Даосов хихикнул. Ну, как он мог промолчать? Шутки начальства всегда вызывают смех, даже если они плоски и бородачи.

— Я же не нарочно, — с притворно виноватым выражением лица сказал Даосов. — Так, из любопытства.

— С этим — завяжи, — погрозил пальцем лама. — В православном мире живем. А ты сам понимаешь, с волками жить... — Лама посуровел и коротко приказал: — Покайся! Я в Тибет звонил, добро на твое покаяние дали. Там тоже люди

живут, понимают, что Тибет далеко, а церкви православные — вот они, рядышком. Не стоит из-за твоих глупостей налаженные контакты терять.

Лама слез с кресла, оставив коробку с конфетами на подлокотнике, и деловито прошелся по комнате.

— Туго, туго идет дело, — с огорчением сказал он. — Дикая страна. Католики, православные, секты христианские, иеговисты, мусульмане, язычники, сатанисты, буддисты, атеисты и агностики — в одном котле ведь варимся! Я не удивлюсь, Борис Романович, что именно здесь будет создана религия, которая объединит и примирит все остальные. Ведь уживаются! Вон в Кремле недавно, в Георгиевском зале, среди православных святынь, хасиды свой праздник справляли! Мусульманские муллы с православными попами за возрождение страны тосты произносят! В Сызрани сатанисты за свой счет кладбище отремонтировали, могилки ровняли, кресты упавшие ставили, все потому, что страшно им было на прежней разрухе ритуалы свои сатанинские проводить! А потом выяснилось, что местные попы им свечи и списанную литературу на осквернение выдают!

Он уже привычно прыгнул в глубину кресла и печально посмотрел оттуда на реинкарнатора.

— Я ведь чего приехал, Борис Романович? С тобой разобратся, а главное — конфликт утрясти. Тут у вас на днях православные казаки с кришнаитами крепко повздорили. Казачки имущество кришнаитской секты испортили, наши, разумеется, тоже в долгу не остались, морды казачкам побили, у милиции палки ихние отняли. Православный поп из Казанского собора приехал конфликт улаживать, они его хоруговью отходили.

— Видел я этот конфликт, — сказал Даосов. — Кришнаиты попервам никого не трогали, мирно мантры распевали. А казачки пьяные были, вот и полезли задираться. Правильно им выпали!

— Может, и правильно, — согласился малый лама. — Только понимать надо, не в Дели и не в Лхасе, во враждеб-

ном окружении живем. Тут деликатность нужна. Ты телевизор смотришь?

— Иногда, — признался Даосов.

— Патриарх Алексей к конфессиальному миру призывает, — сказал лама. — А откуда ему взяться? Ваххабиты в Чечне одурели, паранджу и шариатский суд в двадцать первом веке вспомнили, восточные религии себя тоже отвратительно показали, чего только деятельность «Аум синрикё» стоит! Нельзя же так!

— Кришнаиты за Христа не подписывались, — возразил Даосов. — Что же им, когда по одной щеке хлещут, вторую подставлять?

— Не о щеке речь! — Лама мальчишески заерзал в кресле. — Об общем единении говорим. О веротерпимости думать надо!

— Да какое уж тут единение? — удивился Борис Романович. — Верхние с нижними грызутся, чистилищные — вообще над схваткой, как обезьяны на вершине горы, наши тоже ни с кем особого желания общаться не испытывают. Иегова, кроме своих богоизбранных, никого не признает. Чудес, чтобы иные уверовали, никто показывать не желает. Если боги общего языка найти не могут, откуда ему после Вавилона у людей взяться? Я понимаю, что Бог один. Но пусть его ипостаси между собой сперва разберутся, а потом претензии к людям выставляют!

— Не богохульствуй! — Глаза ламы испуганно забежали. — Говоришь, как неверующий, Боренька! Не наше это дело. Наше дело паству собирать. Христиан к христианам, буддиста к буддисту, иеговисту да мусульманину свое место найти, тогда дела на лад пойдут! Бог, Боренька, он один, только верят в него по-разному, оттого и имена разные дают. Говоришь много, Боренька. А от длинного языка все неприятности и происходят. По форме все правильно, а по сути? Джордано Бруно за что на костре спалили? То-то! Не за то, что думал, за то, что мыслями своими с людьми поделиться решил.

Он посмотрел на часы и всплеснул ручками.

— Ой, третий час уже, а мы еще мантры на сон грядущий не пели! — Зевнул, огляделся. — Ты мне, Борис Романович, где постелил? В кресле?

— Погодите, — сказал Даосов. — Вы же говорили, что приедете и расскажете, откуда у моих неприятностей ноги растут!

— Откуда ноги растут, всем известно, — зевнул лама. — А мне еще кое-что проверить надо. Что ж обвинениями зря швыряться? Ты молодой и горячий, тебе скажи только! Вот завтра проедусь, с народом поговорю, тогда и о тебе вспомнится.

— Может, и вспомнится, — с неожиданной злобностью сказал Даосов. — Если поздно не будет! Вчера меня в подъезде подловили, если бы не хорошие люди, лежал бы уже сегодня в судмедэкспертизе с биркой на холодной ноге!

Лама заворочался, натягивая на себя одеяло, отчаянно заскрипел креслом и сказал с сонной хрипотцой:

— Так ведь не убили! Борис Романыч, не мешай, я никак сосредоточиться не могу... А мне сегодня еще в Сукхавади надо попасть, в круг собрания святых, с Ами табхой посоветоваться.

Глава 18

Народная примета: если тебя ранним утром разбудил телефонный звонок — весь день будешь решать проблемы других людей. Своих дел на этот день можешь не планировать, все равно ничего не выйдет.

Даосова телефонный звонок разбудил в шесть часов утра.

Он взял аппарат и вышел в коридор, чтобы не разбудить спящего в кресле ламу. На столе сохли остатки вечернего пиршества.

Звонил ему царицынский мэр Валерий Яковлевич Брюсов. Говорил он в трубку негромко, тоже, видимо, боялся разбудить близких. Даосов ему близок не был, и, судя по всему, мэр считал, что имеет полное право разбудить его в такую рань.

— Спишь, Борис Романович? — поинтересовался мэр. — А я всю ночь думал. Знаешь что, а если мы по-другому поступим? Ты даешь своим душам установку, как Кашпировский, выпускаем их на волю, и пусть они по городу летают, за меня агитируют.

Даосов едва не засмеялся.

— Валерий Яковлевич, — негромко сказал он. — Да ты хоть представляешь, что произойдет? Они же сразу к проводам присосутся, всю электроэнергию сожрут, а потом разбредутся полтергейсты устраивать. Ты только прикинь, сколько аварий на дорогах и заводах произойдет, сколько беспорядков случится! Это ведь как шахтеры на рельсах, ты себе и представить не можешь, какие убытки на город свалятся! Никому мало не покажется.

Мэр хрипло дышал в трубку.

— Вот оно как! — наконец сказал он. — Ну ладно, досыпай тогда, Борис Романович. Будем еще думать.

Легко сказать — досыпай. Матюгнувшись в адрес предприимчивого мэра, Даосов вернулся в комнату. Лама, свернувшись клубочком, лежал в кресле, и по блаженной улыбке на его маленьком личике видно было, что лама во сне близок к нирване. Будить его не хотелось. Даосов прошел в ванную, побрился, умылся и пошел на кухню ставить чайник. На тополе за окном сидела огромная черная ворона. Заметив Даосова, она принялась хрипло и неодобрительно каркать, и реинкарнатор снова почему-то вспомнил мэра. Не нравилась ему вся эта суета. Ишь мыслитель! Он, видите ли, думать будет! Такие надумают, весь ствол у древа жизни менять придется. А ведь не отстанет, так и будет надоедать. Даосов перенес на кухню тарелки из комнаты, полупустую коробку шоколадных конфет и вернулся за грязными рюмками. Лама

уже сидел, свесив маленькие, почти детские ножки с кресла, и сладко позевывал.

— Завтракать будете? — спросил Борис Романович.

Лама снова зевнул, стыдливо прикрывая рот ладошкой.

— Чайку, пожалуй, — согласился он. — Как спалось?

— Прекрасно, — сказал Даосов, почти не кривя душой. В самом деле, если бы мэр ему не позвонил, он бы до сих пор утренние сны досматривал.

— В контору собираешься? — снова зевнул лама. — Не рано?

Особо торопиться было некуда, но признаваться ламе, что с постели его поднял звонок вельможного прожектера, Даосов отчего-то не захотел. В общем, это правильно, начальство надо беречь от своих забот, иначе оно на тебя и решение собственных свалит.

— Вас подвезти? — поинтересовался Даосов. — Могу и машину отдать, мне сегодня особо кататься некуда.

— Не стоит. — Лама прыгнул из кресла на пол и принялся за гимнастику. — С одной стороны, оно неплохо было бы, на машине-то. Так ведь менты замучат, все им кажется, что за рулем никого нет. Нужно будет — я такси возьму.

Баба с возу — кобыле легче. Борис Романович и в самом деле почувствовал облегчение. Кажется, народная примета не всегда права. Иногда и народ ошибается.

Даосов повернулся и отправился на кухню сервировать стол на две персоны.

Наглая ворона уже сидела на выступающем из окна кондиционере и заглядывала на кухню. Заметив Даосова, она каркнула и принялась точить свой длинный горбатый клюв об угол кондиционера. Это Борису Романовичу не понравилось, как, впрочем, и само появление пернатого недоброжелателя. Каждый ведь знает, что ворона — это не к добру, а уж если закаркала, сволочь крылатая, — жди неприятностей. Даосов принялся наливать чай, спиной чувствуя немигающий взгляд вороны.

— Чай не пил — откуда сила? Чай попил — совсем ослаб! — весело вошел на кухню лама.

При виде него ворона подавилась собственным карканьем и, как показалось Борису Романовичу, в обморочном состоянии свалилась с кондиционера. Не ожидала, стало быть! Очень Борису Романовичу хотелось знать, чья у этой вороны душа, он уже и рот открыл, чтобы спросить, но лама перебил его своим обращением:

— Ты меня до центра не подкинешь, Боренька?

— Обязательно. — Даосов налил ламе чая и сам в молчании принялся пить свой.

— Ты мне скажи, где эти самые казаки сидят? — Лама забавно дул на чай, выпатив маленькие пухлые губки. — У них там что, контора какая или есаульство?

— Какое есаульство? — Даосову показалось, что он ослышался.

— Ну, место, где есаулы казацкие сидят, — растерянно пробормотал лама. Видно было, что казачество он в основном представляет себе по песням главного казака России Александра Розенбаума.

— Выясним, — намазывая маслом хлеб, пообещал Борис Романович.

По дороге в город они почти не разговаривали.

Заметив синие вспышки сзади, Даосов притормозил и прижался к обочине.

— Чего остановился? — спросил лама. — Никак менты?

— Погоди, — сказал Даосов, глядя в зеркало заднего вида.

Мимо них промчался черный «мерседес», помигивая синей мигалкой. На заднем сиденье сидел некто строгий и величественный в синем мундире с большими звездами на погонах. Даосов выждал еще немного и тронул машину.

— Прокурор на вызов поехал, — объяснил он ламе причину остановки.

— Убили кого-нибудь? — предположил тот.

— Да нет, — нехотя отозвался Даосов. — Девочки сняли. Это теперь модно стало. Вот и торопится, чтоб баксы не потерять. А что вы хотели? Рыночная экономика...

Атаман Семен Абрамкин располагался в своем офисе по улице Казахская, в общежитии завода медицинского оборудования. На входе стояло несколько казачков, один из них держал в руках плетку и, судя по взмахам, объяснял товарищам, как правильно ею пользоваться, но вот в какой ситуации, Даосов так и не понял: казак взмахивал плеткой так, словно коня в галоп гнал. А может, и порол кого-нибудь.

— Ну, я пошел? — Лама уныло выбрался из машины. — У тебя сотовый есть?

— Конечно, — сказал Борис Романович. — Я ведь вам давал номер.

— Тогда я тебе позвоню, — пообещал лама.

Казачки с интересом поглядывали на него. Лама подошел к дверям подъезда и о чем-то заговорил с казаками.

Даосов подождал, когда он войдет в подъезд, и тронулся с места.

Напротив общежития располагалось здание Нефтегазбанка. Над входом в банк висел огромный плакат, на котором был изображен директор этого банка. Директор был в черном костюме и печально серьезен. Ниже тщательно был написан слоган: «И до старости вашей Я тот же буду, и до седины вашей Я буду носить вам!»

«Вот же суки! — ухмыльнулся Даосов. — Ничего святого не осталось!»

Но на душе стало легче.

По дороге Борис Романович заехал в Комитет охраны окружающей среды и сдал туда отчет, из которого явствовало, что его предприятие этой самой среды не загрязняет по причине отсутствия промышленной деятельности. А всему виной был пункт устава, где говорилось о переработке и вторичном использовании душ. Раз ты что-то перерабатываешь, будь добр, представь отчет по экологии, без этого тебя враз прикроют и работать не дадут. Вообще, вернувшись в Рос-

сию, Даосов с удивлением обнаружил, что управленцев всех мастей и рангов на родине стало даже больше, чем их раньше было в Советском Союзе. Если раньше, оправдывая известную поговорку, на одного трудящегося приходилось семеро с ложками, то теперь рядом с редкими трудящимися стучала ложками и требовала обслуживания целая толпа. Трудящиеся сами затягивали пояса, но орущую толпу безропотно кормили.

В Комитете по охране окружающей среды отчет приняли не сразу, нашлись умные головы, которые принялись уточнять энергозатраты на каждую единицу переработанной души и вид топлива, который для этих целей используется. Пару часов Даосова гоняли по этажам комитета, благо, что их было целых девять, потом все же сжалились и отпустили восвояси.

В «Мистерию жизни» Даосов прибыл ближе к обеду.

Леночка на своем рабочем месте пудрила носик. Читать журналы ей, видимо, надоело, и она занялась личным туалетом. Занималась она этим обстоятельно, внимательно разглядывая себя в зеркало. Судя по ее улыбке, Елена Владимировна себе нравилась. На звонивший телефон она не обращала никакого внимания, как рыбак, увлеченный поклевкой, не обращает внимание на жужжащего над ухом комара. Заметив Даосова, Леночка покраснела, ловко бросила косметичку в сумочку и схватила трубку. Некоторое время она внимательно слушала собеседника, счастливая улыбка ее стала растерянной, она подняла на своего директора глаза и протянула ему трубку.

— Это вас. Областной губернатор... как его... Жухрай!

А вот это было уже серьезно. Ну посудите сами, часто ли на скромного предпринимателя у нас обращают внимание руководители городов и областей? Да кабы не нужда, они бы в сторону этого предпринимателя и не чихнули. А тут вдвоем обхаживать начали. С мэром все было более или менее ясно, человек к власти рвался, потому и помощи у реинкарнатора искал. Губернатору, известное дело, власть эту хотелось удерживать. Надо было только встретиться с ним и узнать, чего

губернатор хочет. Тоже, наверное, до даосовских запасов добраться мечтает! А ведь одного они не поймут, эти руководящие идиоты, ну никак не мог им помочь Борис Романович, ему эта помощь таким боком вышла бы, что всю оставшуюся жизнь (да и после — тоже) реинкарнатор жалел бы о содеянном. А тут еще и лама в Царицын приехал! Не дай Будда, ему что-то известно станет!

Но не брать трубку, на другом конце которой томился губернатор, было просто неприлично.

— Алло, — сказал Борис Романович. — Даосов слушает!

В трубке начальственно кашлянули.

— Борис Романович? — сказал густым голосом губернатор. — Здравствуйте, здравствуйте! Не буду томить вас, Борис Романович, возьму, как говорится, быка за рога. Вот узнал, что у нас такой выдающийся человек в области имеется, захотел с вами встретиться, о жизни поговорить. Вы сегодня свободны?

Так всегда и бывает. Начальство не интересуется, есть ли у подчиненного или зависимого от него лица какие-нибудь дела, начальство всегда интересуется, когда оно его может увидеть. Даосов на рельсы готов был лечь, что Жухрай ожидает от него совершенно очевидной реакции: «Да что вы, Иван Николаевич! Конечно же, свободен! Куда я должен подъехать и во сколько? Одну минуточку, Иван Николаевич, записываю!»

Даосов помедлил, оценивая ситуацию, но губернатора разочаровывать не стал.

В назначенное время он уже входил в кабинет. Иван Николаевич Жухрай сидел в своем кресле. Кресло было специально немного приподнято над полом, поэтому сидящий рядом человек от этого казался ниже и значительно мельче губернатора.

— Водички? — спросил Иван Николаевич радушно. — Или предпочитаете пивка?

Даосов вежливо отказался.

Губернатор недружелюбно посопел, положил большие руки на стол и, исподлбья поглядывая на реинкарнатора, начал излагать свою просьбу. Поначалу его речь не вызывала особого удивления Даосова, стало ясно, что держат его под хорошим колпаком. И о разговорах Даосова было известно губернатору, и о посетителях его, и о посещении Борисом Романовичем дома мэра города губернатору тоже было известно. Даосов сидел, делая вид, что слушает губернатора, а сам все прикидывал, кто же на него стучать может. Кроме Елены Владимировны, стучать было некому, разве что губернатор через службы соответствующие наблюдение за ним установил и телефон внимательнейшим образом прослушивать приказал. Конечно, было это все незаконно, но, как говорится, против ветра...

Кажется, губернатор приблизился к главному. Борис Романович перестал заниматься прикидками и обратился в слух.

— Благородным делом занимаетесь, товарищ Даосов, — вкрадчивым бархатом лился голос губернатора. — У такого дела всегда врагов хватает! А защиты у вас никакой! Всякое ведь может случиться, на улице недоброжелатели перевстречнут, а то и в квартиру ворвутся... Знаете, как говорится, береженого Бог бережет. Особенно если в нем сам губернатор заинтересован!

Жухрай сделал паузу, выжидательно глядя на гостя.

— Продолжайте, Иван Николаевич, — сказал реинкарнатор. — Я вас внимательно слушаю.

— Это хорошо, — сказал губернатор. — Очень хорошо, что вы меня слушаете, Борис Романович. Чувствую я, что мы с вами общий язык найдем. А нам с вами оч-чень необходимо общий язык найти! Оно ведь порой и не замечаешь, как общие интересы соприкасаются.

Даосов даже представить не мог, как его интересы соприкасаются с губернаторскими. У губернатора свои интересы, а у него, Даосова, свои. От начальства вообще лучше подальше держаться, а то ведь и не заметишь, как оно втянет

тебя в свои политические игры, которые, по обыкновению, весьма печально кончаются. У политиков нет любимцев, они руководствуются целесообразностью. Целесообразность эта обычно личного характера, но красивыми словами политики превращают ее в общественную и позже даже сами верят в то, что говорят с трибун. Политику наш мир представляется большим курятником, в центре которого установлена кормушка. Не хочешь стать синюшным бройлером? Значит, не давай оттеснить себя от кормушки. И в этом все средства хороши — маши крыльями, не жалей шпор, можешь даже глаз противнику выклевать. А главное — гадь на них как можно больше. Гадь и клюй — вот и вся тактика политической борьбы. Кто в сказанное не верит — может включить телевизор. Иногда политиков с треском снимают и отстреливают. Это тоже вписывается в жизнь курятника. Отстрелянных политиков отдают населению, чтобы успокоилось оно и видело, что все у нас во имя человека и ради человека. Только бы знать имя этого человека!

Именно поэтому Даосов в политику не лез. Очень высокая была в ней возможность пострадать за общественное благо и спокойствие.

— Иван Николаевич, — сказал Даосов. — А попроще нельзя? Я человек обычный, мне политические спичи непонятны!

Чувствуете, как завернул? С одной стороны, вроде и в самом деле разжевать смысл сказанного просит, а ведь с другой стороны, натурально — в морду плюнул!

Губернатор побагровел, но сдержался; прошелся по кабинету, постоял у окна и сказал:

— Ну, коли ты такой непонятливый...

И сказал, чего он от Даосова хочет.

Некоторое время реинкарнатор продолжал сидеть с открытым ртом. Всего он ожидал от губернатора области, но такого! Такое мог придумать только губернатор. И никто другой.

Глава 19

Лама слушал Даосова молча, потирая задумчиво маленькие ладошки. Круглое личико его светилось любопытством. Выслушав Даосова, он покачал головой и сказал:

— Это еще что, Боря! Был у меня случай в Одессе. Там наш карнач с одним нуворишем снюхался. Так ты знаешь, что он там за приличные деньги делал? Этому новому хохлу скучно было жить с одной и той же женщиной. А по бабам бегать положение не позволяло. Он в Одессе заместителем мэра был, журналисты его круглосуточно пасли, за нашими политиками так не следят. И что ты думаешь? Наш карнач ему в тело жены разные женские души подсаживал. Представляешь? С виду вроде одна и та же, а по внутреннему содержанию каждую неделю разная!

— И карначу все это с рук сошло? — удивился Даосов.

— Как же! Крепко бы его наказали, но тут, к его счастью, меня на СНГ поставили. Сколько усилий пришлось приложить, чтобы это дело замять! А вот еще случай был...

Даосов сморщился.

— Зубы заговариваешь? Ты мне лучше скажи, что дальше делать? Как мне в отношениях с городским и областным начальством поступить?

Лама пожал узенькими плечиками.

— Я так считаю. Если сильным мира сего чего-то надо, дай им, и пусть отвяжутся. Бесполезное это дело — против ветра плевать.

— Это вы мне советуете? — удивился Даосов. — Знаете ведь, что это противозаконно. Вспомните, запрещено в политику вмешиваться! Папы римские полезли в политику, и что из этого получилось? Ничего хорошего. Так то — папы! А мы сошки мелкие, с нами и разговаривать не станут. Сколько молний в последнее время поразили? Я читал, на одного мужика так озлобились, семь или восемь раз в него лупили, да попасть не могли, промахивались все. А когда помер,

с досады все надгробие молниями исковыряли. Подкрадутся в тучках и давай лупить!

— Бывает... — с легким зевком согласился лама. — Боги, они, дружок, не снайперы, могут и промахнуться.

— Анекдот на эту тему есть, — мрачно сообщил Даосов. — Мужик один с попом пошел в лес на охоту. Вылетает рябчик из-за деревьев. Мужик в него ш-шарах из двух стволов и промазал, конечно. Стоит, матерится в бога, душу и мать. Поп ему говорит: «Не богохульствуй, сын мой, Бог тебя покарает!» Мужик ему возбужденно: «Да иди ты со своим Богом! Надо же, с трех метров промазал, в бога-душу-мать!» Тут с небес молния — ш-шарах! От попа одни тапочки остались. А голос сверху зычно: «Промазал, твою мать!»

Лама хихикнул, осторожно принимая от хозяина чашку ароматного горячего чая.

— У твоего анекдота — во-о-от такая бородища! — показал он. — Этот анекдот, Борис Романович, у Парни еще изложен. Правду говорят, что новое — хорошо забытое старое!

— Я с ума сойду, — сказал Борис Романович. — Меня наш мэр своими идеями задолбал. То он душам справки фиктивные выписать хочет и строим их на избирательный участок пустить, то предлагает их агитаторами сделать, чтобы они народ уговаривали за него голосовать, то подселенки им хочет оформить, то, наоборот, ответственными душесъемщиками в чужие тела назначить. У него, как в свое время у Михаила Сергеевича Горбачева, столько замечательных идей, трудно даже понять, почему он с ума не сходит. А если его действительно губернатором назначат? Хана Царицынской области!

— Вот и не надо его до власти допускать! — авторитетно сказал лама. — Но помогать надо!

— То есть как? — Борис Романович ошеломленно посмотрел на ламу. Волосы его бородки сами собой распрямляться стали. — А действующий губернатор? Я же вам рассказывал его просьбу! И ведь чем мотивирует? Не корысти, говорит, ради, а токмо волею пославшей меня партии! Ты

понимаешь, говорит он мне, народ в нищете живет, а мы единственная партия, которая выступает в защиту интересов трудового народа. А сам так смотрит, что бумажник от него спрятать хочется. Про этого Жухрая такое рассказывают!

Лама со стуком поставил пустую чашку на стол.

— Знаешь, Борис Романович, я у вас в городе два дня всего, а устал, как за месяц, — сказал он. — Ты послушай, какой я тебе расклад дам. Если Жухрай выборы проиграет, то его обязательно в Москву вытянут. А из Москвы он тебе не опасен. Если мэр в губернаторы пройдет, то мы нужную рокировку проведем, и большевики опять у власти окажутся. И тогда Жухрай тебя поддержит во всех начинаниях. Ты думаешь, я приезжал есаулов да сотников с кришнаитами мирить? Плевать я хотел на эти религиозные конфликты! Как подерутся, так и помирятся. У меня здесь личные интересы имеются, дорогой мой Борис Романович. У меня доля на мебельной фабрике, доля в алюминиевом бизнесе, ну и кое-что еще, помельче, но терять все равно жалко. С коммунистами местными я уже общий язык нашел, мы друг другу мешать не будем. А если Брюсов пройдет? Это ж опять передел собственности начнется. А кому это нужно? Дорогой ты мой, нам всем стабильность уже необходима, хватит мутной воды, мы свою рыбку в ней отловили, пора уже очистные сооружения ставить, понял? А если так, то такой вот вариант и надо избирать — Брюсову помогать, за него и так многие проголосуют, а на предложение Жухрая тоже без раздумий соглашаться надо. Доходит?

Даосов тупо смотрел на ламу. Лама добродушно посмеивался, беззаботно болтая ножками. Маленькое личико ламы было довольным и немножечко самоуверенным. Глазки с хитрым прищуром разглядывали пытающегося осмыслить новую буддистскую стратегию.

— Ты не думай, — посоветовал лама. — Ты исполняй!

В прихожей зазвонил телефон. Даосов вышел в коридор, сел на козетку и поднял трубку. Лучше бы он ее не поднимал!

Звонила Анна Леонидовна. Голос ее был безумен и страшен.

— Негодай! — вместо приветствия сказала она. — Подлец! Знаете, что вы натворили? Не знаете? Ах не знаете! Подлая вы душа! Я вам поверила, приняла как родного... Эх вы! Но не думайте, это вам не сойдет с рук!

— Да вы успокойтесь, Анна Леонидовна, — сказал Даосов встревоженно, добавив в голос малую нотку участливости. — Успокойтесь и расскажите мне все по порядку. Что случилось?

— Что случилось? — взвизгнула супруга мэра. — Вы еще спрашиваете меня, что случилось? Вы что нам подсунули? Сегодня днем наш Мишенька взял из отцовского сейфа деньги и отправился в ресторан «Маяк». Там он сел за столик, потребовал графинчик водки и — вы представляете! — наш Мишенька ущипнул официантку за задницу! Какую-то накрашенную лахудру он ущипнул за задницу!

— Странно, — подумал вслух Даосов. — Может быть, остаточные явления?

— Не знаю, какие уж там могут быть явления! — рывкнула Анна Леонидовна. — Только никакой водки ребенку, слава Богу, не принесли. Но они отправили Мишеньку в милицию! Я сижу дома, вдруг приходит милиционер и спрашивает, где мой сын. Что я должна была сказать ему? Конечно, я сказала, что ребенок в садике. А он... а он... — Голос женщины предательски задрожал, в трубке послышались глухие рыдания. — В милиции, говорит, ваш сын, его за хулиганство и сексуальные домогательства забрали! Вы представляете? Моего Мишеньку забрали за сексуальные домогательства! Семилетнего ребенка! Да еще к тому же сына мэра! Вы представляете, что произойдет, если об этом желтая пресса узнает? А если коммунисты пронюхают? Вы представляете, какой начнется скандал?

— И где сейчас Миша? — спросил Даосов, ища взглядом туфли. — Он в милиции?

— Неужели вы думаете, что я позволю ребенку сидеть в камере? — гневно спросила жена мэра. — Конечно же, он

дома! Я сразу же поехала и забрала его. Хорошо еще, что начальник милиции хороший друг Валерия Яковлевича. Но ведь его подчиненные смотрят! Да и какого там только сброда нет! Ну вы нам и удружили!

— Ждите, — сказал Даосов. — Сейчас я к вам подъеду.

Из комнаты выглянул лама, бросил на Бориса Романовича вопросительный взгляд. Реинкарнатор торопливо пере-сказал ему суть разговора.

— Так ты ему Маковецкого подсадил! — Лама хмыкнул. — Мог бы и посоветоваться. Я ж про этого Маковецкого все знаю. Тот еще бабник! Да и откуда ему другим быть, если он с Михаилом Лукониным дружил, они вместе по бабам бегали!

— Ладно, — сказал Даосов. — Поехал я.

— Программка где? — спросил лама. — Я пока телевизор посмотрю.

— Под телевизором.

— Ты там не особо задерживайся, — безмятежно зевнул лама. — Тебе еще завтра в аэропорт ехать, меня провожать.

По дороге к дому мэра Даосов то и дело наталкивался взглядом на портреты Валерия Яковлевича. Ничего удивительного в том не было, избирательная кампания вышла на финишную прямую. С цветных плакатов Брюсов смотрел на реинкарнатора сурово и осуждающе. Холодок пробежал по спине от этого взгляда. Почти сразу же хотелось признаться в чем-нибудь предосудительном.

Как и следовало ожидать, Анна Леонидовна встретила реинкарнатора возгласом:

— Верните деньги, негодяй!

Даосов заглянул в комнату пациента.

Мишутка лежал на постели, небрежно листая журнал «Плейбой». Заметив голову реинкарнатора в дверях, мальчуган по-взрослому мерзко хихикнул.

Анна Леонидовна, выплеснув на реинкарнатора гнев, стояла рядом потухшая и растерянная.

— Тяжелый случай, — сказал Даосов. — Плохо дело. Ваш муж выпивает?

— Как все, — сказала Анна Леонидовна.

— Тогда извините меня за нескромный вопрос, — сказал Борис Романович, готовясь к новой вспышке женского гнева. — Может, у вас любовник есть, который спиртным злоупотребляет?

— Да что вы! — Анна Леонидовна пунцово покраснела. — Он очень порядочный человек!

Тут до хозяйки дошло, что она проговорилась. Она еще более покраснела, раздула ноздри и свистящим шепотом произнесла:

— Что за намеки, Борис Романович? Кто вам позволил думать так обо мне? Вы что себе позволяете?

— Тише, тише, — поднял руки Борис Романович, пытаясь таким образом защититься от возможного нападения жены мэра. От женщин, когда они в разгоряченном состоянии, всего можно ожидать — могут ударить, лицо исцарапать, плюнуть, рубашку порвать, а то и поцеловать. — Не надо шуметь, милая Анна Леонидовна, внимание соседей привлекать. Я же говорил вам, что реинкарнаторы сродни врачам. Я же спрашиваю не для того, чтобы навредить, я помочь хочу!

Женщина ехидно улыбнулась.

— Уже помогли, — сказала она. — Вот что, дорогой мой, деньги вы мне вернете, все вернете, до последнего цента! Но что мне делать с ребенком?

— Это у него в генах заложено, — сказал Даосов. — А сами понимаете, генетическая предрасположенность, когда на нее накладываются порочные склонности подсаженной души, проявляется особенно активно.

— Вы мне мозги не туманьте, — сказала Анна Леонидовна презрительно. — Откуда у ребенка генетическая предрасположенность такая? Папа — мэр, мама — уважаемый торговый работник!

— В том-то и дело, — мягко сказал Даосов. — Вы ведь раньше окончание каждой ревизии, каждой серьезной проверки отмечали? И муж все круги торгового ада прошел...

— Ну, склонность к спиртному этим еще можно объяснить, — согласилась Анна Леонидовна. — Но почему он баб в кабаках за задницу щипает?

— Так ведь и это понятно, — вздохнул Даосов. — Вы, Анна, любовника себе завели, муж, наверное, тоже небезгрешен, а уж какими ваши отцы и матери, бабки и деды были, только гадать приходится. Понимаете?

— Понимаю? — после недолгого размышления переспросила Анна Леонидовна и призналась: — Папашка мой и в самом деле ходок великий был, помню, мать его чуть не каждый день за шашни с чужими бабами била. Но если все так, как вы говорите, то что же делать? Неужели и выхода никакого нет? Я как подумаю, что наш Мишенька неисправимым бабником и алкашом станет, мне дурно делается. Он ведь так даже маньяком может стать, я правильно понимаю, Боря?

— Маниакальные наклонности возможны, — согласился Борис Романович, радуясь в душе, что жена мэра смягчилась, вот уже и Борей называть стала, о прежних оскорблениях забыла.

— Так что же нам делать? — Анна Леонидовна смотрела на него с трепетной надеждой. — Он ведь еще ребенок!

— Знаете, — сказал реинкарнатор, — а если нам с вами пойти от обратного? Ну не станет ваш ребенок гениальным поэтом или художником, ведь есть и иные области, где ребенок может проявить себя и пользоваться в силу этого большим общественным уважением. Творческая жизнь ему генетически противопоказана. А вот если мы ему подсадим волевою натуру, крепкую, чтобы юной душе помощь в преодолении вредных привычек оказала, то мы обязательно положительных результатов добьемся. Согласны?

— Ах, я не знаю, — несколько театрально откинулась в кресле Анна Леонидовна, провокационно демонстрируя Даосову молочно-белое круглое колено. — Лишь бы хуже не было!

— Душа, конечно, нужна волевая, с крепкими нервами и железной самодисциплиной, — рассуждал меж тем реинкарнатор, старательно отводя взгляд в сторону. — Есть у меня такая, генерал-майора Авдохина душа, бывшего коменданта Царицынского гарнизона. Волевой был мужчина, у него все по струнке ходили, сам круглый год в проруби купался. Он поможет юной душе себя найти. Конечно, это будет не обмен, а только подселенка, но это вам даже дешевле обойдется.

Последний аргумент смягчил сердце женщины.

— Давайте, — сказала Анна Леонидовна. — Надеюсь, вы взяли ее с собой?

Конечно, Борис Романович немного лукавил. Откуда у него было взяться душе генерал-майора? Такие души сами знаете куда попадают. Тут уж ничего не поделаешь, служба у наших генералов такая. Жалеть их, конечно, можно, а вот изменить карму их никак нельзя. Но душа нужного плана у Даосова была, и была она душой прапорщика Жеребцова из Красных казарм. Прапорщик Жеребцов был личностью легендарной. Став старшиной во взводе отстающих, прапорщик Жеребцов за полгода вывел его в передовые, добившись стопроцентной успеваемости солдат в боевой и служебной подготовке. Разумеется, подобные успехи всех заинтересовали, и изучать положительный опыт Жеребцова приехал какой-то не то полковник, не то генерал из политотдела военного округа. Приехав, он расположился в кабинете начальника штаба мотострелкового полка, где служил Жеребцов, и принялся расспрашивать прапорщика о применяемой им учебно-педагогической методе. Прапорщик Жеребцов мутно оглядел проверяющего и негромко посоветовал: «Застегнись!» Проверяющий не понял и продолжал расспросы. Офицеры полка, присутствующие при беседе, побледнели. «Застегнись!» — еще тверже сказал прапорщик Жеребцов, а не то генерал, не то полковник прапорщика опять не понял. Тут уже побледнел и начальник штаба полка. Придвинувшись, он шепотом посо-

ветовал проверяющему: «Иван Захарович, застегните пуговку на груди. Наш Жеребцов в третий раз не повторяет!»

Погиб прапорщик Жеребцов при исполнении служебных обязанностей. В части начали перестраивать боксы для военной техники, и солдаты обрушили кирпичную стену одного из боксов — по случайности — именно туда, где стоял Жеребцов. Увидев падающую на него стену, прапорщик Жеребцов приказал: «Стоять!», не сомневаясь, что приказ его будет неукоснительно выполнен. Разубедить его в том никто уже не успел.

Борис Романович Даосов резонно полагал, что душа прапорщика может помочь в становлении юного Брюсова, генералом же он его обозвал только потому, что чин прапорщика мог показаться жене мэра слишком низким для любимого ребенка.

Надо ли говорить, что подселение души прапорщика Жеребцова, уже соскучившейся по бытию, прошло без сучка и задоринки?

Глава 20

День был безоблачным, и ничто не предвещало неприятностей. Даже обычно капризничаящая машина, и та завелась с полуоборота. Лама уже стоял во дворе со своим большим портфелем и молитвенной мельницей.

Борис Романович помог ему погрузить вещи.

— Поехали! — сел он в машину.

По дороге Лама был улыбчив и разговорчив.

Еще вечером Даосов рассказал ему о неудаче с душами Светлова и Маковецкого. Лама выслушал историю про прапорщика Жеребцова и засмеялся:

— Это ты неплохо придумал, Борис Романович! Очень неплохо! — Но объяснять ничего не стал, так и просидел до самого аэропорта, задумчиво покачивая головой.

Уже в аэропорту лама привстал на цыпочки, поманил Даосова к себе и, когда тот наклонился, заговорщицки прошептал, жарко дыша ему в ухо:

— А Ивана Николаевича ты уважь, Боренька. Обязательно уважь. Нужный он пока нашему делу человек...

Посадив ламу на самолет, Даосов сел в машину и поехал домой. По пути он заглянул к знакомому шашлычнику перекусить. Только проводив ламу, Борис Романович понял, как он голоден. Да и обдумать все произошедшее следовало, последние события прямо-таки захлестывали его обычно спокойную и размеренную жизнь.

Задумчиво двигаясь на машине в сторону города, Даосов не замечал, что в пределах видимости от него движется неприметная «копейка» бежевого цвета. В «жигуленке» сидели четверо молодых мужчин, одетых неброско и разнообразно, как и положено одеваться тем, кто в царское время назывался шпиком или филером, а в наше время гордо именуется сотрудником службы скрытого наблюдения.

— Слышь, Лех, — спросил один из них. — А этот пшиздик, он нашему клиенту кто? Начальник?

— Сложно сказать, Диман, — сказал старший. — Вот, скажем, патриарх и рядовой поп. Кем доводится попу патриарх?

— Начальником, — не задумываясь, отозвался оперативник.

— Не совсем так, — поправил его начальник. — Патриарх является старшим по вере. Это, Диман, не должность и не звание, это степень близости к Богу!

С левой стороны дороги показалась шашлычная.

Гасан увидел Даосова и радостно пошел к нему навстречу, вытягивая руки для традиционного кавказского объятия. Трижды прижавшись щекой к щеке Даосова, шашлычник радостно сказал:

— Как я рад тебя видеть, дарагой! Дома все харашо?

— Все хорошо, Гасан, — сказал Борис Романович.

— Кушать будишь? — Шашлычник усадил реинкарнатора за стол, продолжая лучезарно улыбаться. — Водачки, м-м-м?

Сейчас принесу шашлык-машлык, есть памидорчик свежий! Пять минут, дарагой!

Год назад у шашлычника умирала сестра. Врачи разводили руками и стыдливо прятали глаза. Гасан пришел к жившему по соседству Даосову, сказал, глядя в сторону, комкая в руках доллары:

— Романыч! Памагай, если можишь! Ничего не жалко! Савсэм плохо Сабине, не встает уже!

Чакры сестры Гасана были страшно перепутаны. Как жить человеку, если его свадхистана натянута до губ, а аджна, напротив, провисла в районе поясицы? Может, пошалил кто-то, а скорее всего наказана была семья шашлычника за свои неблаговидные дела, не зря же говорят, что мать Гасана, торгующая семечками на рынке, не только этими семечками торговала, еще и травку постоянным клиентам в кулечки заворачивала. Поначалу Даосов хотел отказаться, все-таки не им наказана девица, не ему и чакры прямить. Потом посмотрел на Гасана, на его плачущую мать, заставил их поклясться на Коране, что не будут они неблаговидными и противозаконными делами заниматься, сам три дня читал нужные мантры, потом все-таки решился и привел чакры в порядок. Посторонних вкраплений в чакрах не было, потому и иных специалистов подключать не пришлось. Сам справился.

И что же вы думали? Пошла девушка на поправку, даже замуж за односельчанина вышла.

Долларов Даосов не взял, и азербайджанец отныне смотрел на реинкарнатора как на министра здравоохранения в небесном правительстве Аллаха. Мамой клянусь, Гасан теперь Даосова выше Гейдара Алиева ставил! Такой, понимаете, чаловек! Мамой клянусь, второй после Аллаха!

Вот и сейчас Гасан даже не знал, как угодить своему благодетелю.

— Иди суда! — Он поманил Даосова за шашлычную. — Сматри, какая красота!

К колышку за шашлычной на длинной веревке был привязан крупный серо-черный баран. Заметив Даосова, баран жалобно заблеял.

— Вчера поймали! — хвастливо сказал джигит из шашлычной. — Еле справились с ним, вместе с Мамедом. Клянись, это не баран, это волк лесной! Хочешь, прямо сейчас зарежу! Полчаса, свежий шашлык кушать будем, водка настоящая есть с ликеро-водочного камбината!

Баран влажными жалобными глазами смотрел на реинкарнатора.

Одно ухо у него было надорвано.

Сердце Даосова смягчилось.

— Знаешь, Гасан, — сказал он, — давай не будем его резать?

— Давай! — с готовностью согласился тот. — Мясо еще есть, нам хватит!

Они посидели в шашлычной. На душе у Даосова было беспокойно. Угрызения совести мучили, что ли?

Гасан принес дымящиеся шашлыки, усыпанные кинзой и белым луком. Рядом с коричневыми кусками крупно нарезанного мяса краснели мелкие помидоры и целиком зажаренные картофелинки. Не выпить под такую закуску было просто невозможно.

Шашлычник как истинный мусульманин вина не пил. Но найдите в Коране место, где бы Аллах запрещал правоверным пить водку. Не листай, дорогой, Коран, только страницы истреплешь! Нет в нем запретов на водку, когда Мухаммед его писал, на Востоке про спирт не знали. А если запрета нет, то почему бы и не выпить с уважаемым человеком, тем более что обещание Гасан держал твердо и не только торговать травкой отказался, но и сам ее курить перестал? Хорошо они сидели за столом! Но чувство неловкости Даосова не отпускало.

— Гасан, — неожиданно для самого себя попросил Даосов, — продай мне барана!

Шашлычник недоуменно взглянул на спасителя сестры.

— Зачем он тебе, Романыч? Где ты его держать будишь? В квартире держать — грязи много будит. На улице привяжешь — украдут!

— Продай! — уже тверже сказал Даосов.

Шашлычник молча встал, скрылся за углом шашлычной и вернулся, ведя барана на веревке. Протянул веревку Даосову:

— Бери! Гасану для друга ничего не жалко! Гасан настоящему другу все отдаст!

Баран топтался рядом со столиком и к великому изумлению шашлычника не изъявлял никакого желания бежать. И тут Даосов удивил азербайджанца еще больше — он плеснул в блюдо, служившее пепельницей, водки и поднес его животному. Баран благодарно заблеял и принялся лакать водку. Покончив с ней, баран бережно облизал морду и ткнулся в куртку Даосова.

— Вай! — с восхищением сказал Гасан. — Ты только посмотри! Он вчера дикий зверь был, Мамеда за ляжку укусил! Как приручил?

Они посидели еще немного, но уже втроем. Барана развезло, и его начало заваливать набок. Борис Романович внимательно посмотрел на него, подошел к машине и открыл дверцу.

— А ну на заднее сиденье!

Баран с трудом забрался в машину.

Гасан с восхищением цокнул языком. Небритое лицо его осветилось детской улыбкой.

— Надо же! — ахнул он. — Балшой чаловек, ты, Романыч! Бараны — и те тебя сразу понимают!

Уже по дороге в город Даосов, немного досадуя за свой душевный порыв, раздраженно сказал:

— Сам во всем виноват! Не фига было Наталье звонить и запугивать. Да и бандюков своих к ее дому ты, Бородуля, зря послал!

Баран сунулся мордой ему в спину, оперся передними ногами о спинку пассажирского сиденья и некоторое время

напряженно мотал головой, словно хотел что-то сказать и не мог. Наконец он блеюще выдал:

— Н-не й-аа!

— Как же не ты! — возразил Борис Романович машинально, но тут до него дошло сказанное бывшим рэкетиrom.

Даосов тормознул.

— Точно не ты? — спросил он, резко оборачиваясь.

Баран отрицательно мотнул головой. Из карего влажного глаза медленно выкатилась крупная слеза.

Вот так-та-ак! Если это не проделки Бородули, в чем уже Даосов сильно сомневался, то кто же Наталью доставал? Кто самому Борису Романовичу морду бил в подъезде дома любовницы? Бородулю, ставшего по воле реинкарнатора бараном, спрашивать было бесполезно. Даже если он что-то и знал, ответить все равно не мог. А что мог, уже сказал. Получалось, что виновником последних происшествий были либо люди мэра, либо люди губернатора. Потому и предупреждали Наталью, чтобы он не слишком сопротивлялся будущим предложениям. Даосов даже губу прикусил. Обидно ему стало, что он в такой нехитрой интриге не разобрался. А ведь так оно все и было: напугать надо было мэру и губернатору Даосова, а уж потом и с предложениями своими подъезжать. Вот сволочи!

Он снова повернулся назад.

Баран сидел смирно, как ученик на первом в своей жизни уроке, дыша на реинкарнатора водочным перегаром.

— Ты тоже хорош! — сказал Даосов. — И что мне с тобой делать? Дома держать?

По морде животного было видно, что Бородуля с предложением пожить в квартире реинкарнатора согласен. Баран вроде бы даже повеселел, только кивнуть боялся. Надорванное ухо его мелко стригло воздух, а большие карие глаза преданно смотрели на реинкарнатора. Борис Романович ухмыльнулся неожиданной мысли: рога Бородуле достались шикарные, обманутые супруги таких не носили!

— Хрен тебе, — сказал Даосов. — В общем, так... По городу не шатайся, на шампур угодишь. В лесу тоже не отсидишься, сейчас бродячих собак до черта, да и волки пошаливать стали. Мне с тобой заниматься некогда! Дуй в совхоз «Новонадеждинский», прибьешься к отаре. У меня там директор знакомый, я позвоню, чтобы тебя не трогали. А как со своими делами управлюсь, я и с тобой разберусь. Жить будешь! Но смотри у меня! Ты понял?

Баран часто закивал. Глаза его были по-прежнему печальны, но сейчас в этой печали вроде бы зажглась искорка надежды. А быть может, Даосову это просто показалось. Но приглядываться было некогда. Взмахом руки он отправил слегка протрезвевшего барана на лесополосу.

Проводив взглядом барана, скрывшегося среди деревьев, Даосов тронул машину. Нет, все в жизни случается к лучшему! Не заехал бы сегодня Даосов к Гасану, не встретил бы Бородулю и не узнал бы, что угрозы Наталье и его собственное избиение исходили совсем с иной стороны. Надо было все хорошо обдумать, очень хорошо. Сесть дома и подумать. Впрочем, можно было поехать и к Наталье. Правда, Даосов крепко сомневался в том, что Наталья оставит ему время для раздумий. Но, честно говоря, он уже по ней сильно скучал.

Борис Романович достал из нагрудного кармана рубашки упаковку «антиполицая» и ловко кинул в рот пару таблеток. Не то чтобы он постов милицейских боялся, тем более сейчас, когда в нем губернатор и мэр заинтересованы, но, как говорится, береженого все боги берегут.

В «жигулях», следующих за даосовской машиной, недоуменно переглянулись оперативники:

— Лех, а чего он барана отпустил? Во дурак, сколько мяса кому-нибудь достанется! Лех, давай остановимся, поймаем?

— Нельзя, — сурово сказал старший. — Объект упустим. Нам тогда холку намылят!

Перспектива была не из приятных.

Некоторое время все молчали, обдумывая сказанное.

— Слышь, Лех, а мы на пост ГАИ звякнем, — предложил один из оперативников. На самом деле службу уже давно называли не ГАИ, а ГИБДД, но новое название было значительно длиннее, поэтому все пользовались привычной и понятной аббревиатурой. — Он же с шашлычником бухал? Бухал! Пока он с ментами разбираться будет, мы как раз барашка в багажник и кинем. А?

— А шел бы он на..! — с сожалением сказал старший. — Приказ был: препятствий не создавать! Не судьба, Игорек, пусть барашек травку щиплет, авось попадетсЯ в лапы к хорошему человеку!

— Спокойный у нас объект, — с сожалением вклинился в разговор оперативник по имени Дмитрий. — Я-то думал, он крутизна какая, а тут ни стрелок, ни разборок. А шашлычок они славный жрали, я в бинокль видел — чистое мясо!

— Помолчи, Диман, — со страдальческой ноткой в голосе сказал сидящий рядом с ним четвертый оперативник. — Они там бухают, шашлычком балуются, а ты отмечай: в шестнадцать десять приняли первую стопку, в шестнадцать двадцать — вторую.

— Не в шестнадцать двадцать, а в шестнадцать пятнадцать, — поправил тот, кого звали Игорем. — Они дело туго знают, между первой и второй — промежуток небольшой...

— Сейчас небось к бабе покатит, — завистливо вздохнул Алексей. — Вот так всегда, люди кайф щемят, а ты их паси! Эх, братцы, сейчас бы пожрать, да судя по его поведению — не судьба!

Он был прав: Борис Романович доехал до перекрестка у кинотеатра «Родина» и решительно свернул в сторону Лысой горы. Ясное дело — к любовнице лыжи наострил!

Водитель «жигуленка» сопровождения выразительно вздохнул и свернул за машиной Даосова.

Даосов поставил машину во дворе и поднялся на четвертый этаж. К его удивлению, на звонок Наталья не отозвалась. Борис Романович постоял немного у двери, порывлся в карманах, достал ключ и открыл дверь.

Натальи дома не было. «Правильно, — с внезапной горечью подумал Борис Романович. — Не жена, чтобы скучать вечерами дома». Искать Наталью даже не стоило. Мало ли в каком кафе она решила провести вечер. Могла и на концерт пойти. Или к подружке. Еще один возможный, но крайне неприятный вариант Даосов даже обдумывать не хотел. А именно этот момент мог быть наиболее вероятным.

Заперев за собой дверь, Даосов медленно пошел вниз.

— Глянь, мужики, — удивленно сказал старший группы наблюдения. — Спускается!

— Выходит, не обломилось ему, — сказал тот, кого звали Дмитрием. — Пришел в гости, а там его никто не ждет. Глянь, как нахохлился!

Но это было не последнее событие дня. Вечером того же дня пастухи акционерного общества «Новонадеждинский» были приятно удивлены. Обычно сгонять овец приходилось со значительной территории, ведь глупые животные в поисках сочной травы бродили по всей степи. Дело это было долгое и суетливое. Однако сегодня к отаре прибудился неизвестный крупный баран. Был он крепким и настырным. В течение получаса он сбил единичных овец в монолитную отару, после недолгого боя с бывшим вожаком занял его место и, гордо ступая впереди стада, повел его к кошаре. Назад баран не оборачивался, знал, что стадо следует за ним. И действительно, стоило одной заблудшей овце отколоться, как свои же товарки накинулись на нее и с гневным блеяньем погнали в общую массу.

Даже и гадать не стоило — у отары появился крепкий настоящий вожак!

Глава 21

Известное дело, у нас всегда выбирают сердцем.

И слава Богу, ведь если бы у нас выбирали головой, все было бы значительно хуже. Не зря ведь знаменитый русский

поэт сказал: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Не знаю, как насчет измерений, а вот умом Россию действительно не понять. Даже среднестатистический и не склонный к особым размышлениям россиянин может без особого труда напридумывать такое, что его жизнь превратится в ад. А ведь у нас целые институты на это существовали и продолжают существовать. Сидят люди и за зарплату напряженно думают, какую бы еще пакость своему народу сотворить. И чем хуже становится, тем интенсивнее они думают и пакостные свои планы в жизнь претворяют.

Да чего там далеко ходить, возьмем, к примеру, бывшего ставропольского комбайнера и Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева. Еще работая в поле на комбайне, он задумывался над жизнью. И не просто задумывался — экспериментировал. То поле убирать с середины начнет, то ножи на комбайне повыше поднимет, чтобы они одни колосья со злака сельскохозяйственного срезали. Став областным секретарем, тоже проявил себя в полной мере: то запретит частную инициативу, то поощрять ее примется, то агрофизику вместо агрохимии внедрять начнет, то своему водителю пятидесятирублевки фальшивые печатать разрешит, а потом со стороны наблюдает, примут ли у водителя эти купюры в магазине, или сразу повяжут. Он этот эксперимент не от скуки задумал — пройди все удачно, можно было бы коммунизм в Ставропольском крае строить. А как Михаил Сергеевич размахнулся, когда Генеральным секретарем стал? Беспощадную борьбу с пьянством повел, виноградники по всей стране повырубил, добился того, что бутылки хорошего вина купить невозможно стало, водку по талонам отпускали, из-за нее, родимой, людей в очередях давили! Самогоноварение расцвело, сахар в цене поднялся и в сладкое золото превратился. Но и этого ему показалось мало. Затеял Михаил Сергеевич перестройку и реформы. У нас перестройка с чего начинается? Кто революционные песни разучивал, тот сразу на этот вопрос ответит. Любое строительство у нас начинается с отречения от старого мира и отрясения его праха

со своих ног. Ясный перец, ломать — не строить, душа особо не болит. А если мы что-то ломать начинаем, то не успокоимся, пока вокруг груды развалин не останется. Сломали все, что можно было, затеяли приступать к строительству, но тут оказалось, что строительных материалов для новой стройки просто нет. Что-то сами продали, что-то соседи разворовали, что-то в негодность пришло. Вот и живем в шалаше, ждем, когда кто-то поможет. Про последователей Михаила Сергеевича и говорить не хочется, при них мы Международный валютный фонд вконец затравили, у них при одном только упоминании о России руки трястись начинают, потому что мы для них вроде рэкетиоров — кому понравится, что у тебя над ухом палят и при этом приговаривают: «Дай миллиард! Дай миллиард!»

И ведь каждого своего руководителя мы поддерживали всеми сердцами. Так и кричали когда-то: «Голосуй сердцем, а не то проиграсшь!» Проголосовали. Где выигрыш-то? А вот он, выигрыш-то! Мы голосовали сердцем и каждый раз ошибались. Но если бы мы голосовали головой, последствия были бы еще страшнее.

К выборам губернатора в Царицынской области готовились загодя и обстоятельно. Кандидатов, как уже отмечалось, было два. Первый из них — представитель левых объединений Иван Николаевич Жухрай — уже был губернатором и власть из рук выпускать не намеревался. Второй — представитель нового поколения политиков Валерий Яковлевич Брюсов — намеревался эту власть у старого губернатора отнять. Сама власть особо притягательной для каждой из сторон не была, а вот деньги, которые обещала власть, манили и притягивали. В Царицынской области было развито сельское хозяйство, да и промышленность нехилая — один только алюминиевый завод дорогого стоит, а таких заводов на территории области около полутора десятков. Миллионы сулили и запасы бишофита, таившиеся в земных недрах, добывались здесь нефть и газ, изготовлялся высококачественный цемент, а речная пойма вполне могла стать курортной местностью, если

бы удалось вывести надоедливых комаров, которые пойму считали своим раем. Понятное дело: рай для комаров — ад для человека, поэтому курортизацию поймы каждый проходящий к власти политик откладывал на неопределенное время.

Иван Николаевич Жухрай говорил, что все в области для народа. Это не мешало ему по итогам своего губернаторства войти в первую пятерку богатейших людей области. И это понятно, ведь Жухрай тоже был частью народа и как народный представитель имел право на свой кусок пирога.

Валерий Яковлевич Брюсов говорил, что собственность должна принадлежать умным и грамотным предпринимателям, а народ свое с предпринимателей получит в виде налогов. Чем, значит, больше заработает предприниматель, тем лучше будет жить рядовому трудящемуся и даже пенсионеру. Сам Валерий Яковлевич себя относил к предпринимателям, а потому полагал, что собственность должна принадлежать именно ему. Однако стараниями Жухрая и его команды Брюсова к собственности не подпускали, поэтому мэр резонно рассчитывал, что своего обязательно добьется, когда потеснит Ивана Николаевича с губернаторского поста.

Борьба за избирателя сводилась к двум основным моментам: восхвалению собственных достоинств и поливанию грязью соперника. В целях добычи компромата губернатор и мэр вначале обзавелись своими разведывательными службами. Затем встала задача сбережения собственных секретов, чтобы не допустить превращения оных в черный компромат. В обеих командах появилась своя контрразведка. Через некоторое время выяснилось, что для успешной работы необходимы люди, которые могли бы втянуть соперника в какую-нибудь авантюру. Для этого потребовались свои диверсанты. Для борьбы с диверсантами потребовалась своя милиция. Потом для противодействия сопернику потребовались свои адвокаты, свои прокуроры и свои судьи. Через некоторое время администрации области и города стали напоминать филиалы правоохранительных структур, и соперники

встали перед необходимостью создания собственной армии. Но этого не позволял бюджет, и губернатор с мэром повели жесточайшую борьбу за инвестиции и предпринимательство. Вскоре уже население делилось на жухраевцев и брюсовцев.

Иногда в милицейских сводках отмечались столкновения между гражданами на политической почве. В основном пока все сводилось к хулиганским выходкам. Например, жухраевец берет ведро с краской и темной ночью выводит на заборе «Будущее за Жухраем». Брюсовец на следующую ночь выводит на том же заборе «Жухрай красный козел!» Жухраевец, кипя от негодования, пишет свое: «А Брюсов — голубой!», и тут уже брюсовец возмущен. На следующую ночь он замазывает антибрюсовские лозунги черной краской и садится в засаду. Но в засаде уже сидит и милиция, которой надоела заборная переписка. В итоге жухраевца и брюсовца, перемазанных краской и с разбитыми носами, привозят в милицию, и все заканчивается составлением протокола.

Еще через неделю все начинается в обратном порядке. Закономерен только обязательно милицейский финал. И это говорит о том, что органы у нас и в самом деле деполитизированы и рядовые милиционеры не имеют никаких политических пристрастий. Им главное — чтобы заборы были чисты!

Понятное дело, в этой беспощадной борьбе обрести политического союзника просто необходимо. Неудивительно, что обе стороны ухватились за Даосова. Конечно, найдутся такие, что скажут пренебрежительно: «Да на фига им этот Даосов сдался! Верное дело — подкинуть в день выборов в избирательную урну тысчонку-другую липовых бюллетеней!» И будут очень неправы! Ведь главное в политике что? В политике важно иметь если не чистые руки (это практически невозможно) и незапятнанную репутацию (таких политиков просто нет!), то хотя бы чистое и благообразное лицо человека, который печется о всенародном благе (а это, вы уж мне поверьте, труднее всего на свете!).

Да, вне всякого сомнения, можно воспользоваться услугами мордоделов, которые за приличную сумму возведут вас

до ангельских высот, а вашего соперника, напротив, измажут дегтем, изваляют в пуху и вообще представляют его двоюродным братом Адольфа Гитлера или правнуком Сатаны! Но если существуют относительно честные способы борьбы, почему нельзя воспользоваться ими?

Полковник Андрей Андреевич Иванов понимал, что губернатор и мэр интересуются Даосовым не зря. Поведение этого самого Даосова по докладам подчиненных выглядело очень странно. То, что реинкарнатор поддерживал отношения с обоими политиками, полковника не слишком удивляло: он сам, как теленок, старался двух маток сосать.

А вот бытовое поведение реинкарнатора начальника Царицынского УЭП Андрея Андреевича Иванова приводило в крайнее изумление. И в самом деле, много вы найдете предпринимателей, которые в компании с шашлычником и крупным бараном водку пьют, потом этого барана в машину сажают, и только для того, чтобы выпустить в ближайшей лесополосе?

Была у Андрея Андреевича некоторая уверенность, что этот поступок Даосова каким-то образом связан с происшествием на Центральном рынке, где на прошлой неделе местные братки и очумевшие милиционеры из патрульно-постовой милиции нагло грабили колхозников. И ведь что интересно — на вопрос представителей службы собственной безопасности УВД милиционеры так и не смогли внятно ответить, на кой черт им сдалась целая будка белокочанной капусты. Мялись, глаза в сторону отводили, бормотали что-то косноязычное и непонятное.

А с братвой рыночной вообще разговаривать было невозможно. Уставятся на тебя, как бараны на новые ворота, бесконечную жвачку жуют и лениво цедят разные глупости вроде того, что капуста и в Африке капуста, мол, нельзя людей последнего удовольствия в жизни лишать. Особо тягостное впечатление на Иванова произвел вставший на место покойного Сени Абрамчика Бородуля. Вроде бы и судим этот Бородуля был раньше, а вот борзости, присущей рэкету, в

нем не чувствовалось. Такому ли городскими отморозками руководить? Странно все это было, очень странно!

И Куретайло в последнее время себя вел более чем странно.

Нет, с одной стороны, он демонстрировал прежние рвение и лояльность, только делал все словно бы из-под палки. Похоже, Игорь Дмитриевич в победе своего шефа на предстоящих выборах разочаровался и теперь прикидывал, не переметнуться ли ему к конкуренту Жухрая. Это открывало новые возможности, и сейчас Иванов размышлял именно над новыми перспективами. Срок его службы подходил к концу, и надо было уже подумывать, чем заняться на гражданке. Хорошо было бы попасть в команду нового губернатора. Андрею Андреевичу было абсолютно все равно, кто победит. Победит Жухрай — неплохо, начальник УЭП ему определенные услуги оказывал, победит Брюсов — ситуация складывалась аналогично. По сути, это была беспроектная лотерея, главным в которой было одно — чтобы конкуренты на пост губернатора о его двурушничестве не узнали. Но в конспирации Андрей Андреевич был силен, не зря же он лучшим агентуристом управления внутренних дел слыл!

Полковник покурил, сидя за служебным столом, потом включил электрический чайник и достал из шкафа пакетик кофе со сливками и чашку.

Неожиданно зазвонил телефон.

Полковник Иванов поднял трубку.

Докладывал лейтенант Алексей Сурков, бывший за старшего в группе наружного наблюдения.

— Андрей Андреевич... — Лейтенант замялся. — Тут у нас такая ситуация. Только что выяснилось, что любовницу нашего фигуранта... Ну, Наталью Пригорницкую... Вроде бы ее как бы похитили!

— Кто? — рявкнул полковник.

— Пока неизвестно. Только источник доложил, что Даосову позвонили и стрелку забили. Он в шесть поедет с по-

хитителями перетирать все дела. Каковы будут наши действия? Вмешаться? Или посмотреть, что там дальше будет?

— О Господи! — Полковник растерялся. — Вам же светиться нельзя! Нет, никаких вмешательств. Понаблюдать и доложить. Кто, где, сколько их... Прибор для направленного подслушивания имеется?

— Имеется, — совсем по-граждански отозвался Сурков.

— Я у себя, связь будем держать по рации. Я на ваш канал перейду. Держите меня в курсе происходящего. Все ясно?

— Так точно! — теперь уже уставной формулой отрубил лейтенант Сурков.

Полковник Иванов сел в кресло, вытирая носовым платком выступившую на висках испарину. Больше всего ему сейчас хотелось, чтобы рапорт лейтенанта Суркова оказался ошибочным. Он посмотрел на трубку телефона. Надо было позвонить и доложить о случившемся сразу обоим кандидатам. Или все-таки кому-нибудь одному? А может быть, докладывать пока вообще не стоило? Есть ведь такая служебная примета — не торопись о неприятностях докладывать начальству, во всем будешь виноват именно ты. Да, скорее всего лучше выждать немного, авось все само и утрясется. А если не утрясется? Вот тогда и надо докладывать.

Тем более что сам ты пока ничего не знаешь. Вдруг это похищение организовано мэром или, что хуже, самим губернатором? Все может быть в этом мире. Очень уж они выются вокруг этого Даосова. Как мухи над сладким.

А Даосову в это время снова звонили по телефону.

Кто-то дышал в трубку и отвратительно хихикал.

— Мужик, тебе баба нужна?

Даосов молчал. «Вот тебе и сходила погулять!» — неожиданно подумал он.

— Ладно, орелик, — сказал все тот же гадкий голос. — Договориться всегда можно. Подгребай на набережную к шести часикам. Куда-куда? В кафе «Ани». Там еще армянин, который тебя тещу в березку просил вселить, директорству-

ет. Вспоминаешь? Вот и славненько. Шкатулочку свою прихвати.

— А как я вас узнаю? — хрипло спросил Борис Романович.

Собеседник хихикнул.

— А тебе нас не надо угадывать, — сказал он. — Мы сами тебя угадаем!

«Это — мэр! — положив трубку, злобно подумал Даосов. — Кому еще мои души были нужны? Только ему. С-сволочь! Знал бы, что ты на подобные вещи способен, я бы твоему сыну устроил! Я бы в него такое подсадил!»

Одна только мысль о том, что Наталья сейчас сидит в каком-нибудь подвале, приводила Даосова в бешенство. Попадись ему сейчас Валерий Яковлевич Брюсов, плохо бы тому пришлось. Но Валерия Яковлевича рядом не было, а до шести еще оставалось три часа.

Борис Романович пометался по кабинету. Медленно к нему возвращалась способность соображать.

— Леночка? — Он выглянул за дверь.

Елена Владимировна читала какой-то толстый литературный журнал. В другое время Борис Романович от души бы порадовался за компаньонку, но сейчас только спросил:

— Скажи, солнышко, наш телефон определил, откуда был последний звонок?

— Определил, Борис Романович, — сказала девушка и, положив журнал на стол, продиктовала номер: — 34-11-32.

Телефон этот показался Даосову странно знакомым. Вернувшись за стол, он долго пытался вспомнить, кому телефон принадлежит, и, как это обычно бывает, разгадка пришла именно тогда, когда Даосов отчаялся. Порывшись в газетах, он нашел нужный номер рекламного еженедельника «Все для Вас» и открыл нужную страницу.

«Куплю души, — указывалось в объявлении. — Дорого». И телефончик тот самый стоял: 34-11-32.

Глава 22

Наружка, следившая за Даосовым, откровенно скучала в автомашине. Объект сидел за столиком летнего кафе «Ани». Кафе это принадлежало частному предпринимателю Шабальяну Мартину Цогановичу, семидесятилетнему армянину с трудной и бурной биографией. Первый раз Мартина Цогановича приговорили к высшей мере социальной защиты в одна тысяча девятьсот сорок пятом году. История умалчивает, за что с ним тбилисский суд обошелся так сурово, а сам Шабальян в своих рассказах этот период своей жизни старательно избегал. Шла гуманизация права, и Шабальяна помиловали — он получил двадцать пять лет лишения свободы и уехал в республику Коми, где постоянно не хватало специалистов по лесоповалу. Из лагеря он вышел после смерти Сталина. Даже не оглянувшись по сторонам, Шабальян рысью направился в родной Тбилиси, где уже осенью вновь был приговорен к высшей мере наказания за хищения государственного имущества в особо крупных размерах. Разумеется, что имущество его конфисковали. Расстрел заменили пятнадцатью годами лишения свободы, и, как обычно, все пятнадцать лет Шабальян не сидел. Досрочно освобожденный в год, когда в столице проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Мартин Цоганович сразу же окунулся в занятие, которое несколько позже получило название «фарцовка». И опять ему не повезло. Деятельностью Шабальяна заинтересовался тогдашний бригадмил, и это любопытство стоило неугомонному армянину еще трех томительных лет, проведенных в уральском городе Ивдель. После освобождения Шабальян поехал в город Саратов, Москва и Тбилиси потеряли привлекательность в его глазах. В Саратове он немного огляделся по сторонам. Шел тысяча девятьсот шестьдесят первый год. Мартин Цоганович быстро понял, что городу нужна черная икра. Ведь совсем под боком у саратовцев был химический полигон Шиханы, а наличие таких объек-

тов всегда осложняет экологическую обстановку! Шабальян наладился переправлять в Саратов икру из астраханской поймы, начал жить хорошо и даже женился. Счастливый период его жизни длился пять лет. Видимо, Мартин Цоганович Шабальян был рожден под несчастливой звездой. В год, когда в космос полетели Валерий Быковский и Валентина Терешкова, Мартин Цоганович тоже полетел — но в далекие, хотя и менее холодные, чем космическое пространство, просторы Якутии. Вернулся он оттуда уже в середине семидесятых, когда общество несколько подобрело к жуликам и стало испытывать в них некоторую нужду. Мартин Цоганович, ставший к тому времени разведенным холостяком, без сожалений проехал несчастливый город Саратов и сошел с поезда в Царицыне, привлеченный увиденной из окна огромной женской фигурой, отлитой по эскизам знаменитого скульптора Вучетича. Царицын ему понравился. Шабальян купил домик и начал заниматься маркетингом. В моде были женские колготки с люрексом, и на них можно было неплохо заработать. Мартин Цоганович поднатужился, немного занял у друзей и купил подпольную фабрику по производству колготок. Бывшие владельцы продали ее недорого, но в суматохе забыли предупредить нового владельца, что на подпольное производство уже положили глаз люди, чья служба трудна и опасна, но как-то не видна. Как пелось в старинном тюремном романсе, недолго музыка играла, недолго фразер танцевал. Конечно, Шабальяна к тому времени фразером назвать было трудно, все-таки какие университеты человек прошел, какого житейского опыта набрался! Но влетел он под статью с конфискацией имущества, как глупый ушастый фразер. За эту свою ушастость Мартин Цоганович и получил очередной срок в долгие двенадцать лет. На свободу он вышел в конце восьмидесятых без денег, но с чистой совестью. Боже мой! — вернувшись в Царицын и оглядевшись по сторонам, Мартин Цоганович понял, что его время наконец-то пришло. Не зря он страдал, как библейский Иов! Вокруг махровым цветом распускались кооперативы, строились «пирамиды», создава-

лись товарно-сырьевые биржи, на которых с торгов продавалось все, что можно было украсть. Шла приватизация, и от ее объектов разбегались глаза. Шабальян с размаху прыгнул в волны бурного бизнеса, но, проплыв немного, с грустью понял, что его время ушло. За молодыми и наглыми хищниками ему было не угнаться. Скрывая мудрую грусть, Мартин Цоганович удалился от дел, в последний раз женился, на выуженные из волн бизнеса деньги построил маленькое кафе на набережной, чтобы, подобно рыбаку из сказки известного классика, доживать свои дни, имея в кармане постоянно на хлеб с маслом и черной икрой.

Одно время он даже был клиентом Даосова, когда скончалась его царицынская теща. Именно тогда Шабальян попросил Бориса Романовича пересадить душу умершей Анаит Иосифовны в березку у его добротного дома. Через два дня после исполнения сделки в натуре Мартин Цоганович вышел на улицу с топором в руках и срубил березку, как елочку из детской новогодней песенки, — под самый корешок. Сделать это при жизни тещи он не решался, прекрасно понимая, что в третий раз ему высшую меру на тюремный срок не заменят, а вот над березкой душу можно было отвести вполне безнаказанно. Правда, Мартин Цоганович несколько ошибся в своих расчетах. За поправку зеленых насаждений его все-таки наказали на двести рублей.

Клиентов своего кафе Мартин Цоганович Шабальян встречал в неизменном полосатом костюме, который каждый, кто знал историю жизни неугомонного армянина, почему-то принимал за тюремную робу.

С Даосовым он доброжелательно поздоровался и указал ему на нужный столик. Видимо, кто-то его уже предупредил, что Даосов обязательно придет. Заказа Борис Романович не делал, тем не менее на столике тут же появились бутылка коньяка, зелень, сыр, лаваш, шоколадные конфеты, тоненько порезанный лимон, а через некоторое время принесли дымящееся фирменное блюдо — нежнейший и сочный люля-кебаб, который могли готовить только у дяди Миши, как

называли Шабальяна завсегдатаи его кафе. Многие и не раз пытались узнать секрет приготовления люля-кебаба, но дядя Миша стойко хранил тайну. Между тем секрет был очень прост: для приготовления люля Мартин Цоганович брал низкосортные и пленочные куски мяса и прокручивал их через электромясорубку два раза.

— За счет заведения, — грустно объяснил роскошь стола хозяин кафе и отошел по своим неотложным предпринимательским делам.

Аппетита у Даосова не было, но от люля-кебаба исходил такой аромат, что Борис Романович съел один кусочек, потом другой и как-то незаметно для себя запил съеденное рюмкой прекрасного коньяка «Ахтамар».

— Свободно?

Даосов не успел ответить, как в белое пластмассовое кресло у его столика бесцеремонно плюхнулся смуглый и оттого похожий на араба высокий горбоносый гражданин с густой гривой иссиня-черных волос, ниспадающих на широкие плечи.

— Знаете, молодой человек, — устало сказал Даосов, — менее всего я сейчас расположен к беседам.

Горбоносый нагло улыбнулся.

— Не хочется, и не надо! — покладисто согласился он. — Тогда прогуляйся немного. Ментов ты привел?

— Каких ментов? — поднял голову от тарелки Борис Романович.

— А вон они в «жигуленке» сидят, — кивнул горбоносый. — Значит, так — ты выходишь и гуляешь вон туда, в сторону недостроенного моста. Там тебя встретят. Иди, родной, а я пока задержусь, пугану малость товарищей милиционеров!

Борис Романович незаметно посмотрел на стоящий чуть поодаль автомобиль, в котором сидели четверо спортивно-подтянутых мужиков. Странно, как это он их раньше не заметил? А ведь ясно было со слов губернатора, что следят за Борисом Романовичем, каждый шаг его отслеживают!

Выпив еще рюмку коньяку, Даосов поднялся и неторопливо побрел в сторону, указанную горбоносым.

В машине меж тем немного волновались. Заметив подсевшего к Даосову горбоносого, Сурков немедленно включил подслушивающее устройство и некоторое время с удивлением прислушивался к чирикающим звукам, доносящимся из прибора.

— Это по-каковски они болтают? — удивленно спросил он.

Сидящие рядом товарищи на этот риторический вопрос ответить не могли.

— Глянь, — сказал Дмитрий. — Объект-то наш уходит!

— Заводи! — приказал Сурков. — Игорек, на выход! Пошел за объектом! Володя, тихонечко поезжай следом.

Водитель тронул машину. Метров через пятьдесят на пути «жигуленка» вдруг встал человек в генеральском мундире, который вначале показался экипажу похожим, а затем и на самом деле оказался начальником Управления внутренних дел генерал-лейтенантом Рвачевым. Генерал хмуро смотрел на машину и манил к себе водителя согнутым пальцем.

— Товарищ генерал! — Сурков выскочил из машины и поднял ладонь к непокрытой голове. Без формы ведь был, в гражданке. — Экипаж машины осуществляет наружное наблюдение за порученным объектом: Доложил лейтенант милиции Сурков.

— Вы что себе позволяете? — хмуро сказал генерал Рвачев. — Если вы на службе, лейтенант, то почему от вас пахнет коньяком?

Лейтенант милиции Сурков хотел возразить начальнику управления и с ужасом вдруг осознал, что от него не просто пахнет коньяком, он безобразно пьян, как и его товарищи, вообще не сумевшие выбраться из автомашины.

Лейтенант милиции Игорь Иванцов неторопливо шел за Даосовым. Особо прятаться не стоило — фигурант шагал, совсем не оглядываясь назад. Иванцов не отрывал глаз от понурой спины объекта. Видно было, расстроился человек, дороги перед собой не видит. И все-таки Иванцов был осторожен, шел рядом с пышной зеленью смородиновых кустов,

готовый шагнуть в их спасительную тень, если фигурант вздумает провериться.

Вот из этих-то кустов и послышалось свистящее шипение. Вначале Иванцов заметил колеблющуюся тень, потом, обернувшись, увидел, что из кустов, стоя на хвосте и расправив пятнистый капюшон, шипит на него исполинская змея. При этом змея смотрела на него желтым немигающим глазом, и видно было, как в ее слегка приоткрытой пасти движется черный раздвоенный язычок.

Некоторое время оперативник и пресмыкающееся смотрели друг на друга. Голова змеи склонилась ниже, и Иванцов услышал свистящий шепот чудовища, выговаривающий вполне понятные человеческие слова:

— Сс-чего ты здесь лазиш-шь, с-сучок? Сс-чего вынюхиваеш-шь?

Нервы работника службы наружного наблюдения не выдержали. Коротко вскрикнув, он развернулся и со всей стремительностью бросился назад, где неторопливо должны были ехать на машине товарищи. А они и не ехали никуда. Сидели в машине и откровенно дрыхли, даже похрапывали во сне. И такой в кабине густой коньячный запах стоял, что лейтенант Иванцов с грустной завистью подумал: «И когда же вы, братцы, успели набраться?», не заметив даже, что использовал в своем мысленном обращении рифму, достойную бумаги.

А между тем рядом с неторопливо бредущим по направлению к мосту Даосовым остановилась автомашина и кто-то позвал из салона:

— Борис Романович! Не топиться ли с горя собрался? Садись, подвезу!

Даосов хмуро посмотрел на водителя.

Из подъехавшей машины на него смотрел, показывая длинные желтые зубы, сторож с Центрального кладбища. Длинное костистое лицо сторожа кривилось в победной усмешке. Сторож приглашающе махнул реинкарнатору рукой и распахнул дверцу со стороны пассажира.

— Садись, Романыч, садись! Пора бы уже и поговорить о делах наших скорбных...

Вот так оно обычно и бывает — подозреваешь одного, а во всем виноват тот, кого даже и не вспоминаешь. Ну кем считал Даосов кладбищенского сторожа? Мелкой сволочью, способной лишь на то, чтобы за малую мзду открывать ворота перед приезжающим реинкарнатором да водку пить в окружении смиренных покойников. А вот все не так оказалось. Сидел в машине наглый и уверенный в своих действиях человек. Полно, да человек ли? Не зря Борису Романовичу не виделось радужного ореола души, ох не зря! Что ни говорите, было что-то бесовское в человеке, который ночами таился на кладбище, организовал похищение Натальи, пытался организовать аварию самому Даосову и вообще пакостил, как только мог, да еще без зазрения совести получал мзду с Бориса Романовича, когда тот заглядывал на кладбище. А самое главное — кто же еще мог сожительствовать на кладбище рядом с часовней? Только обратная сторона божественной медали.

— Где Наталья? — резко спросил Даосов, не садясь в машину.

— Да ты садись, садись, — снова показал длинные желтые зубы сторож. — Жива твоя Наталья, ничего с ней не случилось. Пока.

Даосов сел в машину.

Ниже зеркала заднего вида в салоне автомашины болтался маленький зеленый чертенок. Хвост у него извивался, чертенок сучил ножками и делал страшные морды. Даосов пригляделся внимательнее и понял, что чертенок настоящий и, более того, — живой.

— С алкаша у пивной снял, — словоохотливо объяснил сторож. — Сильный дождик был, алкаш упал и лапку ему придавил. Пожалел я его, теперь вот висит, сохнет.

— Ты кто такой? — в упор спросил Даосов.

Сторож снова осклабился:

— А мне кажется, что ты уже, Романыч, сам догадался.

— Грузовик той ночью — твоя работа?

— Точно. Сильно напугался?

Даосов выразился с излишней прямоотой и витиеватостью.

— Здоров ты загибать, — признал сторож. — Не бойсь, до дела бы не дошло. Пугали мы тебя. На крепость, как говорится, пробовали.

Глава 23

Если вы никогда в жизни не сталкивались с потусторонними силами, то вам можно только позавидовать. Впрочем, действия потусторонних сил имеют определенные аналоги и в жизни нашего общества. Служба государственной безопасности, например, действует подобно верхним — культурно, вежливо и неумолимо она добивается своего. Своего добивается и милиция, которая, подобно чистилищным, действует кнутом и пряником, занимая промежуточное положение между службой госбезопасности и бандитами. Последних можно уподобить нижним, они так же грубы, веруют в культ силы, а для достижения цели могут пуститься во все тяжкие.

— Ну, чего ты нервничаешь? — спросил кладбищенский сторож, оказавшийся нижним. — Попугали тебя немного. Так ведь не убили, верно? Даже головы не проломили. Я бесам так и сказал — без увечий!

— Вас бы так попугать, — угрюмо сказал Даосов. — Наталья где?

— Да жива и здорова твоя баба, — сказал нижний. — Ты лучше скажи, шкатулочку свою прихватил?

Даосов бесцеремонно закурил. Разрешения он не спрашивал, но нижний на то не обиделся. Раздувая ноздри длинного носа, он с удовольствием принялся нюхать воздух. Похоже, сигаретный дым напоминал ему что-то родное и близкое.

— Ты думаешь, мне деньги твои нужны были? — спросил он. — Я тебя изучал. Да и были у меня там свои дела. Сам должен понимать, надо быть поближе к душам. Как сказал один здешний юморист? Кто что охраняет, тот то и имеет!

— Поэтому ты и подушникам сказал, что меня кто-то заказал? — сообразил Даосов.

— Ага! — довольно кивнул нижний. — Ты ведь кто? Конкурент! А для борьбы с конкурентами все средства хороши.

— Вплоть до грузовика? — хмуро усмехнулся Борис Романович.

— Это уже просто пугали, — объяснил нижний. — Мы же понимаем, ты не из нашего котла, зачем нам дипломатические скандалы раздувать. А попугать можно. Ты лучше прикинь, чего мне это стоило! Грузовик найти, беса вызвать, да такого, чтобы машину мог водить.

— А сны? — спросил Даосов.

Наступил момент истины.

— Сны? — Его собеседник длиннозубо улыбнулся. — Нет, Романыч, сны тебе никто не организовывал. — А что снилось-то?

«Так я тебе это и сказал!» Даосов нахмурился еще больше. Игра была явно нечистоплотная, но от нижних ничего иного и ждать не приходилось. А вот то, что в этой грязной игре участвовал еще кто-то, Даосова настораживало. Видно было, что нижний не врал. Не знал он ничего про сны Даосова. Опасности в том, что снился Ангел, не было. В конце концов, мог ведь и ангел-хранитель Даосова проснуться. А вот ехидный черт, снившийся Борису Романовичу несколько ночей подряд, пугал и настораживал. Либо велась какая-то непонятная Даосову игра, либо, что уж совсем невероятно, объявился у него покровитель и среди нижних. А такое покровительство всегда чревато неприятностями. Достаточно доктора Фауста вспомнить. Боком ему покровительство Мефистофеля вышло, до сих пор, наверное, в котле о нем вспоминает!

— Бабу зачем украл? — спросил Даосов. — Нельзя было без этого, да? Ну, позвонил бы, встречу назначил. Обсудили бы без свидетелей наши проблемы. Зачем же посторонних людей в наши дела втягивать?

— Ты в карты играешь? — ухмыльнулся нижний. — В картах без козырей нельзя. А я смотрю, ты к этой бабе прямо прикипел. Ну, значит, и решил лишний козырек из колоды снять.

Он остановил машину и повернулся к Даосову:

— Что мне нужно, это и барабашке понятно. Души мне нужны, дружище. А у тебя, мой друг, их хватает. Я прикинул, сколько ты их за последнее время прикупил, хвостом от нетерпения застучал. У нас в последнее время планирование ввели. Мне, Романыч, такой план установили, в пору в котел со святой водой лезть или митрополиту пятки лизать. Ну, сам прикинь, двести пятьдесят душ ежемесячно! А по городу едва три сотни набирается. Тут, понимаешь, попы активизировались, грехи отпускать начали, в церкви народ заывают. Ты по кладбищам шастаешь по ночам, души покойников скупаешь у подушников. А я им, сам знаешь, платить не могу, мне право дано только с живыми людьми контракты подписывать. А народ пошел не приведи Сатана! Одного нашего в Саратове так обули, до сих пор в Коците суда ждет за растрату казенных средств. Сам посуди, дружище, могу я каждый месяц план выполнять, если ты сам за то же время с кладбищ душ по пятьдесят снимаешь? Тебе хорошо, ты — частник, ты сам за себя отвечаешь! А тут за невыполнение плана такие кары сулят, что уже не знаешь, куда и кинуться! Моего предшественника знаешь за что сняли? Он липовые договора оформил, а для подписей живая кровь нужна. Он и залез в донорский пункт переливания крови да по неопытности вместо настоящей крови какие-то кровезаменители украл. Сорок литров, прикинь! Ими договора и подписал. А в канцелярии у нас народ ушлый сидит, видят, кровь не кипит, тут же проверку и прислали. Что теперь с ним будет, только Сатане известно!

Даосов задумчиво дымил сигаретой.

— Значит, так, — твердо сказал нижний. — Хочешь Наталью назад получить? Тогда придется тебе за это свой запасец выложить. И тебе хорошо, и мне польза.

— А если я откажусь? — поинтересовался Даосов. — Неужели, как в кино, вы ее под грузовик или, как Катерину, с обрыва в омут?

— В омут, конечно, мы ее прыгать не заставим, — сказал нижний, скаля зубы, — а вот душу я у нее выманю и тогда только верну. Видел, как живут лишенные душ бабы? Уж им-то не позавидуешь!

Вот тут проклятый бес, или кем он там числился внизу, был прав. Плохо такие женщины живут. Пьянство в семье, если таковая, конечно, имеется, скандалы постоянные, мордобой, пока супруг или сожитель не зарежет, или пока сама в тюрьму не сядет по причине убийства мужа или сожителя. А то и того хуже: придется дежурить на остановках для того, чтобы за пятьдесят рублей снять ночного клиента. И ведь лечить бесполезно, заговоры читать зря, ничего уже не поможет той женщине, что лишилась своей души. Мужу легче, он в армию может пойти, в горячих точках агрессивностью и бесстрашием свое бездушие скрыть. Наемники, говорят, сплошь и рядом из вот таких бездушных и формируются! А женщине, лишенной души, путь есть только в тюрьму или на панель, которая чаще всего заканчивается все той же тюрьмой.

Даосов выбросил окурочек и закурил новую сигарету.

— «Думай, дружище, думай!» — голосом Мюллера из известного советского кинофильма «Семнадцать мгновений весны» сказал нижний. — Я бы на твоём месте не сомневался. Я же у тебя не ремесло отнимаю, продукт его деятельности конфисковываю! Задолженность у меня большая, понимаешь? Вот и приходится активность проявлять. А попозже, глядишь, у нас и точки соприкосновения появятся. Бюрократически выражаясь, есть у нас, Романыч, предпосылки к успешному сотрудничеству.

— В чем же ты эти предпосылки увидел? — покосился на собеседника реинкарнатор.

— В совместной деятельности, — сказал нижний. — Мы с тобой запросто можем создать совместное предприятие. У них здесь есть российско-финские предприятия или, скажем, «Ленвест», «Франросс»... А у нас с тобой будет, скажем, «Росада», или «Будад», если захочешь! Договорчик по полной форме составим, и вперед!

— Знаю я эти договорчики, — покачал головой Даосов. — И что же мы будем делать? Души скупать?

— погоди, — прервал его собеседник. — Я недавно по делам в столицу выезжал. Вот где раздолье для работы! Проститутки всю Тверскую заполонили, в подвалах гей-клубы процветают, лесбиянки всю тусуются! Вот я и подумал, провинциально живет Царицын, плохо живет! Ну, сам прикинь, дискотек почти нет, гей-клубов нет, способные мужики по театрам жмутся! Город проедешь, нормальной проститутки не найдешь! Разве это хорошо, Романыч? А если мы с тобой общий язык найдем? Я у своих деньги выпрошу на организацию дискотек и клубов, души под будущую работу из дома получу! Вот тогда мы и развернемся. Я буду своими делами заниматься, ты будешь души в нужном направлении исправлять. Девочкам некоторым мужские души пересаживать, мальчикам — женские, наркоманам и алкоголикам вторую жизнь дадим... Представляешь, Романыч?

Представить картины, которым обрадовался бы нижний, Даосов мог без труда. Вот только не нравились ему эти апокалиптические картины, от них недалеко было до дня Страшного Суда. Да, чувствовалось, что собеседник его мечтал о более достойном положении в своей котельной службе, поэтому желал всю Россию превратить в огромный бордель. Сразу было видно, что до своего нынешнего назначения бес не одно столетие провел во втором круге Ада, отсюда и идеи его были такие специфичные.

— Ладно. — Собеседнику явно не понравилось молчание Бориса Романовича. — Как говорится, голый грешник не обязательно нудист! Так что ты решил? Меняемся?

Даосову было жалко терять свои запасы. Но с другой стороны, Наталью было жаль не меньше. Нравилась она ему своей непосредственностью, хорошо ему и спокойно было с этой женщиной, которая никогда не посягала на его свободу и не тяготилась сложившимися отношениями. Страшно было даже представить, что произойдет с ней, если сидящий напротив него бес действительно выполнит свою угрозу. Но выдвинутыми требованиями бес в обличье кладбищенского сторожа подрывал саму основу благосостояния Бориса Романовича. Само собой разумелось, что «Мистерию жизни» пришлось бы закрывать на неопределенное время, пока не соберется новый запас душ, позволяющий как-то строить свои отношения с клиентами. А что скажет мэр? Вспомнив о нем, Борис Романович помрачнел. Ссориться с мэром в его планы не входило. А в том, что мэр будет недоволен, и сомневаться не приходилось!

— Подумать надо, — сказал он осторожно. — Ты меня прямо за грудки берешь. Вынь тебе и положь!

— Времени нет, дружище, — развязно сказал бес. — Ты думаешь, на меня никто не давит?

Даосов задумался. В душе он уже понимал, что с содержимым шкатулки он сегодня расстанется. Понимал, но не хотел с этим смириться.

— Давай так, — предложил Борис Романович. — Ты Наталью отпускаешь, а я тебе души через недельку в нужном количестве отдам. Ты понимаешь, есть тут некоторые заморочки, не один ты ко мне с претензиями подкатываешь.

Бес нагло заржал. Сквозь привычную Даосову маску кладбищенского сторожа на мгновение проглянула его настоящая сущность. Лучше бы Борису Романовичу ее не видеть! Понятное дело, никому не хочется видеть свое возможное будущее. Особенно если оно с таким наглым и жутким мурлом.

— Дружище! — захлебнулся противным смешком бес. — Ты меня за кого держишь? Если на тебя и другие давят, то что же я получу, если последнего козыря лишусь? Нет, Романыч, так дело не пойдет. Тут у нас обмен должен быть строгий — душа против душ. Слушай, да ты сам прикинь! Я тебе отдаю не просто душу, я тебе душу твоей любимой женщины возвращаю. И при этом без каких-либо увечий и повреждений. А ты мне отдаешь души посторонних тебе людей, ты их даже не знал никогда! Ну деньги заплатил. Это ведь не главное! Ну, по рукам?

— Поехали! — сказал Даосов.

— Куда? — не понял его собеседник.

— Не знаю, где ты ее держишь, — сказал Даосов. — Только души я тебе отдам, когда Наталью увижу.

Ну не мог он допустить, когда Наталья неведомо где томилась, а он бы в это время торговался с бывшим бесом из второго круга, получившим неожиданное распределение на Землю! Не мог, и все!

— Решился, дружище? — Бес явно обрадовался. — Правильно, не надо жалеть и жмотиться! Только зачем же куда-то ехать? Давай свои иголки, я тебе тут же любовь твою и представлю!

— Ну нет! — Даосов покачал головой. — Сначала женщину представь. Я с вашим братом уже сталкивался, и не раз. У вас же ничего святого нет!

— Да откуда у нас святое! — Похоже, что сидящий в машине бес не на шутку обиделся. — Ты, Романыч, все-таки думай, что говоришь. А то ведь, как здесь говорят, за базар и ответить можно!

— Ладно, — сказал Даосов. — Ты мне зубы не заговаривай. Или я сейчас увижу Наталью, или иду домой. У меня времени нет в игрушки играть, понял? Я же вижу, что ты даже обозваться боишься, знаешь, что с тобой может тот сделать, кто имя твое узнает!

— Ты узнай сперва! — Бес оскалил в усмешке длинные зубы. — Много вас таких. Пошли!

Он вылез из машины, и Даосов последовал его примеру. Подойдя к багажнику, бес открыл крышку. Даосов стиснул зубы.

В багажнике, неестественно скрючившись, лежала женщина. Гадать даже не стоило, куда Наталья в этом наряде идти собиралась. А скорее всего именно на дискотеке они ее и прихватили, когда она ламбаду с хорошим партнером отплясывать собралась. Борис Романович стиснул зубы. Сво-лочи! Вот ведь сволочи! И самое обидное, сделать им ничего за это нельзя. Сразу и в небесах, и под землей вой поднимется: на кого руку поднял! Как осмелился! Да и на земле у них заступников нашлось бы более чем достаточно.

— Наталья! — Он наклонился, осторожно извлекая женщину из багажника.

Женщина была без сознания.

— Ее же в больницу надо! — выпрямился Борис Романович. — Ты что же — весь день ее в багажнике возил?

— Подумаешь нежности! — Бес небрежно поигрывал ключиком на цепочке. — Забирай свою цыпочку, давай сюда души.

Наталья слабо застонала и пошевелила длинной чудной ногой, затянутой в серый капрон. Даже сейчас, будучи без сознания, она выглядела стервозно красивой и обаятельной. Прямо модель с рекламной фотографии фирмы «Голден леди». Даосов наклонился.

— Где это я? — удивилась женщина. — Боренька... — Губы ее тронула слабая улыбка.

— Ну? — Бес нетерпеливо похлопал реинкарнатора по плечу. — Видишь, в порядке твоя баба. Давай, как договаривались, души!

Честно говоря, Борис Романович в это самое мгновение, не задумываясь, свою душу отдал бы, договор подписал кровью на любых, даже самых невыгодных условиях. Только бес этого не понял. Стоял около машины, нетерпеливо притопывая ногой, и смотрел, как Даосов приводит любимую женщину в чувство. Им, потусторонним, плоть ни к чему, они

телесную оболочку не воспринимают, поэтому не стоило и удивляться, что этот обитатель ада, маскирующийся под мирного кладбищенского сторожа, обошелся с Натальей подобным образом. Нельзя ведь в жестокости обвинить ребенка, выбрасывающего плюшевого мишку с шестнадцатого этажа! Бес знал, что с душой женщины ничего не сделается, и именно это обстоятельство было для него самым главным. Главное — нетленная душа.

Даосов оставил женщину приходить в себя, вернулся к машине и, достав из «дипломата» шкатулку с душами, протянул ее бесу. Тот жадно схватил коробочку, приоткрыл, увидел радужное мерцание ореолов, и на лице его появилась самодовольная улыбка.

— Ну, теперь я живу! Теперь я на коне!

— Иголки потом вернешь, — сказал Даосов. — Все-таки рабочий инструмент!

Бес уже сидел за рулем, нетерпеливо газуя.

— Верну, верну. — Он высунулся из приоткрытого окна и помахал реинкарнатору рукой. — Будь, Романыч! А насчет будущего сотрудничества ты все-таки прикинь. Чем, так сказать, черт не шутит!

Даосов, уже не обращая внимания на отъезжающую машину, вернулся к Наталье. Женщина сидела под деревом и с видимым огорчением разглядывала большой фиолетовый синяк на левом бедре.

— Вот сволочи! — сказала она. — Ну куда я теперь с таким фингалом пойду? Боречка, на лице у меня ничего нет?

— Нет, — сказал Даосов, присаживаясь на корточки рядом с любовницей, — лицо у тебя чистое. Где они тебя схватили?

— Да в «Золотой короне», — сказала Наталья с досадой. Она попробовала встать и ойкнула, болезненно морщась. Даосов рыцарски пришел к ней на помощь.

— Потерпи, — сказал он. — Нам только наверх подняться, там я машину поймаю и домой тебя отвезу. Ты себя нормально чувствуешь?

Глупый вопрос! Кто же себя после путешествия в багажнике нормально чувствует? Неловко поддерживая женщину под руку, Даосов ощущал себя негодяем, хотя, если судить по совести, Борис Романович в случившемся был почти не виноват. Вот это «почти» и заставляло реинкарнатора переживать и страдать.

Они добрались до колхозного рынка.

Борис Романович быстро поймал частника, который за полсотни довез их до дома любовницы. Он повел прихрамывающую Наталью в подъезд мимо скамеечки, на которой сидели любопытствующие старушки. Шесть пар внимательных глаз проводили Даосова и Наталью до дверей. На скамеечке нетерпеливо зашущукались. Конечно, старушки уже заметили и неуверенность Даосова, и вечернее платье Натальи, разорванное на спине, и походку ее прихрамывающую. А это значило, что вечер старушкам предстоял увлекательный, и в гипотезах о том, что случилось с Натальей, недостатка не будет.

Оказавшись дома, Наталья повела себя более чем странно. Нет, Борис Романович не ждал, чтобы уставшая женщина бросалась к нему на шею, но какую-то благодарность любовница могла бы изобразить. Хотя бы ради приличия. Вместо этого Наталья без лишних слов удалилась в ванную и принялась там плескаться, ничего не сказав Даосову. Посидев в гостиной, Борис Романович ощутил обиду. Ведь какие убытки он из-за этой женщины понес! Да что там убытки, остался, можно сказать, безо всяких средств к существованию! Он посидел еще немного, прошел на кухню, нашел коньяку, выпил, прислушиваясь к журчанию воды в ванне.

Странно вела себя Наталья, очень странно!

Он посидел на кухне, вернулся в гостиную, сел на диван и некоторое время тупо смотрел в угол, где стоял телевизор. Что и говорить, обобрали его до последней нитки. Чтобы собрать такую же коллекцию душ, не было ни денег, ни времени. Даосов даже не представлял, что он скажет своим клиентам, а тем более мэру. Хрен с ним, с мэром, как зарабаты-

вать теперь на хлеб насущный?! О более серьезных последствиях своего великодушного поступка он старался не думать. А ведь тибетское руководство на этот поступок могло посмотреть очень плохо, а уж какие меры это руководство к Даосову принять могло, и думать не стоило. Вполне способны вклепить пожизненное моление, как украинскому ламе, про которого рассказывал несколько дней назад его российский коллега!

Даосов поежился и впервые за вечер подумал, что, может быть, он напрасно проявил великодушие. Надо было еще хорошенько подумать, стоила ли этого Наталья.

Словно подслушав мысли Даосова, из ванной комнаты появилась Наталья. Была она в халате и чалме, свернутой из махрового полотенца. Загадочно улыбнувшись, она легла на диване, устроила голову на коленях Даосова и, глядя на него снизу вверх, тихонечко сказала:

— Слушай, старичок, давай поженимся? Вот не думала, что ты меня так дорого ценишь!

Глава 24

Губернатор выслушал рассказ Куретайло с нескрываемым недоверием. Как всякий большевик, он прежде всего стоял на материалистических позициях и в чудеса, соответственно, не верил.

— Что ты мне сказки рассказываешь? — усталым голосом спросил он. — Не пили, да пьяны оказались... Ты мне еще расскажи, что на них змеи в кустах накинудись, потому они и упустили этого реинкарнатора!

Куретайло, который хотел перейти к случаю с коброй, замер, пораженный пронизательностью руководства.

— Ладно. — Губернатор вздохнул. — Доложи, что у нас по выборам делается? Каковы настроения в народе?

Иван Николаевич не признавал новомодного словечка «электорат», введенного в обиход демократами. Он честно и старательно старался увидеть в голосующей толпе славную физиономию среднестатистического избирателя, не обремененного минимальной потребительской корзиной и заботами о завтрашнем дне. Сам он был родом из казаков, до седьмого класса жил в Бузулуке, а в областной город Царицын переехал вместе родителями. Как уроженец сельских мест Иван Николаевич твердо знал, что у каждой отары и каждого стада есть свой вожак, который уверенно ведет своих соплеменников по пути процветания, сытости и ежедневных привесов. Демократия ему казалась хаосом, в котором каждый блеял, мычал, квакал или кукарекал, как хотел. И жизнь подтверждала мнение Ивана Николаевича. Про бывших лидеров страны можно было говорить все что угодно. Но они были вожаками! Они умели вести свой коллектив к светлым степным далям. А не стало вожака, и стадо на мелкие группки рассыпалось. Да что стадо! Степные просторы уже стали! Демократия, считал Жухрай, возможна только в хлеву. А в поле изволь слушаться вожака, иначе ненароком попадешь в зубы хищнику. Вон их сколько жадно скалятся с разных сторон!

По наблюдению Игоря Дмитриевича Куретайло, настроения в народе были неутешительными для губернатора. Но говорить ему о своих наблюдениях Куретайло не решился. Сколько людей уже голов лишились из-за несправедливого царского гнева? И хотя времена пошли совсем другие и непосредственно голове уже ничто не угрожало, Куретайло обоснованно считал, что умолчание есть политика мудрости.

— Шансы есть, — сказал он. — А народ... Ну, что народ? Народ, он, как всегда, безмолвствует!

— Тезисы подготовили? — строго спросил губернатор.

— Все как положено. — Игорь Дмитриевич положил перед начальником распечатку. — Здесь вот об олигархах, потом о местной промышленности... Здесь о безработице... О мерах по сохранению социальных льгот... О гарантиях мало-

му бизнесу... О ветеранах... Вот здесь вы о сельском хозяйстве немного скажете... Колхозный электорат, он, знаете ли...

— Ты не кривись, не кривись, — посоветовал губернатор. — Село всегда было надежным союзником рабочего класса в борьбе, так сказать, за социальную справедливость!

Куретайло тайком оглядел породную и лощеную фигуру губернатора. Если Иван Николаевич и имел какое-то отношение к рабочему классу, то это было давно. Так давно, что об этом никто уже и не помнил. Так уж повелось, что руководящие работники времен нашего недавнего прошлого с гордым умилением вспоминают то недолгое время, когда они между школой и поступлением в институт работали учениками слесаря или токаря на предприятии. По их мнению, это обстоятельство давало им полное основание говорить о себе как о выходцах из рабочего класса и объявлять установленную ими диктатуру той самой диктатурой пролетариата, о которой много и горячо писал Владимир Ильич Ленин.

— Оставь, — сказал Жухрай. — Почитаю, что вы там накропали. Что у нас с посещением школы?

— Все нормально. — Куретайло заглянул в блокнотик. — На среду намечено посещение пятидесятой школы. Вы приезжаете к девяти, детишки стоят уже на торжественной линейке. Первоклассница Катя Егорова вручает вам цветы, вы говорите детишкам разные красивые слова, наставляете их, как говорится, на путь истинный. Потом вы дарите школе четыре компьютера. В это время ученик пятого класса Вова Дадыкин спрашивает вас, трудно ли быть губернатором. Учителя смущены дерзкой выходкой ученика, а вы с улыбкой объясняете ребенку, что, если бы не партийный долг, вы с большим удовольствием работали бы директором завода.

Жухрай подумал.

— Школа нормальная? — спросил он. — Не для богатых? А то ведь подгадите своему губернатору с благими намерениями!

— Не волнуйтесь, Иван Николаевич, — успокоил губернатора заместитель. — Четыре года не финансировалась, с

учителями до сих пор не полностью расплатились. А что касается учеников... Детишки богатых сейчас в лицеях да частных гимназиях учатся. В пятидесятой школе таких нет, сам ездил проверять!

— На пятницу — совещание с директорами заводов! — приказал Жухрай и встал из кресла, чтобы спрятать листы с тезисами своей избирательной речи в сейф. — Кстати, а как наш конкурент? Чем он занимается?

— Агитирует помаленьку, — сообщил Куретайло, снова заглядывая в блокнот. — Вчера в Доме политпросвещения выступал перед студентами.

— Это чем же он студентов туда заманил? — поднял брови Жухрай.

— Группой «Белые негры», — сказал Куретайло. — Есть такая модная группка. Молодежь от нее дуреет. Сплошные децибелы и мат. А сегодня с утра поехал на термостатный завод, у него там главный инженер в приятелях ходит.

— Ладно, про рейтинги я тебя спрашивать не буду. — Жухрай встал и прошелся вдоль ровного ряда стульев. — Цифры считать — себе настроение портить. Трубный завод деньги перечислил?

— Наличкой дали, — сказал Куретайло. — Им так легче было. Сами знаете, какая у нас пока налоговая политика!

— Хорошо. — Губернатор подошел к окну и посмотрел вниз. В скверике напротив здания областной администрации у памятника классика русской литературы Льву Николаевичу Толстому топталась жиденская толпа. У некоторых в руках белели плакаты, но что на них было написано, из-за расстояния невозможно было разобрать.

В одной из стоящих женщин Жухрай узнал заведующую городским отделом торговли. Это могло значить только одно — Валерий Яковлевич Брюсов сам не дремал и своим подчиненным не давал. Следовательно, на плакатах были начертаны очередные политические лозунги и призывы, которыми неугомонный мэр пытался уязвить своего политического противника. Скорее всего толпа опять требовала вернуть гражданам детские

пособия, хотя, если судить по внешнему виду, дети собравшихся в сквере граждан уже приближались к пенсионному возрасту.

— И чего стоят? — с некоторым раздражением сказал Жухрай. — Сколько ни стой, денег все равно не будет! Попробовали бы они лет пятнадцать назад так стоять, давно бы уже по камерам парились!

— Демократия! — ядовито поддакнул заместитель.

— Ладно. — Жухрай вернулся в кресло, некоторое время бесцельно перебирал бумаги на столе. — Я тут отлучусь ненадолго, без меня повоюете. Будут сверху звонить, скажи, что к врачу поехал.

— Будет сделано. — Куретайло часто закивал головой, и по лицу его было видно, как близко он принимает к сердцу заботы губернатора о здоровье. Впрочем, Жухрай себя не обманывал. Игорю Дмитриевичу было прекрасно известно, к какому именно врачу отправлялся его начальник. Иван Николаевич Жухрай ехал к любовнице. Давно канули времена, когда измена супружескому ложу означала обязательное персональное дело для руководителя, который автоматически являлся членом партии. Молодой читатель с недоумением воспримет тот факт, что еще совсем недавно личная жизнь партийного человека могла подвергаться контролю и критике. Жены неверных мужей писали в партийную организацию гневные письма с требованиями примерно наказать разлучницу и вернуть блудного мужа в семью. Самое удивительное, что разлучниц и в самом деле наказывали, а нерадивых мужей, манкирующих выполнением своего прямого и обязательного супружеского долга, возвращали в лоно семьи. Иногда партийные собрания, посвященные моральным аспектам брака, превращались в нечто подобное сборищам каннибалов на каком-нибудь необитаемом острове. На развратника, дерзнувшего пренебречь обязанностями, которые накладывал на него брак, накидывались его менее отчаянные товарищи, которые с таким же, если не с большим вожделием смотрели вслед красоткам в мини-

юбочках, но не решались на что-то более значительное вроде знакомства и приглашения предмета своей страсти на чашечку кофе в номере гостиницы или квартире своего холостого товарища. Накинувшись на нарушителя Морального кодекса строителя коммунизма, завистники грызли его со всех сторон, пока вместо цветущего и влюбленного мужчины не оставалась груда окровавленных лохмотьев и костей, слабо шепчущих слова ненужных уже оправданий. Эти мысли и вручали в торжественной обстановке обманутой супруге, продолжающей верить в возможность счастья. К счастью, подобные времена уже навсегда остались в прошлом. Ныне даже функционеры, пойманные с поличным в чужих постелях, уже устаиваются не порицания и всеобщего осуждения, а сочувственных слов. Исключение составляют лишь те, кто дерзал проводить свободное от службы время в обществе двух и более девиц. Правда, и в этом случае надо отметить, что девицы являлись скорее орудием политической борьбы, нежели предметом любви и воздыханий.

Ивану Николаевичу Жухраю можно было только посочувствовать. Его любовницей была Анна Леонидовна Брюсова, жена царицынского мэра. Да-да, жена его нынешнего политического противника. Честно говоря, весь этот руководящий адюльтер губернатору не особенно нравился. Тайные встречи начались в те давние времена, когда Иван Николаевич был рядовым инженером, а Анна Леонидовна — учеником продавца в Центральном гастрономе. За долгие годы Жухрай привык к Анне и, оставшись вдовцом, иногда уже даже подумывал о том, чтобы оформить с ней официальные отношения и тем самым снова утереть нос ненавистному сопернику. Правда, его смущало, что Брюсов мог обойти его на губернаторских выборах, и тогда его властная супруга могла сделать иной выбор, в котором места Ивану Николаевичу уже не было. Иван Николаевич даже не догадывался, что основной причиной, толкавшей Анну Леонидовну на измены, было несогласие супруги мэра с политическими взглядами мужа. Подозреваю, что сейчас читатель недоверчиво скри-

вится и, покачивая головой, начнет возражать, что такого в жизни просто не бывает. Не буду спорить, дорогой читатель. Скажу только одно — плохо мы пока еще знаем наших женщин, не понимаем женской психологии, а хуже всего — не верим, что они могут иметь свои политические убеждения, которые защищают самыми разнообразными методами. Вплоть до измены.

Будь уверен, дорогой читатель, убеждения женщины еще сыграют свою роль в нашем повествовании.

Встречались они с Анной Леонидовной на квартире ее давней наперсницы и подруги. Шампанского им уже не требовалось, они жадно и грубо насыщались друг другом, вели неторопливые беседы на бытовые темы и расставались. Иван Николаевич возвращался к своим губернаторским обязанностям, а Анна Леонидовна возвращалась домой, чтобы с внезапно объявившейся энергией взяться за накопившиеся семейные дела.

Вот и сейчас, оказавшись в квартире вдвоем, они принялись неторопливо раздеваться. Приняв душ, они с той же неторопливостью и основательностью предались греховной и осуждаемой обществом любви. Анна Леонидовна слабо постанывала, Иван Николаевич нервно и сосредоточенно сопел. Глаз своих они не открывали. Да и что нового они могли бы увидеть в глазах партнера?

Наконец Иван Николаевич Жухрай лег на спину и, закинув руки за голову, посмотрел в потолок. Анна Леонидовна, свесив ноги с постели, села и принялась подкрашиваться. Жухрай смотрел на Анну Леонидовну и не мог понять, любит он ее или нет. Еще более ему были непонятны чувства, испытываемые любовницей.

— Аннушка, — мягко спросил Иван Николаевич, — ты меня любишь?

Анна Леонидовна недоуменно повернулась к нему, держа пудреницу в руке. В последние годы любовник подобных вопросов ей не задавал. Что это с ним? Расчувствовался на старости лет или на выборах боится проиграть?

— Странные вопросы ты, Ванечка, задаешь, — помедлив, ответила она. — Тебе бы эти вопросы лет двадцать назад задавать, а не сейчас.

— Нет, — с неожиданным и почти юношеским задором сказал Иван Николаевич. — Ты мне ответь, кого ты больше любишь — меня или мужа?

Анна Леонидовна подумала, глядясь в круглое зеркало пудреницы.

— Господи, — сказала она. — Как мужик ты, Ванечка, конечно, покрепче. Но Валера все-таки поласковой будет, понежней...

Она с лукавой усмешкой оглядела любовника, наклонилась, нежно чмокнула его в обозначившуюся с годами лысину и принялась неторопливо надевать лифчик.

— Что это с тобой? — спросила она. — Собрался уговаривать меня от мужа уйти? Поздно, Ванечка. Мне теперь о другом думать надо, Мишеньку воспитывать.

— Вместе и будем воспитывать, — неловко пробормотал Иван Николаевич.

Анна Леонидовна встала, натягивая платье на несколько расплывшуюся, но все еще соблазнительную фигуру.

— Господи, — вздохнула она. — Да какие же из вас с Валерием воспитатели? Вы все в политике, вы народом рветесь руководить. На дом и семью у вас времени не остается. Так у Валерки хоть магазин имеется, а что ты будешь делать, Ванечка, если тебя из губернаторского кресла попрут?

— Ну, положим, какие-то сбережения и у меня имеются, — солидно сказал Иван Николаевич. — Да и слабо твоему Валерке у меня выиграть. За меня народ проголосует.

— Не скажи, — рассудительно ответила Анна Леонидовна, натягивая колготки. — У него союзники — дай Бог тебе таких отыскать. И в городе у него позиции неплохие.

Иван Николаевич грузно сел на постели.

— Ну куда ты торопишься? — с упреком спросил он. — Я серьезно поговорить хотел...

Анна Леонидовна торопливо поцеловала его в щеку.

— Не сердись, — сказала она. — Непокойно мне. Лежу с тобой, а сама думаю, как там Мишка.

Она торопливо оделась, встала в прихожей у зеркала, приводя себя в порядок. Немного разочарованный Иван Николаевич Жухрай принялся одеваться. Любовниц заводят не из-за сексуального голода, они — громоотвод, если хотите, отдушина, позволяющая мужчине обрести душевное равновесие и спокойствие. А после общения с Анной Леонидовной губернатор спокойствия не ощутил, более того — в душе его поселились неуверенность и беспокойство. «Поговорили, — с раздражением подумал Жухрай. — Как меду напились!»

Из квартиры они выходили порознь. Когда Иван Николаевич вышел, любовницы уже не было видно.

Автомашина стояла в условленном месте. Водитель флегматично читал «Деловые вести Царицына».

— Поехали, — хмуро сказал Иван Николаевич и, срывая раздражение, добавил: — Нашел чего читать! Ты еще «Московский комсомолец» в руки возьми!

Но вернемся к Анне Леонидовне. Беспокойство о судьбе сына не было беспочвенным. С некоторого времени Миша, взяв в руки лист ватмана, чтобы предаться живописным упражнениям, испытывал некоторый дискомфорт. Едва он протягивал руку за фломастером, внутренний голос грубо командовал: «Отставить! Пиши стихи, салабон!» Миша сопротивлялся. Однако после того как по собственной инициативе, но явно против своей воли он вымыл туалет, к своему внутреннему голосу он относился с некоторой опаской. Теперь, взяв в руки карандаш, он уже подумывал, не написать ли ему и в самом деле что-то стихотворное. А то ведь, не дай Бог, придется еще и посуду мыть, а то и картошку до маминого прихода чистить. Было ведь однажды такое, полтора мешка Миша почистил, прежде чем Анна Леонидовна вернулась! Поэтому, слышав очередную команду внутреннего голоса, Мишутка только вздохнул и мысленно спросил: «О чем?»

Возвратившись домой, Анна Леонидовна сразу же почувствовала неладное. Уж больно тихо было в детской комнате. Она встревожилась. Последние события давали повод для беспокойства. После подсадки генеральской души Миша вдруг ощутил склонность к дрессировке и педагогике. Некоторое время он учил домашнего кота стоять по стойке «смирно», потом начал командовать отцом и матерью, заставляя их ходить по двору строевым шагом. Слава Богу, тяга к спиртному у него начисто пропала. Анна Леонидовна даже с некоторым удовольствием тянула носочек, отрывая стройную ногу от земли на положенные сантиметры.

Анна прошлась по комнатам и обнаружила сына на кухне. Недовольно сопя, Мишутка мыл полы. Кухня была в длинных мокрых разводах.

— Мишенька! — слабо ахнула Анна Леонидовна. — Что, у нас дома полы помыть некому? Зачем ты себя изводишь?

Миша бросил тряпку, посапывая, протопал в свою комнату и вернулся с листом ватмана, на котором темнели старательные каракули.

— Вот, — сказал он, протягивая лист бумаги матери.

— Что это?

— Стихи, — сказал сын. — Сегодня написал.

Хаты сжирало пламя,
Был небосклон свинцов.
Вышел на бой с врагами
Прапорщик Жеребцов.

Верным он был Отчизне
И заветам отцов.
И любил больше жизни
Родину Жеребцов.

Чтил уставы военные,
Был отцом для бойцов
Командиром отменным
Был Иван Жеребцов.

— Мишенька, — Анна Леонидовна подняла на сына недоумевающий взгляд, — а кто он, прапорщик Жеребцов?

— Ну ты даешь, мамка, — сказал Миша. — Забыла, что Флобер ответил на вопрос, с кого он писал госпожу Бовари?

Честно говоря, Анна Леонидовна смутно помнила, кто такой Флобер, но вот кто такая госпожа Бовари, она не знала. В конце концов, со дня окончания школы не один год прошел, а жизнь заставляла Анну Леонидовну Брюсову больше интересоваться правилами торговли, чем беллетристикой. Она стыдливо поинтересовалась у сына, что именно ее Мишутка имеет в виду.

— Однажды французского прозаика Флобера спросили, с кого он писал образ героини своего романа «Госпожа Бовари», — раздумчиво сказал ребенок. — И знаешь, что он ответил? Он сказал любопытствующим: «Эмма Бовари — это я!»

Глава 25

Даосов ночевал у Натальи.

Вроде бы все закончилось, но беспокойство не оставляло Бориса Романовича. Только представьте себя на его месте. События последних дней вышибли Даосова из колеи обыденности. А кто бы остался безучастным к происходящему? Правда, о нагло обобравшем его бесе Даосов думал без особого раздражения. Более того, он жалел лукавого! Оказывается, система разлагала не только людей, от системы страдали и бесы. Похоже, что подобное происходило и в верхнем мире. Вот только способы урегулирования своих проблем бес выбрал не слишком корректные. А с другой стороны, что от него еще можно было ожидать, от исчадия Ада?

— Слушай, Даосов, — сказала Наталья, закинув на любовника длинную горячую ногу и тем самым отвлекая Бориса Романовича от размышлений. — А почему бы тебе на мне не жениться? Нет, правда, котик, я буду верной женой. И готовить я умею.

Даосов обнял женщину и, не открывая глаз, поцеловал ее в ждущие губы.

— Я подумаю, — пообещал он. — Только не забывай, меня ободрали как липку.

— Не в деньгах счастье, старичок. — Наталья куснула любовника за ухо, дразняще прижалась к его груди.

— Кстати, как твоя нога?

Наталья села, огорченно разглядывая темный синяк на бедре. Синяк впечатлял.

— Болит, — пожаловалась она. — Нет, Даосов, ты представляешь, они меня как драную кошку в багажник запихали! Нормальные люди могут так поступать?

— Люди еще и не так могут, — зевая, сказал Даосов. — Слушай, ты меня завтра разбуди пораньше. Кажется мне, что денек не из легких будет!

— А ты не ходи, — сказала Наталья, укладываясь рядом и обнимая Даосова за шею. — В конце концов, ты на себя работаешь, а не на дядю или государство. Позвони своей нимфоманке, пусть она за тебя завтра отдувается.

«Хорошо бы, — сонно подумал Даосов. — Выдернет меня завтра мэр, а у меня ни одной души. Ведь не поверит, посчитает, что я против него играю». Впрочем... Борис Романович сонно осклабился. Была в этой истории своя прелесть. Кажется, он знал, какую приманку подбросит Брюсову. Знал и не сомневался, что мэр Царицына на нее польстится. Прием был, конечно, не слишком честным, но угрызений совести Даосов не чувствовал.

Тем более что сны ему в эту ночь не снились.

Борис Романович не ошибся. Рабочий день его начался с визита референта главы города. Терентьев подождал реинкарнатора в прихожей, сопровождал Бориса Романовича к машине и даже открыл перед ним дверцу. По всему было видно, что получил референт указание вести себя почтительно и корректно.

— В общем, так, Боря, — уже в дверях встретил реинкарнатора энергичный мэр. — И не возражай! Все продумано до

тонкостей. Воду пить будешь? Или что-нибудь покрепче пожелаешь? Садись, садись, дружище, нам надо детали обговорить. Значит, так: ты инструктируешь все имеющиеся у тебя души, и мы подсаживаем их в тех, кто может голосовать против меня. В первую очередь, конечно, в учителей и рабочих тракторного завода, завода гидрометизов и некоторых других предприятий. Список я уже набросал. Представляешь, все будут ждать, что они против меня проголосуют, а они будут голосовать за меня! Как тебе мысль? Нравится?

— Мысль неплохая, — осторожно согласился Даосов, пощипывая бородку. — Только вот одна загвоздочка у нас с вами наметилась. Душ-то у меня нет!

— То есть как? — Мэр машинально выпил стакан минералки, налитый им Даосову. — Как это нет? Темнишь, Боря? Кинуть меня решил?

Даосов молча протянул ему газету с объявлением, которое было обведено красным фломастером. Брюсов прочитал объявление, поднял глаза на реинкарнатора и некоторое время укоризненно смотрел на него.

— И ты продал? — тоном государственного обвинителя спросил он.

— Если бы! — Борис Романович коротко пересказал мэру события недавнего прошлого.

Мэр слушал его, недоверчиво вздернув левую бровь. По лицу Валерия Яковлевича Брюсова было видно, что ни на грош он не верит сидящему перед ним прощелыге. Загнал по объявлению души, а теперь оправдания придумывает, сочувствия ищет.

— Так... — Валерий Яковлевич энергично потер подбородок. — Значит, ваши души уже у него? Я правильно понял?

Даосов кивнул, стараясь не смотреть мэру в глаза.

— Скажите, — Брюсов заерзал в кресле, — я так понял, что он еще и договора оформляет?

— А вы что, хотите с ним договор заключить? — Даосов искоса глянул на мэра.

Наверное, такое же выражение лица было у доктора Фауста, когда к нему подкатил со своими предложениями Мефистофель. Даже и гадать не стоило, видно было, что Сатана здесь будет править бал. И случится это в самое ближайшее время.

— Ладно, — сказал мэр. — Ты мне скажи, условия договора та сторона выполняет добросовестно?

— Разумеется, — пожал плечами Даосов. — Кто бы с ними договора заключал, если бы они шельмовали! Сами понимаете, им иначе нельзя. И так клиентура редка, а начнешь мошенничать — так последних клиентов растерять можно. Только я вам рекомендую до заключения договора классику почитать. Особенно Данте, у него в «Божественной комедии» очень хорошо муки грешников описываются.

Похоже, говорил он все это в воздух. Не слушал его Валерий Яковлевич. По хитрому выражению на его лице было видно, что мэр напряженно прикидывает, как ему беса কিনуть. Занятие это безнадежное, за тысячелетия все лазейки обитателями Ада были изучены и надежно перекрыты. Но каждый, кто решается продать свою душу, полагает, что он умнее предшественников. Брюсов исключением не стал. Скользнув безразличным взглядом по потерявшему общественно-политическую ценность реинкарнатору, Валерий Яковлевич вызвал в кабинет референта.

— Значит, так, — сказал мэр, протягивая референту газету с обведенным адресом. — Свяжешься с человеком, который сидит по этому телефону, договоришься о встрече. Да повежливее будь. От него много зависит.

Видно было, что Даосов для них уже интереса не представлял. Все мысли мэра были направлены на встречу с обидчиком Бориса Романовича, он уже мысленно подписывал договор с бесом на выгодных для себя условиях. Можно подумать, что такие условия существуют! Конечно, бес и мурло свое приветливым сделать может, и предложения задвинуть такие, что голова от них кругом пойдет. Бес в помощь, му-

жики! Каждый, как говорится, делает петлю из веревки, которая ему к лицу.

— Я пойду? — спросил Даосов.

— Конечно, конечно. — Валерий Яковлевич Брюсов рассеянно смотрел сквозь него. — Только это... Обойдемся без предупреждений, Борис... э-э-э... Романович. Сами понимаете, что в таких деликатных делах молчание действительно становится золотом. — Мэр подумал немного и добавил: — Здоровье опять же сохраняется. Да что я вас убеждаю? Вы, Борис Романович, и сами все хорошо понимаете, правда?

— Разумеется. — Реинкарнатор неторопливо поднялся. — Не буду давать вам советов, Валерий Яковлевич, думаю, что вы тоже осознаете последствия принятого вами решения.

Он прошел мимо вахтера, упоенно читающего газету, и вышел на улицу. Даже не верилось, что все прошло без излишних осложнений. Нет, все-таки и среди политиканов встречаются иной раз разумные люди! Тут Борис Романович на радостях, пожалуй, и поспешил. Разумный человек не сунется договор с дьяволом заключать. А именно это мэр Царицына как раз и намеревался сделать. Ишь глазенки-то как загорелись!

Соболезновать мэру Даосов не собирался. Не подросток половозрелый, знает, на что идет! Выборы он, конечно, выиграет, тут и сомнений никаких не может быть... Подумав об этом, Борис Романович остановился посередине улицы, напугав встречную старушку в джинсовом костюмчике. На поводке у старушки крутился вычурно стриженный пудель в попонке из того же материала, что костюмчик старушки.

А вот об этом забывать не стоило. Плохо оказаться меж двух огней: от одного убережешься, другой тебя обязательно опалит. Борис Романович Даосов нехотая вспомнил о своем разговоре с губернатором. Судя по всему, сотрудничества с областной властью избежать было невозможно.

Собственно, ничего опасного в этом сотрудничестве не было. Да и операция, задуманная губернатором, особой сложности не представляла. Смущало то, что несколько дней на-

зад малый российский лама как в воду глядел. Что он при отлете посоветовал? Помнится, он тогда очень туманно высказался в том смысле, что ежели Жухрай выборы проиграет, то опасности представлять не будет. А почему он не будет опасности представлять? А потому что в случае проигрыша Даосов должен помочь ему рокировку нужную сделать, чтобы он на коне оставался. «А ведь я ему этого не говорил», — внезапно вспомнил Даосов. Из этого странного разговора вытекало, что все происходило в Царицыне по воле богов или — что выглядело гораздо более вероятным — малый российский лама бегал в одной упряжке с областным руководством.

— Черт! — зло сказал Борис Романович, и пудель, до того смотревший на него любознательными карими глазками, радостно залаял.

— Ходят тут всякие, людей пугают! — обиженно сказала старушка.

Только и забот у Даосова оставалось — старух на улице пугать. Последнее время в основном пугали его. И высываться особо не следовало, тем более возражать власть держащим. При воспоминании о своих бытовых противниках Даосов почувствовал неожиданную злость. Ну какого черта они лезли в его размеренную устоявшуюся жизнь? Ладно, нижние — им положено было козни строить! А на кой черт нужны Борису Романовичу губернаторские заботы и заморочки жуликоватого царицынского мэра?

Он уже находился у моста чрез речку Царицу, когда мимо него проехал белый «жигуленок», которым управлял референт мэра. Рядом сидел бес в образе кладбищенского сторожа. Выглядел бес победителем. Достаточно было взглянуть на него, чтобы сообразить — на этих выборах мэр города выиграет, и с солидным отрывом. Жалости к Валерию Яковлевичу у реинкарнатора не было, каждый знает, на что идет. Рыбак должен знать, что иногда крючок могут проглотить с ним самим. Только вот населению города, которым станет

управлять тот, кто продал душу дьяволу, можно было лишь посочувствовать.

В офисе было пустынно и прохладно. Леночка, уютно расположившись на своем рабочем месте, читала очередной журнал. А может быть, и картинки просматривала — судя по внешнему виду, журнал своих читателей лишними знаниями не отягощал.

— Никто не звонил? — поинтересовался Борис Романович.

Оказалось, что никто не звонил.

Даосов прошел в свой кабинет, уселся за стол и некоторое время бесцельно смотрел в окно. Настроение было мерзопакостное.

В кабинет вошла Леночка.

— Борис Романович, — сказала она. — Я на завтра возьму отгул? Праздник все-таки!

— Да-да, конечно, — рассеянно согласился Даосов, но тут же спохватился: — А что за праздник?

— Так ведь выборы завтра, — безмятежно помаргивая длинными ресницами, сказала компаньонка.

— Так ведь не президента выбираем, — резонно сказал Борис Романович, но великодушно предоставил Елене Владимировне испрошенный ею отгул.

Оставшись один, он открыл сейф, достал шкатулку и некоторое время бездумно рассматривал ее обтянутую шелком пустоту.

Ничто так не ранит душу, как внезапное банкротство. Нищий привыкает к своей нищете, неожиданно лишившийся достатка чувствует себя обворованным. «Может, и в самом деле жениться? — в который раз за последние дни подумал Даосов. — Сказано ведь было, не складывай все в один мешок — не снесешь! Да и Наталья все-таки хорошая баба. Хватит приключений, пора уж подумать о спокойной старости. Деньги у нее есть, за полгода пополнию душехранилище, в европы смотаюсь. Сейчас у нас рачительные немецкие души в цене, а там, наоборот, все духовность искать бросились,

Достоевским зачитываются. Вот и наладим обмен душевными ценностями в полном соответствии с запросами...»

В то самое время, когда Борис Романович Даосов предавался философским рассуждениям о роли собственности в жизни реинкарнатора и путях обновления различных народов в результате качественно налаженного душеобмена, заместитель губернатора Царицынской области Куретайло ступал на путь измены областному руководству.

Игорь Дмитриевич хорошо понимал, что обстановка резко изменилась. Можно, конечно, вообразить, что менты на работе напились до того, что им генералы со змеями мерещиться стали. Однако Куретайло не зря пожил в столице, не зря столько времени занимался вопросами областного строительства, а потому сразу сообразил, что если в реальности жизни начинает вторгаться фантастика, то рано или поздно все изменится, и изменится бесповоротно.

Следовательно, пришло время выбирать свой дальнейший жизненный путь. Можно было переметнуться на сторону городского мэра. Тайно Игорь Дмитриевич об этом думал не раз. Однако вступать на этот путь Куретайло не очень хотелось. Ну представьте себе, что вы перебрались через реку и принялись поливать мост керосином, совершенно не представляя, что вас ждет впереди. На такие безрассудные поступки заместитель губернатора не был способен. Тем более что день выборов, в который выявятся победители и побежденные, неумолимо приближался. Игорь Дмитриевич рисковать не хотел.

Но и оказаться в этот день рядом с губернатором и разделить с ним более чем возможное политическое поражение Куретайло не жаждал. А потому он поступил просто и мудро, как всегда, когда испытывал неуверенность и колебания.

Он лег в больницу.

Уткнувшись лицом в серую наволочку жесткой больничной подушки, Куретайло ощутил спокойствие. Чувство это знакомо политикам и ворами. Суэта гонки завершилась периодом философского покоя. Не надо куда-то бежать, не надо рвать страхом жилы и сердце, можно просто лежать, глядя в

зарешеченное окно, в котором проплывают облака. Некоторые скажут: при чем тут политики? Но ошибки нет. С некоторых пор понятия «политик» и «вор» являются у нас синонимами. Не верите? Автор тоже не верил, пока не увидел по телевизору, как один из депутатов Государственной Думы с трибуны обратился к своим коллегам: «Пацаны! Хорош пустые базары гнать! Поговорим наконец без понтов...» И что интересно — коллеги встретили эти слова бурными аплодисментами!

Не стоит ходить далеко, недавно сам премьер-министр с высокой трибуны без тени смущения заявил, что коллеги его *заказали*, и только потому, что многим не нравится, как *ложится расклад бабок*.

Куретайло лежал на больничной койке и обдумывал, как ему жить дальше, с кого ему, так сказать, дальнейшую жизнь делать?

Впрочем, особо и раздумывать не приходилось. Победит Жухрай — слава Богу, «дорогой вы наш Иван Николаевич, я всегда верил в вашу победу, последние дни так переживал, что сердце прихватило, едва инфаркт не получил!» Ну а Брюсов на финише вперед вырвется — тоже ничего страшного. «Верите, Валерий Яковлевич, я всегда не доверял этому краснорожему, он, подлец, едва область не загубил, я ему и помогать не хотел, потому и в больницу лег, чтобы не мешать вашей победе, в которой, кстати, никогда не сомневался!»

Главное — вовремя показаться на глаза победителю. За годы в политике Игорь Дмитриевич Куретайло этому научился в совершенстве.

Глава 26

Еще десять лет назад выборы в нашей стране проходили без особого выбора. Это сейчас народу предлагают самых разнообразных политиков из своеобразных людей. Думал ли,

скажем, ранее судимый за изнасилование господин Цицуев, ставший главой концерна «Росич», что он будет баллотироваться на должность губернатора? Видел ли он это в своих мрачных тюремных снах, лежа под шконкой, на которой храпели граждане, совершившие более достойные злодеяния в виде убийства или разбойного нападения на ювелирный магазин, а потому не принимающие порочного насильника в свою компанию? Победа Цицуеву, конечно, не светила, но определенный процент голосов он все-таки набирал. Это вам не прежнее время, ныне все равны перед гражданами, которым в последнее время все равно. В конечном счете всегда выигрывает тот, у кого власть или деньги.

Владелец кафе на Царицынской набережной Мартин Цоганович Шабальян в беседе с автором жаловался, что возраст и здоровье не позволяют ему принять участие в предвыборной гонке. Он не сомневался даже, что его бурная биография окажется вполне достойной народного внимания, и, возможно не без оснований, полагал, что в случае участия в выборах хотя бы место в областной Думе, на худой конец — в городском Совете города Царицын ему обеспечено.

Как уже говорилось, народ у нас выбирает сердцем. Однако никто не знает, где оно находится у нашего народа. Определенные подозрения есть, но вслух я их не выскажу. Сообразительным гражданам, любящим кроссворды, сканворды и ребусы, порекомендую вспомнить, через что у нас любое мероприятие проводится, любая работа проворачивается.

Утро красит нежным цветом стены избирательных участков, гремит бравурная музыка, и члены комиссий, расположившись над алфавитными списками избирателей, ждут первого посетителя так же терпеливо, как ждут лесные разбойники подгулявшего купчишку. Не то чтобы он им особо нужен был, в конце концов, выборы определяются у нас не активностью избирателя, а хитромудростью и сметкой председателей избирательных участков. Появление избирателя означает, что выборный процесс пошел, и теперь только стихийное бедствие

вроде извержения вулкана или прямого удара молнии этот процесс может прервать.

Избиратели идут на участки, а избираемые наблюдают за процессом из своих избирательных штабов. В холодильниках ждут своего часа водка и шампанское. Игристым шампанским обычно отмечают победы, при поражении, словно горькое лекарство, по стаканам разливается водка. И это правильно, товарищи!

Оба претендента на пост губернатора в равной степени были готовы как к победе, так и к поражению. Впрочем, не будем лукавить — мэр города Валерий Яковлевич Брюсов был нацелен только на победу, и надо сказать — для того у него были веские основания. На электорат он особо не надеялся, но надежный союзник, обретенный с заключением тайного договора, в котором подпись проставляется кровью из вены, свое дело знал и действовал в полном соответствии с учебником интриг для бесов второго и третьего разрядов.

Если бы Иван Николаевич Жухрай догадывался, что примет его политический соперник!

Сначала неожиданный союзник предложил Брюсову запустить в воды реки Волги избирательно действующую дизентерийную палочку, которая выводила бы из строя политических врагов мэра и не трогала его последователей.

— Не сходи с ума, — сказал Валерий Яковлевич. — Забыл, что подо мной Центральный гастроном? Им только повод дай, они эту самую палочку у меня в продуктах отыщут. И тогда всему хана — и выборы перенесут, и магазины прикроют! Лучше пойдем проторенным путем. Души, что ты у нашего реинкарнатора изъял, в наличии? Вот и давай ими воспользуемся. Охватим самые опасные в политическом плане участки.

Бес поморщился. И его можно понять: кому понравится, что тебя учить начинают, тем более что душ у него уже не было, в тот же вечер он их с сопроводительным письмом по назначению отослал, дал самые нелестные характеристики и тем самым, значит, отрапортовал об успешном выполнении

плана. К тому же работа казалась ему не особенно сложной. Ну отказался клиент от простейшего решения задачи, не требующего магии и потустороннего вмешательства. Что с того? Если знаменитый земной авантюрист Остап Бендер знал двести способов отъема у граждан денег без нарушения положений Уголовного кодекса, то в учебнике интриг способов достижения необходимых политических целей было описано не меньше.

— Ты, братец, не лез бы не в свое дело, — задумчиво листая пухлый фолиант, сказал бес. — Ты меня лучше машиной обеспечить. У меня свое видение проблемы.

И был совершенно прав.

Продавец не должен совать свой нос в дела покупателя. Знать бы только, кто тут покупатель, а кто продавец!

Впрочем, с ситуацией бес справился, как это и полагалось профессионалу. К десяти вечера он вернулся в штаб обессиленный, но довольный. Потирая руки, смотрел на мэра города хищным собственническим взглядом. Тонкие губы змеились улыбкой, приоткрывая длинные неровные зубы.

— Что, господин губернатор, не терпится? — спросил бес. — Можете пить шампанское!

Не то что Валерий Яковлевич Брюсов не верил в возможности своего новоявленного партнера, но открывать шампанское он остерегся до получения сведений из избирательных участков.

Многих председателей избирательных комиссий в этот вечер ждали неприятные сюрпризы.

На избирательном участке номер сто двадцать три председатель лично бросил в урну сто двадцать бюллетеней, гарантирующих победу Жухраю. При подсчете выяснилось, что из всех избирателей за прежнего губернатора проголосовало шесть человек. Председателя едва отпоили валокордином.

— Не может быть, — лепетал он, безумно поглядывая по сторонам. — Не может быть... Своей рукой... лично...

На другом избирательном участке к девяти часам вечера проголосовало всего десять процентов избирателей. К деся-

ти часам проголосовало девяносто процентов, но постовой милиционер не заметил, чтобы мимо него в последний час проходили толпы народа. Надо ли говорить, что и на этом участке избиратель голосовал за Валерия Яковлевича Брюсова?

Сведения, поступающие из сельских районов, внушали некоторую надежду. Однако городских избирателей Иван Николаевич Жухрай проиграл. Надо сказать, что дело свое бес знал, а усердия у него было значительно больше, чем у любого агитатора.

Впрочем, читатель, опустим описание процедуры свободных выборов. Процедура это нудная и к тому же абсолютно неинтересная широким слоям граждан. Сколько раз за свою жизнь мы были избирателями и искренне считали, что от нашего голоса что-то зависит! Увы! Сильные мира сего знают, как добиваться необходимых результатов, а быть может, каждый из них в разное время заключал договора с представителями организации, скупающей души с незапамятных времен. Но даже если прошлые победы канувших в историю деятелей были следствием исполнения нечистой силой своей части договора, тем интереснее нам будет следить за механизмами, которые были задействованы на выборах губернатора Царицынской области.

А еще интереснее нам следить за тем, что происходит в избирательных штабах.

К часу ночи, когда в штабы начали поступать первые сведения о результатах выборов, в штабе губернатора начали понимать, что пора открывать водку. Официальных указаний о том еще не поступало, но первые пьяные уже начали обживать общественные туалеты. В одной из комнат звенела переборами гитара, и бородатый активист разнузданно пел Галича. Кто же знал, что по жизни этот активист напоминал настоящую редиску — под тоненькой красной кожицей скрывалась сахарная белая мякоть.

Жухрай просмотрел подготовленную штабом сводку, бросил ее на стол и криво усмехнулся.

— Где Куретайло? — спросил он.

Увы! Куретайло был в больнице. Впрочем, неудобство от пребывания своей правой руки на больничной койке испытывал лишь губернатор. Сам Куретайло, просмотрев новости по местному каналу, выключил телевизор и достал из тумбочки бутылку коньяка. Итак, он не ошибся. Карта старого губернатора оказалась слишком мелкой, а все тузы были у Брюсова. Теперь следовало подумать о том, как строить взаимоотношения с новым губернатором. Несомненно, надо оказаться полезным ему, и не просто полезным, а жизненно необходимым. Выпив рюмку коньяка, Куретайло обнял подушку руками и начал выстраивать стратегию своих взаимоотношений с новым губернатором.

Жаль, что старый губернатор об этом не знал, в противном случае он не преминул бы сделать достоянием широкой общественности взаимоотношения своего заместителя с фирмой «Аврорус», более того, правоохранительные органы немедленно получили бы команду разобраться с гражданином Куретайло по всей строгости российских законов.

Около двух часов ночи Иван Николаевич Жухрай потребовал водки и устало констатировал, что новая номенклатура одержала сокрушительную победу над старой. Члены штаба старались не смотреть на своего кандидата.

Закусив ломтиком балыка холодную водку, Жухрай обвел взглядом мрачные лица соратников и загадочно объявил, что борьба еще не закончена, более того, с победой соперника она вошла в свою последнюю стадию. Соратники недоуменно переглянулись. Отрыв мэра от губернатора выглядел так внушительно, как выглядел бы результат забега, в котором участвовали, скажем, заяц и черепаха. Всем показалось, что губернатор сошел с ума. О каком продолжении борьбы могла идти речь, когда надо было бежать в кабинеты и жечь служебные документы, которым никак нельзя было попасть в руки врага?

Между тем теперь уже бывший губернатор Царицынской области Иван Николаевич Жухрай приказал разлить водку

по стаканам, первым поднял свой и провозгласил тост, показавшийся вначале непонятным и нелогичным даже самым верным последователям проигравшего выборы чиновника. Губернатора не поняла даже первый секретарь Царицынского обкома партии Алевтина Опоркина, хорошо знавшая чаяния и желания простого россиянина.

Подняв свой стакан, губернатор подмигнул сразу всем присутствующим.

— За поражение, — сказал он. — За сокрушительное поражение, которое еще обернется оглушительной победой!

Сделав такое загадочное заявление, Иван Николаевич Жухрай вышел в другую комнату, вызвал водителя и отдал ему соответствующие распоряжения.

Отправив водителя, губернатор воровато огляделся и достал сотовый телефон. Еще раз оглядевшись, он набрал номер и, когда собеседник взял трубку, негромко сказал:

— Положение критическое, и я нуждаюсь в вашей помощи. Машина за вами уже пошла.

Посидел немного, негромко и рассеянно насвистывая «Интернационал», потом вновь решительно взялся за телефон. Номер был занят, и Ивану Николаевичу пришлось повторить вызов несколько раз. Наконец на другом конце провода трубку подняли.

Иван Николаевич назвал себя, ласково подышал в трубку, выслушал сказанное ему в ответ и отключился.

Вернувшись в комнату, где уже шло мрачное и неулыбчивое веселье, он сел на пустой стул, налил себе водки и потянулся стаканом к Алевтине Опоркиной. Первый секретарь, страдальчески морщась, мужественно выпила свою водку и торопливо запила ее минеральной водой.

— Что я в Москву сообщу? — горестно спросила Алевтина Васильевна, задумчиво вздернув реденькие брови. — Боюсь, не поймут нас там.

Жухрай лихо выпил, подмигнул мятущемуся секретарю и бодро пропел:

И вновь продолжается бой!
И сердцу тревожно в груди!
И Ленин — такой молодой,
И юный Октябрь впереди!

— Ах, Иван Николаевич, — вздохнула Опоркина. — Несолидно ты себя ведешь! Какой уж тут октябрь впереди, когда январь на носу! Мы с тобой не выборы, мы с тобой поединок за души трудящихся проиграли!

— Души? — Иван Николаевич Жухрай погрозил партийному руководителю пальцем, потом огляделся и приложил палец к губам: — Ти-хо! Об этом, дорогой мой секретарь, никому ни слова!

И в это время дверь распахнулась, в комнату вошел бородатый гитарист и, взяв несколько неуверенных аккордов, хриловатым, под Высоцкого, голосом прогнусавил:

Слева бесы, справа бесы,
Нет, по новой мне налей!
Эти — с нар, а те — из кресел,
Не поймешь, какие злей.

И куда, в какие дали,
На какой еще маршрут
Нас с тобою эти ввали
По этапу поведут!

— Это что еще за диссидент? — грозно вскинулся Иван Николаевич Жухрай. — Гоните его к чертовой матери!

— Не шуми, — по-партийному требовательно оборвала губернатора Опоркина. — Не видишь, переживает человек! Выпили.

Бородатый гитарист попытался спеть неувядаемую песню времен детства Ивана Николаевича Жухрая и комсомольской юности Алевтины Опоркиной, но народ его не поддержал. К выборам готовились основательно, и у большинства это была последняя возможность поесть бутербродов с черной икрой и финского сервелата под настоящую московскую водочку с завода «Кристалл». Никто не спорил с тем, что «Орленок» замечательная песня, но петь ее именно сейчас

всем казалось неуместным, все равно что запеть на свадьбе любимую песню Владимира Ильича Ленина «Замучен тяжелой неволей». Хорошая песня, но явно несвоевременная.

Постепенно веселье набирало обороты. Одновременно оно становилось несколько страшноватым, неуловимо напоминая последнее пиршество немецких генералов перед решительным штурмом их рейхсканцелярии советскими войсками. Будь Кукрыниксы свидетелями этой пьянки, картина бы — ей-богу! — получилась у них не менее выразительной.

Жухрай выпил еще немного, вышел в коридор и закурил.

— Что делать-то будем?

Жухрай огляделся.

Рядом с ним стояла Алевтина Опоркина, по старой, еще целинной привычке знакомо сминая длинный мундштук «беломорины». Именно такой она в далекие пятидесятые была заснята безвестным кинооператором, делавшим фильм о Никите Сергеевиче Хрущеве. Потом Никиту Сергеевича сняли, признали, что курение вредно для здоровья, и либо по той, либо по другой причине, но демонстрировать кадры с курящей комсомолкой перестали. Тем более что к тому времени многие лица комсомольского возраста начали интересоваться анашой. Чуйская долина, как известно, находилась совсем недалеко от целинных земель, а полноценного косяка без папиросы, это известно теперь даже школьнику, забить невозможно.

— Так что будем делать? — Алевтина Опоркина задумчиво выдохнула клуб едкого дыма в лицо губернатору. — Распишемся в собственном бессилии?

Жухрай разогнал дым ладонью.

— Сдаваться не намерен, — сдавленно сказал он.

— И что ты предлагаешь? — Первый секретарь задумчиво дымила, глядя в окно. — Мы, дорогой товарищ, не грызловский «Медведь», нам с Центризбиркомом воевать никто не поможет! Надо, Иван Николаевич, глядеть правде в глаза. Поражение мы, конечно, в этот раз потерпели, но оно нас многому научит. Партия всегда из своих поражений извлекает исторические уроки. Уж таковы мы, большевики!

— Я, Алевтина Владимировна, сдаваться не собираюсь, — глухо сказал Жухрай. — Буду бороться до последнего!

Развить свою мысль Иван Николаевич не успел. В конце коридора показался его водитель. Как всякий водитель, возящий руководителя высокого ранга, личный шофер Жухрая был дороден, нетороплив в движениях и многозначителен в словах.

— Привез я его, Иван Николаевич, — глуховатым баском сообщил он. — В машине сидит. Ждет, как говорится, ценных указаний.

Жухрай достал из кармана пиджака сотовый телефон и торопливо набрал номер.

— Это я, — сообщил он, едва на другом конце провода взяли трубку. — Что скажешь, родная?

Похоже, ответ его удовлетворил. Губернатор отключился, сунул трубку в карман и крепко пожал руку недоумевающему первому секретарю.

— Ты куда? — спросила губернатора Алевтина Опоркина.

— Главное — не сдаваться, — лучезарно улыбнулся Иван Николаевич. — Был когда-то в советские времена фильм. «Бой после победы» назывался.

— Так то после победы, — сказала первый секретарь, жестким тычком давя папиросу о бетонный подоконник. — А у нас — поражение!

— Ах, дорогая Алевтина Владимировна, — уклонился от прямого ответа губернатор. — Так ведь и мы рождены, чтоб сказку сделать былью! И мы ее таки сделаем былью! Обязательно сделаем!

Глава 27

Что такое девальвация чувств?

В старом анекдоте это подмечено довольно верно. Девальвация чувств наступает тогда, когда жена меняет золо-

тую душу своего мужа на железную плоть соседа. Так что известный царицынский поэт Владимир Маковецкий был прав, когда в чувственном порыве писал:

Осужденья врагов мне не надо.
Сожаленья друзей — не приму!
Я ушел, и душа моя рада,
Что все вышло у нас по уму...

А вот у бывшего мэра города Царицына Валерия Яковлевича Брюсова по уму не вышло. И то, что испытывала в ночь после выборов его душа, никак не назовешь душевным равновесием.

Интересно, что бы вы подумали, когда в момент упоения заслуженной победой, после обильного возлияния с друзьями вы возвращаетесь домой, ложитесь на диван, чтобы предаться неге и мечтам, и в это время ваша жена вероломно впускает в дом ненавистного политического соперника и с ним двух неизвестных мужчин? Вы ведь даже не подозреваете, что одна из причин столь странного поступка вашей жены — политические разногласия, имеющие, вполне вероятно, определенную сексуальную подоплеку.

И что бы вы пережили, когда эти двое неизвестных мужчин по команде вашего врага ловко и сноровисто переворачивают вас на живот и сдирают с вас пижамные штаны, открывая молочно-белые ягодички? Несомненно, вы будете думать, что проигравший на выборах соперник таким образом изощренно пытается отомстить вам.

Валерий Яковлевич боролся из последних сил. Однако водителей себе Иван Николаевич Жухрай умел подбирать. Что может сделать худосочный интеллигент против людей, привыкших на трассах менять колеса «КамАЗам»? Ну, укусить разок жестко держащую тебя руку. Ну, вякнуть о правах человека, пообещать, что покусившиеся на святое будут наказаны по всей строгости российских законов. Нападавшие насильники на это ответили грубым смехом и продолжением своих непотребных действий, после которых Валерий Яковле-

вич почувствовал легкое головокружение и полное безразличие к своей судьбе.

Но до надругательства дело не дошло.

Хозяин дома вдруг ощутил резкий укол в одну из ягодиц. «Отравили!» — Валерий Яковлевич с отчаянием обреченного задержался в крепких руках нападающих, промычал нечто оскорбительное в адрес предавшей его супруги и своего политического оппонента, вскинул голову и провалился в спасительное забытие.

— Готово? — спросил Жухрай бледного реинкарнатора, застывшего у постели мэра с иголкой в руке.

Даосов кивнул.

— Давай, братишка, — нетерпеливо и хищно сказал губернатор, берясь за пряжку своего ремня. — Верши социальную справедливость!

Трудно сказать, что явилось причиной относительной неудачи царицынского реинкарнатора — торопливость проводимой операции или качество игл, к которым в последние дни Борис Романович Даосов потерял всяческий интерес. А может, все было во внутреннем противлении Даосова коварной судьбе?

Однако факт остается фактом — полного душеобмена не получилось. Впрочем, ничего страшного в том, что половина души губернатора вселилась в тело мэра, а вторая половина осталась в собственном теле, куда в свою очередь вселилась половина души Валерия Яковлевича Брюсова, реинкарнатор не видел.

Собственно, что такое коммунист? По сути своей, это демократ, зажатый тесными рамками тоталитарной системы. Потому он всегда тоскует о свободе, выплескиваясь пафосом и гневом в кухонных разговорах по душам за бутылкой водки. А что собой представляет демократ? Если заглянуть в его нежную душу, мы увидим уставшего от свобод коммуниста, который за рюмкой коньяка в загородном ресторане тоскует о сильной правящей руке. Говоря образно, это две половинки яблока. самого настоящего яблока, а не того, о котором

подумал сейчас читатель, поднаторевший в политике. Хотя и он в своих мыслях не так уж далек от истины.

Диалектика, господа!

Однако Даосов не подозревал, что происходит, когда обе половинки душ находятся в одном человеке. С ненавистью обзорева друг друга, в один прекрасный момент они замечают, что половинки половинками, но, однако же, они от разных яблок. Если коммунистическая половинка души представляет собой пепин шафран или, скажем, реддингтон, то демократическое яблоко сортом своим никак не ниже белого налива, который, как известно, отличается восковой спелостью, доходящей до прозрачной белизны. У нормального человека несовпадение убеждений половинок души вызывает раздвоение личности. У многих политиков подобное заблуждение не в редкость и свидетельствует о широте политических взглядов и гибкости мышления.

Уже в машине Иван Николаевич Жухрай с явной опаской спросил реинкарнатора:

— Ты, Романыч, честно скажи: выпивка не повредит?

Нет, выпивка при душеобмене повредить не могла, более того, она способствовала адаптации души в новом теле.

— Тогда тормози, — приказал губернатор. — Отметим по рабоче-крестьянски, где-нибудь на берегу, коньячком да икоркой с балычком...

Пока на берегу губернатор, следуя незнакомым, но социально близким ему рабоче-крестьянским традициям, подливал реинкарнатору в стакан высококачественный «Хеннеси», в доме мэра царило смятение, по масштабам своим не уступавшее происходившему в свое время в доме Облонских. Трудно состязаться в мастерстве с графом Толстым, но еще труднее не попытаться описать все, что творилось в эту ночь в доме мэра.

То ли выпитое шампанское ударило в голову Валерию Яковлевичу, то ли половинка души его соперника начала обживать левое полушарие мозга мэра, но в эту ночь Брюсову снились кошмары.

Снилось Валерию Яковлевичу, что его исключают из партии за публично сожженный партбилет. Вроде бы это его особо волновать не должно было, но отчего-то Брюсову хотелось просить прощения. Может быть, потому что председательствовал на собрании гордый человек в полувоенном френче и в круглой фуражке с маленьким козырьком. Человек выпячивал губы и смотрел на проштрафившегося товарища, как смотрел бы председатель ревтрибунала на попавшегося в лапы революционного правосудия Нестора Махно. Видно было, что на снисхождение Брюсову рассчитывать не приходится.

— Сжег партбилет? — громко спрашивал председатель и, не ожидая ответа, сам же отвечал: — Сжег, негодяй! Однозначно сжег!

Из-за спины его со скрытым злорадством выглядывал проигравший выборы губернатор Иван Жухрай и всем своим видом показывал: плохо тебе будет, Валерий Яковлевич! Ой, плохо!

Вызванная в качестве свидетеля Анна Леонидовна вышла на трибуну в красной косынке и, раскрыв черную общую тетрадь на девяносто шесть листов, принялась зачитывать прегрешения, допущенные ее мужем.

Грехи мэра и мужа в черной общей тетради были сгруппированы по принципам Морального Кодекса строителя коммунизма, но ему было понятно, что основной упор сделан на прелюбодеяние и хищения, благо, что и тех, и других Анной Леонидовной было учтено более чем достаточно.

Председатель комиссии презрительно выпячивал губы и со значительным лицом кивал.

— Ну, подлец, что скажешь в свое оправдание? — спросил он, едва Анна Леонидовна закончила свое обвинение. — Будешь ли утверждать, что невиновен?

— Да чё там говорить, мужики, — сказал плечистый член комиссии в кожаной куртке и черной косоворотке, с хрустом разгрызая зеленое польское яблоко. — К стенке надо ставить эту контру без лишних слов!

— Однозначно! — согласился председатель. — Кто еще хочет добавить к сказанному?

— Ко всему сказанному можно добавить лишь девять граммов из моего именного маузера! — хмуро сказал судья в кожаной куртке. — И этот паразит еще пытался занять место губернатора Царицынской области? Той самой области, которую наш вождь и учитель товарищ Сталин своей грудью защищал, пролетарской крови своей не жалея?

— Интриган, однозначно, — сказал председательствующий и налил в стакан газированной воды, которую, однако, не выпил. — Да ты хуже Немцова! Ты хуже Зюганова! Однозначно хуже! Ты — Троцкий!

Неподалеку от Валерия Яковлевича, словно примерная ученица, подняла пухлую ладошку его жена.

— Товарищи! — звонко сказала она. — Разрешите мне своей собственной рукой покончить с этим врагом трудового народа! Дайте мне маузер, товарищи! Клянусь, рука моя не дрогнет!

Губернатор Жухрай достал из-под покрытого кумачом стола громоздкую деревянную кобуру и извлек из нее маузер.

— Позвольте, — растерянно пробормотал мэр.

— Не позволим! — радостно вскричал председатель и за чем-то снял шапочку. — Предлагаю почтить память нашего товарища Валерия Яковлевича Брюсова минутой молчания!

Брюсов испуганно проснулся. Во рту стоял металлический привкус, словно перед пробуждением он сосал ствол маузера. В левом полушарии разгоряченного и немного заторможенного мозга ворочались непривычные и оттого пугающие мысли.

— Аня! — слабо позвал Валерий Яковлевич.

Вошла жена, одетая медсестрой, но в высоких с растресками кожаных сапогах. На крутом бедре ее топорщилась защитного цвета сумка с большим красным крестом.

— Leave me alone; let me be!* — сказала она.

* Оставь меня в покое (англ.).

Валерий Яковлевич откинулся на подушки. Анна Леонидовна достала из сумки длинноствольный маузер и прицелилась в мужа.

— I get it*, — сказала женщина.

Валерий Яковлевич испуганно прикрылся пуховой подушкой и замер в ожидании выстрела. «Everything is galling west!»** — мелькнуло в голове.

И он снова проснулся.

Анна Леонидовна сидела в кресле напротив тахты и напряженно смотрела на него.

Иван Николаевич с усилием подмигнул ей. Чувствовал он себя отвратительно, от резких движений темнело в глазах. Голова была какой-то чужой, и он даже не сразу сообразил, что она и в самом деле чужая.

— Неосторожна ты, девочка, — сказал он. — Ночью с мужем спать надо, а ты у любовника сидишь!

— You went gaga?*** — спросила женщина.

— Сука! — гневно и неожиданно сказал Валерий Яковлевич. — Так ты, выходит, мне с Ванькой изменяла?

Анна Леонидовна пожала полными белыми плечами.

— That's your beat!**** — философски сказала она.

Ты, Валера, не гони, — глухо произнес кто-то рядом. Этот голос Брюсов узнал сразу. Говорил его политический соперник. — *Сам знаешь, в каждой женщине сидит дьявол!*

Иди, Иван, иди, — морщась, сказал Брюсов. — *У себя в доме я сам разберусь! Сколько же лет вы с Анькой меня за нос водили?*

Нет, товарищ мэр, — глумливо усмехнулся голос. — *Ты еще, похоже, не проснулся. Куда же я уйду, если я в твоей голове?*

Некоторое время Брюсов молчал, обдумывая услышанное. Женщина между тем поднялась и вышла, оставив мэра наедине со своими и чужими мыслями.

* Я тащусь (англ.).

** Хана! (англ.)

*** Ты что, обалдел? (англ.)

**** Судьба твоя такая (англ.).

Это, выходит, ты с реинкарнатором договорился, — тяжело сообразил Валерий Яковлевич. — А Анька тебе помогала... Так?

У тебя не голова, а Дом Советов, — глумливо сказал из левого полушария Жухрай. — Не мэр, а настоящий Штирлиц! Быстро сообразил!

Это что же такое получается? — продолжал размышлять Брюсов. — Ты — здесь, я — тоже здесь... Но ведь так не бывает!

Я тоже так думал, — вздохнул Жухрай. — Похоже, товарищ, нас с тобой обоих кинули. Так сказать, нас в коммуналку утеснили, а в моих хоробах теперь неведомо кто вечеряет! Полный абзац!

А с чего это Анька начала по-английски изъясняться? — От удивления и внезапно обуявшей его тоски Брюсов даже опустил до переговоров со своим соперником.

А это, братишка, ты уж сам думай, — хмыкнул губернатор. — Сам знаешь, чужая жена — потемки!

У Брюсова чесались кулаки, но бить было некого. Не станешь ведь самого себя бить кулаками по голове! С каким удовольствием он бы сейчас хрястнул по чисто выбритой физиономии своего ненавистного соперника!

Вот-вот, — сказал с левой половины Жухрай. — Допер? Мы теперь с тобой одно целое, дорогой Валерий Яковлевич! Я тебе что гуторю? Это раньше мы с тобой соперниками были, теперь мы — соратники. Братья, так сказать, по разуму! По мозгам, значит! — Он замолчал, потом осторожно спросил сидящего в правом полушарии Брюсова: — А ты ничего не чувствуешь?

Чувствую, — признался бывший единоличный хозяин тела.

А что ты чувствуешь? — с интересом поинтересовался из левого полушария Жухрай.

Морду тебе хочется набить! — Валерий Яковлевич Брюсов сжал кулаки с такой силой, даже костяшки побелели.

Иван Николаевич Жухрай бережно разжал кулаки.

Не горячись, — посоветовал он. — Сам понимаешь, это все равно что самого себя бить... Ты же, Валера, не мазохист какой, чтобы от собственной боли кайф испытывать? Я тебе про другое гуторю. Лично у меня такое, товарищ, чувство, что я словно бы на части разодранный. Будто часть меня здесь присутствует, а другая часть где-то далеко-далеко...

Валерий Яковлевич поднялся с постели и принялся нервно рассказывать по комнате. Странное дело, теперь ему казалось, что левый глаз видит как-то не так. Более того, ему казалось, что левый глаз и смотрит как-то не так. Было в нем нечто от пристального коммунистического прищура губернатора.

Разговаривать не хотелось. Однако и прежней ненависти к своему политическому противнику Валерий Яковлевич не чувствовал. Глупо ненавидеть то, что живет в тебе. Было ощущение обреченности. Вот ведь влип! Что же теперь, всю оставшуюся жизнь с зашоренным идиотом в голове жить? Он тяжело вздохнул.

Нет, — сказал он. — Не знаю, как ты, а я вроде бы в целости. Ну, может, чего несущественного и не хватает. По мелочам вроде памяти.

Завидую я тебе, братишка, — сказал Жухрай. — А я тут вот сижу, гляжу по сторонам. И все мне не так! Словно бы меня в тыл к американцам забросили. Вроде бы и гуторят вокруг по-нашему, и обстановочка у тебя в квартире, как у меня. А все равно — все не родное. Последний раз я такое испытывал, когда в Германию ездил по обмену опытом. Вот, помню, губернатор ихний из Мюнхенских земель... герр Шредер... вроде и мужик неплохой, и шнапс пьет, как воду, даже без закуси... А все равно все чужое. И коровы не такие, и поля аккуратненькие, как в опытном хозяйстве института земледелия... И колхозники там сытые и толстенькие, как инструктора из моей администрации!

Голос губернатора жужжал внутри черепа, словно пчела забралась в тюльпан, обпилась нектара и никак не могла выбраться наружу. Густой был голос, вязкий такой.

Валерий Яковлевич снова принялся мысленно приглядываться к себе. Никаких отклонений особенных он пока не замечал. Но, положив руку на сердце, кто бы из читателей этих строк смог бы с ходу определить, вся ли его личность на месте, или чего-то в ней не хватает? И неудивительно — ведь все мы живем в дурдоме, именуемом современной Россией. В происходящих событиях в ней трудно разобраться даже квалифицированному врачу-психиатру, что уж говорить о тех, кого всегда именовали простыми людьми! Нас жалеть надо! Такой диагноз, как вялотекущая шизофрения, можно смело ставить двум третям населения страны. Или даже всему населению, ведь все, что происходит вокруг нас, — это и есть самая настоящая вялотекущая шизофрения. В каждом из нас живет бескорыстный строитель коммунизма и одновременно хапуга, жаждущий личного достатка. И что интересно — они ведь прекрасно уживаются и стараются друг другу не мешать. Потому как очень хочется жить в достатке и при этом знать, что впереди тебя ждет светлое будущее.

Знаешь что? — начал Жухрай. — Давай, дорогой мой Валерий Яковлевич, придем к консенсусу. Все-таки нам теперь с тобой придется все делить — от жены до губернаторского кресла. Ты только прикинь, мы ведь вместе такого можем наворотить, чертям в аду тошно станет!

При упоминании ада и его обитателей Валерию Яковлевичу стало нехорошо. Захотелось консенсуса, пусть даже со своим политическим противником.

Это ты погорячился, — понял его и согласился Жухрай. — Однако не будем нервничать раньше времени, товарищ! Безвыходных положений не бывает! Выкрутимся, браток!

Брюсов вздохнул и снова сел на постель.

Умные люди всегда договорятся, — сказал Жухрай. — Выше голову, ты же все-таки член партии, хотя и бывший. Вообще-то, братишка, когда выяснилось, что мы с тобой в одном теле обитаем, я попервам шибко расстроился. Никак не мог в толк взять, что дальше делать. А теперь вижу, что различия про-

меж нас небольшие. Нервный ты только слишком, оттого и выгоды своей сразу ухватить не можешь.

Так кто из нас теперь губернатором будет? — поинтересовался Брюсов. — *Выборы ведь я выиграл!*

Ну, ты, брат, и властолюбивый, — отреагировало левое полушарие. — *Оба будем. Ты, скажем, по четным числам, я — по нечетным...* — Легким усилием воли он заставил тело Брюсова подняться. — *Ладно, у нас теперь будет время для разговоров. Пойдем, что ли?*

Куда? — удивился мэр.

Как это куда? — в свою очередь удивился его бывший соперник. — *Анну будить!*

Глава 28

Борис Романович сел, с трудом приходя в себя.

Безумная ночь не прошла бесследно.

Вместе с тем особых воспоминаний она у Даосова не оставила. Все вспоминалось какими-то рваными и бессвязными картинками, от которых к горлу подступала тошнота.

Звонил телефон. На кухне нервно гремела тарелками Наталья. Как она оказалась в его квартире, Даосов абсолютно не помнил, но одно только ощущение того, что рядом родная душа, грело и успокаивало.

Звонки стали настойчивыми. Такими настойчивыми, что Даосов пожалел об отсутствии у него пистолета. С огромным удовольствием он сейчас бы расстрелял аппарат из пистолета! Во рту было сухо и так гадко, словно там неизвестный фермер устроил курятник на два десятка кур. Борис Романович сполз с тахты, с трудом добрался до кухни, виновато глядя на любовницу, достал из холодильника бутылку минеральной воды. Минералка приятно холодила руку. Даосов сделал несколько затяжных глотков.

— Хорош, нечего сказать! — с явным осуждением в голосе сказала Наталья.

Замолчавший было телефон ожил вновь. Борис Романович вернулся в комнату, поставил бутылку минералки рядом с телефоном и взял трубку.

— Ну? — спросил он. Не то чтобы он был невежливым, просто на более длинную фразу сил не хватило.

— Даосов? — душевно сказали в трубку. — Какая ты сволочь, Даосов!

— Не по-нял? — в три приема выдохнул Борис Романович и снова приложился к бутылке с минеральной водой.

— Чего там не понять, — вздохнул собеседник. — У меня же с Брюсовым контракт был. Только не говори, что ты этого не знал, Боря! Контракт был, и, между прочим, кровью подписанный! А ты что наделал? Ну что ты наделал? Зачем ты его душу на два тела разделил? Им ведь и жить теперь по-разному! Как мне теперь его душу в канцелярию представить?

— У каждого свои проблемы, — философски сказал Даосов.

Трубку досадливо бросили. Послышались короткие гудки. Даосов сел на тахту и снова приложился к бутылке.

По-хорошему — надо было срочно уезжать. Больно опасная душевная конфигурация сложилась в телах губернатора и мэра.

В принципе ничего страшного не произошло, однако... Береженного Бог бережет. А в том, что от врагов ему следует ожидать неприятностей, Борис Романович даже не сомневался. Обитатели Ада — существа мстительные, им на хвост наступать не стоит.

Борис Романович послушал, как на кухне гремит посудой Наталья, и грустно подумал, что чудес на свете не бывает. Если ты родился неудачником, неудачником и помрешь! И тут тебе никакие боги не помогут. Рок, дорогие товарищи! Гезера, как говорят братья-евреи.

В комнату плавно вошла Наталья, села рядом и принялась скорбно и осуждающе молчать.

Даосов посидел смирно, ткнулся носом в плечо любовницы и негромко сказал:

— Может, уедем отсюда к чертовой матери?

Наталья заглянула ему в глаза, взъерошила Даосову волосы и совсем по-матерински сказала:

— Бедненький ты мой! Иди прими душ, легче станет!

Утро оказалось тоскливым не только для Даосова.

Игорь Дмитриевич Куретайло, покинув больничную палату, чувствовал себя совершенно выздоровевшим. Более того, он был полон энергии и сил, настроение было прекрасным. Вот только на работу Игорь Дмитриевич не особенно торопился. Вместо того чтобы предстать перед очами проигравшего выборы губернатора, Куретайло отправился к мэру. Следовало ненавязчиво, но вежливо и с достаточным тактом поздравить Валерия Яковлевича с заслуженной победой на выборах и дать понять, что в областной администрации его с большим нетерпением ждут люди, которым прежний губернатор не давал развернуться и показать административные свои таланты во всей красе.

В приемной у Брюсова сидели несколько человек, но Куретайло это не остановило. Все-таки он был человеком федерального значения. Заместитель губернатора области — это вам не хухры-мухры, это скорее мухры, так сказать, хухры. Можно сказать, большие мухры-хухры.

Игоря Дмитриевича несколько поразил внешний вид мэра. Валерий Яковлевич был бледен, и под глазами у него обозначились синие мешочки подглазников, да и вид мэра казался страдальческим и загнанным. Тут опытному и сведущему в политике Куретайло следовало сообразить, что и к чему, но Игорь Дмитриевич ошибся. Он легкомысленно вообразил, что ничего страшного не произошло, подумаешь, отметил человек свою победу в гонках за счастьем и материальным достатком и немножечко увлекся. Так не прогулял

ведь, не отговорился плохим самочувствием, на работу, понимаете, вышел! Вот такие руководители и должны достойно представлять в Совете Федерации заслуженную область.

— Поздравляю! — Игорь Дмитриевич даже не присел, демонстрируя новому губернатору преданность и уважение. — Честное слово, Валерий Яковлевич! Рад! Честное слово — рад! Искренне рад! Если бы вы, Валерий Яковлевич, знали, как тяжело было работать с этим старым ретроградом! Никакой смелости мысли, одни лишь заезженные коммунистические догмы! Думается, что под вашим руководством дела области пойдут значительно лучше! Люди, они ведь, честно говоря, устали от этого партийного дурака!

Но заместителю губернатора не повезло. Или день был нечетным, или два полушария головного мозга все-таки соединились в едином порыве к власти, но только мэр поднял голову, и Куретайло с ужасом увидел знакомый жесткий прищур.

— Партийный дурак, говоришь? — прогремел мэр. — Старый ретроград тебе надоел?

Ожидавшие приема посетители были несказанно удивлены. Да что там удивлены, шокировала их картина, случайными зрителями которой они неожиданно стали. Мэр города Валерий Яковлевич Брюсов с видимой натугой вынес в приемную обезумевшего от ужаса заместителя губернатора, хрипло дыша, приказал открыть дверь и бросил Игоря Дмитриевича Куретайло на ковровую дорожку, прикрывающую бетонный пол.

— И чтобы я тебя больше не видел! — непонятно сказал мэр. — Я тебе покажу заезженные коммунистические догмы!

И это было тем более странно, ведь всем было известно, что Валерий Яковлевич Брюсов твердо стоит на демократической платформе, одно время, когда его гастром подвергли комплексной ревизии, он даже в правозащитниках ходил, с самим Сергеем Адамовичем Ковалевым вел интенсивную переписку. Присутствующие поудивлялись, но вслух никто из них ничего не сказал. Все

помнили малоросскую поговорку и знали, у кого трещат чубы, когда дерутся паны.

Игорь Дмитриевич Куретайло поднялся и как-то странно, крабьим манером побежал по коридору на выход. Даже «до свидания» не сказал.

Оказавшись на улице, Игорь Дмитриевич обрел способность соображать. Вот, значит, как дело обернулось! Пока он в больнице лежал, а мэр выборы выигрывал, Иван Николаевич Жухрай нашел беспрюигрышный ход и вновь стал губернатором! Ничего, ничего, значит, в теле губернатора сейчас находится душа мэра. И это очень даже хорошо! Куретайло откроет Брюсову глаза на грязные махинации своего бывшего руководителя. Он своего добьется! Не знаете вы, гады, Игоря Дмитриевича! Он еще вам покажет! Господи, бок-то как болит...

Пока заместитель губернатора причитал и грозился, добираясь до здания областной администрации, в городской мэрии происходило невероятное. Валерий Яковлевич Брюсов отказался принимать записавшихся на прием предпринимателей и приказал впускать к нему пенсионеров с их неотложными бытовыми нуждами и заботами. Заместители его собрались в кабинете у референта Терентьева. Станислав Аркадьевич был изумлен несколько больше заместителей, ведь он сам организовывал запись бизнесменов на прием и рассчитывал поймать с этого некоторую выгоду. Теперь надежды лопались радужными мыльными пузырями, оставляя на выбритом чистом лице Станислава Аркадьевича красные пятна.

— Будем перестраиваться, — грустно сказал первый заместитель, у которого и тени сомнения не возникало в том, что ему придется идти вместе с Брюсовым в областную администрацию.

Остальные тактично промолчали. Честно говоря, молчание это было каким-то подавленным. Тоска царила в кабинете. Тоска и уныние пополам с недоумением.

— На кой черт ему эти пенсионеры сдались? — не выдержал самый молодой заместитель, курировавший коммунальное хозяйство, включающее в себя кладбища и похоронный бизнес. Молодой был заместитель и глупый, не понимал, что именно пенсионеры дают ему возможность жить в достатке и сытости. — Ну, я понимаю, перед выборами... Тогда это необходимо было — встречаться и обещать. Сейчас-то зачем время тратить?

Первый заместитель укоризненно посмотрел на него. Нет, если по совести, то с мнением коммунального заместителя он был полностью согласен, но высказывать это мнение вслух считал бестактным. Начальству... э-э-э...

Да что там говорить! Никуда начальству заглядывать не следовало. На то оно и начальство, чтобы свою игру на несколько ходов вперед просчитывать.

— Курочке пришел звиздец, — удовлетворенно сказал начальник отдела международных связей Иван Матвеевич Бунша. — Видели б вы, мужики, как наш шеф его нес! Я думал, что у него пупок развяжется! Вынес его в коридор да как шмякнет об пол! Я сам видел!

— А вот за это, братцы, не грех и выпить, — сказал первый заместитель мэра, которому предстояло вместе с выигравшим выборы шефом идти на повышение.

С заместителем согласились. Пока тот щедро разливал по стаканам остывшую в финском холодильнике водку, в кабинете царило оживление. Как в лесу, когда порыв ветра трогает кроны деревьев. Гомон прошумел и стих так же неожиданно, как и начался.

— Ну, за удачу! — степенно сказал первый заместитель мэра, поднимая свой стакан.

— За продолжение демократических преобразований в масштабе области, — сказал заместитель по промышленности, явно рассчитывая, что мэру сообщат о его лояльном поведении.

Вскоре в кабинете референта воцарилась непринужденная обстановка. Выпили за победу на выборах, потом еще

раз выпили — но уже за женщин и любовь. Станислав Аркадьевич, руководивший застольем не в первый раз, за очередностью тостов следил со строгостью грузинского тамады, потому обязательным и уместным оказался тост за родных и близких, не менее правильными показались тосты за мир во всем мире, за синее небо над головой. Да мало ли тостов можно произнести в прекрасный рабочий день в хорошей мужской компании!

Между тем, закончив прием пенсионеров, Валерий Яковлевич Брюсов приказал к себе никого не пускать. Оставшись один, он набрал знакомый номер и после длинных гудков услышал не менее знакомый голос.

— Здравствуй, Ваня, — после некоторой паузы сказал он. — Это тебя твоя вторая половинка беспокоит. Ты один?

— Какой черт один! — взорвались на другом конце трубки. — Этот кретин с утра, как мотылек, понимаешь, бьется в правом полушарии! И ноет, и ноет! Голова от него уже болит. Сам понимаешь, вчера ночь бурная была, а теперь еще и этот ишак достает! Господи, вот ситуация!

— Так вы не договорились? — удивилось левое полушарие мэра. — А у меня клиент вполне сговорчивый попался, к утру мы с ним по всем вопросам общий язык нашли.

— Значит, тебе умная половина досталась, — вздохнули на другом конце трубки. — А моя только ноет. Обидно ему, видишь, что выборы он выиграл, а результатами победы пользоваться не придется! Нет, этот Даосов — сволочь законченная! Он еще у меня умоется горячими слезами! Ты смотри, какую пакость он с нами сотворил!

— А я думаю, что нет худа без добра, — сказала та часть сознания Жухрая, что находилась в теле мэра. — Сам посуди, уникальная ситуация, а?

— А вот возьми и сам с ним поговори! — зло отозвался собеседник. — Или лучше всего, пускай с ним твоя правая половинка переговорит, мэр твой долбаный! Он, конечно, в твоём правом полушарии засел?

— Можно и поговорить, — покладисто согласился Жухрай со своей второй половиной. — Только ты трубочку к правому уху приложи, мой тоже слева ничего не воспринимает. Такой, брат, упертый!

— Упертый... — проворчал его собеседник. — Мой вообще ничего не хочет понимать. Ни справа, ни слева. Только и слышу от него: вы семьдесят лет рулили, теперь дайте и нам порулить... Автолюбитель хренов, все бы ему рулить! Знаешь, что он мне утром заявил? Гуторит, подлюга, раз уж так все получилось, раз судьба мне такая в чужом теле остаток жизни провести, я намереваюсь фракцию правых сил организовать. Только мне фракционности в своей голове не хватало! Боюсь, Ваня, подведет он меня под монастырь!

— Ладно, — сказал Жухрай. — Не забудь, трубку к правому уху надо приложить.

Сам же обратился к нетерпеливо ждущему Брюсову. «Ви-diшь, браток, какая каша завернулась! — озабоченно вздохнул он. — Говорил я тебе, что не полностью мы в этом теле засели! Предчувствия меня не обманули. Ты уж попробуй убедить свою половину, что нельзя нам друг от друга отрываться. Сам знаешь, раздвоение личности штука опасная, глазом моргнуть не успеешь, как в задницу серу и аминазин колоть начнут! Жалко мужиков, обоих в одном теле в психушку загонят!»

Валерий Яковлевич согласился. Он приложил трубку к правому уху тела и негромко сказал:

— Алло? Валерий Яковлевич, ты меня слышишь?

— Губернатор Брюсов на проводе, — знакомым и вместе с тем каким-то чужим голосом отозвалась трубка. — С кем имею честь говорить? Кто это?

— Кто-кто, — усмехнулся Валерий Яковлевич. — Конь в пальто. Брюсов на проводе, вторая твоя половина!

— Это провокация! — немедленно заявил собеседник. — Я вынужден обратиться в независимые средства массовой информации. Коммунисты пользуются недозволенными мето-

дами, а вы — провокатор! Я не желаю иметь с вами какие-либо дела!

— Ты подожди, не тарыхти, — сказал Валерий Яковлевич. — Ты осознал, *кто* тебе звонит?

— А вашего так называемого реинкарнатора вообще будут судить, — взвизгнули на другом конце трубки. — За членовредительство. Я кодекс смотрел, есть там такая статья! Вот впаяют ему лет десять, если только терроризм не пришьют! Тела лишил, семьи и должности лишил! Кто я теперь?

Валерий Яковлевич почувствовал раздражение и стыд. Господи! Неужели и он был вот таким — жалким, истеричным и не слушающим голоса разума?

— Ты меня послушаешь хоть немного? — устало сказал он. — Понимаешь, дружище, мы с тобой сейчас вроде семьи, бьющейся за свое воссоединение. Но поскольку ты сейчас в чужом теле, то лучше тебе помалкивать и со своим основным, коренным так сказать, сознанием общий язык искать. Ты меня не перебивай, выслушай внимательно. Я тебе дело говорю. Ты хоть раз видел, чтобы маленькая народность на основную тянула? Видел? Тогда скажи мне, чем этот оттяг закончился? Правильно. Суверенитет тоже надо хапать с умом, а то ведь и подавиться можно. Это хорошо, что ты про Чечню вспомнил! Вот ты теперь и есть такая Чечня в голове бывшего губернатора. Если много выступать, то можно и опухоль на полушарии заработать. И чем тогда дело кончится? Правильно. А чтобы тело не погибло, надо компромиссы искать. Мы же с Иваном Николаевичем в *моем теле* нашли их!

Слава Богу, этот тугодум начал понемножечку поддаваться. Ныл еще, ворчал, но прислушиваться к своему далекому альтер эго начал.

— Главное — выиграть время, — поучал вторую половину своего сознания Валерий Яковлевич. — Слышал про коалиционное правительство? Считай, что у вас с Иваном Николаевичем как раз такое правительство и есть. Ты меня понимаешь?

Странное дело, на другом конце провода что-то происходило. Валерий Яковлевич мог поклясться, что слушали его невнимательно.

— Ты погоди... — Голос губернаторской половинки души Брюсова вдруг стал напряженным. — Вот дерьмо! Вот гадина! Ты погоди, я тебе попозже перезвоню...

Слышно было, как трубку положили на стол. Валерий Яковлевич с недоумением вслушивался в происходящее. Если бы Брюсов разговаривал не с главой администрации области, он бы мог поклясться, что на другом конце провода кого-то били. Но этого просто не могло быть! Солидное здание, солидный кабинет, солидные, наконец, люди!

Наконец трубку кто-то взял. По тяжелому судорожному дыханию трудно было понять, чье именно сознание в данный момент владеет губернаторским телом.

— Алло? — сказал Иван Николаевич Жухрай.

— Что у вас там случилось? — удивленно спросил мэр.

— Ничего особенного. Гнида эта пришла, Курочка, — выдохнул в трубку Жухрай. — Ну и решил, что я теперь — это ты! Прогнуться, сволота, решил! А мы ему дружный отпор дали! Вот так!

— Я его — по уху! — вклинилась в разговор радостно и немного визгливо вторая половинка Валерия Яковлевича Брюсова. — Вот мужик удивился! Даже забыл, что он только что говорил!

— Это точно, — солидно поддержал своего мысленного оппонента губернатор. — Я и опомниться не успел, как он Курочку в приемную вынес и минералкой холодной полил! Смотрю, а у Курочки глаза ошалелые стали, уставился на меня, а потом как заорет: — Один в двух лицах! Один в двух лицах! — и бегом от меня по коридору...

— Правильно, — вклинился в беседу Жухрай, обитавший в левой половине мозга мэра. — У нас он тоже утром был! Только тут я его об пол хрястнул!

Они поговорили еще немного, радостно перебивая друг друга. Мэр, обитавший в теле губернатора, уже не требовал

прикладывать трубку обязательно к правому уху и даже вполне благосклонно воспринимал шуточки своего сожителя по губернаторскому телу. После визита Куретайло стало ясно, что политические и бытовые разногласия бывших соперников не так уж и велики.

Закончив разговор, Жухрай, обитавший в теле мэра, подошел к окну, достал пачку сигарет и закурил.

— А вот этого не надо! — возмутился мэр. — Я никогда в жизни не курил!

— А теперь закуришь, — невозмутимо сказал Жухрай. — Я тебе и так уже столько уступок сделал. Потерпи, браток!

В то же самое время в кабинете его референта веселье достигло своего апогея. Песни не пели только потому, что не желали травмировать неустойчивую психику посетителей мэрии, блуждающих по ковровым дорожкам длинных и узких кабинетов.

Станислав Аркадьевич призвал всех к вниманию, надел очки и, полистав записную книжку, с чувством продекламировал:

Поднимем тост, коль мы еще не пили,
За дружбу — всем недружбам вопреки,
Чтоб как соломинки в снопе близки мы были
И, словно камушки в скале, крепки.

Заместители мэра похлопали референту и принялись обниматься, обмениваясь скупыми мужскими поцелуями. Воспользовавшись этим, Станислав Аркадьевич выскользнул за дверь и прошел в кабинет шефа.

Увидев дымящего сигаретой Брюсова, он на секунду замер в изумлении. Вся мэрия знала, что к курению шеф относится крайне отрицательно. Справившись с удивлением, Терентьев подошел ближе и негромко кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Чего тебе? — спросил Валерий Яковлевич, безразлично выбрасывая сигарету в форточку.

— Валерий Яковлевич, — сказал референт. — Там у меня в кабинете ваши замы разгулялись. Я уже несколько раз просил их разойтись. Какое там! Еще немного — и петь начнут!

«Вот дерьмо! — удивленно сказал Жухрай, нащупывая в кармане зажигалку. — Кто это? — Кто, кто... — смущенно ответил Брюсов. — Референт это мой, Станислав Аркадьевич Терентьев. Он мне всегда о разных нарушениях сигнализирует! — Нет, — сказал Жухрай. — Ты как хочешь, а я сейчас этого стукача с позором выгоню! — Знаешь, — подумав секунду, отозвался сожителю Брюсов, — я уж сам. Мой грех, мне и разбираться...»

Дальнейшими событиями референт мэра Станислав Аркадьевич Терентьев был весьма удивлен. Секретарша, в течение дня наблюдавшая вынос уже второго тела, была удивлена еще больше.

Глава 29

Откровенно говоря, Борис Романович Даосов поехал в совхоз «Новая надежда», ставший по велению времени акционерным обществом, для очистки совести. Реинкарнатор и сам не мог объяснить, почему он туда поехал. С одной стороны, обществу было бы лучше, если бы такие люди, как Бородуля, вели себя пристойно и не отвлекали сограждан от строительства очередного светлого будущего. Но с другой стороны, слово Даосовым однажды было дано, и не привык Борис Романович данному слову изменять.

События последних дней оказали на реинкарнатора неизгладимое впечатление. Кто бы мог подумать, что в результате неудачного обмена душ губернатор и мэр объединят свои усилия? Такие разные люди, а вот гляди ж ты — нашли общий язык!

Это только говорят, что люди разных политических взглядов не имеют точек соприкосновения. На самом деле все

значительно проще. Запах денег стирает не только политические разногласия, он толкает к объединению, казалось бы, абсолютно разных по характеру людей. С момента неудачного душеобмена губернатор и мэр почти не расставались. Тут и гадать не стоило, кто станет правой рукой Брюсова, когда мэр заступит на губернаторский пост.

Бывший губернатор Иван Николаевич Жухрай заговорил о приватизации объектов федерального значения, а пока еще остающийся на посту мэра Брюсов — о национализации городских. Можно было не сомневаться: оба они видели личные перспективы объявленных экономических преобразований.

Так же дружно они призывали жухраевцев и брюсовцев оставить заборотворчество и прийти к желанному консенсусу. «Сделаем наш город садом!» — призывал бывший мэр. «Добьемся для нашей области свободного экономического статуса!» — вторил ему бывший губернатор. Что и говорить, неплохо было бы жить в саду и стричь купоны с необлагаемой федеральным налогообложением экономической деятельности. Пока Брюсов осторожно высказывал одобрение политике президента и говорил о необходимости сильной руки в управлении обществом, Жухрай громко и гласно заявлял о необходимости дальнейшего развития демократии в обществе.

В переходе на улице Комсомольской появились прилично одетые люди, играющие на аккордеонах и скрипках.

Губернатор и мэр
Обирают без мер, —

жаловались они, кивая на поставленный рядом открытый чемодан.

Дорогие прохожие,
Помогите чем можете!
Все мы были при деле,
Магазины имели...

Мы ворочали тыщами,
А теперь стали нищими.
Бизнесменов жалеючи,
Бросьте хоть бы копейчку.

Стихи были неважные, рифмы довольно неуклюжие, да и мелодия казалась слишком простенькой, но изредка певцам подавали. Даже милиция новоявленных попрошаек не гоняла. Все-таки люди не на новый «мерседес» собирали — на хлеб зарабатывали!

В совхоз «Новонадеждинский» Борис Романович добрался около десяти часов утра. Узнав о цели визита, директор недовольно покрутил головой.

— Понимаю тебя, Романыч, но навстречу пойти не могу. Да у нас на этом баране все держится! Это ж вожак от бога! Он на прошлой неделе двух волков загрыз, «уазик» с любителями халявного мяса перевернул! Не могу я его лишиться! И народ меня не поймет... Боря, ты мне, конечно, друг, но порядок в стаде дороже!

Даосов вздохнул:

— Ты, Федор Степанович, извини, но ты сейчас как рабовладелец рассуждаешь. Все-таки это не баран, о человеке речь идет. Пусть Бородуля плохой, но все-таки человек!

— Да с ним пастуха никакого не надо! — с жаром сказал директор. — Его бараны с полублеяния слушаются, овчарки перед ним на задние лапы встают!

— Вот мы его и спросим, — сказал Даосов. — Где стадо?

Стадо паслось на околице села. Живописная была картина. Трава казалась изумрудной, небеса — синими, неподалеку сонным зеркалом отблескивал обширный пруд, обсаженный ветлами и тополями, а посреди всего этого великолепия паслись белые и черные овцы, которые, несмотря на предоставленные им свободы, предпочитали держаться рядом с вожак — круторогим и твердолобым красавцем с выпуклыми и внимательными коричневыми глазами.

Баран скользнул равнодушным взглядом по Даосову и отвернулся.

— Бородуля! — удивленно сказал Даосов. — Да ты что, даже не рад мне? А я, между прочим, за тобой приехал!

Баран величественно поднялся, вскинул гордо голову с большими витыми рогами и пошел прочь, крепко держась на тонких, но мускулистых ногах. Овцы с радостным блеяньем двинулись за ним. Рядом с вожакom услужливо семенили бараньи «шестерки», преданно заглядывая вожаку в глаза. Даосов не поверил увиденному: овчарки — и те припадали на передние лапы, когда Бородуля в своем новом обличье проходил мимо них. Тут и гадать не стоило. Нашел человек свое место в жизни и менять его не собирается.

А потому и все дальнейшие переговоры с Бородулей были излишними.

— Ладно, — махнул рукой Борис Романович. — Заботой меньше.

Директор совхоза облегченно вздохнул и смахнул пот со лба.

— Поехали, — сказал он. — Я тебя, Боренька, сейчас таким медком угощу! Двадцать ульев с африканскими пчелами купили!

В город Борис Романович возвращался в некоторой задумчивости. Конечно, старая поговорка не могла ошибаться и человек всегда ищет, где ему лучше. Однако властность Бородули смущала реинкарнатора. Не верилось, что бывший мафиози остановится на полпути, но в роли директора совхоза Борис Романович Бородулю в его нынешнем обличье решительно не представлял. Вообразилось, как Бородуля, ласково поглядывая на реинкарнатора коричневыми хитрыми глазками, угощает его сочной зеленой травой или пахучим сеном. Борис Романович хмыкнул и помотал головой, отгоняя видение. И своевременно он это сделал — за железнодорожным переездом у завода буровой техники стояла специфически раскрашенная машина, и двое продавцов полосатых палочек внимательно поглядывали по сторонам, выискивая очередного покупателя.

Заметив проезжающего мимо реинкарнатора, один из сотрудников ГИБДД отвернулся и сплюнул.

— Вот из-за этого гада меня из «семерки» и турнули, — сказал он товарищу. — Полковника Иванова на пенсию отправили, а меня — на дорогу! Помнишь, я тебе рассказывал? Сначала меня чуть кобра в кустах не укусила, а ребят генерал пьяными заловил. Начали разбираться, блин, оказывается, мы по личной прихоти губернатора Жухрая работали! Нам в службе собственной безопасности и говорят, мол, закон мы об оперативно-розыскной деятельности нарушили. На государство, говорят, пахать можно, а на губернатора нельзя. Он, говорят, как частное лицо выступает, заданий ментовке давать никаких прав не имеет! Я-то откуда знал! Губернатора переизбрали, полковника на пенсию погнали, а меня — на дорогу!

— Не грусти, Игорек, — сказал второй патрульный. — Хочешь, мы этого гада догоним и ошкурим маненько? Двушку как с куста сдерем, еще и спасибо скажет!

Лейтенант Иванцов сморщился. Испуганно оглядываясь на проехавшую мимо машину, он досадливо сказал:

— Ты думай, что говоришь! Двушку он с него сдерет! Да он нас запросто не то что без штанов с лампасами, без души оставит! Не, Толян, давай кого попроще поищем!

Борис Романович так и не узнал, какая угроза над ним нависла. Проехал мимо и прибавил скорости.

Утром, еще до его отъезда в совхоз, произошло два знаменательных события. Сначала позвонил лама.

— Ну, ты, Борис Романович, хитер! — довольно хихикнул он. — Не ожидал от тебя такой прыти! И политическое равновесие в городе установил, и нижним фитиль вставил! Молодец!

Даосов ничего не понимал, но бормотал что-то подходящее к случаю.

— Молодец! — еще раз похвалил его лама. — Готовься, Борис Романович! Будешь работать в Москве! Дело ответственное, но я думаю, оно тебе по плечу!

И отключился, оставив Даосова и Наталью в приятном недоумении.

Около десяти часов на работу к Даосову приехал злой бес в обличье кладбищенского сторожа и швырнул на стол мешочек с иголками.

— Забирай свои души! — нервно скаля длинные зубы, сказал он. — Что ж ты меня, дубина, не предупредил?

— О чем? — пожал плечами Даосов. Такого поворота событий он никак не ожидал. Пожалуй, в этот момент он был потрясен не меньше беса.

— О том, что твоим душам грехи отпустили! — заорал бес. — Хорошо еще, что Минос их не пропустил! Представляешь, что бы случилось, если бы души праведников в Ад попали!

Объяснить он не успел, видимо, именно в этот момент беса позвали *снизу*. На мгновение приняв свое истинное обличье, бес исчез, оставив после себя клубы гари и едкий запах серы. Видно было, что представитель преисподней разъярен. Удивительного в том ничего не было — кому охота вновь возвращаться во второй круг для охраны грешников после почти дипломатической работы!

«А ведь и в самом деле, — сообразил Даосов. — Грехи-то покойникам отпущены были. А раз Бог их простил, то они уже не грешники, им прямая дорога в Рай!» Теперь он понял, о каком фитиле говорил ему лама.

Возвращаясь в Царицын, Даосов с тревогой думал о своем будущем. Причин для волнения было более чем достаточно. С одной стороны, еще неизвестно, какие задачи перед ним будут поставлены в столице и справится ли с ними Даосов. С другой стороны, можно было не сомневаться, что пакости со стороны оскорбленного беса обязательно последуют. Мстительность обитателей Ада хорошо была известна всем, кто с ними однажды сталкивался.

В то же самое время, когда реинкарнатор возвращался из «Новой надежды» в город, в сауне футбольной команды «Статор», распарившись и окунувшись в бассейн с холодной во-

дой, в меланхоличном молчании пили пиво бывший заместитель губернатора области Игорь Дмитриевич Куретайло и бывший полковник милиции Иванов, совсем недавно еще руководивший службой по борьбе с экономическими преступлениями. Компанию им в этот раз составил дьякон Михаил, не раз отпевавший покойников в часовне на Центральном кладбище. И на этот раз присутствие попа было оправданным, уж больно мрачное настроение обуревало его собутыльников, с таким настроением только и отправляться на встречу с ангелами или их оппонентами.

Игорь Дмитриевич хмуро оглядел скудный стол, махом опрокинул в себя полстакана водки и язвительно сказал полковнику:

— Выходит, и ты, Андрей Андреевич, не уберегся. Поперли тебя на пенсию и спасибо за все твои услуги не сказали! Зря ты на два фронта шестерил!

Бывший полковник медленно выцедил водку, пошарил по столу голодным взглядом, ухватил и потянул к себе кусок жареной курицы.

— Меня по крайней мере из кабинета не выносили и на пол не роняли.

— Нашел чем попрекать! — Игорь Дмитриевич зябко закутался в простыню и посмотрел на меланхолично жующего дьякона. Редкая рыжая борода дьякона неторопливо двигалась из стороны в сторону, словно он читал молитву или отпевал кого-то. — Я же как лучше хотел! Я, когда увидел, что Брюсов совсем не Брюсов, сразу в кабинет к губернатору кинулся. Объяснить хотел, предупредить! Я же про него, гада, думал! А он, сука! Веришь, два дня сидеть не мог! — Куретайло хлебнул пива прямо из бутылки. — Кто ж подумать мог, что такое возможно? Ты сам прикинь, много у нас народу сразу в двух телах обитают?

— Мне это без разницы, — сказал Иванов, потянувшись за соленым огурцом. — Я сейчас охранную фирму открываю. «Щит» будет называться.

Дьякон Михаил строго глянул на бывшего полковника и, продолжая чистить вареное яйцо, сказал назидательно:

— Сказано у Екклесиаста: «Хорошо, если ты будешь держаться одного и не отнимешь руки от другого».

— Тупой он, твой Екклесиаст, — сразу же отозвался Андрей Андреевич. — К голосу народа прислушиваться надо. В корни заглядывать. А народная пословица гласит: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь!» — Бывший полковник тяжело вздохнул и значительно добавил: — Проверено!

Дьякон Михаил вытер правую руку о простыню и неторопливо перекрестил ею заблудшую овцу, не ведавшую, что она творит, а тем более говорит.

— А я в Москву поеду! — горячился бывший заместитель губернатора. — Я им открою глаза на то, что себе позволяют в провинции представители чужеродных конфессий! Сегодня они с нами так обращаются, завтра до самых верхов доберутся! — Разволновавшись, он снова плеснул себе водки, хотя, судя по красному лицу обличителя, делать этого явно не стоило. — Мужики знакомые есть, устроят прием к президенту... Я ему открою глаза на происходящее!

— На то сказано у пророка Исаии, — ответил дьякон Михаил. — «Вот сильные их кричат на улицах; послы для мира горько плачут...» — И пояснил для особо непонятливых: — В дурку отправят!

Полковник Иванов, еще не забывший, что совсем недавно носил погоны, поднял на Куретайло удивленный взгляд.

— Поражаюсь я некоторым, — сказал он. — Что вы все в Москве истины и мудрости ищете? Обыкновенные люди, иной раз даже дурнее провинциалов бывают. Я с ними не раз сталкивался. Слава Богу, не одну комиссию московскую в свое время пережил! Пьют как лошади, а приказы хуже нас знают. Проверено!

Дьякон Михаил благостно покивал:

— Истину глаголишь, полковник. Бывали и у нас такие: слова елейные, а в сердцах гной.

Игорь Дмитриевич Куретайло резко повернулся к духовному лицу.

— Как у нас с верой, батюшка? — в упор спросил он.

Дьякон Михаил, трогая тонкими сухими пальцами редкую рыжую бородку, ответил столь же откровенно:

— С верой у нас хорошо. С деньгами, сын мой, хреново!

Полковник Иванов вытер краем простыни распаренное красное лицо.

— Я вам так скажу, мужики, — сказал он. — Наша область Богу тоже не свет в окошке. Кто вам сказал, что в столице такой же Даосов не орудует? Нет, мужики, я думаю, там тоже уже все схвачено. Есть у них свой реинкарнатор, попомните мое слово! Их счастье, что он сейчас на стороне власти выступает. Да что там гадать, достаточно на результаты выборов посмотреть. И сразу все ясным станет...

Игорь Дмитриевич вспомнил своих друзей и политических союзников по Москве и даже вздрогнул от внезапного прозрения. По телу разлилась слабость, на лбу крупными каплями выступила испарина.

— Я вам так скажу, братцы, — сдавленно сказал он, ужасаясь собственной догадке. — Это еще хорошо, если там реинкарнатор! А если — нет? Если они там все с лукавым повязаны? Деньжищами-то какими ворочают! А откуда деньги? Сколько ни воруй, а столько не уворуешь!

В сауне стало тихо.

Дьякон Михаил испуганно перекрестился, осенил крестным знамением темные уголки бани и пробормотал:

— «И обращаю праздники ваши в сетования и все песни ваши — в плач...»

Может, и прав был он, цитируя пророка Амоса, только понять и осознать это мы все сможем в недалеком будущем, ибо ничто не ново под луной, и в народе все так же угнетают друг друга, грабят и притесняют бедного и нищего, и пришельца угнетают несправедливо.

Но хуже всего в этом мире приходится любящей женщине. Особенно если любит она четверых, пусть и в двух всего

телах. Анна Леонидовна сидела на кухне и прислушивалась к происходящему в спальне. Невнимание мужа и любовника удручало ее. Казалось, все должно быть хорошо, а примирение соперников обещало много приятных минут. Вместо этого муж и любовник постоянно уединялись и секретничали. О чем они могли секретничать? Больше всего Анну Леонидовну обижало недоверие любовника. У мужа всегда бывают секреты от жены, но откуда секретам взаться у любовника?

Что тут можно было сказать? Несмотря на свой житейский опыт, Анна Леонидовна была наивной в любви. Будь она немножечко более искушенной, сразу вспомнила бы притчу о двух половинках души, ищущих друг друга по белому свету. Настоящая любовь бывает лишь тогда, когда половинки души находят друг друга и соединяются в целое яблоко. Разделенным душам губернатора Жухрая и мэра Брюсова несказанно повезло — половинки их душ все-таки встретились и соединились. Случившийся союз был прочным. Такой союз прочнее кровного родства.

Им было что сказать друг другу, нежность и радость встреч переполняла соединившиеся души и заставляла соединиться в единое целое тела. Не было более никаких разногласий, была только радость единения от наступившего наконец демократически-коммунистического союза, в котором твердый прагматизм играл не последнюю роль.

Души соединились.

Что же оставалось брошенной любовником и мужем женщине?

Она сидела на кухне и думала о нелегкой женской судьбе.

Мысли ее были печальны.

В соседней комнате сын Мишенька неожиданно закончил давно начатое стихотворение. Последние строчки сквозили все той же грустью.

Вот нам сменили знамя,
Жизнь извратив отцов.
Что будет завтра с нами,
Прапорщик Жеребцов?

Прапорщик Жеребцов, долго воспитывавший из избалованного мальчишки настоящего человека, молчал. Вопрос, заданный Мишенькой, был философским и оттого трудным. Прямого ответа на него не было, а лукавить прапорщик не умел.

*Волгоград — Москва — Санкт-Петербург — Царицын,
октябрь 1999 года — июль 2000 года*

ВОКРУГ СВЕТА
С КИЛЛЕРОМ ЗА СПИНОЙ
РОМАН-СКАЗ ДЛЯ НОВЫХ РУССКИХ

Глава 1

Генеральный директор ООО «ХОМО Инвест Трейд» Илья Константинович Русской печально осмотрел дымящиеся останки своего верного шестисотого «мерседеса» и покачал головой. В пору было не головой качать, а трястись всем телом — это было уже третье покушение за последний месяц. Вначале его пытались подстрелить из снайперской винтовки на даче. Но то ли стрелок оказался мазилой, то ли снайперская винтовка никуда не годилась, только пуля взрыла фонтанчик земли перед Ильей Константиновичем, и он даже испугаться не успел. Вторая пуля угодила в закрывавшего ворота водителя. Больше снайпер ничего сделать не успел. Да и что бы он сделал против трех «Абаканов» — личных телохранителей Русского? Нападавшего, как и следовало ожидать, опознать не удалось. Второй раз его пытались пересечь моторкой прямо на городском пляже именно в тот момент, когда Илья Константинович Русской намеревался в компании двух блондинок обновить гавайские плавки с изображением оскаленного тигра впереди. Илья Константинович успел нырнуть и не пострадал. Блондинки отделались легким испугом и двухмесячным заиканием. Покушавшегося настигло справедливое возмездие, и он затонул вместе с лодкой после удачного выстрела телохранителя Русского из одноразового гранатомета «Муха».

И теперь вот — «мерседес», от потери которого щемило на душе.

Следователь прокуратуры подошел к Русскому, горевавшему об утрате.

— Разумеется, вы никого не подозреваете? — с официальной сухостью спросил он.

Нет, Илья Константинович никого не подозревал, он точно знал, чьих это дело рук. Но в каждой игре свои правила, и эти правила запрещали ему делиться со следователями какой-то информацией и вообще сотрудничать с официальными службами в раскрытии преступления. Это было западло, и товарищи Русского никогда бы его не поняли, вздумай он сказать следователю что-нибудь об исполнителях, а тем более — заказчиках. Жалко было «мерседес», и водителя с охранниками жалко, но коли сел играть в покер, играй по установленным правилам, помни, что не все взятки берутся, иные приходится и отдавать.

— Откуда? — Илья Константинович простодушно развел руками. — Ни слухом, понимаете, ни духом. У меня ведь и врагов никогда не было.

— Третий раз за месяц — и неизвестные? — с саркастическим сомнением покачал головой молодой нахальный оперативник, блеснув золотой фиксой. — Ну-ну...

«Третий... За месяц оно, может, и третий, а по жизни? Только собак на даче уже потравили столько, что в пору кладбище домашних животных открывать. Две дачи сожгли, лесобазу со всеми материалами. Потерпи ты, ментяра, такие убытки, ты бы из табельного «макарова» прямо в кабинете шмальнулся. Но нет у вас, ментов, таких денег, потому и заботы у вас соответственные — стараться чужому горю, как говорится, помочь. И не смотри ты на меня, мент, сухими от ненависти глазами. Ты не в отделе по борьбе с экономическими преступлениями работаешь и не в налоговой полиции. Жертва я, понял? Несчастная жертва. Если хочешь знать, богатые тоже плачут. И порой плачут горько».

Илья Константинович проставил свою закорючку в протоколе осмотра места происшествия, потоптался у догорающего «мерседеса». В сторону обочины, где лежали водитель с

телохранителем, он старался не смотреть. Чего зря душу травить? Придется отстегивать безутешным родственникам свои кровные бабки, одна радость, что оба подчиненных застрахованы в силу опасности профессии.

— Так я могу идти? — спросил он следователя прокуратуры. — Вы же меня уже допросили?

По виду следователя было ясно: будь его воля, никуда бы Илья Константинович своими ногами не пошел — только поехал, и только на «воронке» ментовском и в наручниках. «А вот хрен тебе, господин-товарищ прокурор. Потерпевший я! Горе у меня, двух ценных работников зараз потерял».

— Идите, — неопределенно сказал следователь. — Далеко ли уйдете, гражданин Русской? Вы уж поверьте моему опыту, если вас заказали, то вряд ли вы с вашим отношением к происходящему долго проживете. Киллеры — народ целеустремленный, они за то хорошие деньги получают.

Помахивая папочкой, Русской вышел на перекресток. Сейчас он особо не опасался: не станут его киллеры на глазах у ментов мочить, да и ребята его, бойцы невидимого фронта из службы безопасности «ХОМО Инвест Трейд», времени не теряли, все вокруг облазили в поисках злоумышленников.

Да, неловко получилось.

«Ах, Саша, Саша, неугомонный ты человек! Ну, что мне теперь остается делать? Правильно, Саша, теперь придется заказывать тебя. Не живется тебе в этом городе спокойно. Тесно тебе стало, сучку! И ведь прав ментяра, ох как прав — киллеры народ целеустремленный, они на хозрасчете, у них копейка с выполнения идет, а значит, пока они своего не добьются, охота будет продолжаться. И если к этому делу отнестись с халатным небрежением, спустя, как говорится, рукава, то следователь прав: в таких условиях на долгую и счастливую жизнь рассчитывать сложно».

Илья Константинович подождал, пока рядом с ним остановится дежурная машина из конторы, сел, приветливо помахал ручкой оставшимся у сгоревшего «мерседеса» ментам и работникам, так сказать, иных правоохранительных служб,

выполняющим свой нелегкий профессиональный долг, и хмуро глянул на водителя.

— В контору, — коротко бросил он. Теперь нужды притворяться не было, и Русской задумался, угрюмо глядя перед собой. Водитель вопросов не задавал: не его это собачье дело, его дело баранку крутить, а не расспрашивать шефа о личных неприятностях. Сидящий сзади начальник службы безопасности грустно сопел — понимал, сучок, что ему-то в конторе обломится в первую очередь.

Нет, прав он, этот дотошный мент. Рано или поздно, но до Ильи Константиновича доберутся. Это понятно. И никто его не спасет. Можно, конечно, снять с должности одного начальника службы безопасности и поставить другого, но что это изменит? Разве охотятся за начальником службы безопасности? Нет, охотятся именно за ним, Ильей Константиновичем Русским. И чтобы остаться в живых, надо просто исчезнуть. В конце концов выигрывает тот, кто переживает соперника. И совсем не важно, где именно он его переживает. А Санечка обнаглел. С кем он связался, неизвестно, но способы устранения его киллеры выбирают довольно экстравагантные, одна моторка на городском пляже чего стоит! А нынешний взрыв «мерседеса»? Воистину Бог хранил Илью Константиновича. Или ангел-хранитель. А что? Все возможно. Раз крещен, так хранитель обязательно должен быть. Бог не фраер, он сверху все видит, все замечает. Заметил вот, что на Илью Константиновича напраслину гонят, без вины виноватым делают, мигнул своей «шестерке» — слетай, мол, присмотри за рабом Божьим Русским, пристукнут невиновного, пропадет не за понюх табака.

А ведь взорвут, сукины дети, или еще какую пакость выкинут!

Цианистый калий в кабаке подадут в «Хеннесси» или с эклерчиком. Не станешь же «грибного человека» заводить, чтобы он за тебя все блюда пробовал!

Илья Константинович Русской хмуро покосился в зеркало заднего вида на начальника службы безопасности. «У-у,

жлоб, сарай с пристройкой, о его лоб сусликов бить можно. Как же, заставишь такого за себя блюда пробовать!» Не, на халяву он, конечно, и выпить не дурак, и всех в кабаке голодными оставить может, ежели на халяву. Но возможную отраву глотать во благо своего работодателя его, конечно, ни под каким соусом не заставишь. Разве что в темную...

«Ах, Санек, Санек! Тесно тебе в городе стало? Илья Константинович, который тебя с руки вскармливал, мешать тебе стал. А если тебя закажут, где ты, Санек, отсиживаться станешь? В Витютино своем? Так ведь и мы специалистов нанять можем, не чета твоим, эти уж промаха не допустят. Поселок разнесут вместе с жителями, а тебя достанут. А что? Пусть и на тебя, Санечка, поохотятся. А Илья Константинович в стороне будет. За пределами нашей необозримой Родины, скажем. Отправляюсь я... А чего мелочиться? Объявим, что по примеру известных российских путешественников, Сенкевича, скажем, или Федора Конюхова, а может, и самого Артура Чилингарова, известный российский бизнесмен и меценат Илья Константинович Русской отправляется в кругосветное путешествие. Денег у меня хватит надолго, вот и буду путешествовать, пока здесь все разборки не закончатся.

Ах, Санек, Санек...»

Илья Константинович Русской откинулся на мягкие подушки и немного повеселел. «Совместим, как говорится, полезное с приятным. И мир посмотрю, и, скажем так, жизнь сохраню». За границей Русской бывал неоднократно, но, честно говоря, кроме учреждений, с которыми заключал торговые контракты, и кабаков, ничего там не видел. Кабаки там были хорошие, и подавали в них, как в арабских сказках. Настало, значит, время и все остальное увидеть. Великую Китайскую стену, японских самураев, фруктами в Малайзии полакомиться, храмы индийские посмотреть, и дальше — через Малую Азию, Египет, по всей Африке, потом вверх по Южной Америке, пересечь все границы, а там через Тихий океан, с заходом во все знаменитые места... Танцовщиц на Таити посмотреть... Черт возьми! Пришедшая на ум идея по-

нравилась ему настолько, что требовала немедленного воплощения.

Но прежде необходимо было решить вопрос, как поступить с заклятым другом — Александром Терентьевичем Мальчевским, что начал охоту за ним по совершеннейшему пустяку: не понравилось Санечке, что Илья Константинович прямо перед носом у него акции Морского пароходства увел. «А не надо зевать, братец, не при социализме живем, а живем мы уже давно в эпоху капитализма, дружочек, в период первоначального накопления капитала с его звериным оскалом, описанным не в одной книге. Ты что, родной, Алексея Максимыча Горького не читал? И ведь сам-то чем лучше, в прошлом году акции «Якутскстроя» уже из горла вынул. Так не стал ведь Илья Константинович тебя чужим людям заказывать, собственноручно в ресторане «Золотой рог» морду набил!»

Был у Ильи Константиновича в записной книжке телефончик зашифрованный, которым он никогда не пользовался. Бывало так, что руки чешутся номер набрать, но после разговора по этому телефончику Русской автоматически переходил из экономических акул в иную категорию граждан, которым могут и лоб зеленкой намазать. Это только его и удерживало от контактов с неведомым Диспетчером, о котором говорили шепотом и предварительно оглядевшись по сторонам.

Машина притормозила у офиса. Дюжий охранник в армейской пятнистой форме с кобурой на поясе распахнул перед шефом двери. Илья Константинович зашагал по ковровой дорожке, ни с кем не здороваясь и не отвечая на сочувственные взгляды; понимать надо, что человек жуткий стресс пережил только что — любимый «мерседес» потерял, а с ним водителя и охранника, за которых еще семьям платить и платить.

У дверей своего кабинета Русской остановился. Начальник службы безопасности бесшумно следовал за ним. Вид у начальника был виноватый и предупредительный. Как у пса, которого поставили охранять курятник, а он не удержался и охраняемых курочек похарчил.

Русской глянул на него сердито и хмуро бросил:

— Ты, Захаров, совсем последнее время мышей не ловишь.

Начальник службы безопасности всем своим видом показал, что он старается и будет стараться, и по лицу его было видно: жалеет он, что в офисе «ХОМО Инвест Трейд» мышей не водится, поймал бы лично в доказательство своего усердия.

Русской смягчился и немного сбавил тон.

— Ты мне досье на Саньку Мальчевского принеси, — велел он. — И чтобы обязательно фотографии были — профиль там, анфас...

— Сделаем, Илья Константинович, — предупредительно сказал Захаров. — Оно уж у меня на столе лежит.

Русской вошел в кабинет. За ним последовала секретарша, держа в руках папку с бумагами.

— Почту будете просматривать, Илья Константинович? — спросила она.

— Какая почта? — простонал Русской. — Какая почта, Милочка? Кофе! Большую чашку! И всем объяви, что меня нет.

Секретарша принесла плебейски огромную чашку кофе. Сделав глоток, Илья Константинович откинулся в кресле и задумался. С кругосветным путешествием он, похоже, погорячился. Зачем прорву денег на ветер выбрасывать? Деньги — они сгодятся еще для битв на российских финансовых фронтах. Негоже нарушать народную мудрость, копейка, она и в самом деле рубль бережет! Да и незачем к себе лишнее внимание привлекать. Достаточно будет... Илья Константинович прикрыл глаза и внутренне просиял. «Вот в Фукуоку мы и рванем. Который на острове Хонсю. Там у меня ни должников, ни кредиторов. Отсидимся в гостинице, по побережью погуляем. А «утку» о кругосветном путешествии для киллеров распустим. Они ж наши, советские, у них денег не хватит за мной по всему миру гоняться. А если и погонятся, то быстро следы потеряют. До Токио самолетом, из Токио до Фукуоки этой самой поездом доберемся. А киллеры, если таковые объявятся, пускай на остров Минданао летят».

Илья Константинович глотнул еще ароматного и дорогого кофе.

Настроение заметно улучшилось.

— На Минданао их! — повторил он с удовольствием. И в это время в дверь деликатно постучали и вошел начальник службы безопасности Иван Захаров, бывший работник КГБ, отставленный за ненадобностью после реформирования своей грозной структуры.

— Вы просили досье, Илья Константинович? — спросил он и положил перед боссом пухлую коричневую папку с надписью «Дело». Мудр и осторожен был бывший контрразведчик, доложил о досье, а фамилии того, на кого это досье заведено, не назвал.

Дождавшись, пока начальник службы безопасности покинет кабинет, Илья Константинович брезгливо пододвинул к себе папку и раскрыл ее. С первой страницы на него глянул Александр Терентьевич Мальчевский, бывший футболист высшей лиги, избравший с началом перестройки нелегкую и опасную стезю рэкетира, а ныне — преуспевающий бизнесмен. Взгляд у Мальчевского был удивительно безмятежный и не отягощенный излишними раздумьями. Короткая стрижка и волевой подбородок с небольшой ямочкой, узкий лоб, прорезанный длинной извилистой морщиной, выдавали в нем спортсмена, привыкшего любой ценой заколачивать мяч в ворота только потому, что за это платят неплохие деньги.

— Ах, Саша, Саша, — снова участливо покачал головой Илья Константинович и, открыв следующую страницу, углубился в изучение досье.

Спортивный путь Александра Мальчевского был прост и незатейлив, как полет мяча, который ударили пыром. Футбольная ДЮСШ, которая выявила у Александра определенные дарования. Второй состав «Днепра», приглашение в прославленный московский «Спартак» и первые удачно забитые мячи на международной арене. Может быть, и стал бы Александр Мальчевский вторым Игорем Нетто или, на худой ко-

нец, Папаевым, но слава капризна, она ударяет в голову не хуже шампанского, а уж шампанского Мальчевским в компаниях поклонников и поклонниц было выпито достаточно. Шампанское и другие горячительные напитки неуклонно снижали спортивную форму Александра, и вскоре тренеры не без сожалений были вынуждены отчислить Мальчевского из «Спартака». Обратно в «Днепр» его не взяли, и некоторое время Мальчевский скитался из клуба в клуб, нигде, впрочем, долго не задерживаясь. Последним клубом в его футбольной карьере оказался владивостокский «Луч», откуда Александр был отчислен в середине сезона. К тому времени Александр Мальчевский уже имел кличку Краб и водил знакомства с уголовными авторитетами города, которые приняли его в свою команду. В этой команде Мальчевский наконец научился играть без мяча. Первое время он был смотрящим на Владивостокском рынке, потом резко пошел на повышение. Разгар перестройки застал его в должности куратора морского порта дальневосточной столицы. Пока милиция и прокуратура выясняли отношения с владивостокским мэром Черевковым, поочередно арестовывая и сажая в тюрьму друг друга, Мальчевский утверждал себя.

Знающие люди говорили, что покойников за ним не меньше, чем забитых в пору футбольной карьеры мячей, но все это были ничем не подтвержденные слова. Противники и бывшие друзья Мальчевского исчезали бесследно, и исчезновения их лишь способствовали росту авторитета и популярности бывшего футболиста.

Мозги Александра Мальчевского были безнадежно отбиты многочисленными ударами футбольного мяча, но их осталось достаточно, чтобы экс-нападающий завел себе хороших советников по экономике.

С их помощью дела у Мальчевского шли все лучше и лучше, а деньги, полученные криминальным путем, отмывались во вполне легальных и респектабельных учреждениях. Бывший нападающий и рэкетиер даже прослыл меценатом, выпустив диски местного барда Андрея Камчатки.

Андрей Камчатка мецената рекламировал всюду, где только мог, и даже посвятил ему песню, в которой были такие строчки:

Успех давался кровушкой и потом,
богатый ныне, был вчера он гол.
Забил он гол в ментовские ворота,
и прокурора он финтом обвел.

Мальчевский набирал силу и обретал уверенность в себе, когда его интересы схлестнулись с интересами Ильи Константиновича Русского. Илья Константинович был потомственным бизнесменом, его отец осел на Дальнем Востоке после того, как не по своей воле посетил бухту Нагайская и высадился в печально известном морском порту Ванино. Собственно, вина Константина Андреевича по нынешним временам показалась бы детской шалостью: старший Русской отпечатал свои экземпляры газеты «Известия», в которой публиковались результаты очередной денежно-вещевой лотереи. Газеты эти он лично вывесил в отделениях Сбербанка. В течение дня граждане проверяли по ней результаты выигрышей и разочарованно выбрасывали билеты в заботливо поставленные под номерами газеты урны. Русскому со товарищи оставалось в конце дня только собрать выброшенные гражданами билеты, проверить их по подлинной таблице и получить законные выигрыши. Два раза Константину Андреевичу все сошло с рук, на третий раз он попался и получил солидный срок, который отбыл в необозримых просторах Восточной Сибири. Срок был таким, что после его отбытия возвращаться Константину Андреевичу было некуда, да и незачем. Он поселился во Владивостоке, обзавелся семьей, и таким образом, родившийся в ней Илья Константинович был истинным приморцем, а потому на акции Морского пароходства имел больше прав, нежели заезжий футболист, оказавшийся во Владивостоке волею случая.

А Мальчевский зарвался. Потерпев поражение в капиталистическом соревновании, он озверел и, как спартаковский фанат, повел себя на редкость безобразно — заказал конку-

рента. Но Илья Константинович был не из тех, кто прощает, теперь пришла его очередь называть цену чужой жизни. Ознакомившись с досье, Русской удовлетворенно хмыкнул и потянулся за записной книжкой, чтобы найти телефон таинственного и всемогущего Диспетчера.

Набирая номер, Русской даже мурлыкал себе под нос песенку из репертуара Андрея Камчатки.

Тройка, семерка, туз.
Что там в наш штоф налито?
Покачиванием медуз
бандитская ставка бита.
Нелегкая доля зла,
сегодня мы в стос играем
колодой для козла
с братвой из хмельного Рая.

Телефон долго не отвечал, но Илью Константиновича предупреждали, что будет именно так. Диспетчер был осторожен, поэтому звонок с телефона хитрым каналом шел на один радиотелефон, с него на другой, и проконтролировать, где, кто и когда возьмет роковую трубку, было невозможно.

Наконец трубку подняли.

— Алло? — спросил дребезжащий старческий голос. — Диспетчер слушает!

Илья Константинович откашлялся.

— У меня заказ, — севшим голосом прошептал он. — Где и кому я должен передать деньги?

Глава 2

Сладкое слово — свобода.

После недолгого путешествия Илья Константинович Русской разместился в гостинице, принял душ, переоделся и вышел прогуляться по японскому городу Фукуока. Город был большой, в нем проживали около трех миллионов человек.

Полезных ископаемых поблизости не добывалось, но, как и в любом другом городе островного государства, в Фукуоке был большой порт, в котором базировались рыболовецкие суда. Дойдя до порта, Илья Константинович еще раз подивился окружающей его чистоте. Фукуоку Русской выбрал потому, что ранее уже бывал в этом городе, когда заключал договор на поставку видеоманитофонов. Помнится, он неплохо тогда заработал, ведь договор был заключен на поставку моделей японской сборки, а реализовали они малазийскую. Разница в ценах была приличной и позволила Илье Константиновичу без особых потрясений миновать пик российского кризиса 1998 года.

Сейчас, бесцельно гуляя по городу, Русской узнавал знакомые места. Воспоминания были приятными.

Около небольшого портового кабачка Илье Константиновичу повстречалась миловидная, но довольно небрежно и скудно одетая японка, которая принялась что-то горячо и непонятно ему говорить.

Илья Константинович начал жестами показывать японке, что он ее не понимает, но готов оказать посильную помощь, если она растолкует ему, что же она все-таки, японая мать, хочет от бедного туриста.

От хамского непонимания японка вконец озверела, потеряла остатки присущей японцам тактичности и принялась совать под нос Ильи Константиновича фиги. Немало подивившись невоспитанности женщин Страны восходящего солнца, Илья Константинович был вынужден ретироваться. Спасаясь бегством, он оказался на каменистом пляже.

Морской пейзаж оживляли мачты покачивающихся на волнах рыбачьих шхун. Кричали сытые чайки. От воды пахло легендарной пробкой и нефтью. По поверхности моря бежали радужные бензиновые блики.

Неподалеку сустились японцы из отряда самообороны. Хриплые команды японских командиров вызывали в памяти страницы романов Валентина Пикуля «Богатство», «Каторга» и «Три возраста Окини-сан». Команды органично впле-

тались в шум набегавших волн, рев машин и далекие гудки пароходов.

Илья Константинович долго стоял, заложив руки за спину, потом спросил у молодого японского офицера, что, собственно, происходит.

— Идут маневры по отражению нападения Годзиллы, — охотно сообщил японец.

Годзиллу Русской видел. В видеофильме с одноименным названием. Но считал это обычной фантастикой, призванной пощекотать нервы зрителя. Помнится, был там незабываемый момент, когда монстр идет по Токио, эффектно давя огромными ступнями новенькие разноцветные автомобилички. Глядя на эту варварскую картину, Илья Константинович искренне расстраивался, что так не по-хозяйски губится ценная техника, на продаже которой можно было бы совсем неплохо заработать в России.

— И часто она на берег вылезает? — поинтересовался Илья Константинович, отмечая про себя, что место для тайной ухоронки он выбрал неудачно.

— Пока еще ни разу не появлялась, — сказал офицерик, обнажая в улыбке ровные японские зубы.

— Так, может, ее вообще не существует? — пригласил офицера к размышлению Илья Константинович.

— Последние данные науки говорят за то, — признался японец.

— Тогда что же вы суетитесь? — удивился Русской.

— Надо быть готовым, — туманно сказал японец, и в это время от машин донеслась хрипая самурайская команда, все снова забегали по берегу моря, и японец, залихватски отдав честь, побежал, чтобы смешаться с толпой. Ревя дизелем и громыхая гусеницами, на берег выползла приземистая машина с направляющими для ракет.

Направляющие задвигались, из машины посыпались горохом мелкие самураи из отряда самообороны, машина коротко рывкнула и окуталась клубами дыма, из которых вырвались прямые и длинные языки пламени. В шипении и вое

языки пламени унеслись в море, и где-то у горизонта встали огромные фонтаны воды.

Японцы нестройной галдящей толпой встали у кромки моря, глядя в бинокли, потом принялись обниматься и кричать «Банзай!», словно они и в самом деле уничтожили злобное морское чудовище.

Илья Константинович пожал плечами и заторопился в гостиницу.

Надо было крепко подумать, стоит ли оставаться на побережье. Если здесь проходят постоянные маневры, то рано или поздно на него может обратить внимание японская контрразведка. Так ведь из простого российского бизнесмена вполне могут сделать героичного и загадочного Рихарда Зорге! Подобная перспектива Илье Константиновичу не нравилась. Он помнил, что Рихард Зорге кончил очень плохо, и только лишь в шестидесятые годы по указанию Никиты Сергеевича Хрущева Золотая Звезда нашла своего Героя.

Он уже подходил широким шагом к гостинице, когда мимо него проехала колонна бронетехники. Машины были открыты, в кузовах сидели улыбчивые самураи в пятнистой форме и зеленых касках, которые делали японцев похожими на грибы. Хриплыми, нарочито застуженными голосами самураи пели мужественную песню времен Хокусая, а может быть, и еще более древнего японского правителя. Над головной машиной развевалось белое знамя с красным яблоком солнца в центре.

Илья Константинович вошел в гостиницу и сразу же направился в тамошний бар. Надо было хорошенько подумать о дальнейшем, поэтому он заказал двойное подогретое саке — вонючую, как самогон, рисовую японскую водку. В баре было полутемно, играла негромкая европейская музыка. Большим специалистом Русской в музыке не был, но здесь он точно определил, что играет Венский симфонический оркестр, и играет он сонату ля-минор Гайдна. За соседним столиком сидел японец неопределенного возраста. Заметив, что Русской смотрит на него, японец вежли-

во приподнял свой стакан. Употребление спиртных напитков сближает людей. Вскоре Илья Константинович уже сидел за одним столиком с японцем.

— Река Воряга, — восторженно сказал японец. — Русика холосый. Бар-рис! Зав-гарр! Наривай! Старинградец! Русика вот-ка!

Мешая русские и английские слова, начали разговор. Выяснилось, что японец был писателем-фантастом Матумара Куригарой, автором небезызвестного романа «Ниндзя в белых кимоно». На заре перестройки он был приглашен известным советским фэном номер один Борисом Завгородневым на проводимый им международный конгресс фантастов и фэнов в городе Волгограде, который, естественно, располагался на великой русской реке Волге. От города и собравшихся в нем людей у японца остались самые сильные впечатления.

— Япона мать! — кричал он, размахивая чашкой с подогретым sake. — Импосибль! Брай-деррр! Ша-довищ! Хирр-рса! Пей с гарр-ла!

Он вдруг задумался и неожиданно пропел:

Растет в Ворргрограде бер-резка,
Боргарии лусский сордат!

Чашка за чашкой — sake свое коварное дело сделало. Пили за процветание русской и японской фантастики. Пили за не известных Илье Константиновичу Брайдера и Чадовича. Пили за национальные русские напитки «Агдам» и «Хирса». Пили за здоровье Абэ Кобо и Бориса Стругацкого.

— Ха-ра-се! — закричал Матумара Куригара. — «Пикник за обочиной!» Вер-рикай книга, Ирья!

Выпили за здоровье советских, теперь уже русских фэнов и отдельно — за здоровье неведомого Илье Константиновичу Бориса Завгороднева. Выпили за какого-то Столярова, за великую русскую реку, за Сталинградскую битву, за Сталина, за великий русский народ. Разумеется, выпили за творчество Матумары Куригары и здоровье Ильи Константиновича Русского.

Окончательно проникшись доверием к фантасту, Илья Константинович пожаловался ему на невоспитанность японских женщин и рассказал, что сегодня одна из них гналась за ним по всему побережью, некультурно и бестактно показывая фиги.

Матумара Куригара объяснил Илье Константиновичу, что скорее всего Русской имел дело с портовой проституткой, которая таким незамысловатым жестом предлагала туристу половую и духовную близость. Пожав плечами, Матумара Куригара сказал, что в историческом плане данный жест использовался таким образом довольно давно и в настоящее время уже утратил свою актуальность, уступив место более интернациональным жестам. Илья Константинович начал шумно удивляться разностям в русской и японской культуре, высказывая это удивление столь простодушно, что прогуливавшийся у бара полицейский улыбочиво предложил джентльменам разойтись по номерам.

Проснулся Илья Константинович Русской уже далеко за полночь и долго не мог понять, где он находится. А находился он в номере японского фантаста и спал на бамбуковой циновке рядом с пустой кроватью. Сам японец громко храпел в ванной комнате и в нынешнем своем состоянии ничем не отличался от рядового русского забулдыги.

Трубы горели. Илья Константинович с трудом добрался до ванной комнаты, отодвинул японца от раковины, открыл кран и долго пил воду, с тоской понимая, что добраться до холодильника с запасами минералки и пепси-колы у него не хватит сил. Японец что-то пробормотал невнятно, и Русской не сразу понял, что тот говорит по-японски, которым Илья Константинович совершенно не владел. Он вернулся и лег на циновку. Циновка была жесткой и неудобной.

Мысль расположиться на свободной постели Русскому даже в голову не пришла. Хорошо бы добраться до своего номера, но об этом не стоило и мечтать. Во-первых, совершенно не было сил, а во-вторых, непонятно, на каком этаже они находились. В окно заглядывала смешливая японская

луна. Она была круглой и улыбчивой, а необычно широкие кратеры, придававшие земному спутнику вид человеческого лица, сейчас сузились, отчего лунный лик приобрел некоторое сходство с прелестной полнолицей японочкой. Илья Константинович широко и протяжно зевнул и медленно погружился в сон. Во сне он плавал в деревянной бочке, заменявшей японцам бассейн, только вместо воды в нее было налито горячее саке. Рядом с бочкой сидели Брайдер, Чадович, Столяров, Куригара и Борис Завгороднев, которых сейчас Русской представлял себе очень ясно. Борис Завгороднев обеими руками показывал Илье Константиновичу фиги, а остальные ритмично били в ладоши и немелодично орали «Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна!», и это была смерть, потому что Илья Константинович отчетливо представлял — столько ему не выпить.

Случайная встреча с японским фантастом спасла Илье Константиновичу Русскому жизнь. Ближе к полуночи дверь в его номер с тихим шорохом приоткрылась, в номере замелькали тени и раздалось несколько негромких хлопков, в которых никто не признал бы пистолетных выстрелов. Скорее хлопки напоминали пощечины или удары горничной по пыльной циновке, если бы только циновки выбивали по ночам.

— Ну вот и все, — с легким сожалением сказала одна тень, пониже и поплотнее. — Мыла Маруся белые ноги...

— Хана мужику, — подтвердила долговязая и худая тень.

— Может, посмотрим, что у него при себе? — спросила плотная тень.

— Все равно проклятым капиталистам достанется. Думаешь, японская полиция бабки не зажилит?

Долговязая тень замахнулась на плотную.

— Сказано тебе — заказняк! А с него ничего брать нельзя, иначе сразу влетим. Это же Азия, тут европейские соглашения не признают. Знаешь, что с нами сделают, если поймают?

— Расстреляют? — без особой уверенности сказала плотная тень.

— Как бы не так! — возразила долговязая. — Повесят, понял?

— Это как Рихарда Зорге? — заинтересованно спросила плотная тень.

— Как Мату Хари! — Долговязая тень снова замахнулась на сообщника. — Ствол на столе оставь. Да пальчики не забудь стереть, японская полиция тебе за отпечатки все равно премии не выпишет.

Что-то с глухим стуком легло на стол, снова едва слышно скрипнула дверь, и тени исчезли. В широкое незадернутое окно заглядывали по-южному яркие звезды.

Утром, расставшись с удивленным и измятым Курига-рой, Илья Константинович Русской вышел из номера японца и с радостью обнаружил, что его номер находится прямо напротив. Дверь была открыта. Илья Константинович добрался до холодильника и одну за другой выпил две баночки пепси-колы. Хваленый японский «похмельитель» не помогал. Илья Константинович подумал и исключительно в лечебных целях налил в стакан на два пальца виски. Отхлебывая из стакана, Илья Константинович прошел в спальню. Постель была покрыта белым пухом, на подушке виднелась ровная строчка дырок, словно какой-то вредитель всю ночь сверлил наволочку дредью. Илья Константинович снова отхлебнул виски, склонился над постелью и неожиданно понял, что круглые дырочки в наволочке — следы пуль. Его бросило в холод, потом в жар. Русской машинально допил виски из стакана. Ноги не держали, и Илья Константинович присел в кожаное кресло, роскошь которого так радовала его при вселении.

Зазвонил телефон.

Илья Константинович Русской поднял трубку.

— Алло? — спросил он.

— Это полиция? — поинтересовался баритон.

Русской догадался, кто звонит. Жаркая волна бессильной ярости и злобы опалила душу.

— Нет, — сказал он. — Это не полиция, с вами говорит труп!

На другом конце послышалось невнятное восклицание, и трубку торопливо повесили.

«Вот тебе и тихая заводь, — подумал Илья Константинович. — Вот тебе и спокойный отдых в Фукуоке! Дергать надо, и как можно быстрее, пока они меня не достали!»

А в тесном маленьком номере третьеразрядной портовой гостиницы один из постояльцев спросил:

— Что он, так и представился трупом?

Второй досадливо сплюнул.

— Наш клиент живет всех живых, понял? Ты куда смотрел, когда стрелял? Разве не видно было, что постель пустая?

— Откуда я знал, что он по бабам пойдет? — возразил собеседник. — Выходит, мы зря Диспетчеру доложили, что сварили кашу до конца?

— Выходит, так! — уныло подтвердил второй. — Теперь Диспетчер из нас шашлык сделает!

— Да, — подытожил первый. — Теперь нам обратно возвращаться нельзя. Теперь нам его надо обязательно кончить. И сделать это мы должны в исторически кратчайшие сроки!

Глава 3

Волны Японского моря захлестывали рыболовецкую шхуну «Мару-мару», и Илья Константинович, зеленея лицом, вспоминал удобства воздушного лайнера. Если поездом сутки, а самолетом — час, то сколько же добираться до Гонконга морем?

Кривоногий японец с морщинистым обветренным лицом, бывший на шхуне за шкипера, ободряюще подмигивал Русскому и время от времени приносил в его крохотную каютку

свежие гигиенические пакеты. Море бесновалось так, словно под его поверхностью и вправду резвился зловещий монстр, принявший шхуну за игрушку. Было пасмурно, неподалеку от шхуны стояла стена тумана или дождя, в серых небесах плясал желтый кружок солнца.

Илья Константинович проклинал тот час, когда ему пришлось в голову сдать авиабилет и отправиться в Гонконг морем. Тогда это показалось гениальной мыслью, способной запудрить мозги киллерам, идущим по его следам. Теперь, когда морская болезнь измучила его, истоптав тело и душу не хуже Годзиллы, Илья Константинович ударился в другую крайность, самокритично считая себя дураком.

— Русика хоросый марьяк, — лучась морщинками иссушенного солнцем и морем лица, сказал шкипер. — Банзай! Браво! Крейсер «Варяг»!

— Сгинь, — слабо простонал Илья Константинович.

В книгах все эти морские приключения выглядели куда заманчивее. Пираты морской болезнью не страдали, а на abordаж брали суда даже в разгар шторма. Чертов Коган со своей песенкой!

«В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса...» Теперь Илья Константинович был твердо уверен в том, что поэт Коган, хоть и рисовал с детства угол и ненавидел овал, в море никогда не был, бригантины никогда не видел, а вместо шкотов травил за борт собственную блевотину. И то правда, где вы видели еврея среди отважных пиратов? Разве что в ссудной лавке, где он выдавал пиратам деньги под немыслимые проценты.

В это время шхуну тряхнуло совсем основательно, и Русскому стало не до философских рассуждений. Душа его покинула тело, взмыла к мачтам, вывернулась наизнанку в соленые океанские волны и в таком виде вернулась в измученное тело.

В каюту снова заглянул шкипер. Сейчас его морщинистое лицо было озабоченным. На его месте Илья Константинович тоже волновался бы, ведь за доставку в Гонконг он

заплатил шкиперу лишь половину суммы, обещая отдать вторую половину на причале. Потому шкипер был заинтересован довести пассажира до Гонконга живым и невредимым. Не дай Бог двинуть Илье Константиновичу кони в дальнем плавании, кто японцу заплатит вторую половину денег? А тут еще того и гляди от шхуны одни щепки останутся. Пропали тогда шкиперские капиталовложения!

— Цусима, — сказал шкипер, обнажая в улыбке клыки, и стал неожиданно похож на японского вурдалака из одноименного американского фильма ужасов.

«На разгром русской эскадры намекает, — зло подумал Илья Константинович. — Врешь, сволочь, русского бизнесмена на ура не возьмешь, тут тебе, блин, и банзай не поможет!»

— Руссика герой, — снова ощерился в улыбке шкипер. — Плати мала-мала!

Русской слабо махнул рукой, по мере сил и возможностей пытаясь изобразить всем известный международный жест. Жест не получился, но японец понял. Лицо его стало унылым.

— Ты плыви, — сквозь зубы сказал Илья Константинович. — Сказано, блин, оплата по доставке.

Японец, похоже, понял и снова осклабился — то ли приветливо, то ли с угрозой, черт их этих узкоглазых разберет. Бодро загредев по металлическим ступеням трапа, японец поднялся наверх. В приоткрытую дверь свежо просочилась солеными брызгами морская волна, и Илья Константинович снова остался один. Одиночество отваги или бодрости не прибавляло. «Ох, Санечка! — зло подумал Русской. — Отольются тебе, суке, мои слезы. За все ты у меня заплатишь. Это тебе, блин, не мячик по полю гонять, футболист гребаный. Тут, блин, кто кого переживет».

По металлическому трапу снова загревели японские торопливые шаги, и в приоткрытую дверь всунулась вначале нижняя челюсть, за ней редкие зубы, и, наконец, появился сам японский шкипер. Ленточка, опоясывающая его лоб, сбилась набок, чуть прикрывая правый глаз, и японец сейчас напоминал не вурдалака, а не менее кровожадного пирата.

— Гонконг, — прохрипел он. — Смотреть будешь? Рубли-иены давай!

Преодолевая морскую болезнь и покачиваясь не хуже видавшего виды морского волка, Илья Константинович поднялся вслед за японцем в рубку. Был он как свежий огурчик — зеленый и в пупырышках.

Шхуну «Мару-мару» покачивало от океанского дыхания. Она то ныряла в свинцово-черную бездну, то зависала на пенящемся седом гребне очередной волны. В промежутки между падениями и подъемами Илья Константинович увидел вдали разноцветные небоскребы, упирающиеся крышами в темные неприветливые небеса. Из-за расстояния небоскребы казались игрушечными. Шкипер радостно ощерился, ткнул в направлении небоскребов и снова сказал:

— Гонконг, господин.

Да, тот самый знаменитый город, долгое время бывший британской колонией, но ставший в конце столетия частью коммунистического Китая.

В рваной изморосной дымке непогоды угадывались небоскребы, похожие на впивающиеся в небеса клыки. Ближе к воде железными аистами горбатились мощные портовые краны, своими клювами краны заглядывали в трюмы океанских судов, доставивших в Гонконг товары из разных стран.

— К берегу давай! — сказал Илья Константинович. — Там деньги получишь.

Японец замотал головой.

— Русика герой, — сказал он. — Японец не герой. Опасно к берегу. Разобьет шхуну. Деньги давай. Рубли давай. Доллары давай. Иены тоже давай. Лодку тебе дам. Бесплатно дам — плыви к берегу!

— Да ты с ума сошел, — ахнул Илья Константинович. — Утопить меня хочешь? Волны какие — того и гляди захлестнут!

— Русика смелый, — сказал японский шкипер и что-то завопил на своем непонятном языке.

Вбежали матросы, которые были в угольной пыли, а местами и в рыбьей чешуе. Подхватив сопротивляющегося Рус-

ского под руки, они сноровисто поволокли его на палубу, бесцеремонно обшарили карманы и, выудив из них пачку долларов, швырнули Илью Константиновича в утлую лодочку. Лодочка коснулась беснующейся воды, ее швырнуло вверх, потом вниз, отчего небеса и морское дно одновременно стали ближе. Илья Константинович вцепился в борта руками, попытался высказать шкиперу все, что он думает о нем, но с ужасом заметил, что язык ему не повинуется. Японец кланялся, прижав руки к груди. В правой руке зеленела пачка долларов, выуженных из кармана Русского.

Лодку швырнуло во внезапно открывшуюся бездну, словно поблизости бесновался загадочный монстр по имени Годзилла. Илья Константинович ахнул, по-бабьи торопливо и невнятно запричитал, глядя, как лодку несет прямо на игрушечные небоскребы. Смерть была неминуема. Илья Константинович повернулся к японской шхуне, но ее не было — вместо шхуны прямо на лодку, в которой сидел оцепеневший Илья Константинович, надвигалась огромная волна, чей загибающийся гребень был сед от огромного количества воздушных пузырьков. Волна обрушилась на лодку. Илья Константинович рванулся, отплевываясь от горько-соленой воды, почувствовал, как его с нечеловеческой силой вышвырнуло из лодки. «Лучше бы меня во Владике пристрелили! — запоздало подумал он. — По крайней мере похоронили бы, а тут крабы сожрут!» Крабов вокруг действительно было много. Они лениво стригли клешнями воду и смотрели на Илью Константиновича темными бусинками глаз на выдвинутых стебельках.

Илья Константинович обреченно рванулся, ударился головой о днище лодки, и в это время кто-то мягко потрепал его за плечо:

— Э-эй, господина, вставай. Гонконг близко, иены готовы, расчет вести будем...

Илья Константинович поднялся на верхнюю палубу. Море было спокойным, а шкипер ничем не походил на пирата из

его сна. Шхуна пришвартовывалась к пирсу. Там уже стояла полицейская машина и толпились люди. Русской подумал, что это ждут его, но ошибся. В Гонконге он был никому не нужен. Полицейские стояли над стылým трупом какого-то бедолаги и негромко рассуждали о превратностях человеческой жизни. Китайского языка Русской не знал, знакомых у него в Гонконге не было, тем не менее любопытство пересилило, и Илья Константинович из-за спин полицейских взглянул в лицо покойного. Похоже, что убитый был китайцем, и били его долго и упорно.

Били, пока не убили.

Илья Константинович шагнул прочь, и в это время его взяли за рукав. Странно знакомый китаец торопливо сказал: — Садитесь в машину! Потом будет поздно!

Машина у китайца оказалась роскошная, итальянская «феррари» последней модели. Китаец сразу резко рванул с места, и Илья Константинович слышал визг резины об асфальт.

Он не видел, как из-за длинного вороха стальных труб растерянно выскочили два человека. Один был невысок и кряжист, второй — высок и долговяз.

— Ушел, сука! — с невольным восхищением выдохнул долговязый. — Нет, блин, ты посмотри — у него и здесь свои люди!

Коренастый сплюнул на нагретый асфальт, посмотрел на стоящих у трупа полицейских. Полицейские неторопливо расходились, труп сидел на асфальте и что-то весело говорил присевшему перед ним человеку, который влажным тампоном протирал его изуродованное окровавленное лицо.

— Не, братан, — угрюмо сказал коренастый. — Мне этот фраер уже надоел. Что, я за ним по всей Азии должен гоняться?

— Ты еще найди, куда его в Гонконге повезли, — ответно плюнул на асфальт долговязый. — Это, братила, не город, а маленькое государство.

Глава 4

Китаец гнал «феррари» с сумасшедшей скоростью. Да и сам он блеском раскосых глаз и улыбкой походил на радующегося свободе психа, которому по невероятной случайности удалось сбежать из сумасшедшего дома. Он вел машину, нарушая все известные Илье Константиновичу правила. Впрочем, те правила, которых Русской не знал, китаец, несомненно, нарушал тоже. Вцепившись обеими руками в свое сиденье, Русской закрывал глаза, когда мимо него с ревом пронеслись огромные двухэтажные автобусы, в которые их машина не врезалась вследствие редчайшего стечения обстоятельств. Если бы у Ильи Константиновича была третья рука, он бы непрерывно крестился. «Господи, пронеси! — взмолился Илья Константинович. — Вернись, все машины продам! Пешком ходить стану! Зарядку по утрам буду делать! Господи, не погуби!» Он крепко зажмурил глаза, чтобы не видеть пронесшихся мимо автомашин. Несомненно, за их машиной терпеливо летел Ангел Смерти в ожидании, когда его услуги понадобятся незадачливым гонщикам.

— Нормально? — весело закричал по-английски китаец.

Нет, кого-то он все-таки напоминал Русскому, но в условиях, когда каждый метр их гонки мог оказаться последним, вспоминать, где и когда он этого китайца видел, и терять время, предназначенное для молитв, Илье Константиновичу казалось неуместным.

Машина вылетела на покрытое зеленой травой поле. Над травой колыхался огромный голубовато-красный воздушный шар, под которым висела небольшая корзинка, увешанная мешочками с песком. Вокруг шара суетились разнообразно, но спортивно одетые люди, некоторые — с кинокамерами.

Илья Константинович понял, что им с этим шальным китайцем предстоит путешествие на воздушном шаре. Высоты он боялся с детства, поэтому подобных путешествий никогда даже не планировал. Во рту пересохло, руки стали плохо слушаться, а уж про ноги и говорить не хотелось.

«Феррари» резко тормознул рядом с шаром.

— Быстрее! Быстрее! — снова закричал по-английски китаец, покидая водительское сиденье.

Странное дело, только что Русской твердо решил объясниться с этим удивительным безумным человеком, но исходившие от китайца энергия и духовная сила заставляли Илью Константиновича беспрекословно подчиняться. Илья Константинович покорно ухватился за перекладки веревочной лестницы и тяжело перевалился через борт в корзину. Китаец ловко выбрал канат с болтавшимся на нем якорем, и шар начал медленно набирать высоту.

Внизу ликующе завизжали девицы, слышались одобрителные крики:

— Джекки, давай! Давай, Джекки!

Люди внизу начали резко уменьшаться в размерах и вскоре превратились в маленьких мурашек, бесцельно суетящихся на зеленом прямоугольнике, окруженном домами и шоссейными дорогами. Корзина, в которой сидели китаец и Илья Константинович, плавно покачивалась от порывов ветра. Бездна открывалась внизу. Бездна ожидала их наверху. Ангел Смерти, немножечко расстроенный неудачей на шоссе, теперь летел за покачивающимся на ветру шаром. Илья Константинович не сомневался, что сейчас Ангел довольно потирает руки. Случайно уцелев на земле, они непременно найдут свой конец в небе.

Китаец снял кожаные перчатки, протянул правую руку Илье Константиновичу и, поблескивая неестественно белыми зубами, весело спросил:

— Все нормально, мистер Норман?

— Да, Джекки, — сказал слабым голосом Русской. — Все прекрасно. За исключением одного — я не мистер Норман!

Китаец удивленно почесал затылок и что-то затараторил по-китайски. Русской недоуменно пожал плечами, покачал головой, и китаец снова перешел на английский. Недоразумение выяснилось довольно быстро. Китаец оказался легендарным киноактером Джекки Чаном, снимавшим сцену своего очеред-

ного боевика «Жить и умереть в Гонконге». По нелепой случайности в мизансцене на пирсе Илья Константинович занял место американского актера Мела Нормана и таким образом оказался вовлеченным в последующие события. Джекки Чан долго извинялся, прижимая к груди обе руки, но оба понимали, что ничего уже исправить нельзя. Огромный шар медленно набирал высоту, и воздушное течение увлекало его в сторону Гималаев, заснеженные пики которых уже нежно синели на горизонте. Как у Рериха на картине.

— Вы хорошо держались, мистер Русской, — дружелюбно сказал Джекки Чан.

— Благодарю, — отозвался Илья Константинович, стараясь не смотреть вниз.

— Хотите сняться в моем фильме? — великодушно предложил актер.

В другое время Илья Константинович не раздумывал бы. Сняться в фильме с Джекки Чаном? Это принесло бы ему как предпринимателю невиданные дивиденды! Некоторые фильмы Джекки Илья Константинович смотрел по нескольку раз. «Доспехи Бога» там, «Час пик» или «Непобедимый дракон». Привезти в Россию кассету с фильмом, а потом таинственно улыбаться и намекать, что махаться научился не хуже самого Джекки Чана или Брюса Ли. Бабы штабелями ложиться станут!

Да что бабы! С другими бизнесменами общий язык находить легче будет. Не каждый с героями крутых боевиков в одном фильме снимается. В нужных местах морду свою продемонстрируешь, где надо дублеры тебя подстрахуют, но всегда можно сказать, что ты сам этот сложный трюк исполнял. Заманчиво все это было, ох как заманчиво! Но сейчас, когда по пятам за ним гнались наемные убийцы, Илье Константиновичу было не до кинопроб. Он приподнялся и робко бросил взгляд вниз. Слева по курсу белели многоэтажные дома. Город был огромен.

— Кантон, — пояснил Джекки Чан. — Гуанчжоу по-нашему.

Земля была страшно далекой, и от ощущения высоты у Ильи Константиновича ослабло все нутро. Под ложечкой засосало, и бизнесмен почувствовал себя удивительно беспомощным и слабым. Он обессиленно сел на дно корзины. Заметив растерянность и страх русского предпринимателя, Джекки Чан улыбнулся и сказал, что бояться совершенно нечего, ведь у них есть парашюты, которые делают полет практически безопасным.

— Безопасность гарантируется. Это все равно что на рикше по улице ехать, — хохотнул Джекки. — Скоро Чанцзян пересечем, по-вашему Янцзы. Там и на спуск пойдем. Нас в предгорье киногруппа будет ждать.

Услышав, что при некоторых условиях возможен прыжок с парашютом, Илья Константинович совсем пал духом, скрючился на дне плетеной корзины и ощутил себя несъедобной поганкой, которую без каких-либо оснований кто-то назвал груздем. В душе дождевыми червями копошились сомнения. Джекки Чан что-то напевал: похоже, ему было весело. Русской беспокойно наблюдал за газовой горелкой, которая систематически выбрасывала языки пламени, нагревающие воздух в оболочке воздушного шара до нужной температуры, и Илье Константиновичу все казалось, что воздушный шар вот-вот полыхнет, и корзина камнем помчится к земле.

Китаец přátельски тронул его за плечо.

Русской поднял на него истомный от душевных страданий взгляд.

Джекки Чан протягивал объемистую бутылку шотландского виски.

Вначале Илья Константинович отрицательно покачал головой, но видя, что Джекки бутылки не убирает, протянул руку и сделал большой глоток. «Помирать — так с музыкой, — пронеслось у него в голове. — Хоть напьюсь перед смертью». Выпив, он почувствовал себя значительно бодрее и даже начал искать взглядом Ангела Смерти, чтобы показать ему язык, но тот прятался по другую сторону воздушного шара.

— Эй, Джески, — пользуясь близостью к великому актеру, несколько фамильярно крикнул Русской. — А съемку кто ведет? Или ты для своего удовольствия летаешь?

— Сикрита камер, — на ломаном русском отозвался тот. — Урок Эйзенштейна! — И показал большой палец, давая оценку русскому режиссеру, снявшему фильм «Броненосец “Потемкин”».

Русской не знал, что, едва они начали подъем на воздушном шаре, на аэродром на бешеной скорости внеслось такси, из которого выбрались все те же незадачливые преследователи, что потеряли след Русского на причале.

— Мужика в коричневой куртке не видели? — поинтересовался коренастый, бесцеремонно схватив за рукав мужчину, укладывающего в футляр киноаппарат. Тот что-то сказал по-китайски, неопределенно ткнув рукой вверх.

Недоуменно задрав головы, преследователи увидели воздушный шар, который медленно и величаво набирал высоту. Если кандидат в покойники улетал на этом шаре, то сейчас он был недосыгаем для убийц. Сбить его можно было разве что «Стингером» или из зенитного пулемета, но использование подобной боевой техники в присутствии такого количества свидетелей было невозможным. Преследователи потрясенно взглянули друг на друга.

— Во блин, — сказал долговязый. — Теперь он от нас на воздушном шаре улетел. Не, братила, непростой у нас клиент. Ох непростой!

Коренастый, приоткрыв рот, следил за полетом воздушного шара.

— Не знаю, как тебе, — сказал он спутнику, — а мне лично в кайф было бы вот так над землей попарить.

— Попаришь еще, — пообещал долговязый. — Только без парашюта. Ты что, забыл? Нам с тобой еще перед Диспетчером отчитываться!

Коренастый закрыл рот, нахмурился и некоторое время мрачно разглядывал товарища. Неожиданно толстые складки на его лбу просветленно разгладились.

— А кто тебе сказал, что я к нему для отчета вернусь? — ухмыляясь, спросил коренастый. — Пусть он меня попробует достать. Мир огромен, на все страны у него просто рук не хватит!

— Так ты что — от задания отказываешься? — удивился долговязый.

— Я? — Коренастый пожал плечами и поднял голову, продолжая следить за воздушным шаром. — Этот фраерок у нас в долгах, братан. Мы с него еще получить должны, верно?

— Ты это про Диспетчера? — испуганно спросил долговязый.

— Дался тебе этот Диспетчер, — досадливо плюнул коренастый. — Я тебе про нашего клиента толкую. Он нам по жизни должен!

Глава 5

Как известно, хорошо только то, что хорошо кончается.

Путешествие на воздушном шаре закончилось близ города Чэнду, где великодушный Джекки Чан тепло попрощался с Ильей Константиновичем Русским в ресторане «Золотой Дракон Ли». Глядя на веселую компанию актеров и киноработников, среди которых было немало весьма и весьма милостивых девушек, Илья Константинович испытал зависть. Народ держался раскованно, так обычно ведет себя европейская молодежь, а Русской, по своему российскому незнанию, всегда считал азиатов несколько зашоренными. Но, как говорится, за дрессированного ишака двух коров дают. Было бы неплохо отвлечься от тревог в этой компании, но Илья Константинович не забывал о нависшей над ним угрозе. Если врага не видно поблизости, то это не значит, что его нет вообще.

Чэнду оказался вполне современным городом, в котором высотные дома соседствовали со старинными китайскими

конструкциями пагодного типа. Разрабатывая план дальнейших действий, Русской поселился в гостинице «Приют Юэ Фэя». Юэ Фэй был знаменитым китайским полководцем, не раз вступавшим в успешные схватки с чурджэнями, которых китайцы именовали северными соседями. Возможно, это были корейцы. Юэ Фэй не раз одерживал над ними блистательные победы, за что и был казнен своим императором. Многозначительность названия гостиницы Илье Константиновичу была не по душе. «Они бы еще назвали гостиницу Вечным приютом полководца», — мрачно думал он, глядя на спующих по улицам китайцев. Китайцы были, как муравьи, многочисленны и трудолюбивы. Они вечно что-то куда-то несли, до хрипоты торговались, азартно спорили, играя прямо на улице в не менее азартные игры. Рядом с гостиницей находился рынок, на котором продавали огромные тыквы, пресноводные креветки различного приготовления и рис различных сортов, причем чаще всего сорта определялись провинцией, где они были выращены. На взгляд Ильи Константиновича, различия между сортами были невелики, но сами китайцы придерживались иного мнения. Впрочем, Илье Константиновичу с ними детей не крестить. Перед ним стоял вопрос, куда податься, где укрыться от наемных убийц Сани Краба. Вот прицепились! Илья Константинович вспомнил пух, летающий по номеру японской гостиницы, и запоздалый холодок пробежал по его спине — а ну как спал бы он на той самой кровати?

Податься в Индию? Можно было бы рвануть назад в Гонконг, а оттуда в Бангкок. Просторный город, затеряться там не составит особого труда. А из Бангкока дальше — в Мадрас. Спуститься пониже и отсидеться на острове Шри-Ланка. Тоже неплохие места есть, бывал там Илья Константинович, когда контракт на чай подписывал. Помнится, выгодный получился бизнес. Поставленный цейлонский чай Илья Константинович приказал смешать в равных пропорциях с грузинским и азербайджанским. Вот и получился настоящий индийский чай с грузинским хоботом и азербайджанскими бивнями. А навар пре-

взошел все ожидания. Да, места на острове Шри-Ланка превосходные, но отправляться туда сейчас опасно. Во-первых, киллеры могут подстеречь его в Сянгане, как теперь стал называться Гонконг. И тогда дальнейшее путешествие становится проблематичным. Господи! Да что ж себе врать-то! Тогда бы пришлось возвращаться в Россию. В оцинкованном гробу, в одноразовом костюме и картонных полуботинках, которые в начале перестройки Русской закупал партиями и реализовывал на вещевых рынках необъятной Родины как последний крик европейской моды. Да и в Бангкоке всякое может случиться. Могли его достать киллеры, что, впрочем, казалось невероятным. Более вероятной была опасность оказаться в руках тамошних торговцев антиквариатом. Помнится, Илья Константинович несколько лет назад провернул с ними неплохую сделку, расплатившись чеком Британского банка, на счету которого в то время было лишь семьдесят пять центов.

М-да, пожалуй, бангкокским антикварам есть на что затаить обиду.

Настроение Ильи Константиновича было скверным. Он заставил себя встать, сбегал в книжную лавку и купил китайский атлас, на котором было понятным все, кроме надписей. Более безопасный, но не совсем очевидный путь вел в Лхасу — страну таинственных буддийских монастырей и родину третьего глаза.

«А может, ну их, все эти волнения, к черту? — неожиданно для самого себя подумал Илья Константинович. — Поступлю послушником к ламам, постигну истину, может быть, даже нирваны достигну. Бритый череп — совсем небольшая плата за постижение истинного блаженства».

«Может быть, — охотно согласился внутренний голос. — Только ты еще доберись до этой самой Лхасы. Туда ж и поезд не домчится, и пароход не доплывет».

Внутренний голос был прав, но Илье Константиновичу Русскому ужасно не хотелось внимать его веским доводам.

— В Лхасу, — твердо решил он. — Даешь страну отпетых отшельников!

* * *

Про Тибет Илья Константинович знал немногое. Знал, что это где-то в горах, еще знал, что Лхаса неоднократно захватывалась китайцами, но обитают там тибетцы и правит ими император. Народ живет в основном в монастырях, которыми управляют ламы.

Помирая, ламы эти переселяются в других людей, поэтому, когда лама умирает, множество народа оставляет все дела и ищет новое воплощение своего ламы. Еще он слышал, что у некоторых на Тибете три глаза, и третьим глазом они видят человеческую ауру, по которой определяют болезни и читают мысли. Еще читал, что народ там тихий и спокойный, зря никто не кричит, так как живущие на Тибете давно подметили, что крик способствует концентрации дождевых облаков и, следовательно, бурным ливням. В некоторых книгах рассказывалось, что в горах Тибета живут йети — местное подобие снежного человека. Еще говорили, что Тибет представляет собой гигантский холодильник — пища там долго не портится из-за сухого и холодного климата. Мясо сохраняет свежесть в течение года, а зерно может храниться несколько веков. Русской почитывал для развлечения и повышения интеллекта газету «НЛО» и в одном из номеров вычитал, будто в какой-то тибетской пещере хранится генофонд человечества. Писали, что там даже замороженные атланты хранятся. Еще в той же газете писали, что недалеко от Лхасы есть два озера: в одном вода живая, как в народных сказках, а в другом — мертвая. Генофонд человечества Илье Константиновичу Русскому был ни к чему, одно беспокойство с покойниками по всему свету болтаться. По этой причине Русской даже выступал однажды в центральной прессе против задумки московских бизнесменов возить по всему миру мумию Владимира Ильича Ленина и загребать на этом хорошие бабки. А вот против живой и мертвой воды Илья Константинович не возражал и не раз прикидывал, какой бизнес можно сделать на ее продаже в России.

Первый закон бизнеса: приняв решение, спланируй и организуй его выполнение. В противном случае все твои задумки останутся мечтами.

После некоторых раздумий Илья Константинович начал с экипировки. На базаре рядом с гостиницей «Приют Юэ Фэя» он приобрел меховые штаны и свитер из длинной черной шерсти. Продавец уверял, что еще недавно шерсть эта принадлежала настоящему тибетскому яку. Слава Богу, Джекки Чан поменял ему достаточное количество долларов на юани, и в деньгах Илья Константинович не нуждался.

От Чэнду до Лхасы было где-то полторы тысячи километров, причем преимущественно горами, но Илья Константинович Русской самоуверенно решил, что расстояние не проблема. Проблема была в том, что в Чэнду появилось двое европейцев. Один — невысокий и коренастый, второй — долговяз и худ. Держались европейцы постоянно вместе и искали какого-то бизнесмена, прилетевшего в Чэнду на разноцветном воздушном шаре. Дурак бы не сообразил, что это наемные убийцы, которые ищут жертву. Илья Константинович дураком не был, а потому в тот же день, сговорившись со старым китайцем по имени Го Мо Сек, покинул приют имени великого китайского полководца и отправился в дальнейшее и трудное путешествие на запад, зафрахтовав для этих целей старенький латаный «юнкерс» местного аэропорта. В грузовом отсеке «юнкерса» меланхолично жевали сено две длинношерстные и узкомордые тибетские лошадки, которых Илья Константинович купил на рынке по настоянию опытного и мудрого Го Мо Сека.

Справа были горы и слева были горы. Ревя моторами, «юнкерс» шел вдоль изумрудно-зеленой долины, извилистым стеклом поблескивала река. Старый китаец Го Мо Сек меланхолично жевал какую-то наркотикосодержащую жвачку. Что делал пилот, из салона не было видно, но, судя по унылому пению, доносящемуся из кабины, летчик тоже что-то такое жевал. Илью Константиновича успокаивало то, что Го Мо Сек абсолютно не волновался. Русской старался ду-

мать, что все будет нормально. Привыкают же люди к пьянству, некоторые вон в трезвом виде даже за руль садиться боятся. А вмажут — и ничего, рулят.

Илья Константинович обнаружил вдруг, что раскачивается в такт заунывным песнопениям летчика. Он встряхнулся и принялся смотреть в иллюминатор, хотя что там было смотреть, горы — они и есть горы.

В то самое время, когда Русской пытался уверить себя, что все идет нормально, директор гостиницы «Приют Юэ Фэя» пытался вырваться из цепких лап коренастого мужчины, который что-то требовательно спрашивал у него на иностранном незнакомом языке. Напарник душителя — высокий и худой мужчина в серой куртке и в джинсах — скучающе разглядывал кабинет директора. Взгляд его остановился на статуэтке, изображающей трех обезьянок. Одна обезьянка закрывала глаза, вторая затыкала уши, третья прикрывала ладошкой рот.

— Кончай, братила, — равнодушно сказал он, беря в руки скульптурную группку. — Если тебя по-арабски допрашивать, ты тоже ничего не скажешь, даже если тебя до смерти замучают. Ни хрена он не скажет, потому что по-русски не говорит.

Но он ошибся. Китаец действительно не говорил по-русски, но обладал здравым смыслом. Поэтому, едва цепкие пальцы коренастого отпустили его горло и директор гостиницы обрел возможность соображать, он сразу догадался, что незваные гости ищут постояльца, выписавшегося накануне. Во-первых, постоялец был иностранцем, во-вторых — бизнесменом, а в третьих, кого еще могли искать двое иностранцев, о которых со вчерашнего дня говорил весь город? Поэтому директор гостиницы взял лист бумаги, тщательно вывел на нем иероглифы, изображающие название Лхасы, и нарисовал самолет, летящий над вершинами Тибета, а чтобы никаких сомнений у иностранцев не оставалось, он английскими глупыми буквами написал на горах название — ТИВЕТ. И чуть пониже известными ему русскими — ЛХАСА.

Некоторые трудности у директора гостиницы вызвало имя проводника Го Мо Сека, который сопровождал проклятого иностранца. Но обладая художественными способностями и в совершенстве владея иероглифическим письмом, директор гостиницы успешно справился и с этой задачей.

Глава 6

Долгое и опасное путешествие подходило к концу. Даже тибетская длиннохвостая лошадь по кличке Киммана устала показывать свой норов и не пыталась сбросить Русского. Обычно она разбегалась коротким карьером и останавливалась как вкопанная, а Илья Константинович летел через ее голову на камни, рискуя сломать себе шею. Лошадка была маленькой и лохматой, от этого Илье Константиновичу казалось, что он едет на ишаке. Был у него такой опыт в Самарканде. Помнится, зрители вволю повеселились, глядя на наездника. Тогда Русской не обиделся лишь потому, что был здорово пьян, как, впрочем, были пьяны и зрители.

Уже полчаса они ехали по долине, поражающей Илью Константиновича зеленью. Пряно пахло рододендронами. В воздухе парили квадратные крылатые змеи, и все чаще на дороге начали попадаться встречные, одетые столь живописно, что Илья Константинович вновь вспомнил Среднюю Азию. В то же время Илья Константинович обратил внимание, что многие жители Лхасы при виде его и Го Мо Сека высовывали языки, словно дразнили кого-то из них. Русской не реагировал на их обидные действия, но его удивляло, что Го Мо Сек ответно показывает лхасцам язык. Удивительно, но лхасцы тоже не обижались, а радостно улыбались, словно китаец показывал им не язык, а по крайней мере фотографию родственников.

— А ты почему не отвечаешь на приветствия? — удивленно спросил по-английски проводник. — Нехорошо. Люди обижаются.

Из состоявшегося разговора выяснилось, что демонстративные показы друг другу языков означают у тибетцев приветствие, равнозначное распространенному среди европейцев поднятию шляпы или российскому помахиванию рукой. Русской удивился, но особой неловкости не испытал. Мало ли какие обычаи бывают у народов, знать и соблюдать каждый из них никто на земле не сумеет!

Однако в дальнейшем Илья Константинович в ответ на высунутый язык приветливо демонстрировал свой, хотя и продолжал при этом чувствовать себя ужасно глупо. «Хорошо, что они друг другу только языки демонстрируют, — успокаивал он себя. — Было бы хуже, доведись мне расхаживать по всему городу с постоянно расстегнутой ширинкой!»

За ознакомительным рассказом Го Мо Сека Русской даже не заметил, как они вышли на ровную зеленую равнину. Между деревьями сверкала вода — горные ручьи несли свои чистые воду в реку Цанг По. С севера и юга равнину окружали цепи гор, отделявших долину Лхасы от всего мира. На склонах располагались многочисленные монастыри и селения. На западе вырисовывались зубцы стен Потала и храма Чагбо-ри. Между ними видны были Западные Ворота.

На зеленой траве равнины играли в волан девушки и молодые женщины. Волан представлял собой кусочек дерева, в верхнюю часть которого были вставлены птичьи перья. Волан можно было бить только ногами. Женщины, для удобства придерживая юбки на некоторой высоте, били по волану ногами. Некоторые могли продержать волан в воздухе несколько минут, прежде чем наносили удар в сторону соперницы.

У игроков в волан было много болельщиков из числа местных монахов, которые взрывались восторженными криками при каждом удачном ударе. Илья Константинович Русской заметил, однако, что крики восторга были тем громче, чем выше задиралась юбка.

Монахи были одеты в разноцветные одежды: желтые, ярко-красные, фиолетовые, зеленые и голубые. Многие были

в рыжих одеждах, присущих рядовым монахам. Монахи Потала выглядели в своих золотых и вишневых одеяниях более богато.

Послушники были в белом, а монахи-полицейские довольствовались каштановым одеянием. Впрочем, за женской игрой наблюдали с нескрываемым азартом все.

Справа от поля стояла городская гостиница, упирающаяся задней стеной в северный выступ главного храма. Рядом располагалось местное казначейство, ряды лавок и рынок, где можно было приобрести все — от японского телевизора до листов съедобного серебра, которые ковали местные кузнецы. Серебро стоило баснословно дешево, и Илья Константинович не удержался от того, чтобы попробовать тибетское лакомство. Серебро таяло во рту, но аппетит после него не убывал. Да, такое можно было поглощать килограммами. Илья Константинович поинтересовался у Го Мо Сека, не изготавливается ли таким ж способом в Лхасе съедобное золото, но получил резкий и отрицательный ответ. Похоже было, что на съедобное золото здесь было наложено какое-то табу. А может, и выкованное до толщины молекулы золото все равно оставалось несъедобным.

Устроившись в гостинице, Илья Константинович щедро расплатился с Го Мо Сексом. Китаец, получив вознаграждение, долго раскланивался, прижимая к груди обе руки, и пятился, пока не достиг дверей. Оставшись один, Илья Константинович почувствовал, что проголодался, и прошел в маленький ресторанчик, расположенный в гостинице. Памятуя, что, по рассказам Го Мо Сека, в горах неодобрительно относились к мясоедам, Илья Константинович заказал местные блюда. Как ни странно, официантом в гостинице был белый. В дальнейшем Русской узнал, что официанта зовут Адольфом Миллером, он пытался стать буддистским монахом, но нарушил какое-то табу, в результате чего был вынужден подрабатывать в гостинице, чтобы оплатить обратную дорогу.

Официант подал цампу, приготовленную из жареного ячменя. Цампа представляла собой пончики, съев которые,

Илья Константинович не почувствовал себя более сытым. Воровато оглядевшись по сторонам, Русской подозвал к себе официанта и в результате недолгих переговоров получил приличный кусок запеченного с местными специями мяса, а в качестве гарнира — приличную порцию молодых побегов бамбука, после чего мир стал ему казаться светлым и вполне благожелательным. Ему даже захотелось прогуляться по городу.

Шагая по узкой улочке, Илья Константинович увидел удивительную картину. Несколько мужчин поднимали большие бурдюки, сделанные мехом внутрь, и с садистским хаканьем бросали их на уличные камни.

Мужчины тяжело дышали, на шее у них вздувались вены. Илья Константинович остановился, досадуя, что не у кого поинтересоваться, чем эти люди занимаются. «Мясо отбивают, что ли? — подумал Русской. — А может, соревнования какие на выносливость?»

Долго гадать ему, однако, не пришлось. Один из бурдюков лопнул, и бросавшего его тибетца залило желто-золотистой массой, в которой наблюдательный Илья Константинович без труда узнал масло и с запоздалым ужасом подумал, что ему повезло. Упав бурдюк на метр ближе, и Илья Константинович стоял бы сейчас такой же жирной и желтой статуей, над которой весело потешались собравшиеся на халявуньице.

На третий день пребывания в Лхасе Илья Константинович удостоился приема местного Далай-ламы. А случилось это так. Прогуливаясь по городу, Русской встретил процессию. Развевались на ветру священные хоругви, ревели трубы, да и монахи выглядели на редкость празднично — все в алых одеяниях с золотыми безрукавками. Тогда еще Илья Константинович не знал, что золотой цвет является официальным цветом этого самого Далай-ламы. Его-то и несли на носилках с золотым шатром. Сам лама был в годах, но любопытство еще не покинуло его. Откинув полог, лама разгля-

дывал прохожих и встретился взглядом с Ильей Константиновичем. Тот, будучи культурным и воспитанным, деликатно высунул язык, приветствуя ламу. Далай-ламе понравился вежливый европеец, и Русскому представился случай вручить Далай-ламе шарфик первой категории под названием «хадак». Естественно, вручение происходило согласно обычаям тибетцев: Илье Константиновичу пришлось встать на колени и положить шарф к ногам Далай-ламы. Язык при этом он, разумеется, держал высунутым как можно дальше. Далай-лама оказал ему честь, ответно вручив шарфик, перетянутый красной шелковой нитью, завязанной тройным узлом. При этой церемонии два монаха, стоявшие в церемониальном зале, от удивления откусили себе высунутые языки, и бедняг немедленно унесли в монастырь Чагбо-ри, именуемый также Медицинским монастырем за редкостные эскулапские способности тамошних монахов.

Далай-лама не ограничился подарком, а удостоил Илью Константиновича Русского беседы. Беседа шла на английском языке: Далай-лама одно время учился в Кембридже и не окончил это заведение исключительно по причине воплощения в него духа прежнего владыки Тибета.

Сам Далай-лама находился в изгнании ввиду оккупации Тибета вездесущими китайцами и в Лхасе бывал время от времени, когда позволяли обстоятельства. Илья Константинович поинтересовался возможностями для бизнеса, тонко ввернув в разговор, что торговля тибетской живой и мертвой водой в России могла бы дать неслыханные дивиденды. Далай-лама покачал головой и заметил, что живая и мертвая вода действует только на тибетцев, на остальных же она действует весьма своеобразно — мертвых оставляет мертвыми, а вот живых делает действительно мертвыми.

В конце беседы Далай-лама предложил гостю немного развлечься, но поскольку развлечение состояло в прыжках через бездонные расщелины с пятиметровым шестом, Илья Константинович от соревнований с Далай-ламой благоразумно уклонился.

Тогда Далай-лама заметил, что осторожность делает Русскому честь и он, несомненно, обладает определенными способностями, позволяющими ему предвидеть будущее. Далай-лама предложил Илье Константиновичу развить эти способности, для чего необходимо было освободить третий глаз, высверлив отверстие в черепной лобной кости. Впрочем, к большому облегчению Ильи Константиновича, Далай-лама тут же заметил, что сам он лишние дырки в голове Русского высверливать не собирается и на то у него имеются специалисты.

Впрочем, оказалось, что обрадовался Илья Константинович преждевременно. Далай-лама хлопнул в ладоши, и явился специалист — маленький худенький человечек в алозолотых одеждах, который крепко взял Илью Константиновича за руку и повел его из зала для аудиенций туда, где можно было спокойно и неторопливо выполнить пожелание Далай-ламы и высверлить череп его именитого посетителя на нужную глубину.

Глава 7

В небольшой комнате человечек в алом одеянии долго расспрашивал Илью Константиновича о его жизни. Неизвестно почему Русской проникся к маленькому трудолюбивому монаху доверием и рассказал ему о наемных убийцах, о трудном российском бизнесе, о товарищах по бизнесу, норовящих обмануть его в самых простых вещах, и о жадной администрации, жаждущей стянуть с порядочного бизнесмена последнюю рубаху. Рассказывая все это, Илья Константинович чувствовал, как на глаза наворачиваются тяжелые и горячие слезы обиды, причем, что удивительно, слезы были самыми настоящими и искренними. Слушая Илью Константиновича, человечек сокрушенно цокал языком и внимательно осматривал его голову, поворачивая к себе то затылком, то

лбом, то височными долями. Видно было, что голова бизнесмена ему не особенно нравится.

— Трудный случай, — наконец сказал человечек на ломаном английском. — Обычно мы делаем отверстие для третьего глаза в зависимости от задач, которые придется решать человеку: если ему надо что-то увидеть в прошлом, мы открываем глаз на затылке, если надо читать мысли и видеть человеческую ауру — сверлим лоб. У вас же придется высверлить сразу четыре дырки с каждой стороны черепа, ведь вам надо точно знать, откуда грозит опасность. Но это мы быстро! — С этими словами человечек ловко достал из-за спины оранжевую «бошевскую» электродрель. — Высверлим дырочки, вставим нужные пробочки, посидеть, правда, придется в темноте недельки три...

— Погодите, — тревожно сказал Илья Константинович. — Ну нельзя ж так сразу! Мне с духом надо собраться, взвесить все... На опасное дело склоняете. Ведь не дай Бог помру!

— Ну и чего страшного? — удивился монах. — Все равно переродишься. Воплотишься в кого-нибудь. У тебя же еще не одна реинкарнация впереди. Я ведь по твоим глазам вижу, что родился ты в год Водяной Змеи. Хитрый ты и скользкий, голыми руками тебя не возьмешь, а если и возьмешь, то все равно упустишь...

Тем не менее от бесцеремонного и наверняка болезненного открытия третьего глаза Илья Константинович пусть временно, но отказался, сказав, что ему надо посоветоваться со своими русскими богами Карлом Марксом и Лениным. Монах об этих богах слышал и против совета с ними не возражал — уважал, стервец, чужую веру.

Благополучно покинув монастырь, Илья Константинович испытал невыразимое облегчение. «Не надо нам лишних дырочек в голове, — думал он, шагая по булыжникам мостовой. — У нас их, блин, своих хватает!» Русской шел по улице, вдыхая сухие ароматы горного воздуха, и наслаждался жизнью, когда увидел идущую навстречу странную процессию.

Впереди шел полный важный монах в красном одеянии с курительной свечой в руке. За ним — трое китайцев. Двое из них, печального облика, двигались нормально, но как-то торжественно и излишне медленно, а вот пожилой грузный китаец между ними шел неуверенно, все время спотыкаясь, как пьяный. Он покачивался, и глаза его, похоже, были закрыты.

— Повели родимого, — с горечью сказал кто-то рядом на хорошем английском языке.

Илья Константинович удивленно скосил глаза и увидел неодобрительно покачивающего головой официанта из лхасской гостиницы, бывшего монастырского послушника Адольфа Миллера.

— Кто повел? — спросил он. — Кого повел? Куда?

— Разве не видите сами? Паломник из далекой провинции в монастыре скончался, — с немецкой расстановкой и основательностью сказал Адольф Миллер. — Сердце не выдержало или переел чего сгоряча. Близкие родственники попросили помочь монаха из ордена Фа-Сы, тот прочитал заклинания, воскурил траву «сянь», побрызгал мертвого святой водой, и вот он встал и пошел к родному дому. По горным тропам его не донести, узкие очень, вот и придумали, чтобы мертвый домой сам добирался...

— А потом? — с замиранием сердца спросил Илья Константинович, не отрывая взгляда от неподвижного и темного лица покойника. Казалось, что мертвый понимает свое состояние и оттого старается идти ровнее. Видимо, от усердия это у него получалось плохо. Провожатым то и дело приходилось поддерживать покойника под руки, а иногда даже направлять его легкими пинками.

— Придет домой, там его и проводят в последний путь, — хмуро сказал Миллер и шаркающей походкой, отчасти напоминающей походку мертвеца, пошел прочь. Видно было, что Адольф хотел еще что-то добавить, да передумал.

Процессия меж тем поравнялась с Русским. Илья Константинович еще раз посмотрел в лицо мертвого и неожиданно подумал: «А ведь удобно! Хорошее дело, между про-

чим. Положим, пристрелят меня все-таки киллеры. А я вслед за монахом во Владик вернусь. По горным тропам. И сразу к Крабу: «Стук-стук-стук! Здравствуй, милый Шурик, принимай заказанного тобой товарища!» Если он на месте не окочурится, то лечиться долго будет, очень долго!»

Илья Константинович живо представил себе выражение лица своего экономического противника и почувствовал, что улыбается. Нет, помирать ему все еще не хотелось, но неожиданная мысль очень прилась по душе. Он озорно высунил язык, приветствуя монаха и следующую за ним кавалькаду, и в это время на лбу покойника образовалось отверстие. «Третий глаз открылся!» — догадался Илья Константинович и с любопытством взгляделся в лицо покойника, пытаясь понять, зачем трупу нужно видеть чужую ауру и читать мысли.

Но в это время рядом с первым отверстием возникло второе, и Илья Константинович услышал уже знакомый ему хлопок бесшумного выстрела. Первоначально он даже удивился, что кому-то в голову пришла бесполезная и глупая мысль стрелять в умершего человека, но тут же догадался, что стреляли не в покойника. Стреляли в него самого! Просто попадали в покойника!

Пригнувшись, он бросился в ближние кусты и залег там. Отдышавшись и успокоив сердце, выглянул осторожно наружу. Поблизости никого не было. Стрелявшие словно испарились, на улице по-прежнему царила тишина, но выбираться из зарослей было боязно. Кому охота подставлять под пули свой лоб? Русской поискал взглядом покойника. Процессия уже удалилась на значительное расстояние, и не видно было, чтобы пули покойнику особенно повредили — тот шел как шел, даже покачиваться перестал.

В гостиницу возвращаться не стоило, возвращаться в гостиницу мог только явный самоубийца, и Илья Константинович решил припасть к стопам Далай-ламы, пока тот еще не уехал из Лхасы, и попросить у него и его подручных политического убежища. Монастырь казался ему куда более надежным убежищем, нежели гостиница. Страх подгонял

Русского, и до монастыря он добрался довольно быстро. Тяжелые ворота, однако, уже были заперты на ночь. Илья Константинович принялся яростно стучать кулаками в окованные доски. На стук в маленькое окошечко выглянул уже знакомый Илье Константиновичу монах, которому Далай-лама поручил открыть путешественнику третий глаз. Радостно улыбнувшись, он показал Русскому сложенный трубочкой язык и торопливо отпер ворота. Видимо, ему ужасно хотелось проверить на ком-то свое умение хирургически открывать дополнительные глаза.

— Решился? — по-английски спросил он и крепко взял Илью Константиновича за руку. — Не бойся, это не больно!

Ворота с лязгом захлопнулись за ними.

— Ну что? — спросил все тот же коренастый преследователь, появляясь из бамбуковых зарослей. — Биатлоном, говоришь, занимался? Пять пуль из шести, говоришь, в десятку клал? Бамбук ты! Сказал бы я тебе, что и куда ты клал! Да и сам бы положил!

Долговязый вышел из-за стены маленькой скобяной лавки, поглядел вслед процессии и недоуменно развел руками.

— Затмение нашло, братан. Не мог я промазать с такого расстояния, честное слово, не мог! Нет, братила, кто-то ему ворожит. И ворожит крепко.

— Просто ты стрелять не умеешь! — возразил коренастый.

— Я не умею?! — Долговязый выхватил из-за пазухи пистолет и навскидку выпалил в сторону монастырской стены. Раздался короткий сдавленный вопль, и на землю безжизненным мешком плюхнулся монах в алых одеяниях, оказавшийся излишне любопытным или просто любовавшийся со стены изумительным пурпурным закатом.

— Ну?! — победно сказал долговязый. — Будешь по-прежнему утверждать, что я стрелять не умею?

— Стрелок! — презрительно бросил коренастый. — Ты лучше подумай, как нам его теперь из монастыря выманить!

— Пошли в гостиницу, — предложил коренастый. — Там этот официант сегодня работает. Я видел, как он с ним чирикал днем. Может быть, официант что-нибудь знает?

На прямой вопрос, как незаметно пробраться в монастырь, бывший послушник Адольф Миллер ответил сразу и не менее прямо:

— Штука баксов, и считайте, что вы в покоях самого Далай-ламы!

— Далай-лама нам без нужды, нам его не заказывали, — возразил долговязый. — Нам бы в подвалы монастырские пробраться. За бытом понаблюдать. Ста баксов хватит?

— Шестьсот, — непреклонно ответил несостоявшийся буддийский монах и поджал тонкие губы, показывая тем самым, что дальнейший торг неуместен.

Долговязому преследователю это понравилось, он восхищенно выругался и раскрыл бумажник, доставая валюту.

— Рупиями и юанями возьмешь? — озабоченно спросил он, видя, что долларов не так уж и густо. — Могу рублями.

— По курсу, — твердо сказал Миллер. — А рублей вообще не надо.

Через несколько минут ожесточенного торга выяснилось, что Адольф имел в виду курс старинного Шанхайского банка, а курса московской межвалютной биржи вообще не знал, и даже вырезка из газеты «Известия», предъявленная коренастым, его абсолютно не убедила.

Глава 8

Размеренность монастырской жизни быстро наскучила Илье Константиновичу Русскому. Он жил в келье, над которой висел небольшой плакатик с надписью, на слух звучащей как «Лха дре ми шо-нанг-шиг», что в переводе означало

буквально «Да будет одинаковым поведение богов, демонов и людей».

Маленький монах, которого звали Там-Пон, готовил Русского к операции. Часами рассказывал, какие возможности он получит, когда станет обладателем третьего глаза, приводил примеры из жизни различных лам и даже намекал на некие сверхъестественные способности, которые Илья Константинович обретет, если проникнется к нему абсолютным доверием.

Жизнь в монастыре шла по заведенному распорядку. Прожившему в нем три дня Илье Константиновичу казалось, что он живет в монастыре всю свою жизнь, а случившееся с ним прежде было не более чем фантастическим сном — вроде того, что приснился однажды маленькому мотыльку. Кормили в монастыре цампой и чаем. Чай был хорош, но цампа стояла комом в горле несчастного бизнесмена.

«Слезой горбушку поливая, свои несчастья я считал и ждал, когда земля сырая...» Четвертая строка никак не давалась, и Илья Константинович с отвращением отбросил грифель и вошеную дощечку. «Боже мой! — подумал он с отчаянием. — До чего я дошел! Писать стихи начал! Бежать надо, бежать!» Но бежать было некуда. С тоски и безделья Илья Константинович даже принялся рисовать на вошенной дощечке свой дальнейший маршрут. Возвращаться назад смысла не было. Идти вперед — значило добираться до Дакки. Оттуда, как на то указывали атласы, начинался цивилизованный мир.

На четвертый день Илья Константинович осмелился выйти во двор.

На монастырском дворе царила суматоха: монахи готовились к запуску змея. Сегодня был подходящий ветер, и монахи спешили воспользоваться благосклонностью неба. Уже приготовили камень, к которому была привязана шелковая ката с молитвой, обращенной к божествам ветра и воздуха. В критических обстоятельствах достаточно бросить камень — ката разворачивалась и божества получали возможность оз-

накомиться с молитвой. Сейчас монахи тщательно проверяли сосновые доски и ткань воздушного змея.

Змей имел форму коробки более трех метров в любом направлении.

Наконец проверка завершилась, и монахи с песнопениями потянулись на зеленое травяное плато рядом с монастырем. Илья Константинович пошел вслед за ними. Ему хотелось увидеть, как монахи летают на змее. Рассказов о героических буддистских пилотах он наслушался достаточно во время своего вынужденного затворничества.

Неосторожность оказалась роковой. Увлечшись наблюдениями за приготовлениями монахов, Русской не сразу заметил грозящую ему опасность. А опасность была уже довольно близко и представляла собой двух мужчин в европейских костюмах, которые приближались к месту запуска змея. Илья Константинович похолодел. По спине медленно побежали капельки пота. Он затравленно огляделся и выругал себя за беспечность. Добежать до монастыря он явно не успевал, подстрелят на середине пути. Бежать от монастыря было еще глупее, два охотника не дадут ему уйти далеко. Оставалась третья возможность, и она была единственной. Илья Константинович подбежал к воздушному змею, уже готовому пуститься в опасный воздушный полет. На его счастье, пилот еще не успел занять свое место, и это место занял Русской. Монахи добродушно отговаривали иностранца от ненужного риска, но Илья Константинович уже привязался к змею. Монахи пожали плечами, руководитель полетов одобрительно похлопал Русского по плечу и гортанно прокричал указание.

Тибетские лошади пустились в галоп. Змей застонал, дернулся, вырываясь из рук монахов, и поплыл над землей, медленно, но неотвратно набирая высоту. Илья Константинович закрыл глаза, а когда открыл, то на мгновение перестал испытывать страх. За белоснежными горами расстилалась земля цвета хаки. Обнаженные серо-коричневые скалы густо

поросли изумрудным лишайником. Лучи солнца превращали воды далекого озера в расплавленное золото. Змей вилял.

Илья Константинович посмотрел вниз и увидел на изумрудном травяном ковре многоцветную толпу монахов. Откуда-то сбоку к ней подбегали с криками две черные фигурки. От монастыря бежал монах, потрясая крошечными забавными кулачками. Это был Там-Пон, так и не успевший освободить Русскому третий глаз.

Судя по движениям рук, Там-Пон посылал в небеса проклятия.

Высота увеличилась еще немного, потом змея дернуло, и Илья Константинович понял, что достиг предельной высоты, которую разрешал канат. Воздушного змея начали медленно опускать к земле, но это не входило в планы Ильи Константиновича. Русской боялся высоты, но встречи с Там-Понем или наемными убийцами боялся еще больше. Достав из кармана многофункциональный офицерский швейцарский ножик, Илья Константинович открыл лезвие и собрался с духом. Внизу его определенно ждала смерть, свободный полет змея означал ту же смерть или возможное спасение. Стиснув зубы, Илья Константинович начал резать канат. Это оказалось нелегким делом.

Вначале он проклинал швейцарцев, которые делают такие тупые ножи, затем принялся проклинать свою тупость, не позволившую ему захватить из монастыря более острый нож. Но мало-помалу канат поддался и полетел вниз длинной темной змеей. Воздушный змей вздрогнул и на секунду снизился, заставив Русского ощутить смертельный озноб, но тут же начал медленно набирать высоту, унося бизнесмена в горы. Немедленно змей стал игрушкой ветров, и Илья Константинович поторопился бросить камень, для того чтобы развернулась ката с молитвой. Но то ли молитва была написана с орфографическими ошибками, то ли боги воздуха и ветра не умели читать, только ката бесполезно моталась под змеем, который уже крутили взбешенные воздушные потоки, заставляя Илью Константиновича вспомнить строки ге-

ниального барда Владимира Семеновича Высоцкого: «...и обжигали щеки холодной острой бритвой восходящие потоки...» Потоки и в самом деле обжигали не только щеки, но и душу Ильи Константиновича. Воздушный змей кувыркался в небесах, удаляясь от монастыря все дальше и дальше.

Долговязый преследователь растолкал монахов, поднял канат и внимательно изучил размочаленный швейцарским ножиком канат.

— Лихо он от нас ушел, — сказал долговязый. — Ну и где его теперь искать?

— Найдем, — бодро отозвался коренастый. — Теперь я его, козла, из-под земли достану!

— Ты потише, — опасливо огляделся долговязый. — За козла и в Тибете ответить можно!

— Если бы ты не промазал тогда, — начал было коренастый, но прервался и порывисто махнул рукой. — Только покойника спортил!

Неподалеку, тоскливо раскачиваясь, в обнимку с электродрелью сидел печальный китаец. Глядя в небеса, он что-то шептал, словно уговаривал себя не волноваться.

— Видишь? — толкнул коренастого долговязый. — Не один ты переживаешь! Чего переживаешь, отец?

Выслушав ответ китайца на ломаном английском, он повернулся к коренастому.

— Жалее, — сообщил он. — Глаз он какой-то открыть нашему клиенту не успел.

— А мы оба закрыть не успели, — уныло сказал коренастый. — Ладно, пошли хоть келью его, пока все в трансе, обыщем. Может быть, следы какие найдем. Деньги еще у этого немца забрать надо, — озабоченно добавил он погодя. — Все равно его услуги не понадобились.

— И как ты себе это представляешь? — ухмыльнулся долговязый.

— Волшебные слова надо знать, — хмуро заметил коренастый.

— Какие? Мол, битте-дритте, херр Мюллер, верните денежки? И пистолет ему под нос для вящей убедительности?

— Ну зачем так грубо? — пожал плечами коренастый. — Можно просто подойти к нему и сказать ласково: «Отдай деньги, козел!»

Где-то у горных вершин загрохотала снежная лавина. Долговязый инстинктивно пригнулся и прошипел:

— Тише ты!..

— Да знаю, знаю, — досадливо перебил его коренастый. — За козла и в горах ответить можно!

Между тем воздушный змей, к которому был привязан Русской, извилисто парил над изумрудной долиной, которая с высоты казалась узкой и недоступной. Среди каменных россыпей на дне долины текла голубая река, которая с небес казалось крошечным ручьем.

Покувыркавшись немного, змей потерял опору в воздухе и косо рухнул на камни. Если бы не случайная удача, вряд ли Илье Константиновичу довелось бы услышать приветствие его старого проводника по имени Го Мо Сек. Китаец прикрыл и без того узенькие глазки, сморщился и довольно сказал:

— Наконец-то добрался. А я-то да-а-а-вно жду. Чего, думаю, не идет?.. Прижился, что ли, в монастыре? А ты и прилетел. Что теперь, назад пойдем, в Чэнду?

— В Дакку ведем, — сказал Илья Константинович, срывая с себя остатки змея. — Дорогу знаешь?

Го Мо Сек прикрыл глаза, подумал немного и снова сказал:

— Далеко-о-о. Много рупий-юаней надо, однако яков придется брать, припасы мала-много покупать. До Тхимпху гор много, потом легче будет. Пойдем?

Илья Константинович опасливо посмотрел вверх, где края ущелья смыкались с пурпурными небесами. Однако! Высота была невероятная. Другой бы насмерть расшибся, а его словно боги берегли.

Отряхнувшись, он повернулся к терпеливо ждущему Го Мо Секу.

— Пошли, — сказал он. — Как у вас говорят, медленно идущий дойдет туда, куда бегун не доберется?

— Старая мудрость, — улыбнулся китаец, показывая редкие желтые зубы. — Сейчас так говорят: пешком — полжизни, а «боингом» за час.

Глава 9

Поезд медленно постукивал колесами на стыках.

Молодой человек, сидящий рядом с Русским, беспокойно комкал большой желтый платок. Видно было, что молодой человек нервничал и переживал.

— Вы не поэт? — нерешительно поинтересовался он на довольно хорошем английском. «Все-таки не зря колонизаторы владычествовали в Индии столько лет, — одобрительно подумал Илья Константинович. — Вот и народ изъяснялся вполне понятно и доступно».

— Да как вам сказать, — беззаботно сказал он. — Все мы немножечко поэты в душе.

Молодой человек заметно помрачнел.

— Танцами или музыкой увлекаетесь? — поинтересовался он.

— В хорошей компании... — Илья Константинович махнул рукой.

— То есть не профессионально? — обрадовался молодой человек.

— Это как сказать, — задумчиво прикрыл глаза Русской. — Если это, дорогой мой, бабки хорошие приносит или иную выгоду, то почему же не спеть или, скажем, сплясать? Любой труд почетен, лишь бы оплачивался по высшим ставкам.

Молодой человек неловко спрятал платок в боковой карман куртки.

— Маслом торгуете? — уже почти недружелюбно спросил он.

— И маслом, — согласился Русской. — Сливочным там или подсолнечным... А вы что, знаете, где можно выгодно взять большую партию?

Молодой человек смотрел на Русского как-то странно, наверное, так смотрит кобра на потенциальную закуску.

— Может, вы еще и белье стираете? — брезгливо спросил он.

— А как же, — сказал Русской. — У меня во Владике три прачечные. Недурную прибыль приносят, надо сказать.

Молодой человек издал горлом неясный звук, торопливо встал и, не прощаясь с собеседником, почти выскочил из купе. «Вот чудак! — проводил его взглядом Русской. — Бизнесмена никогда не видел? Всполошился, как почтовый голубь. Да и вопросыки у него...» Русской мягко улыбнулся и снова начал смотреть в окно.

За окном поезда медленно тянулись плодородные земли Индии, еще не отвоеванные у джунглей. К индийцам, населявшим чудесный полуостров Индостан, у Русского было двоякое чувство. Приятно вспомнить, как однажды он обул фирму «Бомбей Вишнутрейдинг» почти на миллиард рупий. Или мадрасских антикваров. Тоже неплохая вышла сделка. Вместе с тем в душе Ильи Константиновича не заживала рана воспоминаний о том, как расторопный индийский умелец из Дели при заключении контракта на поставку стирального порошка облегчил счета возглавляемой Русским фирмы на кругленькую сумму, которую Илья Константинович не назвал бы даже менту или налоговому инспектору, поскольку и приобретения, и утраты на тернистом пути предпринимательства были коммерческой тайной. А она, сами понимаете, куда выше личной.

После долгих и мучительных странствий в горах с китайским проводником Го Мо Секон приятно было путешествовать в комфортабельном купе поезда, следующего из Дакки в

Калькутту, откуда через Нагпур и Бомбей Илья Константинович рассчитывал добраться до Карачи. В свое время он занимался поставкой обогащенного урана пакистанским ученым и не без оснований надеялся, что в Карачи ему могут помочь определенные спецслужбы. Нет, вы не подумайте, шпионом Илья Константинович никогда не был. Он занимался честным бизнесом. В конце концов, каждый зарабатывает как может. Иной раз простые люди кричали, что Русской и ему подобные — преступники, что они ограбили весь народ, присвоив себе чужие деньги. «У тебя лично они были? — интересовался Илья Константинович у говоруна и, получив отрицательный ответ, замечал: — Ну вот, чего ж ты тогда орешь? Нет у меня твоих денег, мне свои девать некуда!» Если на продаже урана можно было что-то заработать, должен же кто-то был продавать этот уран? Но не пошлешь ведь заниматься этим ответственным делом тракториста Васю из колхоза «Красные Гнилушки», вот и приходилось таким, как Илья Константинович, взваливать на себя тяжелый и опасный труд, который к тому же не поощрялся почему-то ни одним государством мира.

Илья Константинович посмотрел в окно. Джунгли подступали к железнодорожному полотну так близко, а поезд шел так медленно, что видно было, чем занимаются обезьяны на деревьях. А у обезьян или был брачный период, или они читались Камасутры, но вели себя несдержанно и предосудительно. Даже попугаи негодуяще кричали на ветвях деревьев и закрывали глаза, чтобы не видеть сексуальной обезьяньей вакханалии.

В купе вошел буддийский монах и сел прямо на пол, неестественно скрестив босые ноги. Он был неподвижен, и Илья Константинович догадался, что монах сидит в знаменитой позе лотоса и пытается достичь легендарной нирваны. С уважением он принялся разглядывать монаха, и тут оказалось, что лотос лотосом, но поза та отнюдь не способствует удобному передвижению: поезд резко притормозил, и монах с воплем врезался головой в свободное сиденье. Некоторое

время он потирал голову и что-то яростно бормотал на своем индийском наречии, и Илья Константинович встревожился, уж не насылают ли монахи проклятия на неосторожных машинистов, но потом с облегчением догадался, что никаких проклятий ни на кого монахи не насылают, а просто матерятся на санскрите.

Поезд снова тронулся, и монахи принялись собирать свои конечности в кучу, упрямо направляя сознание на достижение загадочной нирваны.

Илья Константинович отвернулся и начал смотреть в окно. Напротив окна медленно проплывало толстенное дерево, на ветви которого уютно устроился пятнистый мрачный удав метров двенадцати длиной. Удав посмотрел неподвижными желтыми глазами, высунул длинный раздвоенный язык, и Илье Константиновичу показалось, что удав тяжело вздохнул. К счастью, поезд уже набирал скорость, и Илья Константинович даже особенно испугаться не успел.

Для восстановления душевного равновесия он выпил рюмку купленного в привокзальном баре коньяка, еще немного поглазел на оттягивающегося монаха и прилег, задумчиво глядя в потолок. От преследователей он оторвался. Путешествие по горам и долинам было не только опасным и трудным, оно отняло столько сил, что даже вспоминать о всех его деталях не хотелось. Вряд ли наемные убийцы найдут его след на зеленой траве и коричневых гранитных и мергелевых глыбах. А следов он, слава Богу, не оставил... Не оставил? Илья Константинович вспомнил вощеную досочку, на которой в келье чертил свой дальнейший маршрут, и заснонал от бессильной злобы на самого себя. Как же, не оставил! Сам им все нарисовал, даже названия населенных пунктов написал. «Ловите меня, хватайте меня, стреляйте меня!» Идиот!

Илья Константинович был бы еще самокритичнее, если бы знал, чем была вызвана остановка поезда. А вызвана она была тем, что машинисты обнаружили поперек рельсов толстый ствол дерева. Как известно, поезда от этого сходят с

рельсов. Машинистам это было известно точно, поэтому они повозились, убирая свежесрубленное дерево с пути своего локомотива. А пока они выбивались из сил, на крышу последнего вагона высадился десант из двух человек. Разумеется, один из них был коренастым и плотным, в то время как другой — долговяз и худ.

— Ништяк, — сказал коренастый. — Гадом буду, что он едет в этом поезде.

— Посмотрим, — неопределенно отозвался долговязый. — Ты уже мне всякое говорил, а на деле совсем другое выходило.

— Я? — Коренастый возмутился. — А кто в него на улице с трех метров не попал? Крокодил индийский?

— Ладно, — примирительно сказал долговязый. — Главное теперь — достать его. Я его, гада, голыми руками на азу порубаю.

Поднявшись на ноги, они принялись осторожно перебегать к следующему вагону. Над крышей этого вагона уже торчала чья-то смуглая и курчавая голова. Перепрыгнув на вагон, компаньоны увидели сидящего молодого человека в строгом темном костюме. Молодой человек, несомненно, был индусом, но воспитан не хуже истого британца.

— Добрый день, — сказал молодой человек по-английски. В руках он держал большой желтый платок, а глаза его смотрели на русских мафиози с надеждой и верой.

— Вы случайно не музыканты?

— У нас что — гитары в футлярах с собой? — удивился коренастый.

— Или мы тут сольфеджио изучаем?

— Ни Кришну ж ты мой! — радостно согласился молодой человек. — И маслом, конечно, вы не торгуете?

— Отвянь! — хмуро сказал долговязый. — Мы вообще ничем не торгуем, понял? Убийцы мы, наемные убийцы, понял?

— Какая честь! — восхищенно открыл глаза молодой индус. — Вы разрешите повязать вам на шею платок?

— Я тебе повяжу! — сказал коренастый. — Я тебе так повяжу, что ты у меня всю жизнь пионером себя чувствовать будешь! Отвали, я кому сказал, отвали, козел!

— А за козла... — начал долговязый привычно и захрипел, ощутив, как желтый платок туго сдавливает его шею. — Помох-хите! — зашипел он, взмахнув руками, и вместе с интеллигентным молодым индусом свалился с крыши вагона.

Коренастый обернулся, увидел пустую крышу и сразу все понял.

Выкрикивая нечленораздельные проклятия, он начал спускаться по лестнице на торце вагона, потом, видимо, сообразив, что может не успеть, разжал руки и исчез в густой траве. Индус-проводник, стоявший в тамбуре последнего вагона, увидел странную на первый взгляд, но довольно привычную для него картину: по шпалам вслед за поездом бежал молодой индус в темном костюме. На лице молодого индуса был написан ужас, лицо его было влажным то ли от пота, то ли от слез, а следом за ним бежали двое в спортивных синих костюмах — один из них, коренастый, как медведь Балу, держал в руке пистолет, второй, долговязостью своей схожий с удавом Каа, размахивал большим желтым платком. Проводник сам поклонялся богине Кали, поэтому он только ухмыльнулся в пышные усы и пробормотал удовлетворенно: «Догонят, братья, не могут не догнать!»

Между тем молодой индус почти достиг последнего вагона, готовясь запрыгнуть на подножку. Подняв голову, он увидел грузного усатого проводника, который держал в руках большой желтый платок и терпеливо ждал, когда убегающий от наемных убийц пассажир все-таки запрыгнет на ступеньку. Молодой индус испуганно вскрикнул, сделал сразу всем непристойный жест и бросился в джунгли, где он легко мог сделаться жертвой хищного зверя.

Глава 10

Калькутта Илье Константиновичу не понравилась, как только может не понравиться москвичу провинциальный город Урюпинск. Город был большой, но грязный и шумный.

На центральной площади сидел голый и лысый индус в позе лотоса. Глаза его были закрыты, на лице написана полная отрешенность от всего происходящего. Казалось, спустись сейчас с небес сам Вишну или Шива-Дестроер, индус бы и пальцем не пошевелил: погрузившись в самосозерцание, он отыскивал бога в самом себе, что ему было до пришлых богов, с самим бы собой разобраться.

Побродив по городу, Илья Константинович с досадой обнаружил, что до отлета самолета на Бомбей по-прежнему остается несколько часов, которые нужно как-то скоротать. В кино идти не хотелось, да и не высидел бы Илья Константинович три часа на фильме, где говорят и поют на незнакомом языке. В бар Русской заходить опасался: тут было два варианта — или в стельку надерешься от одиночества, или с кем-то познакомишься и тогда снова надерешься, но уже за компанию. Он снова вышел на площадь. Медитирующий индус сидел в прежней позе. Илья Константинович посидел рядом с ним на корточках, потом попытался уколоть индуса заколкой значка. Медитирующий не пошевелился. Илья Константинович достал из кармана новенькую двадцатидолларовую купюру и похрустел ею перед носом индуса. Тот и глаз не открыл — похоже было, что разбирался он лишь в хрусте рупий, а на незнакомую купюру даже не реагировал.

— В кайфе он, — объяснил Русскому какой-то мордастый турист в черных очках на чистом русском языке. Турист был в сетчатой майке с надписью «Пошлем Ельцина в Катманду!» и шортах, открывающих полные волосатые ноги. На голове у русского туриста была бейсболка, на ногах желтели резиновые пляжные «шлепки», на груди чернел фотоаппарат, на толстой шее вызывающе поблескивала массивная цепь. В дополнение ко всему турист безостановочно жевал жвачку. — Я уже повсякому пробовал, даже финарем его, мудилу, кольнул. Веришь, он и рогом не пошевелил!

Илья Константинович выпрямился.

— Русский? — недоверчиво и с некоторым испугом спросил он.

— А что я, братан, на шведа похож? — обиделся турист и сунул Русскому мясистую полную ладонь. — Хилькевич Жора, из Мурманска я, может, слышал?

Про Мурманск Илья Константинович, разумеется, слышал, а о существовании нового русского Жоры Хилькевича, к счастью для последнего, даже не подозревал. Пожав потную руку, он представился, но фамилии не назвал, как и города, откуда приехал. Береженого Бог бережет!

— Ты давно в городе? — поинтересовался Хилькевич и, узнав, что Илья Константинович только приехал, очень обрадовался. — Ну, братила, тебе повезло. Я уже весь город облазил, все кабаки изучил. Телки здесь дешевые, гроши стоят. А уж мастерицы! — Хилькевич закатил глаза и поцокал языком. — «Камасутру» наизусть знают. Ты в каком отеле остановился? Сколько у него звездочек? Я в гостиницах ниже пяти звездочек и номера смотреть не хочу. На реке был? Потрясно, братила! Там тушеную оленину подают. Я на прошлой неделе почти пол-оленья в одного умял, клянусь!

Он снова посмотрел на неподвижного йога, торопливо глянул по сторонам и довольно сильно ткнул сидельца ногой в копчик. Йог даже не пошевелился.

— Видал? — гордо сказал Хилькевич, словно устойчивость йога была его личным достижением. — А ему хоть бы хны, понял? — Он вытер пот с багрового мясистого лица и спросил Илью Константиновича: — Ну что, по пивку за знакомство?

— Рад бы, — сказал тот. — Только, понимаешь, мне еще договор на поставки подписать надо. Может, вечером увидимся?

— Быкуешь, Илюша, — упрекнул его обладатель золотой цепи. — Какие могут быть дела за бугром? Ладно, подваливай к семи в отель «Белый слон», там в кабаке таких омаров подают, пальчики оближешь! Ну, салют, братила! — И Хилькевич, сняв очки, медленно поплыл по многолюдной площади, рассекая людской поток, как атомный ледокол в Арктике рассекает льдины. На индусов он смотрел с высокомерным небрежением.

Такой взгляд Илья Константинович видел только у верблюда в Московском зоопарке: размышляющий такой был взгляд — плевать или погодить?

Илья Константинович выпил стакан ледяной кока-колы, с тоской посмотрел на часы. Минутная стрелка двигалась еле-еле, а часовая вообще стояла на месте. Он прошел к стоянке желтых такси, взял свободное и машинально сказал водителю по-русски:

— Отвези меня к реке!

— Земляк? — Водитель обернулся, и в его смуглом загорелом лице проглянуло что-то рязанское. — А я уж думал, что ты из Европы.

— А почему не из Америки? — удивился Русской.

— Наглости в тебе ихней нет, — словоохотливо объяснил водитель, выезжая с площади. — Не тянешь ты на штатовца. Те ходят, словно все здесь закупили, а ты идешь с достоинством, но бережливо.

— Ты-то как здесь оказался? — поинтересовался Илья Константинович, уже не удивляясь, что из двух заговоривших с ним в Индии оба оказались русскими.

— А я в Афгане в плен попал, — словоохотливо объяснил водитель. — Тогда меня Юрой Соколовым звали. Потом нас в Пакистан отправили, в лагеря, где моджахедов готовили. Там мусульманство принял, стал Ахмедом Абу Салимом. Грамоте ихней выучился, Коран читать стал. А как окрестили меня по-ихнему, я сюда перебрался. Машину я еще в Союзе водить начал, а здесь через Общество афганских мусульман корочки водительские получил, потом женился... — Он махнул рукой. — Сначала все домой тянуло. А тут у вас перестройка началась, газеты страшно открывать стало. Ну, я и остался здесь. А вы тут как — по делам или на отдых?

— Все вместе, — сказал Илья Константинович.

— Ну, как там сейчас, в Союзе?

— Спекся Союз, — нехотя ответил Илья Константинович. — Одна Россия осталась.

— Да знаю я, — печально сказал Ахмед Абу Салим, бывший когда-то двадцатилетним русским пареньком Юрой Соколовым. — Это я по привычке, уж больно жалко — какую страну просрали! — Он покачал головой и поинтересовался: — Вас куда: в ресторанчик речной или к Маугли?

— А что за Маугли? — заинтересовался Илья Константинович.

— Самый настоящий, — заверил водитель. — Только он теперь старенький, на пенсии уже. Но живет в джунглях.

— А пенсию ему государство платит?

— Почему государство? — удивился водитель. — Джунгли и платят. Натурой, конечно. Волки мясо приносят, обезьяны его фруктами балуют, слоны не забывают... В общем, не голодает старик. У него интересно. Телохранителями у него потомки тех самых Багиры и Балу, в советниках — удав. Туристов приезжает масса. Ты не поверишь, удав с корзинкой в пасти их обползает, а туристы ему отстегивают. А что ты хотел — национальный герой джунглей! Ну что, к Маугли?

— Нет, Юра, давай в ресторанчик, — с некоторым сожалением отказался Илья Константинович и очень кстати вспомнил предложение мурманского быка. — Времени маловато, только пивка вот холодненького попить. У нас там сейчас тоже несладко: люди на пенсию идут, а платят им тоже джунгли. Или совсем никто не платит. Нашим пенсионерам такого бы удава!

— Вы местного пива не берите, — предупредил водитель. — Оно у них как моча. И баночного тоже не берите, там одни консерванты. Если уж брать, то немецкое, бутылочное.

Верное решение принял Илья Константинович. В этом он убедился, вдохнув речную прохладу и сделав первый глоток ледяного баварского пива. К такому пиву изумительно подошел бы копченый лещик или, на худой конец, вобла, но в здешних водах такая рыба, видимо, не водилась, и пришлось удовольствоваться вареными креветками и солеными орешками, пусть и не то — но все равно в кайф!

По реке плыли странные дымящиеся плоты с полуобгоревшими гирляндами из живых цветов. Вокруг этих плотов весело резвились местные крокодилы. На плотях явно что-то лежало, иной раз Илье Константиновичу казалось, что лежат там люди, и он мог биться об заклад, что дважды видел откинутую человеческую руку. А может быть, тут отдыхали какие-нибудь священные крокодилы и плоты с гирляндами сооружались именно для них? Сам Илья Константинович этого так и не понял, а спрашивать у редких местных жителей, сидящих в ресторанчике, посчитал бестактным.

Он даже не догадывался, что на одном из плотов мимо ресторанчика проплывали его преследователи.

— Ну! Ну же! — шипел коренастый. — Стреляй, снайпер хренов, стреляй!

— Да погоди ты! — сквозь зубы ворчал долговязый. — Ракурс неудобный. Промазать могу!

— Раком ему неудобно, — зло плюнул в воду коренастый. — Смотри, как бы крокодилы тебе чего не скусили. Откусить не откусят, а скусить запросто могут!

— Свое береги, юморист хренов, — поднял голову долговязый. — Куда стрелять? Не видишь, к нему кто-то подсел!

— А ты обоих мочи, — посоветовал коренастый. — Какая разница, пусть оба перед своими богами предстанут. Все равно они у них разные!

— Нет, — долговязый с сожалением отложил винтовку, — не попасть. Ракурс не тот.

Рядом что-то всплеснуло, вскинулась над плотом хмурая крокодилия морда, и пасть с разнокалиберными треугольными зубами загребла винтовку с плота, лишая наемных убийц спецсредств для выполнения заказа. По своей близорукости крокодил, видимо, полагал, что урвал что-нибудь вкусненькое, но лишь на середине реки узнал о своей ошибке. Он выплюнул винтовку, винтовка, блеснув стволом, взвилась над спокойной поверхностью и канула на глубину, оставив разбегающиеся по гладкой поверхности круги.

— Вот козел! — досадливо плюнул коренастый.

— Тише. — Долговязый перевернулся на спину, закурил сигарету. — За козла и в Индии ответить можно.

А за столик Ильи Константиновича между тем действительно подсел приятный молодой человек, из верхнего кармана куртки которого выглядывал краешек желтого платка.

— Вы не инвалид? — поинтересовался он.

— Кто из больных может чувствовать себя абсолютно здоровым? — благодушно ответил вопросом на вопрос Русской. — Экология никудышная, все загажено так, что почки и печень работать отказываются, а про сердце вообще говорить страшно.

Молодой человек вздохнул, как показалось Илье Константиновичу — сочувственно.

Помолчали.

— Плотницким делом не увлекаетесь? — снова поинтересовался молодой человек.

Русской подумал.

— Не так чтобы очень, — признался он. — Но приятно порой посидеть на табуретке, излаженной собственными руками.

Молодой индус помрачнел.

— А улицы подметать вы не пробовали? — с явным сарказмом поинтересовался он.

— А вы что, желаете предложить мне работу? — Русской внимательно оглядел собеседника.

Молодой индус вскочил. Лицо его исказилось. Он прощептал что-то непонятное и, вскочив со стула, почти выбежал из кафе. Русской проводил его взглядом. «Больной, наверное, — решил он. — А жаль. С виду очень даже приятный молодой человек».

Он посмотрел на часы и решительно поднялся. Пора было ехать на аэровокзал. Через час отлетал самолет в Бомбей.

Глава 11

В аэропорту ничего чрезвычайного не произошло, но Русской почувствовал себя в безопасности только на борту самолета. Привычная предполетная лихорадка овладела им. Илья Константинович откинулся в кресле, прикрыл глаза и наконец расслабился. Он всегда боялся полетов, но, опасаясь насмешек, никому об этом не рассказывал.

Самолет медленно вырубивал на взлетную полосу.

Следуя командам пилота, Илья Константинович пристегнул ремни, проверил наличие гигиенического мешочка и откинулся на спинку сиденья. Рядом сидел бородатый индус лет тридцати пяти, в белой чалме и темном костюме. Шея индуса была повязана большим желтым платком. На левом уголке платка была изображена странная многорукая женщина, одетая в шкуру черной пантеры. На шее у многорукой висело ожерелье из черепов, в двух руках она держала отрубленные головы, похожие на кочаны капусты, в одной руке был меч, а еще в одной — кривой нож. Судя по всему, это было какое-то буддистское божество. Платок показался Илье Константиновичу знакомым, но где он уже видел его, Русской так и не вспомнил. Индус искоса поглядывал на Русского, словно хотел завести с ним беседу, но не решался. Лететь было далеко, и, чтобы не скучать в дороге, Илья Константинович сам решил наладить общение.

— Далеко летите? — по-английски поинтересовался он.

Индус посмотрел на Русского выпуклыми и печальными, как у лошади, глазами, потрогал рукой платок и приятно улыбнулся.

— В Бомбей, — ответил он. — Господин — путешественник?

— Можно сказать и так, — легко согласился Илья Константинович.

— Сикх? Англичанин? Американец? — спросил индус.

— Русский, — признался Илья Константинович. — Ра-шен ун зовьет унион.

— Ах как интересно! — воскликнул индус и снова потрогал свой платок. — Фокусами не увлекаетесь? — спросил он. — Может, вы, случаем, факир?

— Какой из меня факир? — засмеялся Илья Константинович. — С моей ли комплекцией по канатам лазить или змей укрощать? Да меня к вашим кобрам и на аркане не подтащишь. И высоты я боюсь.

Индус снова погладил платок и придвинулся ближе. От него приятно пахло какими-то благовониями.

— Кузнечным делом не увлекаетесь? — с интимным придыханием и почти нежно поинтересовался он.

Илья Константинович засмеялся.

— Не мое это дело — молотом махать! — весело сказал он заулыбавшемуся собеседнику и признался: — Бизнесмен я. Купец, понимаешь?

Индус вздрогнул, нахмурил брови и чуть отодвинулся.

— Маслом торгуете? — поинтересовался он, как показалось Илье Константиновичу — тревожно и с каким-то душевным надрывом.

На этот раз Русской вспомнил, откуда ему знаком желтый платок. Такой платок он видел у собеседников в поезде и в ресторанчике на реке. Помнится, там их владельцам тоже почему-то не нравились занятия Ильи Константиновича, они даже убегали, невежливо обрывая беседу. Слава Богу, сидящий рядом индус был постарше, а значит, и поумнее. Да и бежать из самолета на высоте семи тысяч метров довольно затруднительно.

— Я больше по компьютерной технике и, сами понимаете, по автомобилям специалист, — сказал он. — Время сейчас такое. А что вы все время платочек поглаживаете?

Индус посмотрел на платок так, как смотрят на любимую женщину.

— Это священный платок, он называется румал, — сказал индус. — Мне его вручила сама богиня Кали. Вы слышали про богиню Кали?

Илья Константинович смущенно развел руками.

— Я в вашей религии не силен, — сказал он. — Вишну там, Будда... Это я еще понимаю. Сам с Далай-ламой лично знаком. А о Кали и не слышал никогда. Это что, жена какого-нибудь бога?

Индус улыбнулся.

— Она жена каждого, кто достоин ее, — ласково и воодушевленно сказал он. — А я ее верный фанзигар.

— Поздравляю, — сказал Илья Константинович. — Вы, наверное, из Калькутты?

— Я родился на Цейлоне, — сказал индус. — В деревне Ботасгата. Но Кали приказала, чтобы я ехал на материк. Я должен прославить ее имя. Все мы в деревне живем ради нашей богини.

«Прямо Дон Кихот какой-то, — подумал Илья Константинович. — Как там, в оперетке, пелось? «Очень много алой крови за прекрасных льется дам». Он еще не подозревал, насколько близок к истине.

— Давно фанзигарите? — прервал молчание Русской.

— Со дня совершеннолетия, — сказал индус и неожиданно предложил: — А вы не хотите поучаствовать в нашем обряде? Очень интересное и поучительное зрелище.

— Думаю, что это было бы интересно, — вежливо сказал Илья Константинович. — Но у меня совсем нет времени. Я с самолета прямо на пароход.

— Много времени это не займет, — настаивал фанзигар. — Наш обряд можно справить по дороге из аэропорта. Вам понравится.

— Прямо в такси? — удивился Русской.

— Зачем в такси? — теперь уже удивился фанзигар. — В аэропорту меня будет ждать машина.

— Ну хорошо, хорошо, — сдался Русской. — Я согласен, если вы меня потом доставите в порт.

Фанзигар согласился и попросил у Ильи Константиновича разрешения повязать ему на шею желтый платок.

— В знак уважения? — уточнил Русской.

— В знак того, что вы понравились Кали, — поправил его фанзигар.

С платком на шее Илья Константинович отправился к бару и заказал рюмку коньяка.

— Конечно, это не мое дело, — сказал бармен, наливая рюмку. — Но мне кажется, что ваш сосед — явный фанзигар.

— Самый настоящий. — Илья Константинович с удовольствием пригубил рюмку. — Он сам мне об этом только что сказал.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете, — заключил бармен, поворачиваясь к Русскому спиной. — Больше к стойке не подходите. Я людей с румалами на шее не обслуживаю.

Илья Константинович выпил коньяк и вернулся на место. Слова бармена внесли какое-то смятение в его душу. Он задумался. Чего особенного в человеке с платком на шее? Одни носят галстуки, другие в платках ходят. В конце концов, у каждого свои привычки!

Он покосился на соседа. Сосед был по-прежнему благожелателен и предупредителен. Прямо образец истинного джентльмена.

— Послушайте, — сказал Илья Константинович. — А эта ваша богиня, она хорошая?

— Она лучшая из всех, — с убежденностью фанатика отозвался фанзигар. — Она любит всех.

Несколько успокоенный, Илья Константинович задремал, а когда проснулся, самолет уже шел на посадку. Никто не курил, и все пристегнули ремни.

Новый знакомый не соврал. В аэропорту его ждала большая черная машина, которая показалась Русскому похожей на катафалк.

Впрочем, в салоне оказалось уютно, играл стереомагнитофон и было прохладно от работающего кондиционера. Пахло уже знакомыми Илье Константиновичу благовониями. Водитель грыз кусочек нерафинированного сахара.

Едва они отъехали от аэропорта, фанзигар учтиво попросил у Ильи Константиновича разрешения приступить к об-

ряду. Илья Константинович, выпивший в машине еще одну, теперь уже большую, рюмку превосходного коньяка, благодушно разрешил.

Фанзигар протянул руки и принялся спокойно и деловито душить Илью Константиновича надетым ему на шею желтым платком. Русской вырвался.

— Что вы делаете? — возмущенно и гневно завопил он. — Вы же меня задушите!

— Тише! — сказал фанзигар. — Не рвите румал. Богиня Кали не любит сопротивления. Разумеется, я вас задушу. А чего вы еще ожидали?

— Я — иностранец! — срывающимся фальцетом закричал Илья Константинович.

— Богине Кали это безразлично, — сказал фанзигар. — Она любит всех, независимо от национальности, расы, вероисповедания, пола и возраста.

— Да кто она такая, эта ваша богиня? — возмущенно заорал Русской.

Машина остановилась среди переплетенных лианами деревьев.

Фанзигар печально вздохнул.

— Жаль, что вы никогда не слышали о Кали, — сказал он. — Но я постараюсь развеять ваше дремучее невежество. Кали — богиня смерти. Вы же — обычная жертва, которую я сейчас принесу во имя ее. Ведь я всего лишь простой фанзигар, покорно выполняющий волю богини. Жаль, что вы не побывали в посвященном ей храме Калигхата. Он как раз находится в Калькутте, откуда вы летите. Это посещение открыло бы вам глаза. Ну ладно, времени у нас больше нет. Сидите спокойно, дайте мне затянуть румал. Иначе я позову на помощь водителя.

Илья Константинович непослушными руками пытался сорвать с шеи желтый платок. Убедившись в бесполезности своих попыток, он принялся судорожно искать ручку, открывающую дверцу машины с его стороны. Ужас переполнял его. Вот уж влип так влип! Прокатился, называется, по городу!

— Не дергайтесь, — сказал фанзигар, вновь протягивая руки. У него были длинные, цепкие, как у вампира, пальцы. — Не трогайте румал. Богиня Кали уже выбрала вас, и вы ей понравились.

Он снова принялся душить Илью Константиновича, но тут на его лице неожиданно отразилось удивление и фанзигар взялся за висок, откуда медленными толчками начала хлестать кровь. Водитель, быстро сообразив, что в их с фанзигаром планы вкрались нежелательные изменения, открыл дверцу и немедленно исчез в переплетении джунглей. Последним усилием Илья Константинович сорвал с себя желтый платок, истово перекрестился и стремительно последовал за водителем. Разрывая лианы и спотыкаясь о пеньки, Русской бежал прочь, а потому не увидел, как к покинутой им машине подошли двое с пистолетами на изготовку.

— Ты что, ошалел? — спросил коренастый, глядя на мертвого фанзигара. — Какого хрена ты начал стрелять? Он бы нашего клиента придушил, и мы уже сегодня были бы на пути домой. Чего ты вмешался, блин? Опять всю малину испортил!

Долговязый пожал плечами:

— Сам не пойму. Обидно мне стало, что нашу работу какой-то местный фанатик выполнит.

— Обидно ему, — сказал коренастый. — А клиент опять смылся! И где мы его теперь искать будем? В этих джунглях легче удава найти или на кобру напороться.

Долговязый снова пожал плечами.

— Найдем, — сказал он. — В Бомбее мы его обязательно найдем!

Глава 12

Русской бежал, как загнанный заяц, — не разбирая дороги и не жалея ног. Дважды он с разбегу пересекал какие-то болота, но в памяти остались лишь оскаленные крокодилы

пасти, зеленые удавы глаза, раскачивающиеся капюшоны озверевших кобр — и то вполне вероятно, что это был бред. Весь в водорослях и переплетениях лиан Илья Константинович выбрался на дорогу и принялся голосовать, но водители при виде него лишь увеличивали скорость. Илья Константинович поглядывал на близкие джунгли, откуда в любое время могла явиться погоня, но, слава Богу, поблизости никого не было. Он уже отчаивался и поднимал руку скорее машинально, чем надеясь на то, что его подвезут. Мимо прошел красный «форд», водитель даже перекрестился, увидев нашего путешественника. С ревом промчался грузовой «мерседес». Не остановился старенький «мицубиси», пролетел мимо родной до слез «жигуль», оставив на сердце щемящую пустоту несбывшихся надежд.

Сзади кто-то завопил, заухал, топотно приближаясь. Илья Константинович обернулся и увидел страшного зеленого демона. Шкура на нем висела лохмотьями, морда была зеленая, клыки бело сверкали, вгоняя бизнесмена в дрожь. Он снова испуганно закричал и сорвался с места, время от времени оборачиваясь и ища глазами страшное индийское то ли чудище, то ли божество. Они пробежали половину расстояния до уже мерцающего вечерними огнями города, когда Илья Константинович сообразил, что состязается в беге с водителем черной машины. На душе стало легче, но не намного — от этого водителя всякого можно ожидать, более всего Русской боялся, что водитель вытащит чертов румал и снова примется душить его. Что еще ожидать от фанатиков, поклоняющихся богине смерти! И он наддал из последних сил, с удовлетворением отмечая, что окраины уже близки. В Бомбей они ворвались одновременно — Илья Константинович Русской и «мицубиси», которую он пытался остановить десяток минут назад. Водитель черного катафалка позорно отстал чуть ли не на километр.

Илья Константинович перешел на шаг и принялся приводить себя в порядок, срывая водоросли и выдирая из волос непонятно откуда взявшиеся репы. Бежать, бежать надо из

этой проклятой страны священных коров, обезьян, крокодилов и слонов, знающих наизусть «Камасутру»! Бежать! Бежать! В Карачи, как понимал Русской, путь ему закрыт. Похоже, его преследователи нашли вощеную досочку с маршрутом в келье тибетского монастыря. А может, и не нашли. Может, в этого... В фэригара стреляли вовсе не наемные убийцы, охотившиеся за ним, Русским? Мало ли может найтись врагов у человека, который любит душить ближних своих большим платком желтого цвета? Скажем, задушил кого-нибудь не того или, напротив, недодушил по небрежности? Всякое могло случиться. Может, Будде он надоел или эта самая Кали на него обиделась! Все могло быть, но рисковать не стоило. Береженого Бог бережет! Да хрен с ним, с финогаром этим, надо решать, куда отправляться дальше.

Илья Константинович подумал вдруг, что убийство поклонника богини Кали может быть приписано ему, и мысль эта Русскому очень не понравилась. «Дергать, дергать надо из этой гнусной страны!» Он остановился, поискал глазами скамейку, но не нашел и присел на корточки, доставая из внутреннего кармана атлас. Раскрыв его на Азии, Русской углубился в изучение континента. К туркам Илье Константиновичу не хотелось — жадный народ, за лиру удавиться готовы. Помнится, Русской пару лет назад технично кинул одного предпринимателя из Эрегли на партию кожаных курток. Куртки были так себе, кожа на них пошла довольно паршивая, и пришлось долго реализовывать их на привыкшем к качеству владивостокском толчке, но турок серьезно обиделся. Так серьезно, что бригаду курдов прислал во Владик. При воспоминании о курдах Илья Константинович испытал самые нехорошие чувства. Поганный народ эти курды и дерутся больно. Нет, Турция отпадала.

Отпадал и Иран с ихним аятоллой. Эти фанатики приговорили к смерти английского писателя Салмана Радиева за невинные стишки. А Русской их кинул на пару барж со стройматериалами. Причем аванс, что было приятно вспомнить, в обоих случаях получил. Так что Иран тоже отпадал. В Изра-

иль Илью Константиновича не тянуло. Во-первых, там опять была заварушка с арабами из Национального фронта освобождения Палестины, а во-вторых — и это было самым главным, — за приличную партию водки «Каганович» Русской до сих пор не расплатился и расплачиваться не собирался. Иудеям это, естественно, понравиться не могло. Израиль тоже отпал категорически и бесповоротно.

В Саудовской Аравии делать нечего — там пустыня и сухой закон. Да и с женщинами сложновато. За пьянство и прелюбодеяние вполне могут выпороть, вздернуть на дереве, а то и отсечь по старинке голову. После зрелых размышлений Саудовская Аравия тоже отпала. Хорош был своими безбрежными просторами Афганистан, но к русским шурави там все еще относились отрицательно, да и талибы голову поднимали. А хуже религиозных фанатиков, как Илья Константинович только что убедился, вообще ничего не бывает. Так и норовят придушить, отравить или голову отрубить. Но это еще полбеды. А беда в том, что в Афганистане могут в плен взять и выкуп потребовать. Пой после этого, что бедность не порок. Да — не порок, но большое неудобство. Угроза стать нищим была настолько нестерпимой, что Афганистан отпал немедленно. Про жаркую Африку Илья Константинович вообще слышать не хотел, поэтому по зрелому рассуждению у него оставался один путь — теплоходом через Баб-эль-Мандебский пролив и далее по Красному морю добраться до Суэцкого канала. В Каире и Александрии вполне можно затеряться, да и врагов у Ильи Константиновича там не было, никого он в Египте не обманывал, его самого там два раза прилично накололи, а из этого следовало, что египетская полиция претензий к нему не имеет. И это решило дело в пользу дружественных потомков фараонов, Ра их всех побери!

«Ах, Санек, Санек! — Илья Константинович вновь испытал праведное чувство гнева. — Ну, сволочь, дай только вернуться, ты у меня кровью умоешься!» Тут Русской вспомнил о том, что сам заказал Краба неведомому Диспетчеру и потому скорее всего не встретится с ним по возвращении, если вообще вернется. Если вернется...

Илья Константинович печально вздохнул, поднялся с корточек, спрятал атлас и проверил наличие денег и документов. Слава Богу, разрекламированный водонепроницаемый бумажник таковым и остался.

Паспорт, наличные деньги и золотая кредитная карточка остались в неприкосновенности. «Мы еще поборемся! — подумал злорадно Русской. — Нас голыми руками не возьмешь!»

В ближайшем супермаркете он купил все — от нового костюма до нижнего белья — и переоделся. Теперь он чувствовал себя более уверенно. Новая одежда добавила солидности и уважения к себе. Вызвав в магазин такси, он отправился в морской порт Бомбея, чтобы купить билет и отплыть в страну пирамид и мумифицированных фараонов.

В агентстве морского пароходства было уютно и прохладно. Миловидная индианочка выслушала Русского, сделала запрос по компьютеру и, очаровательно улыбаясь, сказала, что господину туристу удивительно повезло — на теплоходе «Джавахарлал Неру», отправляющемся в Италию через два часа, есть одна незанятая каюта первого класса, и если господин пожелает... Разумеется, Илья Константинович пожелал и уже спустя двадцать минут поднимался на борт теплохода.

— Сэр, — вежливо поприветствовал его стюард. — Ваш багаж, сэр?

— Я сам себе багаж, — буркнул Илья Константинович. Через некоторое время зловещая двусмысленность собственной шутки дошла до него и неприятно смутила.

— Сэр, — невозмутимо сказал стюард (похоже было, что на теплоходе он привык ко всему), — разрешите показать вам вашу каюту?

Против этого Илья Константинович не возражал. Он неторопливо зашагал за услужливым стюардом по палубе. Над теплоходом уже горели яркие южные звезды. Пахло солью и винной пробкой. На пирсе никого не было, и Русской от души надеялся, что на этот раз наемные убийцы потеряли его след.

* * *

Он ошибался.

Со стороны за ним наблюдали все те же двое преследователей.

— Что он теперь — в Италию намылился? — растерянно спросил долговязый.

— Да уж не во Владик, — язвительно сказал коренастый. — Что делать будем? Билетов-то у нас нет!

— Может, в матросы наймемся?

— А у тебя матросская книжка есть? — спросил долговязый. — Ладно, посиди немного, пойду позвоню Диспетчеру, указаний спрошу.

Через полчаса он вернулся мрачный и озабоченный.

— Ну? — встретил его коренастый. — Что сказал Диспетчер?

— А что он может сказать? — зло пожал плечами долговязый. — Поговоркой ответил. Сказал: «Назвался груздем — полезай в кузов!»

Коренастый был прагматиком.

— А ведь это мысль. В спасательной шлюпке и отсидимся, — задумчиво проговорил он. — Придется лезть. Жратвы бы купить, путь неблизкий!

— За жратвой я сейчас в супермаркет сбегаю, — деловито сказал долговязый.

Сумерки сгущались над океаном, а потому вахтенный офицер теплохода не заметил две крошечные фигурки, ползущие с пирса на корабль по швартовочному канату. На середине пути коренастый судорожно хихикнул.

— Ты что? — не оборачиваясь, спросил долговязый.

— Так, — выдохнул коренастый, перехватывая канат руками и ногами. — Мультфильм вспомнил. «Ну, погоди!»

Глава 13

Разумеется, на теплоходе играла музыка. «Джавахарлал Неру» уверенно рассекал волны Аравийского моря, держа курс на Аден. Молодежь оттягивалась в дискотеке, те, что

постарше, развлекались в меру своих сил и возможностей — мужчины просаживали деньги в корабельном казино, женщины прогуливались по палубам, благо погода таким прогулкам явно благоприятствовала: море было спокойным, и летучие рыбы, летавшие довольно высоко, иногда шлепались на палубы, вызывая легкую панику и любопытство. За кормой медно светилась луна. Она была такой огромной, что даже невооруженным глазом можно было заметить на ней кратеры, а в бинокль, пожалуй, был виден и американский флаг, установленный одной из экспедиций НАСА.

Илья Константинович сидел в своей каюте. Полной уверенности в собственной безопасности у него не было. Даже деликатный стук стюарда вызывал у Русского чувство тревоги и беспокойства, и он жалел, что нет при нем легкого оборонительного оружия типа автомата Калашникова или зенитного комплекса С-300. Но беспокоился он напрасно. Наемные убийцы, уютно расположившись под брезентом спасательной шлюпки, неторопливо поглощали гамбургеры и обсуждали, что им делать дальше.

— Мочить его надо, — авторитетно сказал коренастый. — Ночью, когда все спать лягут. Ночи жаркие, душные, никто иллюминаторы не закрывает. Прокрадемся — и не чешись, Вася! Делов-то, пару пуль в иллюминатор засадить!

Долговязый некоторое время раздумчиво жевал. Покончив с гамбургером, он покачал головой.

— Стратег, — презрительно бросил он. — А дальше что? В каюте обнаружат покойного русского, обшмонают корабль, найдут еще двух русских, едущих без билета. На кого падут подозрения?

Коренастый подумал.

— А мы ночью смоемся, — высказал предположение он. — Кончим клиента, спустим шлюпку и на веслах до Аравийского полуострова.

— Мысль, конечно, дивная, — согласился долговязый. — Только до Адена по прямой здесь больше трех тысяч километров. Ты, если хочешь, плыви, а я более удобного случая подожду.

Коренастый немного подумал. Видно было, что занятие это дается ему с определенным трудом.

— Так что ж? — спросил он. — Мы все время будем в шлюпке сидеть?

Долговязый пристально посмотрел на него.

— Хочешь, пойдешь и каюту первого класса займи. Можешь капитана заставить потесниться. А я уж здесь в засаде буду ждать.

Коренастый подумал еще немного и согласился.

— Ладно, — сказал он. — Я тогда посплю немножко, а ты подежурь.

Долговязый занял наблюдательный пункт, чтобы следить за палубой. Следить за пассажирами было бы совсем несложно, если бы не приходилось постоянно отвлекаться на коренастого, который так сладко спал, что своим храпом мог демаскировать шлюпочную засаду.

Время от времени долговязый приводил коренастого в чувство легким пинком, коренастый бормотал что-то нелестное о своем партнере, переворачивался на другой бок, и все начиналось сначала. Мало того, своим храпом он, кажется, начал привлекать акул. Долговязому показалось, что белосерые хищницы даже принялись подпрыгивать на манер дельфинов, чтобы таким образом увидеть, кто это так сладко храпит под брезентом. Слава Богу, что индийская команда по-русски не понимала и потому на храп россиянина не обращала внимания.

Утром следующего дня Илья Константинович позавтракал, надел свои знаменитые плавки со скалящимся впереди тигром и отправился к бассейну. В конце концов, даже если тебе угрожают киллеры, человек должен попытаться найти в путешествии что-то приятное. В бассейне на палубе первого класса русалками плескались блондинки, брюнетки, шатенки и даже рыжие. Их стройные фигуры могли удовлетворить самый взыскательный вкус. Воздержание в горах Тибета и Гималаев сделало Русского не слишком взыскательным, прав-

да, поплавав немного в голубоватой воде, Илья Константинович с горечью отметил, что его плавками здесь никого не удивишь.

Несколько разочарованный Русской вылез из воды и распростерся на нагретом шезлонге рядом с томно загорающей блондинкой неопределенного возраста. В зависимости от времени суток и выпитого спиртного ей можно было дать от восемнадцати до шестидесяти лет.

Блондинка не блистала умом, а потому охотно смеялась незатейливым шуткам волосатого араба, из шерсти которого можно было без труда связать для этой блондинки свитер. Араб, ободренный дамским вниманием, острил все острее и раскованней, с каждой шуткой подсаживаясь все ближе к объекту своего внимания. Через солнцезащитные очки Илья Константинович внимательно следил за тем, как развивается роман араба с блондинкой. Все шло к завершению, и темная лапа араба уже нависла над вожделенным белым и полным бедром проказницы, когда та неожиданно сняла шляпу и восторженно закричала по-английски:

— Смотрите! Смотрите! Это дельфины!

Ее крик вызвал оживление на борту, и Илья Константинович снял очки, чтобы внимательнее рассмотреть морских гимнастов, которые, согласно утверждениям доктора Лилли, не уступали в разумности многим представителям человеческой расы, а подавляющее большинство даже превосходили.

Крик этот разбудил коренастого. Испуганно рванувшись, он ударился головой о кронштейн крепления, хрипло бросил долговязому «Горим!» и попытался покинуть шлюпку, но долговязый успел его подмять под себя.

— Отвали от меня, противный, — бормотал коренастый. — Вот, блин, не знал, что ты такой испорченный!

— Молчи, дурак! — удерживал его долговязый. — Спалишь нас не за хрен собачий!

Между тем волнение на палубе перешло в панику. Буруны, сопровождавшие судно, расступились, открывая глазам наблюдателей нечто вроде копыта. Копыто порыскало из сто-

роны в сторону, стеклянно блеснуло в сторону теплохода, и океан расступился, выпуская на поверхность вначале узкую темную рубку, а затем и длинный узкий корпус подводной лодки.

Некоторое время подлодка двигалась в бурунах волн параллельно теплоходу. На палубе подлодки появились странные худые моряки в тельняшках. Некоторое время они разглядывали теплоход, потом, посоветовавшись, начали расчехлять пушку.

— Пираты! — с ужасом, переходящим в томное любопытство, взвизгнула блондинка.

— Экстремисты! — подняв вверх длинный и худой указательный палец, со знанием дела важно объяснил араб.

Теплоход замедлял скорость. На подлодке расплылось облако дыма, блеснула вспышка и ударил оружейный выстрел. На спокойной глади моря чуть левее теплохода «Джавахарлал Неру» вспух водяной фонтан. Повинуясь командам, подаваемым по радио, теплоход лег в дрейф. Морские разбойники меж тем спустили на воду катер, который помчался к теплоходу, надсадно ревя мотором и оставляя за собой сизый след.

Капитан приказал сбросить за борт шторм-трап, и вскоре изумленные пассажиры увидели морских негодяев вблизи. Все они были в возрасте от восьмидесяти лет, все были седые и бородаты. Руки и головы старчески тряслись. На груди каждого старика висел немецкий автомат, знакомый Русскому по фильмам его детства. Лысины стариков прикрывали черные пилотки.

— Вы есть захвачены доблестный подводниками гросс-адмирал Дениц, — на ломаном английском сообщил старший из пенсионеров. — Великий Германия находится в состоянии война с Британией, поэтому ваш судно есть трофей доблестный немецкий подводник!

В результате недолгих переговоров выяснилось, что теплоход «Джавахарлал Неру» был захвачен подводной лодкой U-372, которая до сих пор продолжала военные действия в акватории Индийского океана, потому что ее командир не

знал, что Германия капитулировала в тысяча девятьсот сорок пятом году. Узнав, что война завершилась более пятидесяти лет тому назад, немецкие моряки долго плакали, сокрушаясь о потраченном на злодеяства времени. О случившемся они доложили своему командиру, тот не поверил и прибыл на борт теплохода лично. Командовал подводной лодкой U-372 капитан второго ранга цур зее Шпитц. Он долго не верил доводам индийской команды, пока не увидел в руках одного из пассажиров журнал «Плейбой». Разглядывая фотографии обнаженных красавиц, цур зее Шпитц прослезился и сказал, что теперь верит в поражение Великой Германии, ибо в случае победы фюрер не позволил бы, чтобы на такой великолепной бумаге демонстрировали свои прелести голые еврейки и славянки, ведь всему миру известно, что самыми красивыми женщинами являются немки, но они также славятся своими добродетелями и разумностью, а потому не стали бы демонстрировать себя всему миру. Цур зее Шпитц, заливаясь слезами, ушел на корму, где пытался застрелиться из табельного «парабеллума», но проржавевшее оружие раз за разом давало осечку.

После короткого митинга подводные пенсионеры Третьего рейха приняли решение затопить свою лодку, а самим следовать на теплоходе до Адена, где собирались сдать местным властям и просить их помочь добраться до Германии. Цур зее Шпитц погоревал еще немного, одолжил у кого-то из пассажиров калькулятор и после небольшого обучения принялся деловито подсчитывать размеры полагающейся ему пенсии и сумму правительственной задолженности за время скитания по морям.

— Вот и славно, — радостно потер руки коренастый. — Теперь мы нашего клиента пришьем, а вся вина пусть на немцев ложится. Озверели, мол, от поражения и в отместку пристрелили русского гражданина! Им, значит, пахать-сеять, а нам с тобой барыш считать!

Однако любое решение легче принять, нежели осуществить на деле.

Германские подводники за долгие годы скитаний отвыкли от вин и деликатесов, поэтому стол, организованный командой и пассажирами первого класса, показался им достойным самого рейхсканцлера.

Цур зее Шпитц поинтересовался, имеется ли на корабле русский как представитель государства-победителя. Разумеется, ему был представлен Илья Константинович Русской.

— Bitte schon, — пригласил Илью Константиновича цур зее Шпитц. — Негг благородный победитель!

Далеко за полночь на корабле шло пиршество, посвященное окончательной победе над фашизмом. К сожалению, наемным убийцам не удалось принять в нем посильное участие, как, впрочем, и совершить задуманное злодейство. Дикий вопль коренастого не остался незамеченным для команды теплохода. После сдачи немецких подводников в почетный плен старший помощник с частью команды начал проверять шлюпки и обнаружил двух безбилетников. Один из них был плечист и коренаст, второй, напротив, долговяз и худ. Однако захватить неизвестных оказалось труднее, чем склонить к сдаче в плен экипаж немецкой подводной лодки. Билетов у них не было, зато было два револьвера, которые безбилетные пассажиры немедленно направили на контролеров и вежливо попросили их спустить лодку на воду. Старший помощник оказался человеком сообразительным, вскоре лодка уже покачивалась на волнах, а безбилетные пассажиры с завистью прислушивались к песне, которая доносилась с верхней палубы удаляющегося теплохода.

Из-за острова mit Medchten,
на пра-сторр рречной валны, —

старательно выводили старческие и уже нетрезвые голоса.

Коренастый зло плюнул в воду.

— Так и придется до Адена на веслах добираться. Ты, блин, пророк прямо, — сказал он. — Все-таки высадили, козлы!

— Тише ты, — сказал долговязый. — За козла и в океане ответить можно!

И точно — негласным стражем, готовым немедленно наказать сидящих в лодке за неуместное упоминание сугубо сухопутного животного, неподалеку от шлюпки из зеленой воды высунула злое зубастое рыло внушительная акула.

Коренастый показал акуле язык, поплевал на ладони, взялся за весла и принялся грести, целясь носом шлюпки в корму теплохода, с которого все еще была слышна русская песня, исполняемая немецкими подводниками: «И за боррт ее бррасает в набежавшую вал-ну!»

Глава 14

Каир был шумен и многолик, как всякий арабский город. На рынках тайно продавали кувшины с джиннами, планы захоронения кладов и древние манускрипты, где иероглифами на папирусе излагалась прошлая и будущая история мира, но только дурак стал бы тратить деньги на эти сомнительные диковины, когда рядом и совершенно открыто продавали огромные сладкие финики, нежные апельсины, полуметровых средиземноморских омаров и гигантские туши нильского окуня, который размерами вполне мог конкурировать с молодым быком.

Арабы на рынке выглядели привычно — как в фильмах о Джеймсе Бонде или Индиане Джонсе.

Илья Константинович полакомился в харчевне арабскими деликатесами, выпил чашечку кофе и подумал, что жизнь все-таки прекрасна и удивительна. Наемные убийцы потеряли его след, а в Каире им его никогда не найти; разве что прорицатели помогут. Но в могущество этих прорицателей Илья Константинович поверить не мог — хотя бы из-за вчерашней его встречи. Решив узнать, что ждет его в будущем, Илья Константинович зашел к одному такому предсказате-

лю, на вывеске у которого значилось: «Рассказываю о прошлом. Предсказываю будущее. Недорого и с гарантией». Более всего Илью Константиновича умилили именно гарантии, которые давал предсказатель.

Ну, положим, предскажет предсказатель этот клиенту гибель в автомобильной катастрофе. Соответственно, гарантии даст. Так что же он — сам будет давить, чтобы гарантия пустым звуком не оказалась? Или, скажем, свадьба и долгая счастливая семейная жизнь. Тут вообще всякая ерунда в голову лезла. Неудивительно, что Илья Константинович был заинтригован.

Но тут случился конфуз. Не успел предсказатель сделать несколько магических пассов, как Русской его узнал. В роскошном одеянии древнеегипетского жреца перед ним сидел его товарищ по учебе в институте имени Плеханова Витька Броверман.

— Здорово, Витек! — весело сказал Русской. — Я думал, тут действительно маг какой, а тут Витек Броверман с высшим экономическим образованием людям брешет. У нас Гайдар, а в Египте — Витя Броверман. Как бизнес, Витюля?

Египетский жрец не смутился. Он взгляделся в лицо Русского, узнал его, заулыбался и принялся его по-русски воодушевленно и азартно охлопывать по разным местам.

— Илюня! — ревел он. — Бог ты мой! А я думаю, что это за хрен с горы? А это Илюшка Русской! Вот встреча! Ты какими судьбами здесь?

— Путешествую я, — умолчал о наемных убийцах Русской. — Бабки есть, вот решил вокруг шарика крутануться. А ты как здесь оказался? Ты ж по окончании института распределение в Госплан получил, я думал, что ты сейчас вообще крутыми делами ворочаешь! С Примаковым здоровкаешься!

Витя Броверман немного погрустнел.

— Да ты понимаешь, — сказал он, — я последние годы в Питере жил. Поначалу, когда перестройку объявили, вообще лафа была. Я с Толиком Чубайсом кооператив открыл. Цве-

точками торговали. На масло с икрой хватало. Но тут Толян в приватизацию подался, а меня с моим бизнесом «тамбовские» прибили. А тут еще баркашовцы со своими листовками. Ну, папаня и заладил: на историческую родину, на историческую родину! Умрем за родной Синай! У нас в Израиле тетка жила, вот мы с ней и воссоединились. Папаня из профессоров в дворники переквалифицировался, меня в армию на год, родной Сион защищать. Настрелялся я по Палестинам, дембельнулся, хотел бабки по-быстрому срубить. Ну, подвязался с одной российской фирмой бизнес делать. «ЗИФ» фирма называлась. Я им водку «Каганович» поставлял. Накололи, суки, с голой жопой по миру пустили. А я кредитов набрал. Вот и пришлось из Израиля дергать. Здесь вот осел. Арабам гадаю. Им легко гадать, они, как дети, любой хреном верят. На жизнь хватает...

Товарищество с ограниченной ответственностью «ЗИФ» было подставной фирмой Русского. Получалось, что именно он, сам того не зная, кинул товарища по институту. Мысленно Илья Константинович просил прощения у Бровермана и клялся себе, что если бы он только знал, кто стоит за поставками, то расплатился бы честно и благородно, но даже самому себе верил плохо. Уж больно лохаст оказался Броверман, такого просто грех не кинуть. Естественно, делиться своими мыслями с бывшим сокурсником Илья Константинович не стал. Чтоб, значит, не переживал напрасно и сердце зря не рвал.

Броверман закрыл свою лавочку, сбросил халдейское одеяние и оказался нормальным мужиком в белых штанах, такой же рубашке и нелепой панамке на голове, которую мог надеть лишь питерский еврей, тоскующий по родной Одессе. На мясистом носу Бровермана красовались очки в тонкой золотой оправе.

Они немного посидели в «Голубом Ниле», потом добавили в «Приюте Мессалины», а ближе к ночи окончательно определились и засели в ночном клубе «Египетские ночи», действительным членом которого Броверман являлся. Все

было как в Союзе, только выпивка чужая и обслуживание не в пример качественней. Ностальгия охватила обоих.

— А помнишь? — хлопал Русского по плечу его институтский товарищ. — Помнишь, как ты негру сосульки продавал? Не, Илюша, у тебя уже тогда коммерческая жилка была. Ты тогда бы и песок в Сахаре продать сумел!

— Да и ты, — заливаясь смехом, вспоминал Илья Константинович. — Весь курс прибурел, когда вы с Гогой Охломидзе чукче место в Мавзолее продали!

— Он не чукча был, — гордо поправил Броверман. — Каракалпак он был, из Нукуса!

Вспоминали Лужники, «Спартак», драку, случившуюся между фэнами после матча спартаковцев с киевскими динамовцами, потом вспомнили знакомых девочек из «Космоса», ВДНХ и Ленинские горы, потом — студенческий отряд и строительство тока в Звенигороде, вполголоса спели «А я еду за туманом», потом кое-что из раннего Высоцкого и незаметно подошли к исполнению русских народных песен, которые пели уже почти во весь голос. Стриптизерки со сцены исчезли, ансамбль начал подыгрывать певцам, и, когда очередная песня кончилась, на певцов обрушился шквал аплодисментов. Прибежал хозяин ночного клуба, долго жал руки исполнителям и даже предложил заключить с ними контракт на проведение ряда концертов. Он сулил столь щедрые условия, что даже Русской заколебался, а что касается Бровермана, так тот был готов с самого начала и на гораздо меньшую сумму. Однако Илья Константинович вовремя вспомнил, что за ним охотятся. В таких обстоятельствах выступать с концертами в ночном клубе было равнозначно тому, чтобы повесить себя в тире в качестве мишени, и это отрезвило Русского.

— К черту, — сказал он. — Я сюда пирамиды приехал смотреть, а не бабки зарабатывать!

— Слушай, — сказал Броверман, — ты сфинксов видел?

Русской сфинксов не видел. Он вообще пока еще, кроме гостиницы и базара, ничего не видел.

— Так я тебе покажу, — пообещал однокашник. — Вот только проспимся, я тебе весь Египет покажу. На рыбалку поедem, нильского окуня половим!

Нильского окуня Илья Константинович уже видел на арабском базаре и сомневался, что его кто-то ловит. Скорее можно было поверить, что это окуни ловят арабов, и, судя по их размерам, довольно успешно.

Ближе к полуночи Броверман довольно уныло предложил развееься и сходить к девочкам.

— Я бы лучше поспал, — откровенно сказал Русской. — Тем более что сейчас международная обстановка не располагает. СПИД там, хламидии разные...

— Я бы тоже поспал, — откровенно признался Броверман, — но ты ж, Илюша, пойми, я ведь тут в действительных членах. Звание, дружище, обязывает!

Утром Русской проснулся рядом с носатой арабской красоткой и понял, что накануне выпил более чем достаточно. Он осторожно встал, боясь потревожить даму, которую сон если и не приукрашивал, то все-таки делал несколько симпатичнее.

Броверман уже был на ногах и гулко пил в холле номера апельсиновый сок. Русской тоже сделал несколько глотков и поморщился. Рассол в этой ситуации подошел бы больше.

— Ну что, поедem пирамиды смотреть? — спросил Броверман.

— Ну их на хрен, — сказал Русской. — Пошли малость похмелимся. Водку в этом заведении достать можно?

— Здесь только ночью продают, — объяснил Броверман. — Это же, дружище, не шалман какой, а ночной клуб.

— Тогда пошли поищем шалман, — предложил Русской. — А то трубы так горят, что в пору пожарную команду вызывать.

Они обошли несколько заведений. «Столичной» или, на худой конец, «Кристалла» нигде не было, только Каганович хмуро и осуждающе смотрел на них с белых этикеток.

— Блин, — сказал Илья Константинович. — Я чувствую, что в этом «Кагановиче» весь Израиль утопить можно!

— Нормальная водка, — возразил Броверман. — Градусов тридцать будет.

— А водка должна быть сорок градусов, — вспомнив Булгакова, сообщил Русской. — А потом, хрен его знает, чего сыны Сиона туда плеснули.

Броверман воровато обернулся.

— Эта еще ничего, — сказал он. — Эту еще пить можно. А вот в Россию мы только бутылки с пробками поставляли. А водку осетинскую разливали. Согласен, гадость, конечно, но какой товарный вид!

«Каганович» действительно оказался довольно крепеньким. Как и его прототип, доживший до девяноста с лишним лет. После пары рюмок организм успокоился и на все остальные вложения реагировал с тупой пьяной покорностью. Арабские специи жгли не только рот, но его противоположность.

— А вон новый русский идет, — неожиданно сказал Броверман.

Русской посмотрел. Через весь зал к ним топал мордастый полный мужик в сетчатой майке с надписью «Пошлем коммуняк в Сахару».

Мужик был в шортах, открывающих полные волосатые ноги. На голове мужика была белая бейсболка, на ногах желтели резиновые пляжные шлепанцы, на груди чернел фотоаппарат, а на толстой шее вызываяще желтела толстая цепь.

— Здорово, братила! — радостно заорал Жора Хилькевич из Мурманска. — Что ж ты в кабак тогда не пришел? Правда, стол был фуфло, весь вечер лотосы жрали, но все равно клево было. Гарик с хиппарями подрался, потом мы американцам едальники начистили. Потом вообще настоящая «Камасутра» была... Да ладно, Жорик зла не помнит. Ты где остановился? Пирамиды видел? Бабы здесь хреновые, но пожрать можно классно. Потрясно, братила! Прямо у пирамид в ресторанчике тушеную крокодилятину подают. Кайф чистый! Я на прошлой неделе почти полкродила умял, бля буду!

— Знакомься, Жора, — сказал Илья Константинович. — Мой приятель Виктор Броверман.

Хилькевич скривился.

— Как же, — сказал он. — Был я у том Израиле. Бабы хитрые, так и норовят «динаму» накрутить. Какая там «Камасутра»! А мужики сплошь на бизнесе помешаны. Потому, наверное, и готовят хреново. Одна кура кошерная. Ладно, Жора зла не помнит. Ты здесь надолго? Подгребай вечером в «Имperiал», там много наших будет. Мы на рыбалку ездили, блин, все за деньги! Ни одного окунька не поймали, так мужики с горя крокодилов надергали. Берешь кролика, на крюк его сажаешь — и в воду. Крокодил, сученок, животное глупая, он сразу крола заглатывает — и на дно. Даже подсекать не надо! Но, говорят, на арабов еще лучшей клюет. Да ладно, другим разом попробуем! Мы вчерашний улов повара́м сдали, сегодня пир в кабаке будет. Только водка у их здесь хреновая. Но это, блин, не страшно, я в Мурманск звонил, пару ящичков нашего «Муромца» заказал, сегодня самолетом подогнать должны. Ну, бывай! — Жора Хилькевич сунул каждому потную ладошку и не торопясь двинулся к выходу, рассекая темнолицых арабов, как плуг рассекает пашню Нечерноземья. На лице его была скука и довольство собой.

Броверман внимательно посмотрел ему вслед и что-то сказал на идиш. Потом повернулся к Русскому:

— Ну что, Илюша, поехали пирамиды смотреть? Тем более что там крокодилов неплохо готовят.

Глава 15

Издалека пирамиды выглядели несолидно, вроде кубиков в песочнице. Лишь на близком расстоянии они вдруг обрели внушительность и монументальность. Редкие пальмы рядом с ними смотрелись травинками. Это ж сколько народу

было задействовано, сколько рабов здесь полегло, возводя эти памятники давно почившим в бозе фараонам! Илья Константинович прикинул, какие бабки вложены фараонами в строительство пирамид, и ощутил здоровую и белую зависть.

На прогулку по пирамиде они с Броверманом не торопились. Было довольно жарко, и для начала они попили пивка в местном баре.

Пиво было холодным, дул легкий ветерок со Средиземного моря, и настроение несколько улучшилось. Вскоре оказалось, что пиво хорошо легло на вчерашнюю выпивку. Даже слишком хорошо. Так хорошо, что они заказали виски с содовой, но содовую попросили не наливать. Бармен не удивился. Он уж привык обслуживать русских и евреев, уехавших из России в Израиль. На его взгляд, они не слишком и различались. Русские требовали водку на русском или плохом английском, евреи использовали для этого иврит, идиш или все тот же плохой английский. Вот и сейчас, выпив виски, приятели переглянулись и потребовали бутылку уже привычного и кажущегося родным «Кагановича».

— Ты не думай, Броверман не жулик, Броверман — честный человек, — говорил однокашник, то и дело хватая Русского за рукав. — Ты думаешь, я гадать не умею? Умею! Я тебе на картах могу погадать, по руке могу, даже по внутренностям черного петуха, понял? Хошь, я тебе на пиве погадаю? — С этими словами Броверман вылил остатки пива из банки на стол и принялся вглядываться в лужицу, принимающую причудливые очертания.

— Вот ты думаешь, что это твое последнее путешествие? — слегка заикаясь, сказал Броверман. — Ошибаешься! Это первое твое путешествие! Понял? Первое! И опасное! — Он ткнул в лужицу пальцем. — Во, видишь, смерть тебе грозит от арабского террориста! Думаешь, шучу? Во! — И Броверман сделал интернациональный жест, который должен был убедить Русского, что его собеседник действительно не шутит.

— Хватит, Витя, — сказал Русской. — Какие арабы! Тут от своих не знаешь, куда деться. Пошли в пирамиду, посмот-

рим, как там фараоны жили. — Он критически оглядел товарища и добавил: — Если нас туда пуస్తят!

В пирамиду их пустили без замечаний и даже дали гида-экскурсовода, который тут же затрещал по-английски, словно он был тайным уроженцем Йоркшира или Уэльса. Броверману он не мешал. Броверман на ходу начал пристраиваться дремать на плече Ильи Константиновича, мычал, похрапывал со стонами и всхлипываниями, и после нескольких безуспешных попыток его разбудить Русской пристроил товарища на какой-то каменной приступке. Броверман тут же прилег и со счастливой улыбкой задремал.

Внутри пирамиды было прохладно, арабский экскурсовод продолжал что-то шустро лопотать, увлекая туриста в глубины пирамиды, и Русским овладела какая-то сонливая одурь, причины которой, впрочем, были ему совершенно ясны, но одурь быстро прошла, когда экскурсовод опасно огляделся, достал из-за пояса большой черный пистолет и приставил его к голове Ильи Константиновича.

Только теперь у Русского широко открылись глаза, и он рассмотрел сопровождающего. Араб был худ, жилист и смугл. В левом ухе у него слезливой капелькой светилась серьга. Будь это в Америке или Европе, Русской не сомневался бы, что перед ним паренек с неправильной сексуальной ориентацией. В России серьга бы указывала, что перед ним казак, причем единственный сын у матери. На что указывала серьга в оттопыренном арабском ухе, Илья Константинович не знал. Араб был в просторной пестрой дашике. В темных бездонных глазах араба радости от встречи с Русским не было. В арабских глазах кривилась в усмешке смерть.

Илья Константинович напрягся, чтобы закричать, но араб прижал палец к губам.

— Ти-ха, — нараспев сказал он. — Инглиш? Эмерикен? Дойч?

— Русский я, — со стоном сказал Илья Константинович. — Русский я, мать твою!

Араб подумал, с сомнением покачал головой и уже на русском языке снова сказал:

— Ти-ха! Я говарю русски. Слава великому лидеру ливийского народа, имя которого знает весь цивилизованный мир!

Илья Константинович закивал.

— Пав-та-ри! — приказал араб.

— Слава великому лидеру ливийского народа, имя которого знает весь цивилизованный мир! — горячим шепотом повторил Русской.

Араб погрозил пальцем.

— Па-ачему имя не называешь? — негромко пропел он. С закрытыми глазами можно было подумать, что пистолетом у головы Русского поигрывает грузин. — Не уважаешь, да?

Илья Константинович судорожно проглотил слюну. Даже под угрозой четвертования он не смог бы сейчас назвать имя или даже фамилию известного всему миру революционного ливийского лидера. Мабарака? Или Джавахарлал? А может, Джардет? Он искоса посмотрел на араба. Тот так же косо и выжидательно смотрел на него.

Илья Константинович прикрыл глаза. «Господи! Да за что же мне эта кара небесная?! Я ведь и телевизор-то дома не смотрел. Разве что боевики по виду, дак это ж не в счет. Я ж вне политики, Господи! Да вразуми же меня!»

— Не знаеш-ш-шь? — шипяще, словно кобра, прошептал араб. — Или не хочешь знать?

«Да ты мне только подскази, — подумал Русской. — Ты мне только намекни. Я его вовек не забуду. Бейбулла? Саддам? Нет, это в Кувейте царя так звали. Имя Саддам, кличка Хуссейн. А какой? Первый или второй? Да какая разница! Хлопнет тебя сейчас этот приверженец Аллаха именем ливийской революции за политическую неграмотность. Кеннеди пристрелили, Анвара Саддата взорвали, а ты кто? Мелкая политическая блоха на фоне египетской пирамиды! Ну, вспоминай, Илюша, вспоминай, листал же в сортире газеты! Джамахерия? Иеремия? Дауд? Нет, не так. А как? Мустафа? Английская команда еще такая была. Кардифф? Курбаши?»

Илья Константинович перекрестился и принялся жеста-ми показывать, что не может говорить.

— Больной? — участливо спросил араб, почесывая затылок стволом пистолета. Он посидел в раздумьях на корточках, еще раз почесался пистолетом и решил: — Аллах милосерден. Он тебя вылечит. — Посидел еще немного и объявил: — Плохо, что ты не американец. Я бы тогда потребовал прекратить бомбежки Ирана. — Подумал и деловито добавил, как заядлый китайский троцкист: — Ладно, я тебя за капитуляционные настрояния российского правительства пристрелю. Во славу Ливийской Джамахерии!

Черный зрачок ствола был злым, как глаз самого араба. «Вот и смерть пришла, — совершенно отстраненно, будто не о себе, подумал Русской. — Даже крокодилятинки тушеной не отведал». Мысль эта была идиотской, как, впрочем, и все мысли, которые приходят в голову перед смертью. Илья Константинович крепко зажмурился и увидел аппетитный кусок зажаренного мяса с фантастическими приправами на огромном блюде. Перед блюдом сидел Жора Хилькевич из Мурманска и, подмигивая Русскому, резал мясо на куски. Русской чуть не заплакал. «Господи! Да что же это, даже лица родных перед смертью не могу увидеть!»

Сухо щелкнул выстрел. Илья Константинович открыл глаза и увидел, что находится в длинном и пустом каменном туннеле. «Так вот ты какой, тот свет!» — тоскливо подумал Русской и неверными шагами отправился искать Чистилище, чтобы узнать у тамошних бюрократов, куда его все-таки распределили — в Рай или Ад?

Араб лежал на каменном полу, все еще сжимая рукоять пистолета.

Лицо его выражало крайнюю степень возмущенного удивления. Он уже привык к тому, что терроризмом на Ближнем Востоке занимаются исключительно арабы, поэтому чужой выстрел воспринял как посягательство на основы всего ближневосточного мироустройства.

— Ты с ума сошел! — сказал, появляясь из узкой ниши, коренастый. Белый и упакованный, он походил на мумию. —

На хрена ты араба грохнул? Мужик даже политических требований заявить не успел!

Долговязый присел над трупом, посмотрел в стекленеющие удивленные глаза покойника из третьего мира.

— Обидно мне стало, — объяснил он. — Мы с тобой за ним до самого Египта на лодке гнались, руки себе в кровь стерли, а тут — на тебе: «Здравствуйте, господа, я ваша арабская тетя, пришла вас грохнуть во имя процветания и счастья мусульманского мира!» Хоть бы католик убивал, я бы и пальцем не пошевелил, но мусульманин! Какое он право имеет чужие заказы выполнять?

— Не, братила, ты чокнутый, — искренне поставил диагноз коренастый. — А че ж ты его тогда вторым выстрелом не подстрелил?

Долговязый мечтательно вздохнул:

— А пусть он еще немного побегает, братан. Понимаешь, я в детстве Жюль Верна любил. И так мне мечталось по Африке проехать!

— Блин, да ты романтик! — негодуя вскричал коренастый. — С чего ты взял, что он именно в Африку, а не в Европу подается?

— А куда ж ему еще? — удивился долговязый. — Он ведь понимает, что в Европе столько постреляли, что тамошняя полиция уже и помочь не может. У него одна надежда — подальше от цивилизации, поближе к мухе цеце.

— Африка большая, — сказал коренастый. — Где мы его искать будем? По Сахаре пешком бродить?

— Чего гадать? — пожал плечами долговязый. — Поехали в Каир. Диспетчеру звонить будем.

В Каире, положив телефонную трубку, долговязый улыбнулся.

— Где у нас атлас мира? — спросил он. — Ищи, где эта долбаная Найроби находится. А я пока на базу арабских ВВС сметаюсь. Там нам Диспетчер вертолет заказал.

— Вертолет? — Коренастый потер руки. — Это отлично! Главное, чтобы ракеты на нем были. Хоть он и не слон, но по саванне мы нашего клиента погоняем!

Глава 16

Куда только не занесет испуганного человека!

Илья Константинович уныло смотрел на расстилающуюся под самолетом рыжую саванну, изредка разрезаемую голубыми полосками рек и зелеными пятнами буйной растительности близ озер. Баобабы сверху казались небольшими кустиками, вокруг которых сновали игрушечные пятнистые жирафы. Пару раз Илья Константинович заметил отдыхающих в тени львов. Около них краснели какие-то клочья, но рассмотреть их не удавалось из-за скорости самолета. Да может, это и к лучшему. Кто знает, чем они питаются, эти самые цари животного мира!

Вдруг на земле прямо по курсу самолета за клубилась рыжая пыль. Сначала Русскому показалось, что движется пылевая буря, но это оказалась не буря, а испуганное стадо антилоп, за которыми кто-то гнался. Летчик-негр восторженно завертел белками глаз, показал бване пассажиру большой палец и сделал вид, что вгрызается в собственную руку, причем сделал это так натурально, что Илью Константиновича прошиб холодный пот. Закончив с самоедством, негр снова показал большой палец.

Теперь уже Русской поглядывал на негра с некоторой опаской, пытаясь сообразить, что чернокожий летчик все-таки хотел ему сказать. Негра с его старенькой «дакотой» Илья Константинович встретил в аэропорту. Негр кого-то привез, а Илья Константинович очень хотел улететь, причем ему было все равно, куда лететь, лишь бы подальше от пирамид. За пятьсот долларов негр готов был доставить его даже в Антарктиду, но Илья Константинович счел себя неподготовленным к климату южного материка и решил лететь в Найроби. Город этот понравился Илье Константиновичу своим названием и безопасной удаленностью от пирамид.

Уже в полете выяснилось, что негр не понимает по-русски, да и английский язык Русского он понимал с трудом.

Поэтому в полете они больше изъяснялись жестами, но даже этот интернациональный язык не всегда был понятен обоим.

Пейзаж был довольно однообразен, и Илья Константинович задремал. Проснулся он от того, что «дакота» принялась выписывать в воздухе фантастические виражи. Негр что-то зло кричал, вцепившись в штурвал черными руками, и закатывал глаза, время от времени отчаянно проводя себя ладонью по горлу. Похоже было, что полет подходил к концу, а негр все-таки — как Русского предупреждали в Каире — оказался людоедом и готовился зарезать его, как только закончит ритуальный полет. Илья Константинович нащупал крестик за пазухой, сжал его в кулаке и принялся молиться, судорожно и бессвязно перебирая знакомые обрывки молитв. Ни одной из них Илья Константинович не знал до конца.

Мимо пролетела сияющая молния, горизонт снова вздыбился, и «дакота» устремилась в пронзительную синеву неба. Глядя вниз, Илья Константинович сначала заметил червеобразную дрожащую тень на земле, а потом разглядел узкую змейку вертолета, над которым сверкал диск вращающегося винта.

Их атаковали! Илья Константинович не был военным, он и в армии никогда не служил по причине врожденного плоскостопия и пупковой грыжи правого предсердия. Некоторые скажут, что такой болезни и нет вовсе, но ошибутся, потому что кому, как не родной матери Ильи Константиновича, было знать, чем именно болеет ее сын, которому пришло время служить в армии. Но даже не будучи военным, Русской понял, что вертолет преследует именно их, он даже понял, почему этот вертолет их преследует, но тут из-под вертолета снова вылетела огненная стрела, и она летела так, что даже сомнения не возникало — «дакоте» от нее не уйти. Тут и молиться стало поздно, воздух вокруг вздыбился, обшивка самолета стала расползаться, и негр за штурвалом вдруг заматерился, как показалось Русскому, по-русски, потому что все стало ясно без перевода. Самолет предсмертно взревел и устремился к земле.

«Вот гады, — подумал Илья Константинович. — Все-таки достали!»

С этой отчаянной мыслью он и потерял сознание и потому не видел, как самолетик разломился пополам при ударе об огромный баобаб, его самого выбросило из кабины и по высокой дуге швырнуло в густую траву...

А очнулся он от того, что рядом с ним кто-то стоял. Илья Константинович не сомневался: его пришли добивать убийцы, а потому глаза открывал медленно и неохотно. Открыв их, он увидел пигмея.

Пигмей был маленький, как и полагалось пигмею. У него была большая голова с курчавой копной черных волос, обвивавших небольшую берцовую косточку, ради украшения прилаженную над теменем, большие любопытные глаза и плоский нос с раздутыми огромными ноздрями, словно пигмей однажды учуял запах жареной антилопы, запомнил его и теперь так и скитается по саванне и лесам в поисках знакомого запаха. В нос пигмея было продето небольшое кольцо из желтого металла. Судя по внешнему виду, когда-то это кольцо было обручальным. На щеках пигмея белели длинные белые полосы, нанесенные в два ряда от ушей к подбородку.

Пигмей был голым, блестящим и сжимал в руке копье, сделанное из кости неведомого зверя.

Увидев пигмея, Илья Константинович облегченно закрыл глаза, расслабился и стал ждать, когда его начнут свежевать на жаркое. А чего еще ждать от дитяти африканского леса?

— Заблудился? — спросил по-английски пигмей. — Или от экспедиции отстал?

Голос у него в противоположность внешнему виду был зычным и по-мужицки хриплым.

Илья Константинович осторожно приоткрыл один глаз. Пигмей сидел на корточках совсем рядом, и, взглянув на него, Русской наконец-то понял смысл поговорки «на семейных рос, а одному достался».

— Дойч? — удивленно спросил пигмей. — Итальяно?

Русской молчал. Теперь уже он молчал на всякий случай, если у этого африканского аборигена какие-то напруги со славянскими народами. Хотя какие разногласия могли быть у дикаря с цивилизованными людьми? Возможно было, пожалуй, лишь одно разногласие — дикарь планировал из цивилизованного человека сварить суп, между тем как цивилизованный человек мог согласиться разве что на шашлык, да и то после длительных уговоров.

— Идиш? — снова спросил пигмей и осторожно кольнул найденыша в ягодицу копьём. — Живой хоть?

Последняя фраза прозвучала с нескрываемым рязанским акцентом, что очень удивило путешественника.

— Живой, — с усилием отозвался он, с опаской ожидая дальнейших шагов аборигена.

— Русский? — Пигмей отбросил копьё, встал на маленькие черные ножки и широко раскинул крошечные ручки. — Русский! Ну, иди ко мне, Вань!

Русским языком пигмей владел очень неплохо. И неудивительно: шестнадцать лет назад пигмей был одним из студентов Международного университета имени Патриса Лумумбы, который окончил с отличием, несмотря на то что большую часть времени посещал не лекции, а московские кафе и рестораны. Не одна официантка была покорена агрессивными любовными натисками крошечного уроженца Африки Мголо Нголо, который в сводках наружного наблюдения столичного КГБ того времени проходил под псевдонимом «Принц». Мголо Нголо регулярно получал с далекой жаркой родины посылки с корой таинственного дерева йохимбе, о котором в те времена было известно лишь старцам из Политбюро, и тем приходилось давать подписку о неразглашении. Сделать это старцам было нетрудно, хотя многие интересовались, откуда у них такая любовная прыть, которой обладают лишь темпераментные чернокожие африканцы. Тайную причину этой невероятной способности надежно скрывал склероз, присущий подавляющему большинству партийных руково-

дителей того времени. Сам Мголо Нголо корой родного дерева пользовался лишь для того, чтобы восстановить силы и душевное равновесие, а среди московских путан и официанток слыл колдуном за половую неистощимость и изобретательность и получил ласковое прозвище Кукленок. Время учебы прошло незаметно, Мголо Нголо окончил университет, получил диплом и стал самым ученым пигмеем африканского материка. Некоторое время он пытался заниматься научной работой, изучал саванну и лес, пока однажды не понял, что знания преходящи, но истинное его призвание — быть охотником. Мголо Нголо повесил европейский костюм в шкаф в просторной квартире города Найроби, попрощался с ведущими специалистами института, в котором он работал, и навсегда ушел в лес. Надо смотреть правде в глаза — охотник из Мголо Нголо получился отменный. Неутомимый в постели, он оказался неутомимым и в лесу, благо искать кору дерева йохимбе здесь не приходилось, достаточно было протянуть руку и надрать свежей коры прямо с дерева. Вскоре шею ученого пигмея уже украшало ожерелье, в котором среди прочих болтались когти льва и леопарда, но главной достопримечательностью ожерелья был длинный наманикюренный ноготь голливудской кинозвезды Лайзы Маденны, которая, устав от съемок эротических фильмов, отправилась в Африку на сафари, где и подпала под обаяние своего чернокожего курчавого Кукленка настолько, что по его просьбе добровольно рассталась с длинным ногтем указательного пальца левой руки, удалив его в одной из клиник Найроби под местным наркозом.

Ловко перепрыгивая через толстые корни огромных деревьев, Мголо Нголо не забывал на ходу лакомиться вкусными личинками и жирными гусеницами и громко удивлялся тому, что Русской не следует его примеру.

Племя пигмеев располагалось в небольшом поселке из сборных американских домов с кондиционерами, ванными и туалетными комнатами. Впрочем, надо прямо сказать, что американскими туалетами пигмеи практически не пользова-

лись, каждый из них с туалетом не расставался никогда. Туалет этот представлял собой две небольшие палки. На одну из них пигмей опирался при отправлении естественных надобностей, второй в случае необходимости оборонялся от неожиданного внешнего врага. Пользование туалетом в походных условиях требовало от пигмея мужества, зоркости и твердой руки.

К своему удивлению, в домике Мголо Нголо наш путешественник обнаружил довольно много книг на русском языке. В основном это были справочники, касающиеся лечения венерических и простудных заболеваний, но была среди них и художественная литература в пестрых обложках, преимущественно издания последних лет. Это указывало, что Мголо Нголо так и не порвал связей с далекой Россией, более того, можно было даже сказать, что он продолжал жить ее интересами. Здесь были книги Бориса Ельцина и Александра Коржакова, Владимира Жириновского и Геннадия Зюганова, полное собрание сценариев «Кукол», написанных Шендеровичем... И — что это? Русской потянул к себе книгу. Нет, он не ошибся — в руках у него была книга легендарного Столярова под названием «Детский мир». Именно о ней говорил с восторгом японский фантаст Матумара Куригара.

Илья Константинович поклялся, что не покинет гостеприимного хозяина, пока не прочитает эту книгу и не составит о ней своего мнения.

Вечером племя по случаю прибытия высокого русского гостя устроило пир. Поданы были жареные уши дикой свиньи, салат из гусениц, тушеные длинноусые тараканы, но из всех поданных блюд, к изумлению пигмеев, Русской налегал лишь на тушеное мясо, да и то пока не узнал, что это мясо крокодила, пойманного на живца в лице престарелого пигмея, достигшего пенсионного возраста.

Пили много. Напиток ударял в голову, и от его употребления отнимались конечности. Мголо Нголо называл алкогольный напиток «жеванкой», что в общем-то не противоречило истине, так как он являлся конечным продуктом

брожения ингредиентов, терпеливо нажеванных старухами племени.

После выпивки душа потребовала песен. Свои песни у пигмеев были в достаточной степени заунывны и веселью не способствовали, но когда за дело взялись Мголо Нголо и Илья Константинович, дело сразу пошло на лад. А все потому, что они с Мголо Нголо пели на русском языке все, что помнили, начиная с бессмертного шлягера «Я ворона» и кончая частушками, печатавшимися в «Комсомольской правде». Русскому языку Мголо Нголо обучил все племя, особенно виртуозно пигмеи пользовались ненормативной лексикой славян, лексика эта не раз помогала пигмеям в трудных жизненных ситуациях.

Поэтому если не все, то большая часть песен обитателям леса была доступна. Шлягер пигмеям понравился потому, что ворона у них почиталась за священную птицу, а частушки не могли не понравиться своим задором и острым политическим содержанием.

Ой, подружки, хохочу,
Селезнева я хочу.
Завалилась бы в кровать
и давай голосовать!

Пигмеи не знали, кто такой Селезнев, но сама перспектива завалиться с кем-то в кровать приводила их в радостное возбуждение.

И наоборот, рев негодования вызвала следующая частушка, начатая Русским и подхваченная их предводителем:

На печи — дедок голодный,
бабке к деду хода нет:
у него на печке модный
нынче суверенитет!

Тут пигмеям было недоступно понятие печки, ведь, кроме костра, они иных искусственных источников тепла не знали, но то, что бабке по каким-то причинам не было ходу

к деду, воспринималось ими как настоящая человеческая трагедия.

А частушка со словами

Есть у рыбы чешуя,
то — ихтиология.
Нету в доме ни...
хоть плачу налоги я.

снова вызвала рев восторга, потому что, несмотря на большое количество непонятных слов, звонкое исполнение на два голоса известной пигмеям ненормативной лексики делало частушку задорной и общедоступной.

Под частушки и «жеванка» расходовалась как никогда.

А в это время среди непроходимых зарослей и переплетения лиан африканского леса зло и страстно шептались два человека. Разговор их то и дело прерывали шлепки, которыми люди пытались бороться с обнаглевшим гнусом и иными кровососущими паразитами.

— Поют, — неопределенно сказал баритоном один.

— Да, — согласился угрюмый бас. — Нет, ты посмотри на этого козла! У него и здесь все схвачено! Откуда он вождя этих пигмеев знает? Нет, ты видел — они к нему как к родному...

— Тише, — осадил собеседника баритон. — Услышать могут. И словами зря не бросайся — за козла и в Африке ответить можно.

И так зло сверкали глаза затаившихся в джунглях людей, что гиены переставали выть и испуганно охватывали лапами детенышей. А джунгли продолжали жить своей обычной ночной жизнью: пронеслись куда-то отчаянные нетопыри, не спеша проползла за молоком в африканскую деревню пятиметровая черная мамба, стрекотала в кронах деревьев какая-то мелкая сволочь, и на реке слышались тяжелые всплески — крокодилы глушили хвостами в заводях рыбу.

Глава 17

Вот уже около часа они шли по саванне. Илья Константинович изнемогал от жары и обмахивался пальмовым листом, пытаясь отогнать moskitov и липкий горячий воздух. Идти голым Илья Константинович категорически отказался, но сейчас он уже начал сожалеть о своем отказе, и только чувство достоинства, присущее цивилизованному человеку, не позволяло ему снять штаны.

— Скоро, скоро! — успокаивал Мголо Нголо. — Гиена вспотеть не успеет, как мы уже будем на месте.

Выслушав историю Русского, Мголо Нголо сказал, что помочь ему может только большой белый вождь, который много-много лун назад прилетел в саванну на большой белой стрекозе и объявил себя царем всех племен, живущих по обе стороны озера Виктория. Тотемом его был злой зубастый крокодил, и ходили слухи, что сильнее большого белого вождя никого нет, он даже побил в колдовском состязании и Мьяни Пьяни, и Хумб Баулу, и Умугуну Нгуну он тоже победил и заставил уйти с берегов озера к вулкану Карисимби, где Умугуна Нгуна каждый день натирается пеплом и просит подземных богов дать ему силы и мощи, чтобы побить большого белого вождя и вернуться на озеро.

Но большой белый вождь непобедим, потому что у него есть маленький медный вулкан, из которого вождь ежедневно пьет кипящую лаву, кроме того, у вождя есть толстая книга с заклинаниями, которые позволяют ему вызывать духов холода и дождя. Еще у большого белого вождя есть штаны, почти такие же, как у Русского, еще у него есть вторая твердая голова, только белая и без глаз. Еще у большого белого вождя есть стеклянная бутылка, на которой изображен бородатый Рас-ступ, и, если смотреть сбоку, этот Рас-ступ даже мигает одним глазом. Километра через полтора Русской обнаружил, что под перечисление имущества большого белого вождя по саванне и бежится быстрее. Остальные пигмеи со-

проводжали рассказ одобрительными пронзительными песнопениями. Еще через пару километров пигмей на хорошем русском языке сказал, что он не врал, но, как говорится, здорово преувеличивал. Насчет второй головы и запасных глаз, как и насчет белых штанов и бутылки с Рас-ступом, Мголо Нголо не врал. А в целом большой белый вождь колдун не слишком сильный, он, как и Илья Константинович, тоже из России, зовут его по-простому — Председателем, и вулканом своим он знающего человека никогда не обманет, потому что, живя в России, Мголо Нголо такие домашние вулканы видел у многих, никакой лавы в них нет, просто они делают воду горячей. А что касается книги заклинаний, так это просто избранные сочинения А. С. Пушкина, известного русского поэта, правда, в жарких условиях Африки стихи этого поэта и в самом деле обрели некую магическую силу — видимо, сказала свое веское слово африканская кровь и родословная гения.

Не вызывало никакого сомнения, что строки

Пушай же век сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай надежда; спи желанье;
Храни меня, мой талисман.

спасительны при несчастной любви или при нерасчетливо активном потреблении коры дерева йохимбе, и, напротив, строки

Эхо, бессонная нимфа,
скиталась по берегу Пеня.
Феб, увидев ее, страстию к ней воспылал.
Нимфа плод понесла восторгов влюбленного Бога;
Меж говорливых наяд, мучась, она родила...

хорошо читать в ночь зачатия и бурной страстной любви. Несомненно, подобные заклатья окажутся весомыми, и если их читать семь лун перед любовными битвами с женой, то она непременно зачнет наследника или наследницу. Важно, чтобы заклатье это читалось с расстановкой и без ошибок и

обязательно сопровождалось совокуплением, в противном случае читать его бесполезно.

Если трижды произнести строки

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! Где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

то обязательно появится возможность подкрепиться чем-то существенным и питательным, а жирные вкусные гусеницы вообще будут попадаться на каждом шагу.

Строки же

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
Страшатся щуки крокодила.
От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
Всегда имеет верх над слабостию сила!

прочитанные перед битвой с врагом, ведут к несомненной и быстрой над ним победе.

Легко запоминались заклинания, вызывавшие дождь и грозу, землетрясения, обеспечивавшие большие урожаи и удачную охоту. В томике избранных заклинаний находились и такие, что повышали интеллектуальные способности, снижали или усиливали потенцию, врачевали раны людей и скота, делали безвредными яды, умирляли крокодилов в мутной воде, лишали силы водяного демона Тама Гочу, что, по поверьям пигмеев, жил в озере Виктория, а некоторые заклинания даже усыпляли слонов. Несколько сложнее были заклинания, прекращавшие родовую вражду, изгоняющие из людей злых духов или позволяющие найти твердые белые камни, высекающие друг из друга искры.

Остальные заклинания мог запомнить только выдающийся представитель своего племени и великий охотник вроде Мголо Нголо, который легко трусил рядом с Ильей Константиновичем, положив ружье на плечи.

Подобно птичке беззаботной
И он, изгнанник перелетный,
Гнезда надежного не знал

И ни к чему не привыкал.
Ему везде была дорога,
Везде была ночлега сень;
Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю бога,
И жизни не могла тревога
Смутить ее сердечну лень...

Открылась деревня, хижины ее были искусно сплетены из пожелтевших высохших ветвей и пальмовых листьев. Забор вокруг деревни напоминал плетень, что ставят казаки вокруг дворов по-над Доном.

На входе в деревню висел кусок выцветшего кумача, на котором, к своему великому изумлению, Илья Константинович увидел сделанную по-русски надпись «Колхоз «Тихий Нил». Добро пожаловать!» Ниже белели стихотворные строки, которые менее устойчивого к стрессам человека могли ввергнуть в пучину безумия:

Восстань, пророк! И виждь, и внемли,
Презрев красу родной земли,
пришли мы на чужую землю
и тыном гордым оплели!

Под кумачовым плакатом сидел негр средних лет и играл на гармошке. Несмотря на то что негр был черным и в набедренной повязке, играл он такую знакомую и родную мелодию, что у Ильи Константиновича слезы на глаза навернулись. И не зря они навернулись, ведь играл негр мелодию, что с детства была знакома каждому россиянину — «Ой, мороз, мороз».

Пигмей подошел к негру, тот резко сжал мехи своей вздохнувшей тальянки и некоторое время о чем-то поговорил с Мголо Нголо. Тот вернулся к товарищам и сделал успокаивающий жест.

— Все в порядке, — сказал он. — Председатель в правлении.

В самой большой хижине, стоящей посреди деревни, слышались голоса. Около хижины торчало несколько острых

кольев, над которыми висел пояснительный кумачовый транспарант, на котором белыми буквами было начертано: «Наши отстающие». К облегчению Ильи Константиновича, кольца были пусты и лишь на одном из них виднелся бурый косой мазок, похожий на кровь.

В хижине прямо на полу, скрестив ноги, сидели несколько человек. Один был с косматой копной волос и в жуткой бело-красной маске. Человек этот негромко, но мелодично постукивал в барабан, то и дело закатывая глаза и шевеля толстыми губами. У второго негра не было руки и ноги. Негр был тосклив и хмур. Третий, похожий немного на негра губами и приплюснутым носом, был совсем не негр. Он был белым, загоревшим до черноземной густоты.

Лженегр что-то строго выговаривал настоящему чернокожему, который не выпускал из рук барабана. Красно-белая жуткая морда покорно кивала.

— И больше никаких жертв, — донеслось до Ильи Константиновича. — Никаких, ты меня понял?

Странное дело, говорили на русском языке.

— Посмотри на Бумбу, — продолжал непонятный белый. — Вот до чего его твои игры с крокодилами довели! Урожай тот же, а у человека ни руки, ни ноги.

— Это не из-за меня, — сказал негр в маске. — Это из-за Бумбы. Кто же по частям жертвы приносит? Вот если бы крокодилы его всего съели, то у нас и буйволицы молока бы вдоволь давали, и хлебное дерево три раза в год родило. А он что? Даст полруки откусить, а потом орет, как больной слон, на всю саванну.

— Я сказал, — нахмурился старший. — Еще одна конечность, и ты у меня сам живцом станешь. Ты меня понял, Ненегро?

— Понял, — хмуро и неохотно сказал Ненегро. — Как тебя не понять, о великий Председатель!

Тут Председатель повернулся к выходу и увидел пигмея Мголо Нголо и не известного ему белого человека.

— А это еще кого ты мне притащил? — недовольно спросил пигмея Председатель.

— Здравствуйте, — сказал Илья Константинович, делая шаг вперед. — Собственно, я из России...

— Журналист? — Лицо Председателя исказилось гневом. — Погоди, Ненегро, кажется, сейчас тебе будет работа!

— Я предприниматель, — сказал Русской. — Кажется, вы меня неправильно поняли.

— Жулик! — сказал Председатель. — Хватай его, Ненегро! Вот тебе жертва! Посмотрим, будет ли с ней богаче наш урожай!

Илья Константинович Русской и опомниться не успел, как его свалили на землю умелой подсечкой и спеленали крепким травяным канатом.

— И сюда добрались! — гневно сказал Председатель. — Ладно, в России вы все прихватизировали, теперь уже и до свободной Африки добрались?

Недоразумение выяснялось долго и по-африкански неторопливо.

Наконец Ненегро с сожалением развязал Илью Константиновича, а председатель в знак примирения подарил ему зуб не известного науке животного Тама Гочи.

— Извини, брат, — похлопал он Русского по плечу. — Вижу, что ты наш, можно сказать, селянин. А я уж было тебя за последователя Чубайса принял!

Илья Константинович Русской и в самом деле был ярким поклонником Анатолия Борисовича Чубайса, но признаваться в этом Председателю, естественно, не собирался ввиду такой явно выраженной недружественной реакции последнего на деяния рыжего приватизатора.

Постепенно разговорились. Мголо Нголо достал было большую сушеную тыкву с «жеванкой», но Председатель остановил его небрежным жестом, и место на столе занял прозрачный стеклянный поплавок рыболовецкой сети, наполненный кристально чистой жидкостью, пригубив которую, Илья Константинович немедленно признал превосходный арбузный самогон.

— Вот так и живем, — сказал Председатель. — Эй, Негро, тащи, брат, закуску. Только смотри не оплошай, среди нас последователей Бокасса нет!

Глава 18

Застолье располагает к беседе.

Попробуйте сами сидеть за столом, раз за разом опрокидывая стопки с водкой, и вы поймете, что простая пьянка противна самому понятию застолья. Прежде всего оно предполагает человеческое общение. Говорить можно о чем угодно. Есть застолья, которые предпочитают разговоры о женщинах, другие — самоценные — ограничиваются разговорами о самой выпивке, ее качестве и способности отдельных лиц ее потреблять в умеренных или неумеренных количествах. Иные застолья посвящены глобальным космическим проблемам, есть и такие, на которых ведется обязательный разговор о видах на урожай или перспективах, скажем, животноводства. Некоторые застолья посвящены исключительно работе или нестройному исполнению народных песен. Но застолье без тостов и бесед равносильно стопке без закуси, а потому по сути своей противозаконно и противоречит всему развитию человеческого общества. Уж лучше тогда вообще не садиться за празднично накрытый стол!

За нашим столом разговор шел о перспективах освоения Африки.

Иван Николаевич Хлеборобов в Африке оказался случайно. Еще недавно он был председателем преуспевающего колхоза-миллионера имени Бориса Викторовича Савинкова. Разумеется, что в честь боевика-эсера колхоз назвали исключительно по невежеству первого председателя, который еще в приснопамятном тридцать седьмом году отправился повышать свой культурный и общеобразовательный уровень в районы Подкаменной Тунгуски. Районное начальство долго га-

дало, как им переименовать колхоз, склоняясь к привычным героям гражданской войны типа Тимошенко, Щорса, Сергея Лазо или, на худой конец, Михаила Тухачевского. Наконец остановились на маршале Тухачевском и о том направили телеграмму в ЦК и Верховный Совет. Телеграмма подоспела аккурат к процессу над военачальниками, где Михаил Тухачевский был не из последних обвиняемых. Разумеется, инициатива районного начальства никому не понравилась и была соответствующим образом наказана, а колхозу возвращено первоначальное название, и московское начальство постановило считать Савинкова красноармейцем продотряда, зверски замученным белоказаками в донской станице Подтелковская.

Колхоз долгое время был в середняках, и название его в прессе не звучало, поэтому репрессированных и наказанных за весь период сталинского правления не было. А после XX съезда партии ко всем репрессированным начали относиться с известным сочувствием, и даже Никита Сергеевич Хрущев, встретив однажды в посевной сводке эсэровский колхоз, удивился так, что распорядился оказать савинковцам посильную финансово-хозяйственную помощь, в результате которой колхоз начал стремительно развиваться и вскоре обрел капиталистический статус, поскольку всем со школьной скамьи известно, что миллионеров в нашей стране нет, а если и есть, так все подпольные, навроде осмеянного знаменитыми советскими сатириками жулика Корейко.

Хлебоборов работал в колхозе всю жизнь, начав трудовую деятельность со штурвального на комбайне; заочно окончив сельхозинститут, он прошел все колхозные низовые должности от управляющего отделением, механика, агронома и в конце семидесятых занял пост председателя, получив доступ к кремлевской вертушке и спецраспределителю продуктов, который, говоря по совести, именно он и делал изобильным.

Все шло хорошо, но грянула перестройка. Однажды, проснувшись, Иван Николаевич Хлебоборов обнаружил, что

прежнего колхоза нет, а вместо него образовалось несколько фермерских хозяйств, по которым энергично растаскивалась бывшая колхозная техника. Иван Николаевич кинулся в район, а потом и в область, но руководители всех рангов объяснили, что такова теперь политика партии и правительства, и предложили бывшему председателю поехать в далекую Африку сельскохозяйственным специалистом, «а то в Африке, сам понимаешь, ни пахать, ни сеять не умеют, потому они там с голоду мрут». Ивану Николаевичу колхоз было шибко жалко, к тому же дети уже выросли, и, таким образом, на родной земле его уже ничто не держало. Поэтому он согласился поехать в Африку и был направлен в эти места, чтобы научить аборигенов, что, как и, главное, когда сеять. Аборигены сеяли, как местные боги на душу положат, никакой научной агросистемы они не применяли и передовыми методами агротехники не пользовались. Работали по старинке: перед полевыми работами местный колдун Ненегро скармливал одну-две жертвы многочисленным крокодилам, и после этого негры с заунывными пениями отправлялись на поля. Урожай, правда, были небогатыми.

Поэтому Хлеборобов сразу все взял в свои руки: жертвы частично запретил, попросил прислать ему минеральных удобрений, а главное — рассказал аборигенам об Агропроме, передовых методах хозяйствования, обязательности паров и квадратно-гнездовом методе посевов.

Негры рассказы приняли очень живо, а колдун воспринял Агропром как весьма могущественное божество. Не возражали аборигены и против объединения в коллективное хозяйство. Послушав объяснения Хлеборобова, один из негров, некогда учившийся в колледже американских миссионеров, весело сказал: «Понял. Это как групповой секс — всегда сачкануть можно». После этого идею коллективизации восприняли с истинным энтузиазмом, и на африканской земле появился колхоз «Тихий Нил». От реки Нил он находился достаточно далеко, чтобы местные жители вкладывали в название какой-то смысл.

Однако надо было честно признать, что работали негры с огоньком.

Только колдун Ненегро время от времени вносил сумятицу в слаженные ряды тружеников африканского Нечерноземья, поскольку от жертвенной практики отказываться не собирался, только сменил злое божество Пеликана на доброе божество Агропром. С трудом удалось уговорить его перейти к условному жертвованию. Колдун хмуро отнекивался, но потом с доводами согласился, однако лишь с тем, что ему все-таки позволят окунать в воду руку или ногу условной жертвы.

Вот за случайное членовредительство и пенял перед приходом гостей Председатель колдуну Ненегро.

— А урожай? — поинтересовался Илья Константинович. — Урожаи действительно выросли?

— Какая разница? — беспечно махнул рукой Председатель. — Главное, что коллективно все. У нас, брат, так — что потопаешь, то и полопаешь. А урожаи, они, брат, обязательно будут!

Выпили за будущие урожаи.

В это время у ворот в деревню нетерпеливо засигналил автомобиль.

— Это еще кого принесло? — нахмурился Председатель.

— Туристы, наверное, — беспечно махнул рукой Мголо Нголо. От выпитого самогона он покрылся явственным серым налетом. — Кому еще по нашей саванне на автомобилях ездить!

Полог на входе в хижину колыхнулся, и на пороге ее показался мордастый мужик в сетчатой майке с надписью «Полубил Бориса Билл, он так Монику любил!». Мужик был в шортах, открывающих полные волосатые ноги. На голове мужика был белый пробковый шлем, на ногах желтели резиновые пляжные шлепанцы, на груди чернел фотоаппарат, а на толстой шее вызывающе желтела толстая цепь.

— Здорово, мужики! — радостно заорал Жора Хилькевич из Мурманска. — Здесь, что ли, сафари на этих самых жирафов?

Тут он увидел Илью Константиновича Русского, но, казалось, совсем не удивился.

— Здорово, братила! — открыл он Русскому потные объятия. — Ну, блин, что ж ты в Каир на крокодилов не пришел? Такая прелесть была, м-мм, — поцеловал он кончики коротких пальцев. — Бля буду, объединение, братила. Пальчики облизнешь! А уж выпили под крокодилов! Потом арабки пришли. Я тебе точно говорю, не бывает некрасивых баб, бывает мало водки! Всю ночь камасутрились. Ну ладно. Жорик зла не помнит. Ты здесь где остановился? Я смотрю, здесь, блин, даже трехзвездочного отеля не имеется. Ладно, я уже в Мурманск звонил, мне к вечеру «кунг» оборудованный самолет доставят! А приятеля где забыл? Я так считаю, бабы здесь как гуталином намазанные, но хрен с ними, Жора зла не помнит. В конце концов, не в них дело. Мы сюда не за бабами, а за жирафами приехали. Бля буду, если я их с десятка не навалю! Слышь, братила, а что тут народ пьет? Я думал, что здесь нормальной выпивки нигде не найдешь, поэтому пару ящиков «Муромца» заказал. Наше мурманское виски, блин, пятьдесят градусов крепости, бля буду!

Жора Хилькевич подошел к Председателю.

— Ты, что ль, здесь за главного? — спросил он. — Клево, мужик. А где все племя?

— Народ в поле, — сказал Председатель. — А я здесь действительно главный и никому об том советую не забывать. А с теми, кто все-таки забудет, будет то же самое. — И он ткнул пальцем в однорукого и одноногого Бумбу.

Жора Хилькевич подошел ближе и с интересом оглядел инвалида.

— Что вы с ним делали? — удивленно спросил он. — Крокодила на него ловили, что ли? Неужели и на черных клюет? Вода ведь мутная, как они его в воде обнаруживают? По запаху, что ли?

Видно было, что наглый турист действует Председателю на нервы, и он давно бы приказал Ненегро принести Жору в жертву Агропрому, но не хотел международных осложнений.

А может, просто боялся, что его отзовут обратно в Россию, от беспорядка и холодов которой Иван Николаевич Хлеборобов уже отвык.

Потому он ничего не приказал Ненегро, а встал и, не прощаясь, вышел из хижины.

— Чо это он? — удивился Жора Хилькевич и ловко бросил в рот пластиночку «Орбита» без сахара.

— Волнуется, — сказал колдун Ненегро. — У нас сегодня премьера в народном театре. «Сказку о мертвой царевне» ставят.

— Ну, блин! — радостно удивился Жора. — У вас здесь, значит, и театр есть. Это зашибись, культуры похаваем!

Глава 19

Тихие африканские сумерки стояли над деревней, и яркие южные созвездия рекламно высветились в небесах, когда народный театр колхоза «Тихий Нил» начал показ своей постановки. Представьте себе, что чувствовал бы Шекспир, доведись ему увидеть «Гамлета» в Театре на Таганке, или, скажем, Имре Кальман, случись ему услышать свою «Марицу» в Волгоградском театре музыкальной комедии, — и вы поймете, как волновался Иван Николаевич Хлеборобов, когда занавес из зеленых пальмовых листьев раздвинулся и на освещенной сцене появились актеры.

Зрителей было много. Среди них выделялся белой молочной кожей толстый Жора Хилькевич из Мурманска. При виде его во многих аборигенах проснулись атавистические наклонности, и они нехорошо перемигивались, делая вполне определенные жесты и облизываясь. Но увлеченный игрой актеров Жора этого перемигивания не замечал.

Больше всего зрителям нравился момент, когда злая царица, которую играла заслуженная доярка Нгума Мума, доставала зеркальце и, приветливо шутя и красуясь, говорила:

Свет мой, зеркальце! Скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?

Черное лицо актрисы едва можно было рассмотреть на плохо освещенной сцене, поэтому, когда зеркальце тонко отвечало:

Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее,

зал взрывался такими аплодисментами, что им бы позавидовал сам великий Качалов.

Жора Хилькевич восторженно засвистел; видно было, что мурманчанин хавает культуру в сыром виде — с костями и шкурой.

Между тем события на сцене продолжали развиваться. Подросла царевна. Для контрастности ее черное личико выбелили мелом, и, глядя надвигающуюся по сцене жуткую маску, Илья Константинович Русской непроизвольно крестился: каирская красotka теперь казалась ему гением чистой красоты. Царица же, не подозревая о готовящемся сюрпризе, собиралась на девичник. Судя по тому, что она надела и как тщательно выбирала нож, девушки явно сговорились кого-то съесть. Тем оглушительнее прозвучал ответ зеркальца, что царица, конечно, красива, спору нет, но царевна всех милее, всех румяней и белее...

Что тут началось! Минут десять царица в бешенстве каталась по сцене, выла, топтала зеркальце и вообще вела себя отвратительно. Зрители скулили от восторга. Из саванны им дружно подтягивали голодные гиены. Наконец царица призвала к себе Чернавку. Да, это действительно была Чернавка! Остальные актеры рядом с ней смотрелись Снегурочками. Царица приказала Чернавке взять соперницу, отвести ее в саванну и оставить на съедение гиенам. «Черт ли сладит с бабой гневной». Чернавка повела царевну в саванну. Та читала:

Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя!

Неизвестно было, пожалела ли Чернавка царевну, или тайно любила ее, но в саванне она ее развязала и отпустила на все четыре стороны. Вернувшись, Чернавка доложила царице, что царевна

Там, в лесу, стоит одна,
Зверю всякому видна.
Крепко связаны ей локти;
Попадется зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть.

На этом закончился первый акт. Зрители проводили актеров восторженными улюлюканьями, больше всех старался Жора Хилькевич: он сейчас ничем не отличался от чернокожих аборигенов — ни темпераментом, ни децибелами издаваемых им воплей.

— Ну как? — робко спросил Председатель. Он смотрел на Илью Константиновича, как смотрит начинающий режиссер районного театра на маститого московского профессионала, прибывшего проверить, как развивается в культурном отношении глубинка.

— Отлично! — искренне сказал Илья Константинович. — Ваши актеры могут рассчитывать на успех даже в столице. Одна Чернавка чего стоит!

— Эта из соседнего племени, — сказал Председатель. — За талант мы ее взяли. Все-таки характерная роль.

Между тем занавес вновь подняли, и начался второй акт.

Королевич Елисей — огромный полуголый негр с картонным мечом на мускулистом бедре — позаламывал руки и отправился на поиски пропавшей невесты.

Невеста меж тем блуждала по саванне, шарахаясь от голодных гиен и леопардов, и набрела на большую пальму, крытую широкими пальмовыми листьями. За сценой послы-

шались топот, ржание зебр, и в хижине появились семь чернокожих богатырей. Некоторое время негры расхаживали по хижине, цокали языками и, сверкая белками глаз, все удивлялись, кто же так искусно убрался в хижине, хотя и убирать-то в ней особенно нечего было. Разумеется, после некоторых уговоров царица к ним вышла. Ее, как водится, усадили в уголок, налили полную чашу арбузного самогона, но царица от напитка воспитанно отказалась, лишь прикусила кусочек маисовой лепешки.

Семь названных братьев частенько выезжали в лес густой, где тешили правую руку или отрубали голову у заблудившегося в лесу степного жителя — татарина, хотя и неясно было, откуда в саванне эти самые татары взялись. Хотя чему удивляться? Кочевой народ!

Царица, как водится, занималась уборкой хижины или готовила разные кушанья. Времени на это у нее много не уходило, все остальное время царица звонко распевала романсы на стихи Александра Сергеевича Пушкина. Через некоторое время богатыри подступили к царице с нескромной просьбой: стать им всем женой. Но царица сказала, что любит королевича Елисея, и богатыри от нее сразу отстали: видно было, что нрав королевича и его обычай расправляться с врагами им хорошо знаком.

Между тем царица снова взялась за свое зеркальце с дурацким вопросом, кто же все-таки всех румяней и белее, и, разумеется, узнала, что Чернавка ей все наврала и девица жива-здоровехонька. Сначала она хотела скормить Чернавку крокодилам, потом достала рогатку и приказала Чернавке найти царицу и отравить ее.

На этом закончился второй акт.

— По-моему, натурализма многовато, — поделился своим мнением Илья Константинович. — Особенно когда они хором в чаще правую руку тешат.

— Позвольте, позвольте. — Председатель принял топорливо листать затрепанный томик Пушкина. — Вот, страница триста сорок девять...

— Да вы внимательнее читайте. — Илья Константинович взял томик в руки и откашлялся:

Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сарацина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь...

Закончив декламацию, Илья Константинович принялся объяснять зрителям, что именно имел в виду знаменитый поэт, но тут занавес открылся в третий раз, и все вернулись к созерцанию происходящего на сцене.

Очередной акт начался тем, что прирученная гиена едва не порвала нищую черницу, которой искусно загримировалась все та же Чернавка. Разумеется, сердобольная царевна гиену отогнала, дала чернице маисовую лепешку, а та в благодарность вручила ей огромный спелый плод дуриан-дерева. Плод этот тянул килограмма на два и, конечно же, был отравленным. Тут зрители начали требовать, чтобы царевна не ела отравленного подарочка, но та сделала вид, будто не слышит подсказок, и принялась есть. Отрава дала о себе знать не сразу. Царевна спела пару пушкинских романсов, похвالتа себя за горло и уснула на лавке.

Тут и семеро братьев вернулись. Обнаружив мертвую царевну, они принялись яростно спорить, как поступить дальше. Некоторые предлагали царевну съесть, чтобы ее добродетели и красота перешли к ним как к законным наследникам. Другие яростно возражали, говоря, что еще неизвестно, каким ядом царевну отравили, а то ведь может и всем повредить. Третьи предлагали сохранить царевну — чтобы было что предъявить королевичу Елисею. К счастью, победила последняя точка зрения. Чернокожие богатыри уложили царевну в хрустальный гроб и отнесли его в пещеру горы Килиманджаро.

Тут на сцену снова вышла злая царица и спросила зеркальце, всех ли она румяней и белее. И, услышав ответ, ко-

нечно же, успокоилась, хотя и знала, что слова зеркала — самое настоящее вранье.

На этом закончился третий акт. Объявили антракт, и зрители побежали в колхозный буфет подкрепляться арбузным самогоном и жареной буйволятиной.

— Хорошо, хорошо, — сказал Илья Константинович. — Особенно романсы великолепны. Голос — как у Орбакайте!

Подошел великий охотник пигмей Мголо Нголо и со знанием дела сообщил, что, по его мнению, царевна была отравлена соком травы кус-кус, которая человека не убивает, а заставляет уснуть на продолжительное время.

— Вот увидишь, — сказал он Русскому. — После антракта царевна опять оживет!

Снова забухал тамтам, возвещая начало четвертого акта, но зрителей не прибавлялось. Пошли выяснять, где зрители, и обнаружили их в буфете. Зрители, рассевшись на земле, с уважением смотрели, как Жора Хилькевич из Мурманска уписывает огромную жареную ляжку буйвола, молодецки запивая ее стаканами арбузного самогона.

Негры смотрели на Жору со страхом и уважением, никто уже не зубоскалил и не делал известных жестов, и слышался бегущий по рядам зрителей ропот: «Агропром приехал... Агропром...» Видно было, что Жору из Мурманска здесь приняли как долгожданное обещанное божество.

Наконец все снова расселись перед сценой, пальмовый занавес поднялся, и с запозданием начался четвертый акт.

Королевич Елисей долго скитался по саванне, победив в своих скитаниях льва, леопарда и страшного Тама Гочу, похожего на бегемота с хоботом и зубастого, как целая стая гиен. Каждой победе зрители бешено аплодировали. Со шкурой Тама Гочи королевич добрался до пещеры, где спала царевна. Королевич долго молился богам, включая и самого Агропрома, потом разбил гроб и потерся носом о щеку царевны. Та немедленно открыла глаза, увидела королевича, огромную шкуру Тама Гочи, на которой и отдалась своему любимому со всем пылом и жаром юности.

В это время на сцену вышла злая мачеха-царица и начала пытаться зеркальце надоевшим вопросом. Зеркальце сказало, что всех белее молодая царевна, а уж румяная она сейчас, как мандарин.

Злая царица в ярости разбила зеркальце и побежала сама искать царевну, чтобы согнать с ее щек румянец. Выскочив на крыльцо, она увидела, как королевич Елисей на пони везет во дворец пропавшую царевну. Тут злая царица поняла, что все кончено, и все действительно было кончено — с влюбленными приехали семь богатырей, которые злую царицу и девку Чернавку поймали и сразу стали допытываться, что они ели последние два дня. Занавес начал закрываться, но все-таки, судя по диким воплям, ответы злой царицы и девки Чернавки названных братьев молодой царевны удовлетворили.

Зрители долго аплодировали, кричали «бис» и требовали артистов на сцену. Потом был банкет с арбузным самогоном и жареной буйволятиной.

Лежа в гамаке, Илья Константинович Русской слушал, как шуршат по стенам хижины тарантулы и гекконы. Все происходящее с ним казалось Русскому невероятным, и единственная мысль не давала покоя: куда делись киллеры, неужели потеряли его след?!

Глава 20

Яхта «Глория» гордо рассекала воды Атлантики. Если кто-нибудь из читателей не знает английского языка, смеем отослать их к стихотворению Бориса Слуцкого «Лошади в океане», где черным по белому напечатано, что «глория» по-русски значит «слава». Вместе со Слуцким будем надеяться, что читателю это запомнится легко.

На зубах Ильи Константиновича Русского еще скрипел африканский песок, левую ягодицу жгло от укуса мухи це-

це, а лицо бизнесмена было таким загорелым, что невольно закрадывалось сомнение в его истинно русских корнях. Впрочем, докажи мы обратное, что бы это означало? Да ровным счетом ничего! Сказано же в Большой Советской Энциклопедии, что Александр Сергеевич Пушкин — великий русский поэт. И точка. Какое нам дело, что в жилах у него текла эфиопская кровь? Если мы к голосу крови прислушиваться будем, то даже и не заметим, как половины своих гениев лишимся.

Глянем на генеалогическое древо Михаила Юрьевича Лермонтова — и прощай великий русский поэт. А шотландцы его к своему Роберту Бернсу приплюсуют и в выигрыше останутся. А если, не дай Бог, к Ландау приглядеться или, скажем, Ферсману? Боже упаси нас от таких научных изысканий! Не то мы после монголо-татарского ига вообще без корней останемся. И без гениев. Начнем писаря Крякутного вспоминать, а потом окажется, что великий русский самородок крылья свои лишь в летописях мастерил. Да и фамилия у него доверия особого не внушает. Что это за фамилия для истинно русского человека — Крякутный? Ну, Кулибин, скажем, еще куда ни шло. Разин, Пугачев, Болотников — это все свои, родные. Гришка Отрепьев — тоже возражений в исконности его происхождения нет. Если внимательно посмотреть, каждый русский в душе либо бунтовщик, либо кандидат на престол. И неизвестно, что из этих двух ипостасей лучше.

А Илья Константинович Русской был русским. Потому как душа его сейчас бунтовала против путешествия на яхте «Глория». Некоторые назовут это состояние морской болезнью. Ничего подобного, дорогие читатели, это самый настоящий бунт человеческой души против путешествия в нечеловеческих условиях! И по эпицентру бунта легко распознать место, где у человека эта душа находится.

Яхтсмен Олаф Педерссон, совершавший в одиночку кругосветное путешествие, с охотой взялся подбросить Илью Константиновича до Огненной Земли. Во-первых, он туда

плыл. Во-вторых, места на яхте вполне хватало для двоих. В-третьих, лишний доллар бумажнику не помеха. В-четвертых, одному плыть было скучно, а Илья Константинович на свое вписание в судовую роль не претендовал, но как собеседник вполне годился, потому что знал английский язык. Олаф Педерссон частенько езживал в город Ленинград, а чуть позже и в Санкт-Петербург — отдохнуть от суровости скандинавского сухого закона, и во время этих посещений неплохо выучил непере译имые идиомы богатого и могучего русского языка, поэтому в беседе всегда мог вернуть что-нибудь солёненькое и вполне уместное. Ну и наконец соображения безопасности тоже играли свою роль. Не дай Бог, прихватит в дороге! Самому себе операцию делать тяжело и опасно, пусть уж лучше тебя полужнакомый дилетант зарежет, нежели самому себе хакири делать. Олаф Педерссон был яхтсменом, а не самураем!

И погода вроде держалась неплохая, и чайки летали высоко, и буревестников, так замечательно описанных великим пролетарским писателем и поэтом Алексеем Пешковым, поблизости видно не было, а с лица Ильи Константиновича не сходил густой зелёный румянец, и сидел он в постоянной боевой готовности у борта яхты, судорожно держась за леер. Гигиенические пакеты Олаф Педерссон русскому уже не выносил — все равно ведь загадит, так пусть лучше акулам Атлантики свое презрение выказывает. Олаф иной раз уже жалел, что взял на борт такую сухопутную крысу, но утешал себя мыслью, что русский обвыкнет, путь-то еще долгий, глядишь, и с силами все-таки соберется для бесед с товарищем по путешествию.

Самого Олафа Педерссона морская болезнь не брала. Он в России такие дозы на грудь принимал, в такую качку впадал, что после этого любой шторм в океане казался ему легким волнением. Бывало, подъедешь к границе со стороны русских и, пока пограничники шлагбаум полосатый поднимают, вольешь в себя две-три бутылочки «Сто-лишней», а на своей стороне уже думаешь о негативных последствиях сего

необратимого поступка. И ведь как метко назван русскими их спиртной напиток — сколько ни выпей, а сто граммов всегда лишними окажутся!

— Э-э, — окликнул Олаф Русского и выразительно сморщился. — Плохо?

— Да уж не хорошо, — отозвался Илья Николаевич, осторожно заглядывая в изумрудно-голубые океанские воды. Прямо под яхтой куда-то спешил по своим делам косяк макрелей. А может быть, и трески.

Этой самой треске или макрели поведение Ильи Константиновича не нравилось, но что поделаешь, если путешествуешь на нижней полке? Вот косяк и мирился с недостойным поведением человека. Под яхтой плыть безопаснее, она по крайней мере касаток и дельфинов отпугивает. А им только волю дай — так косяк почистят, что останется лишь маленькая стайка.

— Э, — снова сказал Олаф Педерссон и протянул Илье Константиновичу жестянку пепси. — Пей!

Нет, швед все-таки был неплохим человеком, только фамилия у него позорная. Вот и все мы такие, с виду плохие, а в душе всегда чистый нетронутый уголок найдется, в котором и ангелу отдых.

Илья Константинович отпил из банки, и ему стало легче. Воздух пропах винной пробкой и солью. В вантах и парусах яхты свистели океанские ветра. Ангольское течение несло яхту на юг. По левому борту нескончаемой полоской желтела пустыня Намиб.

Русской был уверен, что теперь-то киллеры его след потеряли.

Из колхоза «Тихий Нил» он улетел на вертолете продовольственной комиссии ООН. Это только на словах они прилетали, чтобы определить объемы продовольственной гуманитарной помощи, на самом деле они выискивали, что еще из Африки можно вывезти. И доискались — Председатель на них ручных леопардов натравил. Вертолетчик в обратный путь

до Луанды летел налегке, так чего ж ему было попутчика не прихватить?

А в Луанде и Педерссон подвернулся со своей регатой.

— Пойду полежу немного, — сказал по-английски Русской.

Олаф Педерссон понимающе кивнул лохматой и борода-той головой.

Был он атлетически сложен и к тому же — голубоглазый блондин, немцы таких в свое время называли белокурými бестиями. Войдя в каюту, Русской еще раз убедился в справедливости немецких оценок. Все стены каюты обклеены голыми красотками, причем ракурсы по-шведски такие смелые, что при виде стены у Ильи Константиновича дух перехватило и морская болезнь куда-то отползла на карачках. Особенно хороша была юная брюнеточка на шпагате и сразу с двумя вибраторами.

Илья Константинович лег на постель, задумчиво глядя на красоток. Педерссону было хорошо, он плыл вокруг света, но, к сожалению, мог подбросить лишь до Пунта-Аренас, что в Магеллановом проливе. Дальше он опять должен был плыть в одиночку.

Да и сам Илья Константинович не выдержал бы долгого и утомительного плавания. Все-таки суша под ногами куда надежнее палубы.

Помнится, он и в Индийском океане чувствовал себя нехорошо. Русской представил себе проделанный им путь и зажмурился. Никому бы он не пожелал стольких опасностей! Даже врагу. Куда милосерднее было бы просто пристрелить его на пороге собственного дома, чем заставлять пускаться во все тяжкие в странствиях по свету!

Илья Константинович прикрыл глаза и погрузился в дрему. Во сне он видел вокруг себя океанскую бездну с серебристыми косяками, плывущими в разнообразных направлениях. Да и сам себя он ощущал гибкой сильной рыбиной, что плывет к берегам далекого неведомого материка, чтобы от-метать... Тьфу, черт! Он проснулся и укоризненно посмотрел

на улыбающуюся дамочку с вибраторами. И здесь достали! После арабских приключений Илью Константиновича к женщинам не влекло, да и африканские похождения пламени страсти не прибавляли, но все-таки... Он перевернулся на другой бок и попытался уснуть, чтобы снова ощутить себя сильной крупной рыбиной, плывущей туда, куда она захочет. И это ему почти удалось, но только на время, потому что неожиданно впереди среди зарослей морской капусты затаилась сеть, которая медленно стягивалась вокруг Русского гибельной ловушкой. Он снова открыл глаза и почувствовал, что лежит на постели в поту. По металлическому трапу загремели торопливые шаги, и Илья Константинович увидел бородатое лицо Педерссона.

— Лучше? — спросил яхтсмен.

— А то! — сказал Илья Константинович, спуская ноги с постели.

— Там гидросамолет летает, — сообщил Педерссон. — И кружит, и кружит!

Упоминание о гидросамолете встревожило Русского. Чертыхаясь и кряхтя, он выбрался на палубу. Океан был безлюдным до самого горизонта. Никаких гидросамолетов в пределах видимости не наблюдалось. И это несколько успокоило бизнесмена. Мало ли откуда мог прилетать и кому принадлежать самолет?! Китобойной флотилии, например, или вооруженным силам какой-нибудь африканской республики, или даже туристам. «Знаем мы этих туристов!» — угрюмо возразил внутренний голос.

Между тем яхта, послушная тугим парусам и умелым рукам ее хозяина, повернула на запад, медленно, но уверенно преодолевая Бенгальское течение, и взяла курс в открытый океан. С севера, где оставался экватор, нещадно палило солнце, в небе стайками порхали летучие рыбы, яхту сопровождал, лениво помахивая крыльями, огромный альбатрос, и Илья Константинович стал понемногу успокаиваться.

На капитанском мостике опять появилась борода Педерссона.

Яхтсмен что-то напевал по-шведски. Мотивчик был так себе, слуха у Олафа вообще не было, да и голос... В общем, не годился голос Олафа Педерссона для серьезной эстрады, запой Олаф со сцены, ничего бы хорошего из этого не получилось. Так, второй Борис Моисеев со своей голубой... э-э-э... луной. Но может быть, Илья Константинович Русской был излишнее пристрастен. Или фамилия яхтсмена ненужные ассоциации порождала.

Глава 21

Всю последующую неделю погода стояла отменная, и даже Атлантический океан был тихим. Душа Ильи Константиновича Русского радовалась океанскому великолепию. Он себя ощущал знаменитым Юрием Сенкевичем, которого пригласил в кругосветное путешествие еще более знаменитый Тур Хейердал. Он возлежал в шезлонге, потягивая через соломинку кока-колу из жестяной банки, и расспрашивал Олафа Педерссона об особенностях шведской модели развития. Педерссон был путешественником и об экономике родной страны имел смутное понятие, но в том-то и был весь смак: выпытывать детали у ничего не знающего человека. Он их всегда дополняет своими домыслами, и тогда получается такое, что никаких юмористических журналов не надо.

Наконец пытать шведа Русскому надоело. Он включил приемник и принялся обшаривать эфир, надеясь найти голос Москвы. Очень ему захотелось услышать русских дикторов и узнать, что делается на Родине. Или хотя бы «Подмосковные вечера» услышать. Но лучше бы он этого не делал! По крайней мере спокойствия бы не лишился. На русский голос он наткнулся быстро. Голос был громким и ясным. Русской откинулся в шезлонге, но уже первые фразы заставили его вскочить в напряжении.

— Диспетчер! Диспетчер! — надрывался громкий близкий голос. — Мы опять его, суку, потеряли!

Ответ неведомого Диспетчера понял даже швед. Все слова, сказанные диспетчером, относились к истинно русскому языку, можно сказать — исконно русскому, потому что нет никаких сомнений, что отдельные слова русского мата появились сразу же за первыми словами, которые произнес ребенок: «мама», «папа» и «дай!» Олаф Педерссон восторженно показал большой палец.

— Хорошѐ! — крикнул он.

Ничего хорошего в этих переговорах Илья Константинович не увидел. Высказав свое мнение о неведомых собеседниках и отведя тем самым душу, Диспетчер принялся надиктовывать им координаты утерянного объекта. Русской не был силен в географии, а уж топография для него вообще была словно темный лес, но тут и он понял, что речь идет о том районе Атлантики, где сейчас крейсировала яхта «Глория». А это означало, что убийцы, идущие по следу бизнесмена, получили необходимые указания от своего шефа. Неведомый Диспетчер обладал широкими возможностями, похоже, он даже к спутникам морского наблюдения доступ имел, иначе откуда бы ему взять данные о местонахождении бизнесмена?

Илья Константинович мрачно посмотрел на небеса, и неожиданная мысль вдруг закралась ему в голову. А если... Нет, вот этого точно быть не могло. Не может *Он* собственную заповедь нарушать!

Но настроение испортилось окончательно.

А еще спустя пару часов они подверглись нападению морских разбойников.

Разбойников было двое, и неслись они под красными парусами виндсерфингов. Скорость у них была больше, чем у яхты, и бандиты стремительно нагоняли ее. Поравнявшись с яхтой, морские разбойники с гиканьем и воплями принялись забрасывать ее ручными гранатами. Фонтаны дыма и пламени встали на корме. Яхта задрожала, мачта с парусом со скрипом накренилась и рухнула в воду. Нарушение меж-

дународного морского права было налицо, только вот апеллировать не к кому. Бог далеко, а альбатросы юридического образования не имеют.

— Прыгай! — закричал швед и, надев оранжевый спасательный жилет, ринулся в воду. Русской последовал за ним. Некоторое время они яростно выгребали, стараясь отплыть от яхты как можно дальше.

Швед меланхолично матерился по-своему. Удивительно, но Русской его прекрасно понимал.

Наконец над яхтой вспух черный гриб, корпус ее медленно развалился, уходя под воду, а над белыми барашками волн побежали язычки пламени.

— Дизтопливо горит, — спокойно сказал швед, словно терпеть подобные кораблекрушения ему было не в диковину.

Виндсерфингов нигде видно не было. Морских разбойников тоже.

К месту гибели яхты от горизонта спешили большие белочерные дельфины.

«Кажется, приплыли», — подумал Русской и испытал неожиданное облегчение от того, что вся эта безумная гонка закончилась. Похоже, швед испытывал подобные же чувства. Он лежал на спине, и волны тихо омывали островок его волосатого пупка. Конец был совсем уже близко.

Неожиданно вдали послышался стрекот гидроплана. Вскоре самолет оказался над местом катастрофы, сделал круг и пошел на посадку, разбрасывая вокруг себя буруны серебристых брызг. Двигатели чихнули несколько раз и замолчали. Гидроплан закачался на волнах.

Неподалеку от него, встав на хвост, невозмутимо наблюдали за происходящим дельфины. В фюзеляже гидроплана открылся люк и на поплавок выбрался мордастый мужик в футболке с надписью «Антарктида — родина негров». Мужик был в шортах, открывающих полные и загорелые волосатые ноги. На голове мужика была белая панама, на ногах желтели резиновые пляжные шлепанцы, на груди чернел

фотоаппарат, а на толстой шее вызывающе желтела толстая цепь.

Первый раз Илья Константинович был искренне рад встрече с этим человеком.

— Ну ты даешь, мужик! — радостно заорал Жора Хилькевич. — А я думаю, куда он слинял? Утром всю саванну на вертолете облетел, ты как в воду провалился! Не, братила, я такого цимуса еще никогда не видел, классное сафари получилось! Мы этих жирафов с десятков настреляли, я из гранатомета двух бегемотов завалил, полдня мы их из болота доставали! Такое жаркое сварганили — пальчики оближешь! Знаешь, как под арбузовку ихнюю пошло? Я даже к «Муролицу» не притронулся, хотя мне его из Мурманска шесть ящиков привезли! Потом негритоски подвалили. Сначала просто плясали, а потом! Потом, братила, такая камасутра была, что у меня до сих пор внизу колокольчики звенят! Бабы ничего, только черные. Их в темноте только на ощупь и найдешь. Я одну поймал, полночи ее в «кунге» парил, под утро смотрю, а это колдун ихний, Ненегро его зовут... Ну ладно, Жорик зла не помнит. — Он протянул Русскому мясистую ладошку и помог ему взобраться на поплавок. — А мы на китов поохотиться взялись. Мне тут два гранатомета подвезли и гранат к ним несколько ящиков! Я не Жорой буду, если с пяток китов мы не отстреляем! Они как раз к Антарктиде пошли!

— Педерссона вытащи, — сказал, стуча зубами, Русской.

— Что? — Жора Хилькевич пожал полными плечами. — Извини, братила, но я с пидерсонами никаких дел иметь не хочу.

— Он по фамилии Педерссон, — перебираясь ближе к люку, объяснил Илья Константинович. — А по национальности он швед. Миллионер он, Жора!

— Ну, если миллионер... — протянул Хилькевич и помог Олафу вылезти на поплавок. Осмотрев его, он скривился и пробормотал недоверчиво: — Бородатый, блин, как Костилов из Кремля. А ты говоришь, не пидерсон.

Гидроплан взревел моторами, промчался по воде, оставляя за собой пенистую дорожку, и поднялся в воздух.

Преследователи, выглядывая из-за обломков яхты, с завистью смотрели ему вслед.

— Ушел, — с досадой прохрипел коренастый и окунулся с головой в горько-соленую волну. — Ушел, козел!

— Тише ты, — сказал долговязый, солидно и экономно плывя брассом, а проще сказать — по-собачьему. — За козла и в Атлантике ответить можно!

— Все равно догоним! — бесновался коренастый, выпрыгивая из воды. — Дого-оним! Давай, братан, лови дельфина! Я видел, на них в дельфинариумах плавают! Вон их сколько плывет!

И в самом деле, с разных сторон к незадачливым наемным убийцам стягивались дельфины. Похоже, что все они тут были дрессированные и жаждали оказать помощь утопающим.

Дельфины подплыли ближе.

— Да это же касатки! — ахнул коренастый и даже выгребать перестал. — Глянь, зубы у них какие!

— Теперь мы за твоих козлов точно ответим, — сказал долговязый и перевернулся на спину, сложив руки и ноги, чтобы касаткам было легче глотать. А чего сопротивляться, если надежды на спасение нет?

— Врешь! — прохрипел коренастый. — Мы еще побарахтаемся!

И он, что-то достав из кармана, принялся это что-то полоскать в чистой океанской воде. Уж на что долговязый, не один год отслуживший контрактником в ВДВ, был неприхотлив и вынослив, но и его замутило. А о касатках и говорить не приходилось: выпустив из дыхания по едкому вонючему фонтану, шесть касаток тут же перевернулись на спину, открывая небесам белоснежные животы. Остальные, стремительно набирая ход, пустились восвояси.

— Что это у тебя? — спросил долговязый, держа голову повыше над водой. — Порошок против акул?

— Носки! — проорал коренастый. — С самой Африки тащил, все постирать некогда было!

Долговязый снова лег на спину, глядя в бездонное голубое небо.

— Ну и чего ты добился? — печально спросил он. — Теперь мы просто утонем. До берега еще знаешь сколько?

— У тебя сотовый далеко? — печально поинтересовался коренастый. — Звони, братан, Диспетчеру.

— Не буду я ему звонить, — сказал долговязый. — Пусть меня лучше касатки порвут! Ты знаешь, что он с нами делает?

— Догадываюсь, — уныло подтвердил коренастый. — Но ты все-таки позвони, может быть, он нас еще простит!

Долговязый окунул голову в воду и принялся отфыркиваться, обеими руками держась за плавник касатки.

— А ты бы простил? — поинтересовался он.

— Я бы? — Коренастый подумал самую малость. — Я бы на его месте на нас бомбу сбросил. Чтобы не мучились. Эх, если бы ты его тогда в Лхасе подстрелил!

— Да нельзя было! — уныло признался долговязый. — Я же еще во Владике подрядился информацию о нем поставлять в «Новости дня». И в газету «Владивостокское утро». А каждую заметку словами заканчивал: «Илья Константинович Русской все еще жив!»

— Так ты это специально? — Коренастый навис над долговязым, но тут же сам окунулся в воду. — Выходит, ты специально в него промахнулся, когда мы были в Лхасе? И в японской гостинице ты знал, что его в номере нет? И винтовку в Нагпуре специально утопил?

— Зато сколько бабок заработали! — смущенно оправдывался долговязый.

Коренастый вскарабкался на касатку и за руку втащил долговязого на черную наждачно-жесткую спину.

— Звони! — потребовал он. — Сейчас же звони, козел!

Долговязый поморщился.

— Хорошо тебе, надоел, — сказал он. — За козла ведь и ответить можно!

Глава 22

Русской сидел на берегу пролива, и будущее казалось ему тоскливым, как спектакль захудалого провинциального театра. Потрясение, которое он испытал при кораблекрушении, выбелило виски Ильи Константиновича и сделало его лик почти иконным — темным и безрадостным. Праздник закончился тяжким похмельем. Суматошливый Жора Хилькевич неожиданно изменил планы и улетел в Бразилию ловить анаконду, рассудительный швед уплыл с таким же, как и он, искателем приключений.

На прощание швед по-родственному прижался бородастой щекой к не менее бородастой щеке Русского и высказался, что у каждого в жизни бывает своя Полтава, может быть, фрэндзу Илье когда-нибудь повезет.

Близкий стук копыт Ильи Константинович воспринял как неожиданный дар судьбы. Он принял ухом к земле, пытаясь сообразить, откуда доносится стук копыт, и услышал близкие голоса. С холмов, поросших густым кустарником, медленно вышел гордый гнедой жеребец с небрежно откляченной нижней губой и острыми прядяющими ушами. Жеребца вел под уздцы кучерявый черноволосый молодец в кумачовой рубаше, черных плисовых штанах и щегольски смятых гармошкой сапогах. Под мышкой молодец держал кнут. В зубах его тлела сигарка. На лошади, подобрав ворох юбок, сидела черноволосая цыганка и что-то негромко напевала. Песенка была задорная, а мотив показался Илье Константиновичу удивительно знакомым. Все-таки культура двух континентов, несомненно, имела общие корни.

Заметив Русского, молодец остановился, выплюнул сигарку и сверкнул на встречного золотой фиксой. Ворот красной рубашки молодца был распахнут, и на смуглой шее нагло желтела толстая цепь, которую никак нельзя было назвать медной. Молодец радостно улыбнулся и что-то негромко сказал сидящей на лошади подружке. Та спрыгнула с лоша-

ди, подбежала к Илье Константиновичу и что-то затараторила на местном диалекте, но Русской поднял руки и отрицательно замотал головой, показывая, что он ничего не понимает. Убедившись, что перед ними не местный, женщина немного подумала.

— Дойч? — спросила она. — Шпаниш?

— Русский, — признался Илья Константинович.

Лицо женщины озарила радостная улыбка. Она схватила Русского за руку, выворачивая ее ладонью вверх, и затараторила:

— Ах, родной мой! Чует мое сердце, беда у тебя! Потому ты невеселый и хмурый! Позолоти ручку, миленький, Марьяна тебе всю правду расскажет! Хочешь — на прошлое погадает, о настоящем поведает, о будущем расскажет... — В руках ее торопливыми голубями запорхали карты.

«Цыганка, — понял Илья Константинович. — И по-русски шпарит запросто, словно всю жизнь на российских вокзалах провела!»

Цыган отпустил лошадь, и та принялась пастись, лениво подбирая редкие клочья травы, выбивающейся из каменной россыпи берега.

Цыганка же впилась в Илью Константиновича, словно воробей в гусеницу, оторвать ее от потенциального клиента сейчас можно было только лебедкой таежного вездехода, да и то трос мог не выдержать. Торопливым шепотом цыганка обезличенно поведала Русскому о трудностях его прошлой жизни, мимолетно посочувствовала его не менее тяжелому настоящему, заставила Илью Константиновича опуститься на валун, намереваясь погадать на его беспросветное будущее.

— Постой, постой, — сказал Илья Константинович и сунул пятидолларовую бумажку за корсет гадалки. — Вы-то откуда здесь?

— Кочевали, — неопределенно сказала цыганка.

— А сами откуда?

— Из Поворино Воронежской области, — призналась цыганка. — Знаешь такой город?

— Знаю, — сказал Русской. — Далеко же вас занесло!

— Далеко, — загрустила гадалка и, повернувшись к цыгану, звонко крикнула: — Рома, иди сюда, земляка встретили!

Оба они действительно оказались цыганами, родом оба были из Поворино, маленького железнодорожного городка в черноземной полосе России. Каждый год они уходили в табор и кочевали по России, питаясь чем Бог пошлет. Роман Михай в меру своих сил и способностей чинил бороны в колхозах и совхозах, его жена Марьяна занималась гаданием; по осени цыганская семья возвращалась к постоянному месту жительства с неплохим барышом — благо, дураков среди рядовых россиян, а тем более сельского руководства всегда хватало.

А как поется в известной песне, «пока живут на свете дураки, обманом жить нам, стало быть, с руки». Несколько лет назад семья Михай отправилась на обычный летний промысел. В путешествии своем они в тот год посетили много городов федерации, однажды заночевали на реке*** близ русского города***. Название мы опускаем умышленно, чтобы цыганским путем не воспользовались какие-нибудь изменники родины и шпионы. Так вот, на ночь они расположились на одном из островов, изобильно усеивающих русло реки. Немало было выпито в тот вечер и много было спето печальных цыганских песен под аккомпанемент гитар. Проснувшись утром, табор обнаружил, что по-прежнему находится на острове, но сам остров уже не находится на реке, а медленно дрейфует по одному из морей, примыкающих к Северному Ледовитому океану. Дальнейшее путешествие было длинным и противоречило всему, что ученым известно об океанских течениях.

На плавающем острове цыганский табор посетил ряд африканских стран, побывал в Австралии, на островах Полинезийского архипелага и даже в Антарктиде. Но там цыганам не понравилось, потому что, во-первых, было холодно,

но главное — там некого было облапошивать, ведь населяют Антарктиду в основном королевские пингвины, а пингвины, как известно, ведут натуральное хозяйство и наличными деньгами не располагают.

Однако ударили морозы, и цыгане по льдинам добрались вначале до Огненной Земли, где их приятно удивили невежество и доверчивость местных аборигенов, а после недолгой, но прибыльной работы на острове табор наконец перенесся на материк. Большинство цыган ушли к теплым местам, на месте остались лишь единицы, которые не могли оставить местных бар... аборигенов, которых можно было стричь, как баранов, — в любое время и с любого места.

Ответный рассказ Ильи Константиновича Русского потряс цыган, и они сразу же прониклись к нему сочувствием.

— Коней ковать умеешь? — дружелюбно спросил цыган Роман Михай.

Илья Константинович отрицательно помотал головой.

— Бороны чинить? — уже не сомневаясь в отрицательном ответе, спросил цыган. — Кормушки для скота из труб ладить?

Русской не умел и этого. Сокрушенно поцокав языком, Роман Михай сказал:

— Несчастный человек, уже в годах, а ничему толковому так и не научился. Хочешь, воровать научу?

Почему-то стыдно было Русскому признаться простодушному цыгану в том, что воровскому искусству он сам мог бы поучить кого угодно, не зря же в свое время возглавлял три инвестиционных фонда, две страховые компании и одно хитрое учреждение, занимавшееся, по сути дела, обыкновенным мошенничеством, которое учредители и работники меж собой называли селенгом. Селенг этот сводился к тому, что маленькая группа людей организованно собирала большие деньги с возможно большей группы людей, верующих в халяву, собранные деньги тратились на нужды этой меньшей группы людей, а большей части объявлялось, что с халявой им не повезло и в силу предпринимательского риска все они

могут смело говорить, что по жизни узнали суть поговорки «бедность не порок». Надо ли говорить, что счет шел на миллиарды, да что там миллиарды — триллионы рублей! А чему мог научить его малограмотный цыган? Искусству уводить из-под носа владельцев лошадей? Обманывать доверчивых председателей колхозов, окрашивая старые бороны черной краской и выдавая их за новые, или пуще того — получая авансы в кассе сельхозартели и после этого уже не утруждать себя особым физическим трудом? Да мелко плавал он, этот цыган, но обижать его сейчас Илье Константиновичу было не с руки.

— Хорошему чего не поучиться! — согласно кивнул он.

— Человеком будешь! — заверил его Роман Михай. — В хромовых сапогах ходить будешь! Цепь купишь! Баб в бабках купать будешь!

В жизни довелось Илье Константиновичу в дни шальных загулов купать знакомых девиц в шампанском, молоке, йогурте, но в деньгах... Что говорить, идея эта сразу пришлась Русскому по душе, и даже тревога за свое будущее как-то отошла на второй план.

Похоже, что Роман Михай знал толк в развлечениях, поэтому Илья Константинович сразу же доверился веселому и наглому цыгану и безбоязненно отправился с цыганской парой в их недалеко расположенное селение.

— Ты сегодня третий русский, — сказал Михай. — День какой-то неудачный. До тебя мы еще двоих встретили. Марьяна им гадала. Всё они допытывались, удастся ли им какого-то бизнесмена пристрелить.

— Ну и что она им нагадала? — похолодев в душе, спросил Русской.

— Чистую правду, — пожал плечами цыган. — Не удастся им этого бизнесмена прикончить.

— А почему? — заинтересовался Илья Константинович.

— А как они это сделают? — сверкнул фиксой цыган. — Марьяна у них все деньги выманила и пистолеты в придачу.

— А где они теперь? — спросил Русской и осторожно огляделся по сторонам.

— Не знаю, — пожал плечами цыган. — Деньги, наверное, на новый пистолет зарабатывать пошли.

Табор представлял собой десяток живописных кибиток, беспорядочно расставленных вокруг большого шатра. Неподалеку от табора лениво паслись кони. У одной из кибиток ругались по-цыгански лохматые черноглазые ребятишки. От шатра, приставив ко лбу согнутую козырьком руку, смотрел рослый цыган с густой и окладистой бородой.

— Вот мы и дома, — сказал Роман Михай. — Водку пьешь?

Наутро, проснувшись с пересохшей глоткой и тяжелой головой, Илья Константинович Русской с трудом вспомнил детали вчерашнего веселья. Помнится, пили. Но это было естественно. В карты играли. И в этом он ничего предосудительного не увидел. Водки было много, картежников, жаждавших облапошить глупого русского, — и того больше. Но вот сколько было выпито и какой частью тела к нему повернулась картежная судьба, Русской при всем старании вспомнить не мог. Он лежал в шатре цыганского барона, и на нем были хромовые сапоги, плисовые штаны и кумачовая рубаша. Кумачовая рубаша странно топорщилась у него на животе, словно Илья Константинович разъелся неожиданно быстро или был беременным. В последнее верилось с трудом, а поправиться за один день до такого состояния было невозможно. Илья Константинович сел, с трудом снял ремень и с оторопью уставился на грудку долларов, высыпавшихся из-под рубахи.

Поверх денег тяжело упал новенький, еще в невытертой ворони «вальтер». Откуда взялись деньги и пистолет, Русской вспомнить не мог. Торопливо стащив с левой ноги сапог, Русской зашарил в носке. Золотая кредитная карточка оказалась на месте, но ясности в происходящее не внесла.

В шатер вошел хмурый Роман Михай.

— Здорово, — облегченно сказал Илья Константинович.

— Здравствуй, батька, — отозвался Роман Михай. — Как спалось?

— Погоди, погоди, — затряс головой Русской. — Откуда все это?

Роман Михай равнодушно посмотрел на грудку денег, печально вздохнул и сказал:

— Здоров ты, батька, в карты играть. Ох и здоров!

— И много я вчера выиграл? — осторожно спросил Русской.

Цыган снова вздохнул.

— Сначала ты меня раздел, — сказал он. — И Марьяну, черт тебя подери, выиграл. Потом вы с бароном схлестнулись. Кулай Михай тот еще игрок, а вот против тебя не сладил. Сначала он тебе все бабки из нашего общака проиграл, потом против денег Антарктиду поставил и снова проиграл, рискнул на табор сыграть — и опять ему не повезло... В общем, теперь ты у нас за главного... — Он снова вздохнул и жалобно попросил: — Батька, отдай Марьянку. Двенадцать лет с ней живем, пятерых детей нажили...

— Да забирай, — с легким сердцем согласился Русской. — Вот, блин, влип! С Антарктидой ладно, с Антарктидой мы еще разберемся. Что мне с табором делать?

Радостный Роман Михай посоветовал:

— А ты его вечером назад проиграй, — и вспомнил: — Там вчера двое русских приходили. Ну, которым Марьяна гадала. Так они с тобой тоже в карты сели играть.

Илья Константинович похолодел.

— На что играли-то? — хватаясь за сердце, спросил он.

— На краба какого-то, — сказал цыган. — Я еще удивлялся, зачем тебе при таких-то бабках какие-то крабы.

— И что же?

Цыган развел руками.

— Ты опять выиграл! Потом они с тобой на их новый пистолет играли. Хороший пистолетик, новый совсем. — Михай посмотрел на новоявленного барона, картинно развел руками и

сказал: — И они тоже проиграли! Пьяные были, — в оправдание киллеров добавил Роман Михай.

Илья Константинович долго ломал голову, пытаясь вспомнить своих партнеров по игре, но в памяти всплывали лишь взвизгивающие цыганки, угрюмые бородатые морды и мелкие, назойливые, как комары, цыганята, выпрашивавшие у него деньги.

— Рубаху не отдашь? — глянул на него карим глазом Роман Михай.

Русской подумал, махнул рукой и принялся через голову стягивать кумачовую рубаху.

— Сапоги со штанами тоже бери, — сказал он, чуть задыхаясь от усилий.

Цыган восхищенно всплеснул руками.

— Ай, ромалэ! Настоящий цыган — для друга последней рубахи не пожалеешь!

Похвала и лесть цыгана Илье Константиновичу были приятны, и он не стал объяснять, что в адидасовском костюмчике и рибоковских кроссовках чувствует себя гораздо удобнее.

Глава 23

Испанского или португальского Ильи Константинович не знал. Слава Богу, что по-английски изъясняться научился. А добираться еще нужно было до Буэнос-Айреса, не приведи Господь, полицейские документы спросят. Ведь предстояло пересечь Патагонию, да и вообще полстраны, именуемой Аргентиной. Местные национальные обычаи Русскому знакомы не были, и из всех великих аргентинцев он знал только славного футболиста Марадону, сгубившего себя кокаином и печально прославившегося голом, который ловко забил рукой англичанам, ну, может быть, еще его подельника из полузащиты... этого... как его... Пасареллу. Футбол Ильи

Константинович особо не любил, но кокаин пробовать приходилось. Еще бизнесмен знал Борхеса, но кто ж Борхеса нонче не знает? Без знания Борхеса нонче в любой интеллигентной компании появиться стыдно. Илья Константинович, помнится, сразу трехтомник себе купил. Сам же и издателей проспонсировал. Приятно, знаете ли, в кругу актеров или писателей молвить небрежно: как же, как же, знаменитый Борхес, слепой библиотекарь и писатель? Помню, помню, сам первым его трехтомник в России издал. Да у меня он на полке с дарственной надписью самого Борхеса стоит! Возле мяча с подписями Марадоны и Пасареллы и банки кофе с автографом самого Пеле.

Вообще-то у Ильи Константиновича много чего подсобралось за последнее время. Неутомимый Евгений Евтушенко подарил ему видеокассету, на которой уважаемый живой классик баловал с одной из своих жен. Честно говоря, кассету эту Евтушенко дал ему в подпитии и на обмен, но Русской ловко впарил классику фильм Луки Дамиано «Белоснежка и семь гномов», нахально утверждая, что героиня фильма — его несостоявшаяся невеста, а один из гномов Ильи Константинович и есть, только загримированный. Видимо, классик хорошо ориентировался в поэзии, а в порнухе совсем не петрил, потому что проглотил подставу Русского не хуже лохов из валютного магазина «Березка», в котором наш герой начал свою предпринимательскую деятельность в качестве «ломщика». Еще у Ильи Константиновича был автограф Чубайса. Правда, поставлен он был под таким документом, что, покажи Илья Константинович этот документ прокуратуре, парился бы Анатолий Борисович на нарах не один год и заступничество бы ничье не помогло. Еще у Ильи Константиновича была фотография импичмента Билла Клинтона. Моника Левински не врала, импичмент и в самом деле был диковинно изогнут, словно радикулит его изломал. Фотографию эту Русскому подарил один американский прокурор, когда Илья Константинович с ним парился в сауне на одном из казахстанских высокогорных курортов, и даже нотариально удостоверил,

что, так мол и так, настоящий импичмент, натуральный, изображенному верить, и ниже стояла прокурорская затейливая подпись. Кстати о Монике. Ничего в ней хорошего не было, и тело довольно дряблкое и некрасивое, сам Илья Константинович такую и снимать постеснялся бы, чтобы не опозориться перед владивостокской братвой, но вот отпечаток ее на помаженных губ в свой носовой платок Илья Константинович прикупил за сто баксов, а позже гордо показывал знакомым, мол, видал-миндал, те самые губки-то, скандально знаменитой практиканточки Моники из американского Белого дома, а на вопросы об обстоятельствах появления кораллово-красных отпечатков на его носовом платке таинственно отмалчивался и многозначительно щурил глаза.

Раньше у Русского был «мерс», на котором когда-то гонял покойный Леонид Ильич Брежнев. Но машина была какая-то несчастливая, все норовила перевернуться или в кого-то врезаться. После некоторых раздумий Илья Константинович генсековскую тачку подарил директору «Прокторбанка» Илюше Довганеву. И вовремя — аккурат через месяц Довганев на этой тачке врезался в стоящий на обочине каток, и все вопросы о возмещении Русским банку когда-то полученного кредита разом отпали.

Некоторое время у Ильи Константиновича Русского хранился и карабин, из которого застрелился бывший министр внутренних дел тогда еще могущественного СССР Николай Анисимович Щелоков. Но оружие это оказалось капризным, если каждую неделю в ствол не вкладывалось сто баксов, свернутых трубочкой, карабин, висящий в зале, мог выпалить в самую неподходящую минуту — в разгар вечеринки, например. Видно было, что карабин новых русских недолюбливал, а взятки, напротив, — очень даже уважал. В конце концов Русскому стало жаль баксов, тем более что из ствола карабина они исчезали неведомо куда. Раздосадованный этим обстоятельством, Русской подарил карабин начальнику городского отдела по борьбе с экономическими преступления-

ми. И что же? Не прошло и полгода, как начальника того загребли при получении взятки, осудили на семь лет, а карабин вместе с остальным имуществом конфисковали.

Но все это так, к слову, вспомнилось просто. В далеком зарубежье — и не вспомнить о доме? Илья Константинович Русской космополитом никогда не был, наоборот, слыл он исконным патриотом и даже выписывал из далекого Волгограда юмористическую газету «Колокол», в которой много и нехорошо, но очень смешно писалось о жидах, стало быть — о евреях. Если верить газете, то во всем были повинны жида. Выходило, что евреи оказали на российское развитие такое влияние, что если бы — не дай Бог! — жидов не было, Россия до сих пор прозябала бы в Средневековье. Выпускал газету некий русофил и жидофоб из бывших партаппаратчиков, до перестройки ходивший в интернационалистах. В архивах местных партийных органов сохранились еще фотографии, на которых этот русофил и жидофоб изображен был в обнимку с людьми, чья характерная внешность не вызывала никаких сомнений в их происхождении. Но сейчас Илья Константинович и о нем вспоминал с теплотой и душевностью. И Русского можно было понять — его очень тянуло на Родину.

До Буэнос-Айреса Русской решил идти с табором. Лучшего прикрытия и придумать было нельзя. А там упасть в ноги российскому послу, посыпать его зелеными бумажками, объявить себя жертвой кораблекрушения да и взять билет в Европу. «Хватит! Наездили мы по заграницам! Гнать будут из России — никуда не поеду!»

Кулай Михай к планам Русского отнесся с неодобрением, но как бывший барон новому барону перечить не стал. Да и в Буэнос-Айрес следовало бы уже заглянуть, может, местные чиновники здесь полопушистее российских будут! «Выйдем дружно из-за леса: господа, гоните песо!» Тем более что идти предстояло через животноводческие районы, вон она, вся карта в изображениях бараньих рогов.

«Возьмем аргентинских баранов крепкими и мозолистыми цыганскими руками за их изогнутые рога!»

Сборы у цыган недолги — вечером попили, поплясали, а утром табор уже в дороге. Скрипят колесами повозки, дети, что рядом с ними бегут, галдят, изредка ржут недовольные лошади — мало что запрягли, еще и кнутом, сволочи, время от времени ожигают.

Цыгане — известные полиглоты. Достаточно глянуть на ихних гадалок, чтобы в этом увериться. В любой стране гадают легковерным гражданам на их собственном языке, а недостаток словарного запаса восполняют различного рода восклицаниями и междометиями, которые сопровождают вполне понятными на любом языке жестами.

Ученые говорят, что многие цыганки бессознательно владеют эриксоновским гипнозом. Дудки! Наглостью они владеют невероятной, такой наглостью, которая подавляет объект гадания и гасит все его естественные инстинкты вплоть до самосохранения.

Вот и сейчас — не успел табор отъехать от места прежней стоянки, а уже побежали вперед разведчицы в цветастых юбках, их задача — узнать, нет ли где угрозы для табора, что там, впереди, за народ живет и нельзя ли чем поживиться без особой опаски.

Детишки галдели у кибиток и отбегали лишь для того, чтобы курицу бесхозную подхватить с земли или неосторожного поросенка, ничейно валяющегося в южноамериканской грязи.

С цыганами тоже произошла метаморфоза — из склонных к безделью и мечтательной созерцательности православных христиан они мигом обратились в степенных и рассудительных католиков, склонных к великой хозяйственности и ведущих непрерывный торг со своим Богом на предмет получения от последнего всяческих благ и поблажек.

Путешествие проходило без особых неожиданностей, но Илью Константиновича не отпускало странное предчувствие, что добром это все не кончится. Слишком резок

был переход от полного опасностей и неожиданностей путешествия к спокойным и несколько однообразным дням цыганской кочевки.

— Не каркай, ромалэ, — добродушно говорил ему бывший барон Кулай Михай. — Хорошо едем! Ты только посмотри, сколько женщины собирают! Ты только посчитай, сколько уже мужчины принесли! А дети? Это же красавцы, а не дети. С такими детьми счастливое будущее любому табору обеспечено!

Русской отмалчивался. Чем больше он жил последнее время, тем больше понимал, что, к сожалению, не все в мире решают деньги.

Психолог бы сказал, что в сознании Ильи Константиновича происходила переоценка ценностей. Но, во-первых, не совсем понятно, как этот торгашеский термин попал в социальную психологию, а во-вторых, никаких особых переоценок Русской не проводил, просто понимать начинал, что деньги решают многое, но не все.

Неприятности начались неожиданно, как град в середине лета.

Сначала попались две цыганки, которые на одной из многочисленных фазенд нагадали хозяйке по имени Изаура голливудского принца Ди Каприо в мужа, клад, что будет найден в зарослях сахарного тростника, двух детей-близнецов и наследство от дяди.

Изаура простодушно поверила в свой счастливый союз с голливудским принцем — ведь что в жизни не бывает, — на веру она приняла и наследство от дяди, которого у нее никогда не было, и даже приказала засадить часть полей вокруг фазенды сахарным тростником, чтобы впоследствии найти в этих зарослях клад. Но, услышав о близнецах, Изаура растерялась. Надо прямо сказать, детей она никогда не любила. Кроме того, возраст для обзаведения детьми у Изауры был не совсем подходящим — все-таки шестьдесят лет, это вам

не семнадцать и даже не тридцать. Своими сомнениями хозяйка фазенды поделилась с начальником сельской жандармерии, и это послужило тому, что обманщицы были задержаны для выяснения обстоятельств, а в табор приехали на автомашине два карабинера.

Одного из них звали Паоло ди Гупперейро, а второго звали совсем наоборот — Перес де ля Куньяр. Карабинерам было по двадцать четыре года, и оба они мечтали поймать особо опасного преступника и стать известными, чтобы из провинциального полицейского участка выбраться в столицу и жить там яркой зажигательной жизнью, которую молодые жандармы с завистью наблюдали в многочисленных американских фильмах, продававшихся на видеокассетах даже в их безнадежном и безденежном захолустье.

При виде Ильи Константиновича Русского они сразу оживились и зашептались, показывая друг другу старые затертые плакаты из серии «Их разыскивает полиция». В плакаты эти Русскому заглянуть не удалось, но душа его сразу же исполнилась самых нехороших предчувствий. И надо сразу сказать, что предчувствия его, как водится, не обманули.

Выпив сразу по пять рюмок перно подряд, жандармы осмелели и пришли к какому-то общему выводу. С сияющими глазами они подошли к новоявленному цыганскому барону, и Перес де ля Куньяр, жгуче поблескивая своими аргентинскими глазами, торжественно объявил по-испански:

— Сеньор Борман! Я имею честь объявить вам о вашем аресте!

Русской ничего не понял из того, что сказал Перес де ля Куньяр, и обиженному жандарму пришлось повторить все на ломаном английском. Суть осталась прежней, но впечатление начисто пропало. Немного оскорбленный этим, Паоло ди Гупперейро ловко — почти как в американских фильмах — застегнул на опасном преступнике никелированные наручники.

Глава 24

Тоскливо сидеть в камере за свои собственные грехи. Сидеть в ней за чужие грехи вообще невыносимо. Осознание того, что с ним поступают несправедливо, выводило Илью Константиновича из себя.

Да что там таить — до бешенства это его доводило! До такого бешенства, что Илья Константинович начал стучать кулаками в обитую железом дверь и требовать вначале русского консула, затем адвоката, а окончательно отбив кулаки о железо, обессиленно сел на жесткий топчан и вспомнил о маме. В данном случае лучше всего ему, несомненно, помогла бы мать. И то при условии, что явилась бы в жандармерию со всеми документами, детскими фотографиями своего Илюши, а главное — с его свидетельством о рождении. Но мама жила в далеком Благовещенске и не знала, что сын нуждается в ее помощи.

В этой ситуации Илья Константинович Русской мог рассчитывать только на себя.

Тем временем весть об удачливости молодых жандармов уже распространилась в провинциальном городке. Многие почитали за обязанность заглянуть в участок и удостовериться в том, что знаменитый немецкий людоед Мартин Борман спустя долгие годы пойман и посажен за решетку. Окошечко в камеру то и дело открывалось, и любознательные аргентинские граждане с интересом разглядывали пойманного злодея.

— А по виду и не скажешь, — сказала жеманная супруга мэра Мария де ля Гранту, известная законодательница местных мод и нравов, которую по причине всеобщей известности в городке звали просто Марией. — Поверить не могу, что такой замухрышка мог съесть несколько миллионов человек. Хотя, может быть, у них в Европе совсем другие аппетиты...

— Не сомневайтесь, сеньора, — галантно склонил к ее плечу блестящую от бриолина голову секретарь суда, мест-

ный вертопрах и повеса, числящийся другом семьи де ля Гранту. — Вы только взгляните на его глаза. Это глаза людоеда, сеньора, это глаза дикой пумы, которая, затаившись в пампасах, ждет свою очередную жертву! Взгляните в его глаза — и вы убедитесь, милая Мария, что этот человек способен на все!

Зеленые глаза сеньоры Марии с жадным томным вниманием оглядели Илью Константиновича.

— Вы правы, — сказала она и кокетливо склонила голову на плечо спутника. — Я боюсь его, Хорхе... Его вид вызывает дрожь во всем моем теле... Мне страшно!

— Не бойтесь, сеньора, — галантно сказал секретарь суда. — Ваш рыцарь с вами. Неужели вы думаете, что я не смогу защитить вас от этого беспощадного дикого зверя?

— О-о, Хорхе! — Красавица томно сощурила глаза. — Пойдемте, мой дорогой, немедленно пойдемте отсюда, вид этого хищника вызывает во мне страстное желание...

Секретарь суда боязливо огляделся по сторонам. Видно было, что он побаивается мэра, но сдержаться себя не может. Так живущий в доме кот отлично знает, что за украденное со стола мясо его обязательно накажут. Но он все равно ворует это мясо в силу своей натуры, ворует и отдается беспощадным рукам хозяина — делай, бессердечный, что хочешь, все равно мясо уже сожрано и наказание по сути своей бессмысленно.

— Может быть, сеньора Мария желает поехать на нашу маленькую уютную квартирку? — проворковал Хорхе.

Мария де ля Гранту страстно сверкнула на него своими дивными очами.

— А я тебя куда зову, дурак?! — раздраженно спросила она.

В это время в коридоре послышался шум, и двое карабинеров подволокли к камере задержанного. Дверь в камеру отворилась... Илья Константинович не поверил своим глазам — перед ним стоял Жора Хилькевич из Мурманска. Толстяк был в футболке, повторяющей цвета российского флага, синих шортах и красной бейсболке. На шее его желтела

неизменная витая цепь, на полных ногах желтели все те же «шлепки». Новой была надпись на футболке. Сделана она была на испанском языке, которого Илья Константинович не знал. Но слоган на футболке был длинным и славным, хотя и не особо цензурным, а потому сразу скажем, что являлся он непере译имой игрой слов, и героями слогана были святая путана Мария и ее верный конь.

Честно говоря, сейчас Илья Константинович Русской был рад появлению мурманского бизнесмена, как никогда. Хилькевич же, заметив старого друга, радостно раскрыл объятия.

— Здорово, братан! — радостно завопил он. — Ну ты даешь, братила! За тобой не угонишься! Зря ты со мной в Бразилию не полетел! Веришь, всю Амазонку на моторках исколесили, анаконд искали. Они хитрые, заразы, нырнут и по два дня на дне сидят, утопиться готовы, лишь бы на прицел не попасть. Мы уж и на живца пробовали! Веришь, бесполезно, только крючки обдирают, на нас уже из-за этих индейцев коситься стали! Отстали только, когда я им карточку показал, где с Пеле сфотографирован. У них строго! Покажешь карточку с Пеле в обнимку, и никаких вопросов! Нет, я вот думаю, на фиг нам эти анаконды сдались? Обыкновенные змеи, как гадюки наши, только размерами побольше!

А потом, братила, мы на карнавал угодили. Такие там мулаточки плясали! Веришь, на них надето, наверное, меньше, чем при рождении! Такие цыпочки! Да, братан, проснулся ночью на ихнем пляже знаменитом, Копокабаной называется, веришь, доллара живого нет, только народ по пляжу в умате ходит!..

Про Педерссона Хилькевич не спрашивал.

Похоже, Жоре Хилькевичу немного отбили память. Он даже не помнил, как высадил Русского и его товарища Педерссона на берегу Магелланова пролива. Это еще раз доказывало то, что правоохранительные органы во всех странах одинаковые — им только попадись!

Жора плюхнулся на топчан рядом с Ильей Константиновичем, недоверчиво разглядывая его. Русской понимал, что

одевание его выглядит странно, особенно плисовые штаны и сапоги гармошкой, которые ему в камеру передали сердобольные цыгане. Адидасовский костюмчик на память о задержанном нацистском преступнике забрал кто-то из полицейского начальства.

— Слышь, братила, — сказал Хилькевич, — ты часом не в пьесе какой играешь? Чего вырядился-то?

— Жизнь такая, — философски пожал плечами Русской. — Что мы все обо мне да обо мне? Ты сам-то как сюда попал?

Жора сплюнул на каменный пол.

— Волки позорные! — сказал он. — Ну, я им устрою! Ты только прикинь, тут наша сборная тренировочные матчи с ихним «Пеньяролем» проводит. Ну, я чин по чину, снаряженьице заготовил, сирену с завода «Серп и Молот» выкупил, красок, чтобы морду мазать, прикупил... Сижу, блин, болею! Ну, изредка сирену заведу, чтоб все по кайфу было... Тут ко мне ихний мент подходит, берет, сволота, под козырек и вежливо так спрашивает: «Не будет ли сеньор так любезен сирену свою больше не включать? А то у нас уже по всей Патагонии военное положение объявлено и население воздушных налетов ждет». А сам, гадюка, мне всю видимость закрыл. Тут наши гол забили. Это ж, сам понимаешь, не телек, здесь повторов не будет. Такая меня досада взяла, что я этого мента сиреной по башке и огладил. Мента, конечно, в больницу, а меня вот сюда, в камеру.

Он встал, ногой ударил в дверь, сморщившись, схватился за отбитые пальцы и запрыгал на одной ноге.

— У-уу, волки! — сказал он. — Поболеть порядочному человеку спокойно не дают! И сотовый отобрали, а то бы я сейчас адмиралу Тихомирову позвонил в Севморфлот, тот бы их парочкой крылатых ракет вразумил! А ты? Ты-то как здесь оказался?

— За Бормана приняли, — досадливо морщась, признался Русской.

Жора недоуменно оглядел его.

— Тебя? За Бормана? — недоверчиво переспросил он. — Да ты и не похож на него вовсе. Борман-то покруче будет, он пять лет бодибилдингом занимался, у него фигура что шкаф-купе у меня в прихожей...

— Да не за того, — уныло сказал Илья Константинович. — За немца, который с Гитлером когда-то кашу варил.

Хилькевич еще раз внимательно оглядел товарища по несчастью.

— Не, братила, — сказал он. — Как это я сразу не допетрил? Есть, блин, в тебе что-то немецкое. И фигура у тебя, братила, дойчевская, и в морде какая-то аккуратность просматривается. Только тому сколько сейчас лет? За девяносто?

— Вот и я им говорил, — хмуро сказал Русской. — А они свое гнут, мол, не в возрасте дело, ты, говорят, на фоторобот этого самого Бормана крепко смахиваешь.

Жора всплеснул руками.

— Да на этот самый фоторобот кто только не смахивает! Вот, помню, у нас один чудик в Мурманске рыболовный траулер с треской угнал. Менты там такой фоторобот нарисовали, что полгорода по нему похватали, сам в кутузке два месяца парился. Только когда они своего начальника УВД по фотороботу в КПЗ упрятали, до них дошло, что картинка некачественная.

— А ты к этому траулеру отношения не имел? — недоверчиво усмехнулся Русской.

Жора Хилькевич пожал плечами.

— Ты, братила, любопытен, как следователь из прокуратуры, — сказал он. — Ты ж сам бизнесом занимался, знаешь, что без первоначального капитала свое дело ни за что не поднимешь.

Они посидели на топчане и помолчали. В зарешеченное окно на них с воли смотрело синее небо. Жора достал из кармана мятую пачку «Примы» и протянул сигарету Илье. Русской не курил, но сейчас на душе у него было так тошно,

что он взял сигарету, прикурил ее и, закашлявшись, затянулся вонючим дымом.

— Как ты эту гадость куришь? — продолжая перхать, задушенно спросил он.

— А я всегда, когда за бугор выезжаю, с собой несколько пачек «Примы» беру, — признался Жора. — Как тоска одолевает начинается, я сигареточку выкурю — и словно опять дома оказался.

Русской с сомнением понюхал сигарету.

— А мне она Монголию напоминает, — сказал он. — Дымит словно кизяк. Ну, что делать будем?

— Я посплю, — решительно сказал Жора и вытянулся на топчане. — А то вчера в дансинге полдня аргентинское танго с одной дамочкой разучивал. Одного французского шампанского два ящика выжрали. А утром на скачки подался, а от туда прямо на футбол.

Он сладко зевнул, с хрустом потянулся и с неожиданной досадой сказал:

— Из-за этих козлов так и не узнал, кто гол забил — Панов или Веретенников.

Русской посидел, посасывая вонючую сигарету.

Хилькевич похрапывал, одной рукой зажав в кулаке свою толстую золотую цепь. Лицо его было безмятежно спокойным, словно не в камере он сейчас находился, а спал в очередном пятизвездочном гранд-отеле с очередной жрицей Камасутры под боком.

Илья Константинович тычком забывчивал недокуренную сигарету и лег на спину, глядя в грязный потолок камеры. Почему-то сейчас ему вспомнились убийцы, гнавшиеся за ним от самого Владика. «Интересно, — подумал Илья Константинович, неожиданно для самого себя окунаясь в сонливую дрему, — нашли эти орлы себе новый пистолет или... х-эхх... что-нибудь новенькое придумали?»

Глава 25

Пробуждение было тягостным.

Представьте, что вам снится занятный сон, будто вы научились летать не хуже стрекозы. И вот вы стремительно мчитесь над землей, разглядывая красоты природы, питаетесь нектаром и цветочной пылью, которая стимулирует вас не хуже ликера или сока легендарного дерева йохимбе. И вдруг совсем неожиданно для себя вы ударяетесь о что-то упругое, которое тесно и жарко охватывает вас сразу со всех сторон. Вы яростно рветесь на свободу и с ужасом осознаете, что, несмотря на все ваши усилия, увязаете все глубже и глубже. Наконец вы открываете глаза и обнаруживаете, что запутались в паутине, хозяин которой наблюдает за вами откуда-то со стороны. Представили? Теперь вы поймете проснувшегося Илью Николаевича Русского, обнаружившего, что он все так же сидит в грязной камере жандармского участка. Честнее будет все-таки сказать, что Илья Константинович в этой камере лежал на жестком и неудобном топчане и даже немножко дремал, насколько нервы ему позволили, а проснулся от мощного рыка соседа.

Жора Хилькевич храпел так, что дежурный в тесном коридорчике поминутно снимал форменную фуражку, обмахивался ею и испуганно осенял себя крестным знаменiem. По мнению сорокалетнего надзирателя Пепе Хусманоса, так мог храпеть лишь нечистый дух или человек, в которого этот дух вселился. В том, что полный русский, доставленный в участок со стадиона, был одержим бесом, надзиратель ни капли не сомневался. Бить карабинера сиреной по голове! Для этого действительно надо быть одержимым! Да и вообще притащить на стадион сирену мог лишь человек, попавший под дьявольское влияние. Нормальные люди приносят на стадион барабаны, горны, петарды, ракеты, пистолет, наконец, — на случай недобросовестного судейства. Но сирену! Воистину правду пишут в газетах, что головы у русских устроены совсем иначе, чем у всех остальных людей.

На второго узника надзиратель поглядывал с опасливым любопытством. Про узника этого говорили, что он на пару с другим людоедом, своим дружкой Адольфом, в Европе съел около тридцати миллионов человек. Ну и аппетиты у этих немцев! И полиция в Германии была никудышная. В Аргентине любой даже самый хитрый людоед мог съесть безнаказанно, ну, от силы человек тридцать. Потом его бы обязательно поймали и прикончили. Надзиратель Пепе Хусманос вытирал пот со лба большим платком и думал, что с этим немцем надо держать ухо востро, не так с ним все просто, с этим немцем, оборотнем он был, этот немец, не иначе. Как с ним только русский спокойно себя чувствует? Настоящий мужчина, истинный кабальеро! Спит себе и внимания не обращает на упыря.

А упырь по камере мечется. Ни дать ни взять — загнанный зверь. И не зверь даже, а чудовище самое настоящее. Такого надо серебряной пулей стрелять или распятие ему прямо в сердце забить. Или кол осиновый. Еще чеснок от упыря хорошо помогает, повесишь на грудь головку свежего чеснока, так и бояться нечего — все равно упырь тебя никогда не тронет, он ведь чеснока не меньше креста боится. Скорее бы за этим людоедом пришли, что ли...

Тут размышления Пепе Хусманоса были прерваны появлением большого начальника, который явился в участок в сопровождении целой свиты. Пепе думал, что они прибыли посмотреть на немца, но ничего подобного, на проклятого людоеда они и внимания не обратили, а, к величайшему облегчению Пепе, разбудили русского, что на стадионе несчастному Оливейро Менейросу сиреной в лоб заехал.

Разбудили и увели этого мужественного кабальеро на допрос. Честно говоря, Пепе считал, что русский кабальеро пострадал безвинно, он бы и сам Оливейро при случае морду набил, и с большим удовольствием. Таких подлецов, как этот Менейрос, еще поискать надо, он со старушек, что зеленью на рынке торговали, мзду брал и пиво во время дежурства пил, а уж до женщин охотником был — петух с ним и рядом

не стоял, с этим самым распутным Оливейро Менейросом! Ведь до чего дошло, он и за племянницей Хусманоса ухаживать стал, награди его дева Мария бесплодием!

Надзиратель Хусманос и дальше бы предавался сладким мечтам о том, как дева Мария покарает ненавистного сослуживца, но тут привели назад доблестного русского. Впрочем, не таким он уж доблестным и оказался, впрямь был одержим бесом. Иначе зачем ему было с размаху больно пинать ногой Пепе Хусманоса? Вот такие паразиты и распускают руки на футбольных матчах! Несчастный Оливейро! Долго ему придется лежать в больнице, бедняжка Луиза скорее всего своего возлюбленного и не дождет, раньше выйдет за кого-нибудь замуж, хвала Всевышнему!

Он еще долго ворчал, бесцельно гремя ключами, но Жора Хилькевич его не слушал. С размаху плюхнувшись на топчан, он сжал колени руками и выразился так, что покраснела бы селедка в Белом море, если бы она только услышала злого и раздосадованного мурманчанина.

— Дело завели? — догадался Илья Константинович.

— Завели, — признался Жора. Внешне он не особо расстроился, достал из кармана сотовый телефон и, деловито сопя, принялся набирать номер толстыми и непослушными пальцами. — Зато сотовый отдали! Ну я им, козлам, устрою!

Набрав номер, Жора выпрямился.

— Бля буду, я им устрою! — пообещал он, вслушиваясь в далекие гудки. Наконец его соединили, лицо Жоры прояснилось, и он громко заорал в трубку. — База? Алло, это база? Я спрашиваю, это база подводных лодок? Соедините меня с адмиралом Тихомировым! Леонтьич? Здорово, Леонтьич! Слышь, я тут припух немного... Как это где? В Аргентине припух. Да нет, Леонтьич, ничего серьезного, за нашу футбольную сборную очень болел и сгоряча одного здешнего мента по кумполу сиреной двинул. Зачем? Да чтобы поле, сучок, не загораживал! Что? Да нет, не загнулся он, честно говорю, не загнулся. Живой, как Ленин, может, даже еще живее! А меня, блин, в здешнее КПЗ загнали. Выручай, Ле-

онтьич! Как это чем? У тебя подлодки близ Аргентины ходят? Ну вот, пусть одна из них всплывет да ракетами немножечко пошевелит: «Отдавайте нам нашего Жору!» Слышь, Леонтьич, какой международный конфликт, отдадут как миленького, точно тебе говорю...

Жора немного послушал трубку, шепотом и в сторону выругался и снова заорал:

— Ну какой МИД? Какой МИД, Леонтьич? — В трубке опять забубнили, а Жора Хилькевич слушал, яростно и безмолвно шевеля губами. — Ладно, — сказал он. — Подлодку ты, значит, не можешь. А вертолет можешь? Не, Леонтьич, ты прям не военный деятель, а прокурор какой, тебе что, вертолет послать жалко с той же самой подлодки? — Он снова послушал бубнящий в трубке голос и с досадой отключился.

Некоторое время Жора молча смотрел на Илью Константиновича и задумчиво морщил лоб. Складки его узкого лба были толстыми, как барханы в пустыне.

— Ну что, товарищ Борман? — ухмыльнулся он. — Наш флот, блин, не американский, интересы отдельного гражданина защищать не хочет. Придется нам отсюда самостоятельно выбираться. Все это хренотень, только вот баксы тратить жалко.

— Жизнь и свобода дороже, — мудро заметил Русской. — Да и сколько эти латиносы стоят, пригоршней им нагребь, до конца жизни хватит.

Разработка плана побега была в самом разгаре, когда дверь вновь отворилась и в камеру осторожно заглянул Пепе Хусманос. Сейчас он был похож на осторожного лиса, который захотел полакомиться курятиной и при этом точно знал, что в курятнике находится сторожевой пес. Видно было, что наибольшие опасения у него вызывает именно мурманчанин. А чему тут удивляться? Еще марксисты тонко подметили, что битие определяет сознание. Еще как определяет!

— Э-э, — осторожно сказал надзиратель. — Наци! — И неопределенно помахал рукой. Тем не менее Илья Констан-

тинович сразу понял, что зовут именно его. Он с недовольством встал и, раздувая ноздри, направился к двери, ничуть не сомневаясь, что недоразумение, послужившее основанием для водворения его в камеру, разъяснилось и сейчас, на свободе, он сможет дать выход распиравшему его грудь гневу. Ах как ему хотелось высказать все, что он думал о полицейских остолопах!

Но получилось совсем не так, как предполагал наш герой. Едва дверь камеры за ним захлопнулась, как Илью Константиновича подхватили под руки, а кто-то еще более расторопный натянул ему на голову пыльный и душный мешок.

«Вот и все, — с тоскливым испугом подумал Русской. — Отпрыгал ты свое, Илюша, отгулял! Не зря тебе сегодня сон про паука с паутиной снился. Вещий был сон!»

Его повели длинными и запутанными коридорами. Русской был в мешке и не видел довольного надзирателя Пепе Хусманоса, пересчитывавшего за столом деньги, иначе он обязательно бы заметил, что часть суммы была не в привычных аргентинцу песо, а в шекелях, пересчитывая которые надзиратель задумчиво шевелил губами и время от времени закатывал глаза, прикидывая курс непривычной валюты на международном рынке. Хороший был у Пепе Хусманоса день. С утра к нему подкатили двое странных людей, которые хотели купить Бормана, но как-то странно — в кредит, словно нацистский преступник был недвижимостью или дорогим автомобилем. Да и расплатиться они хотели неведомой валютой — не то рупиями, не то рублями. Разумеется, Пепе Хусманос проявил себя неподкупным полицейским и гордо указал этим побреkitос на дверь. Через некоторое время, когда Пепе Хусманос уже начал немного жалеть о своей неуступчивости, к нему явился один хитрый и скользкий тип, который предложил Пепе Хусманосу приличную сумму, но частично в долларах, а частично в шекелях. Пепе подумал и решил, что шекели все-таки лучше песо, а еще лучше, чем вообще ничего. Дался им, святая дева Мария, этот самый Борман! Но если он людям нужен, то уж государство без

этого самого Бормана вполне может обойтись. Слава деде Марии, в Аргентине он никого не ел, а Европа далеко. Вполне можно было объявить сеньора Бормана злым духом, ясное ведь дело, добрый дух столько не съест! А раз Борман злой дух, то и помогали ему в побеге, несомненно, темные силы. Не зря же он якшался с цыганами! Даже решетка не помогла!

Пока Пепе Хусманос придумывал себе оправдания, оставшийся в одиночестве Жора Хилькевич посидел немного в раздумьях и снова взялся за свой сотовый телефон.

— Соедините меня с Сэмом Берковицем! — потребовал Жора и, убедившись по голосу, что его требование выполнено, радостно закричал в трубку: — Сема? Привет, братан! Жорик тебя беспокоит! Ну, как там у вас на Брайтон-Бич? Рубите американскую копейку? А я в Аргентине припух, братила, с ментами местными поцапался. Выручай, Сема, пока наш с тобой контракт не сгорел синим пламенем. Мне нужен вертолет, братан! Я понимаю, Сема, трудности, они, братила, у всех. Ладно, ладно, я тебя внимательно послушал, теперь ты слушай меня здесь! Ты когда в Питере последний раз был? Так вот, Сема, у нас теперь тоже демократия, не то что вертолет, эсминец спереть можно...

Глава 26

Вы глубоко заблуждаетесь, если думаете, что Илью Константиновича Русского похитили наемные убийцы. Во-первых, денег у них не было — как вы помните, они в пух и прах проигрались Русскому в таборе. Проигрались до такой степени, что даже поставили на кон святая святых любого киллера — личное оружие. Во-вторых, всем известно, что наемные убийцы в тюремные камеры не рвутся. Работа у них тонкая и нервная, требующая соблюдения строгой секретно-

сти, и выполняется она обычно в условиях конспирации, ведь каждый новый посвященный может разрушить задуманную комбинацию страшной игры и сделать планы убийства достоянием общественности. Действовать открыто — это все равно что сниматься в каком-нибудь американском триллере: скорее всего ничего не получится, но известность приобретешь на всю страну.

Похитили Илью Константиновича израильские охотники за нацистами. После того как за похищения нацистов из стран пребывания начали давать ордена и денежные вознаграждения, количество поклонников Симона Визенталя резко возросло, а со временем даже стало превышать число доживших до этих дней фашистских преступников.

За Борманом охотились давно и упорно. Поэтому весть о том, что в далекой Аргентине страшный немецкий палач наконец задержан, вызвала среди охотников настоящий ажиотаж. Это был не Михаил Дробязко, бесхитростно расстреливавший своих жертв в минском гетто, и даже не Кристиан Миккельсен, зверствовавший в Дании, это был куш вроде знаменитых Отто Скорценни или доктора Менгеле, на нем можно заработать сразу и деньги, и славу, которая в условиях рынка значит даже побольше, чем денежная премия.

В Аргентину направились группа любителей, которую возглавлял Абрам Дмитриевич Галушкин, выходец из Одессы, эмигрант первой волны, авантюрист по призванию, в чьих жилах текла кровь мамы-еврейки Эммы Иммануиловны Эпштейн и донского казака Дмитрия Галушкина. Мама жила в Одессе с рождения и происходила из семьи славного племенного провизоров, давших Родине знаменитые и зловещие имена, такие, как Якир, Уборевич и, к примеру скажем, Ягода. Род Галушкиных Родину особо не прославил, но предки Дмитрия Степановича в свое время брали Берлин и Париж, громили шведа под Полтавой и даже одно время повоевали в Абиссинии, куда отправились вслед за своим атаманом в поисках денег и приключений. В Одессе Дмитрий Степанович оказался в конце Второй мировой войны после тяжелого

ранения на румынском фронте. В госпитале он познакомился с очаровательной, мило картавящей евреечкой, в которую влюбился сразу и бесповоротно со всем казацким пылом и кавалерийской неудержимостью. Сразу после выписки Галушкина из госпиталя пара расписалась в одном из районных загсов Одессы, и молодые поселились в семейном флигеле Эпштейн в районе знаменитой Молдаванки, прославленной Бабелем, Багрицким и Олешей, а также сотнями оставшихся безвестными одесских остряков и юмористов навроде Семы Рабиновича и Мойши Цимесмана. Смесь еврейского и казачьего темпераментов оказалась взрывоопасной. Вначале родилась девочка, которую по настоянию Дмитрия Степановича называли Любашей. Не успела девочка подрасти, как в семье Галушкиных-Эпштейнов родился кареглазый шустрый мальчик. Именно о таком ребенке говорилось в анекдоте, герой которого, выбираясь из мамы, прихватил на память обручальное кольцо акушерки. По настоянию Эммы Иммануиловны мальчика называли Абрамом, хотя Дмитрий Степанович мечтал назвать его в честь деда Иваном. Имя оказало на жизнь юного Галушкина-Эпштейна негативное влияние. Если дочь Галушкиных выросла и благополучно вышла замуж за директора ленинградского завода «Электроэмаль», не оставив о себе особой памяти ни в Одессе, ни хотя бы даже на Молдаванке, то сын Абрам постарался за двоих.

О его детских подвигах в одесских архивах следов не осталось. В ранней юности Абрам Галушкин прославился тем, что вместе с товарищами написал от руки кучу объявлений, в которых извещал граждан, что Одесская городская санэпидстанция производит отбор проб воды для определения ее вредности здоровью одесситов. Граждан просили набрать пробы и оставить их около входа в квартиры. Одесситы о своем здоровье пеклись, поэтому большинство из них выполнили просьбу заботливых санитарных врачей. Галушкину и его компании оставалось только собрать пробы, вылить воду во все тот же водопровод, а пустую тару сдать в стекло-

приемные пункты. Выручка была внушительной, хотя и не особо большой, ведь из нее надо было вычесть расходы на чернила и бумагу, да и работу свою Галушкин с товарищами оценивали довольно дорого.

Вдохновленный первым успехом, Галушкин-Эпштейн придумал первый «лохотрон», успешно испытанный им на знаменитом Привозе. Однако в дальнейшем он просто не смог состязаться с государством, наводнившим страну облигациями самых разнообразных займов, поэтому все лавры и деньги достались его будущим и более удачливым последователям. Из справедливости надо заметить, что и Абрам с товарищами все-таки, как говорилось в известном анекдоте, поймел с гусей и пух, и жир.

Чуть позже Абрам придумал новую операцию, которую гордо именовал бизнесом: в той же самой типографии и через того же наборщика он изготовил и расклеил на афишных тумбах плакаты, извещавшие о приезде в город уже ставших к тому времени легендарных «битлов». Разумеется, билеты продавались из-под полы и так дорого, что сборов хватило бы на хорошую жизнь в течение десяти—пятнадцати лет. Концерт, однако, не состоялся, милиция быстро вышла на след типографского наборщика, а через него легко вычислила всю компанию. Первый срок был относительно небольшим, но от того не менее обидным.

Абрам вышел на свободу с чистой совестью, но законченным диссидентом, окончательно разочаровавшимся в советской власти и предоставляемых ею свободах. Куда до него было Даниэлю и Синявскому, а также Тарсису, печально знаменитому тем, что, посидев в советской психушке и выехав за рубеж, он немедленно оказался в швейцарской. Причем с тем же самым диагнозом.

Галушкин не стал писать антисоветские пасквили и распространять не менее антисоветские хроники, он взялся устранить саму первопричину всех несчастий — советскую власть. Но власть эта к тому времени представляла собой довольно крепкий орешек — один только репрессивный ап-

парат КГБ чего стоил! — и Абрам Дмитриевич отправился на очередную отсидку в места не столь отдаленные теперь уже на четыре года.

Когда Галушкин вышел на свободу, времена и ОВИР стали более лояльными к гражданам, и Абрам Дмитриевич эмигрировал в Израиль на воссоединение с горячо любимой, но — увы! — несуществующей тетушкой. Правда, по дороге он немного заблудился, обосновавшись вначале в Вене, где благополучно развелся с женой, а потом перебрался во Францию и даже вступил в Иностраннный легион. О службе в этом легионе Абрам Дмитриевич распространяться не любил и покинул его через три года, едва только закончился контракт. После этого он некоторое время подвизался в мелких брокерских конторах на Брайтон-Бич, потом наконец зов далекой Родины все-таки донесся до него, и спустя шесть лет после эмиграции Абрам Дмитриевич (Даянович) Галушкин (Эпштейн) высадился с теплохода в порту Хайфа и оформил израильское подданство.

Вначале он некоторое время работал в одном из кибуцев (нечто вроде израильских колхозов, но с более справедливой, нежели в Союзе, оплатой труда), однако быстро понял, что эта работа не для него. Абрам Даянович подался в армию, но платили там сущие гроши, а убить могли запросто. Тут ему на глаза попались воспоминания Визенталя, и Эпштейн (бывший Галушкин) замер от восторга: это было как раз то, чего ему хотелось всю жизнь. А хотелось ему (видимо, сказывалась кровь предков по отцовской линии) скакать на лихом жеребце, рубить шашкой в капусту французов и вообще быть искателем увлекательных приключений, только чтобы они были не особенно опасны для жизни. (Скорее всего в осторожности желаний сказывалась кровь мамы.)

Сейчас, мчась по бетонному шоссе и держа на коленях закутанную в мешок голову Мартина Бормана, Абрам испытывал жуткий и сладкий восторг. Потраченные на латиноамериканского надзирателя шекели стоили того. Слава, слава! — он уже ел ее живьем, полной ложкой Абрам ее черпал.

Что там Визенталь, подумаешь, Эйхмана прихватил и в Израиль доставил! Борман был куда круче. Эпштейн представлял себе обложки цветных иллюстрированных журналов, на которых красовалось его лицо.

— Сделали! — сказал он. — Мы сделали это, парни!

Микроавтобус остановился в портовом тупичке, забитом ржавыми металлоконструкциями и старыми ящиками из-под грузов. Абрам Эпштейн торопливо развязал веревку и сдернул с головы пленника мешок. Некоторое время охотники за нацистскими преступниками ошарашенно разглядывали морщащегося от яркого света Русского.

Абрам испытал шок и разочарование. Такое разочарование мог бы испытать, например, Винни-Пух, обнаружив в горшочке вместо меда... как бы это помягче выразиться?..

— А где же Борман? — удивленно спросил Эпштейна самый младший член команды. — Это не Борман!

— Сам вижу, — хмуро сказал Абрам, неприязненно разглядывая Русского.

— В таком случае, — сказал молодой, — позвольте спросить, где же наши шекели?

Об этом было лучше не спрашивать. Денег было жалко до слез, но еще пронзительней было сожаление о выпорхнувшей из рук славе и портретах в иллюстрированных журналах.

— Ты кто? — резко спросил Эпштейн.

Пленник молчал. Он явно все еще не мог прийти в себя.

— Я знаю, — внезапно сказал еще один командос, до этого молчаливо сидящий на заднем сиденье. — Русской Илья Константинович, предприниматель из России, окончил Плехановский экономический институт, в настоящее время турист.

Илья Константинович повернулся к говорящему. Все правильно, кто бы еще из граждан Израиля сумел его опознать?

С заднего сиденья микроавтобуса на нашего героя сквозь толстые линзы очков смотрел его однокашник по институту

Витек Броверман, с которым он не так давно расстался в гробнице египетских фараонов.

Броверман нехорошо усмехнулся. Так нехорошо, что Илья Константинович не на шутку испугался, думая, что другу Витюле стало наконец известно, кто его подставил в свое время с водкой «Каганович». Но Броверман рассеял его опасения.

— Гад ты, Илюшка, — сказал он. — Что ж ты меня бросил в гробнице, скотина? Я проснулся, смотрю — стены кругом. Ну, думаю, замуровали, гады! А там еще какого-то араба прихлопнули, меня мусора египетские тягать начали, я ведь из-за этого араба три дня в кутузке блох кормил.

Похитители устало и разочарованно стаскивали матерчатые черные маски.

— На своего, значит, нарвались, — заключил Эпштейн. Он порылся в черной кожаной сумке и достал из нее бутылку пресловутого «Кагановича». — Ну давай, Илья, махнем, как говорится, за знакомство. Ума не приложу, что мне с тобой делать?!

Глава 27

Оставив своих террористов в микроавтобусе охранять похищенного, Эпштейн отправился в город. Он не сомневался, что шум из-за похищения знаменитого нациста уже поднялся. Наверное, все газеты уже стоят на ушах, журналисты землю роют, не дай Бог какой-нибудь усердный придурок из журналистской братии наткнется на микроавтобус в тупичке, тогда вообще не оправдаться...

Честно говоря, Эпштейн даже не представлял, что ему теперь делать. Выкупленный за кровные шекели нацистский преступник оказался российским бизнесменом. Эпштейн знал своих бывших сограждан и справедливо полагал, что грань

между российским предпринимателем и нацистским негодяем не слишком велика. Пожалуй, даже не особенно заметна. Тем не менее захват российского предпринимателя славы ему не сулил. Точнее даже было сказать, что определенную славу этот захват Эпштейну все-таки сулил, но слава эта была совсем не такой, о которой мечталось Эпштейну.

Самым простым было бы вернуть предпринимателя в тюремную камеру. Но Эпштейн отлично представлял, с какими трудностями при этом придется столкнуться. Во-первых, надзиратель скорее всего не согласился бы вернуть деньги и принять назад сомнительного заключенного. А возвращать его в тюрьму бесплатно — глупо и неосмотрительно. Бесплатно вернуть товар! Никто бы в Израиле да, пожалуй, и во всей мировой еврейской диаспоре его бы не понял.

Во-вторых, тайно вернуть похищенного скорее всего бы не удалось, а прослыть дураком Эпштейну совсем не улыбалось. Наконец, такая попытка, по всей вероятности, закончилась бы тем, что Эпштейн занял камеру по соседству со своим недавним пленником. А вот это ему вообще не нравилось. Хорошо сидеть в тюрьме, скажем, в Швеции или сытой Германии, в Дании, на худой конец, но в Аргентине... Боже упаси любого здравомыслящего и заботящегося о своем здоровье и долголетьи человека сидеть в аргентинской тюрьме! А посему вариант с возвратом арестанта напроочь отпадал из-за своей неприемлемости.

Можно было попытаться вообще от него избавиться, благо море под боком. Да что там море! Атлантический океан! И всего-то требовалась одна старая ржавая бочка и килограммов девяносто цемента. Что говорить, сицилийский способ на редкость дешев и надежен, но и на него Эпштейн пойти не мог. Подвести могли в любое время товарищи по команде. Эпштейн зажмурился, представил себе газетные заголовки, бичующие его за расправу над невиновным человеком, и понял, что этот вариант не то что неприемлем, он вообще невозможен.

Также не стоило вывозить пленника из страны. Идти на затраты в этом случае просто глупо. Одно дело — вывезти из страны знаменитого Мартина Бормана, совсем другое — потратить значительную сумму на того, кого придется просто отпустить...

Эпштейн даже остановился. Выход был очевиден. «Ah, jdischen Kopf! — похвалил себя неудачливый охотник за головами нацистских преступников. — Нет, мама этого человека никогда не будет помирать с голоду! Заставим бизнесмена оплатить наши хлопоты по его похищению и пусть катится на все четыре стороны!»

Но радость была недолгой. Эпштейн задал себе вопрос, стал бы он сам платить тем, кто его похитил. Ответ на этот вопрос был столь очевиден, что Эпштейн недовольно поморщился. Никогда, никогда бы Эпштейн не стал платить тем, кто его похитил! Не стоило недооценивать и русского бизнесмена, тем более с такими характерными именем, отчеством и фамилией. И что же оставалось делать бедному иудею?

Эпштейн снова помрачнел и напряженно задумался. Если нельзя получить деньги с того, кто похищен, то нельзя ли получить деньги за него? Главное — найти заинтересованное лицо. Даже на самый негодный товар можно найти покупателя. Надо только хорошо постараться. С этой спасительной мыслью Эпштейн и отправился в полицейский участок.

Надзиратель Пепе Хусманос был неприятно удивлен, увидев перед собой международного взяточдателя, который, как он полагал, в настоящее время должен был находиться на половине дороги от Аргентины до Израиля. Каждый, кто хоть раз в жизни брал с кого-нибудь и за что-нибудь взятку, знает, как неприятно видеть того, от кого ты эту взятку получил. Потому что это некстати появившееся лицо сулит тебе различного рода неприятности: от увольнения до расстрела нежелательного свидетеля, каким он, Пепе Хусманос — да спасет его пресвятая дева Мария! — несомненно, являлся.

Вступая в беседу со своим змеем-искусителем, Пепе Хусманос был мрачен и хмур, как грозовая туча над Кордильерами. В ходе разговора он постепенно оттаивал и светлел, насколько позволяла ему присущая южноамериканцам смуглость. Разумеется, сеньор не был первым, кто предложил деньги за этого проклятого blanco. Si, señor, si, он хорошо помнит этих людей. Впрочем, не так уж и хорошо, чтобы назвать сеньору их адреса. Да, сеньор, разумеется, десяти-долларовая купюра может несколько обострить его память. Она не фальшивая? Благодарение святой деве Марии, сеньор, вы не представляете, сколько сейчас расплодилось мошенников, которые так и норовят обмануть бедного карабинера, у которого не хватает средств для воспитания многочисленного семейства! Три дочери, сеньор, и каждая скоро будет на выданье, да еще пять сорванцов, на которых одежда и обувь прямо горят, да еще эти бесконечные родственники, которые постоянно приезжают для того, чтобы объесть семью бедных Хусманосов... Si, señor, si, Пепе Хусманос понимает, что сеньор очень занят и не имеет времени выслушивать его рассказы о своей многочисленной родне. Но если бы сеньор знал, как трудно приходится Пепе, ведь зарплата надзирателя такая маленькая, а родственников, приberi их святая дева Мария, так много... Да, сеньор, сначала приходили двое. Один был высокий, а другой невысокий и коренастый, но они Пепе Хусманосу совсем не понравились, Пепе, сеньор, понимает в людях, поэтому он им и отказал, тем более что платили они не то рублями, не то рупиями, но ведь сеньор понимает, что в наше время это не валюта? А самое главное, что они все хотели оформить в кредит! Вы представляете, señor? Нет, сеньор, Пепе не знает, как их найти. Судя по одежде и деньгам, которые они предлагали, вряд ли эти люди будут проживать в каком-нибудь приличном отеле, скорее всего они поселятся на каком-нибудь постоялом дворе, где обычно селятся пастухи и фазендейрос... Нет, сеньор, эти люди никак не представлялись... Но были и другие, сеньор! О-о, сеньор, Пепе Хусманос порядочный человек, он

не может назвать этого человека. Речь идет о чести дамы, вы ведь понимаете меня, сеньор? Пепе Хусманос настоящий джентльмен, он никогда не сможет назвать ее имя и тем самым затронуть честь женщины... Вы говорите, двадцать долларов, сеньор? О-о, сеньор, вы так добры к бедному Пепе Хусманосу, но вы ведь понимаете, что речь идет о женщине, а честь женщины стоит гораздо дороже двадцати долларов. Конечно, и эти деньги могут помочь бедному семейству Хусманос, но... Постойте, сеньор, куда же вы спрячете деньги? Ведь деньги не главное, главное — справедливость и истина, давайте ваши двадцать долларов, Пепе Хусманос понимает, что вы тоже нуждаетесь, иначе бы ваша благодарность не ограничилась бы этими двадцатью долларами... Но Пепе Хусманос может надеяться на вашу честь? Вы ведь не станете разглашать имя бедной женщины? Вы ведь не дадите трепать это имя продажным газетчикам, сеньор? Si, señog, si, я понимаю, что вам некогда. Совершенно согласен с вами, сеньор, не будем тратить время попусту. Наклонитесь к моим губам, сеньор, это имя не стоит доверять коридорным стенам. Итак, сеньор, имя этой дамы — Мария де ля Гранту. Теперь вы понимаете, почему я не назвал его сразу? Разумеется, она действовала через посредника. Нет, сеньор, Пепе Хусманос не может назвать имя этого посредника, Пепе — кабальеро, он не может поступиться честью... Впрочем, вы правы, сеньор, пять долларов меняют дело. Это Хорхе де Нуньес, вы его всегда до сиесты можете застать в местном суде...

Пепе Хусманос тяжело вздохнул и стыдливо отвел взгляд от международного авантюриста, словно проверял взглядом, крепки ли засовы камер, а когда вновь перевел его на стул, где сидел пришелец, обнаружил, что стул пуст. Надо честно сказать, что при виде пустого стула надзиратель испытал определенное и вполне понятное облегчение. Он неторопливо встал, подошел к камере и осторожно заглянул в глазок. Русский толстяк крепко спал, широко раскинув руки. Слава Господу, он даже не заметил отсутствия второго задержанно-

го. До конца смены оставалось совсем немного, деньги уже лежали в надежном месте, и теперь оставалось только придумать сказку для начальства, не зря же этот самый Борман был так молод и жил в цыганском таборе. Известное дело, цыгане всегда славилась как чернокнижники и колдуны. Им и запоры с замками нипочем, ушел, подлец, из закрытой камеры ушел, отвел Пепе Хусманосу глаза, а заодно и буйному русскому, наплюй ему святая дева Мария сразу в оба наглых и бесстыжих глаза!

Он сел в свое кресло и, глядя в потолок, мечтательно задумался, как и на что потратит деньги. К сожалению, сумма, полученная за этого blanco, была куда меньше планов Пепе Хусманоса, но, господи, разве ваши планы и вождения охватываются теми суммами, которые оказываются в вашем распоряжении? Вкусный кусок пирога никогда не отвечает аппетитам едока, после него всегда остаются лишь крошки и сожаление о том, что кусок не оказался больше.

Пепе Хусманос закурил сигарету и стал наблюдать, как через стеклянную перегородку справа от него толстый карабинер допрашивает задержанную проститутку. Проститутка была ничего себе, и ноги у нее были вполне стройными и подобающими ее нелегкому ремеслу, убереги ее святая дева Мария от разных нехороших болезней.

Глава 28

Илья Константинович скучал в микроавтобусе, играя в покер со своими похитителями. Как никогда, ему шли и карта, и масть, но радости от этого Русской не испытывал. Судя по всему, отпускать его пока не собирались. Витек Броверман, небрежно, но мастерски раздавая карты, рассказывал:

— Я, блин, просыпаюсь — темно вокруг. Куда ни ткнусь — камень сплошной. Ну, думаю, в гробнице фараона по пьянке

меня замуровали. Утром просыпаюсь, какая, блин, гробница, в камере сижу. А за что, за что, Илюша?! То ли меня кредиторы достали, то ли мы по пьянке с тобой где не расплатились... У арабов с этим строго. За ночь чуть с ума не сошел, но уж лучше бы сошел, потому что утром меня начали допрашивать. А уж арабам в лапы попасть, это вроде как подпольщику в гестапо оказаться. Морду начистят не хуже, чем в родной московской ментовке. Оказывается, они в пирамиде араба дохлого нашли, того самого, которому ты, Илюшенька, череп прострелил. Спасибо тебе, братишка, теперь мне ни в Израиль, ни к арабам ходу нет. Да и в Европе Интерпол покою не даст. Как я ни доказывал, что к этому арабу никакого отношения не имею, хрен мне поверили. Кто же поверит бедному еврею, да еще в арабском государстве?

Русской слушал его неприязненно — оправдываться не стоило, не поверил бы Броверман никогда, что Русской тоже не имеет к убитому арабу никакого отношения. Да и нельзя было сказать, что Илья Константинович к арабу никакого отношения не имел, до сих пор по утрам на расческе седые волоски оставались.

— Вот, — продолжил Броверман, осторожно и недоверчиво заглядывая в свои карты. — Прибился к искателям приключений. Приключений до хрена, бабок не хватает! Думали на Бормане заработаем, а это вовсе и не Борман, это ты, Илюшенька, вместо Бормана. Ну и что мне с тебя удовольствия? Раззор один!

Дверца микроавтобуса открылась, и в салон заглянул исполненный хищной радости Эпштейн. Разомлевшие от жары командос при виде своего неофициального руководителя подтянулись и принялись застегивать воротники и гульфики.

— Которые тут временные? — возгласил Эпштейн.

Временным, да и совсем лишним, в микроавтобусе был Илья Константинович Русской, поэтому он без лишних разговоров бросил карты на кожу сиденья и просунул на выход.

— Караул устал? — полуутвердительно спросил он.

Эпштейн засмеялся, показывая великолепные зубы. Такие зубы бывают лишь у стоматологов и лошадей. Ну, иногда еще у голливудских актеров встречаются. Так у них либо стоматологи хорошие, либо сами актеры пьют не хуже лошадей. Эпштейн ни к одной из этих категорий не относился, но рот мог открывать без особой опаски или стеснительности.

— Караул меняется, — хохотнул он. — Давай-давай, братишка, не задерживай!

Русской осторожно выглянул из микроавтобуса. Рядом стоял приземистый лимузин с тонированными черными стеклами, и нехорошие предчувствия ожили в душе бизнесмена. «Вот и смерть пришла», — устало и отрешенно подумал Русской, вообразив, что в салоне его поджидают таинственные убийцы.

— Давай-давай, — азартно поторопил Эпштейн и загадочно добавил: — От этого еще никто не умирал...

Он подтолкнул Илью Константиновича к лимузину.

— Иди, чудака. Такая цыпа тебя ждет, сам пальчики облизываю.

Задняя дверь лимузина приоткрылась, и тонкая изящная ручка в черной капроновой перчатке грациозно поманила Русского. Илья Константинович загипнотизированно шагнул к лимузину, не замечая, как на красном портовом кране, похожем на огромного вареного краба, опасно блеснуло стеклышко. Так поблескивает только бинокль или прицел винтовки.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал долговязый снайпер, прикинувшись к окуляру прицела. — А ты боялся. Сейчас я его сделаю, он у меня как на ладони... — И говорящий сладостно слился с винтовкой в единое целое, словно находился не на кране, а на брачном ложе. Не зря же говорят, что убийство слаще соития.

— Братан! — послышался от штабеля ящиков пронзительный радостный голос, и Илья Константинович, испуганно вздрогнув, избавился от женских чар.

От ящиков к нему бежал Жора Хилькевич, привлекая к себе внимание вскинутыми вверх руками. За Жорой маячили какие-то фигуры, как показалось Русскому — в военной форме и касках.

— Слава Богу, я тебя нашел! — Хилькевич обнял Илью Константиновича и тесно прижал его к себе, как дед обнимает приехавшего из города внука. Просыпаюсь, тебя нет. Веришь, всю камеру обыскал! А тут за нами прилетели уже, смываться пора. Взял я нашего надзирателя за глотку, он, подлюга, и раскололся, что продал тебя за три штуки. Ну, Буратино!

Он потащил Илью Константиновича в сторону от лимузина, из автомашины что-то визгливо закричала женщина, ошарашенные израильтяне пытались осознать происходящее, а из-за штабеля ящиков с грузным рокотом поднимался американский десантный вертолет, взметая под собой облако пыли. «Хай! Хай! Хай!» — привычно заорал американский сержант в зеленом берете, залихватски надвинутым на одно ухо.

— Это еще что за хренотень? — удивленно и зло спросил долговязый снайпер, отрывая взгляд от прицела.

— Стреляй, блин! — потребовал его коренастый партнер. — Стреляй, а то опять упустишь!

— Ты чего — офонарел? — Долговязый показал в сторону вертолета. — Тут только пальни, они враз ракетами кран раздолбают! Ты что, американцев не знаешь? Им только дай повод пострелять! Они же от этого тащатся! Думаешь, на фига им Ирак, там, или Югославии разные? А пострелять охота!

Вертолет, забравший на борт Хилькевича, Русского и команду их спасателей, медленно набирал высоту, устремляясь в сторону открытого моря.

Долговязый проводил его тоскующим взглядом, сплюнул, обстоятельно выругался и принялся разбирать винтовку. Коренастый сел, охватывая голову обеими руками.

Из тонированного лимузина слышались соленые испанские ругательства. Ругалась женщина. Поток брани вытолкнул из лимузина щеголеватого молодого человека в смо-

кинге. Прикрывая лицо от поднятой вертолетными винтами пыли, молодой человек подбежал к микроавтобусу.

— Сеньор командос! Сеньор командос! — закричал молодой человек, в котором без труда можно было узнать секретаря местного суда. — Наша сделка расторгнута! Сами понимаете, сеньор командос, сеньора Мария не получила желаемого, поэтому вы должны возвратить нам деньги!

Эпштейн спокойно, задумчиво оглядел жестикулирующего кабальеро и нехорошо усмехнулся, словно отчаянные казачьи гены взяли в нем верх над рассудительными еврейскими.

— Желаемого, говоришь, не получила? — Эпштейн подкрутил воображаемые усы. — Ну, веди ее, мымру старую, сюды, тут она у нас получит всего, что пожелает! — Он оглядел товарищей и подмигнул им. — По полной, понимаешь, программе!

Секретарь суда побежал к лимузину, сунул голову в прохладный салон и принялся что-то горячо объяснять сидящей в автомашине пассажирке. Снова послышался визгливый, доходящий до ультразвука крик, потом звонкий звук пощечины, и сеньора Мария де ля Гранту выбралась из лимузина и, грациозно покачивая бюстом, направилась к микроавтобусу.

— Классный станок! — оценил Витек Броверман, оглядывая даму отчаянно и бесстыдно. Так может смотреть на женщин лишь импотент или обитатель дома для престарелых.

Сеньора де ля Гранту заглянула в салон микроавтобуса, с пренебрежительной усмешкой окинула взглядом израильских командос, несколько более внимательно оглядела неожиданно покрасневшего Витька и с беспощадной прямоотой на прекрасном русском языке, выдающем в ней уроженку Верхнего Поволжья, вынесла приговор:

— Станок-то хорош, да не вам, соплякам, на нем работать!

Повернувшись, она направилась к своей машине, так откровенно играя мышцами бедер, задницы и спины, что

сидящие в микроавтобусе с отчужденной тоской осознали — не им...

А в это время на борту вертолета, перекрывая рев двигателей и яростно жестикулируя, Жора Хилькевич объяснял своему бывшему сокамернику, несколько ошалевшему от происходящего:

— Наши, блин, помогать отказались... Я ж при тебе адмиралу Тихомирову звонил! Сам слышал, им, козлам, международную обстановку напрягать не захотелось! В МИД обращайтесь! На хрен мне ихний МИД нужен, я же не с Зимбабве договор на поставку бананов подписываю! Ну, я посидел немного, подумал, позвонил мужикам на Брайтон-Бич, потом в свой банк питерский! Бабки есть, проблем не будет — нам с тобой штатовское гражданство оформили. А у них, сам знаешь, с защитой интересов граждан строго, чуть кто нарушит, они свой флот подтянут и... Сейчас весь их Шестой флот у берегов Аргентины! Представляешь, братан? Два авианосца, шесть тяжелых крейсеров, не считая мелочи вроде подлодок... Одних «Фантомов» над побережьем больше, чем мух на живодерне! У них строго! Как американца обидят где, так сразу и начинается эта... буря в пустыне!

— Постой, постой, — перебил его Илья Константинович недоуменно. — Так что, мы с тобой теперь американцы?

— Чистокровные, Ил! — заверил его Хилькевич, весело и заразительно сверкая золотыми фиксами.

Сделав ручкой, он подмигнул американскому сержанту, вытянувшемуся у входного люка в полной амуниции, и нахально крикнул:

— Хай!

— И что я тебе должен? — деловито спросил Русской.

Золотая улыбка погасла.

— Брата-а-ан, — протянул Жора. — Не порть кайф! У меня баксов больше, чем у них в казначействе! В конце концов, разве у них на ихнем Уолл-стрите ловят треску или рыбку ледянку?

— И куда мы теперь? — поинтересовался Илья Константинович.

Жора Хилькевич удивился.

— Куда же еще? — спросил он, вытягивая ноги и доставая запотевшую бутылочку кока-колы. — Разумеется, на Брайтон-Бич!

— А искать нас не будут? — озабоченно спросил Русской. — Все-таки мы из тюрьмы сбежали!

Жора подавился кока-колой.

— Ты о чем, братан? — изумленно спросил он. — Мы же теперь американцы, понял?!

Глава 29

Ну, что вам рассказать о Брайтон-Бич?

Молдаванку одесскую видели? На Привозе к продуктам приценивались? По Крещатику гуляли? Тогда стоит ли вам что-нибудь объяснять за Брайтон-Бич? Представьте себе Красную площадь столицы времен Юрия Лужкова, теперь добавьте сюда немного одесского колорита и киевской степенности. Добавили? Теперь отправьте сюда гулять бывших заключенных Лефортовской спецтюрьмы и Бутырок.

Вот это и есть Брайтон-Бич, теперь вы ухватили тот душок, без которого Брайтон-Бич невозможен. И какое вам дело, есть ли на Брайтон-Бич небоскребы, или их там нет? Главное, что все люди, что гуляют по Брайтон-Бич, разделяются на два сорта — на тех, кого стригут, и на тех, кто стрижет. Вторых, правда, значительно больше. Основное занятие жителей Брайтон-Бич — продажа матушки-Родины. Не зря же именно здесь, на Брайтон-Бич, родился знаменитый анекдот. Вы его не знаете? Ну как же, как же!

Степенный еврей заходит в солидную юридическую контору на Брайтон-Бич и спрашивает:

— Это правда, что жида Родину продали?

— Истинная правда, — отвечают ему.

— А вы мне не подскажите, где я могу получить свою долю? — задумчиво спрашивает посетитель.

Но шутки шутками, а именно здесь вы чаще всего можете увидеть Мишу Шуфутинского, когда он отдыхает от стрижки баранов российской попсы, здесь до недавнего времени прогуливался первопроходец российского рэкета Япончик, щеголяя перед дамами татуировками и блатной феней, сюда заглядывал неуловимый Михась, чтобы отправить очередное послание солнцевской братии, здесь демонстрировала трусики и свой хриплый голосок Маша Распутина, да мало ли кого и как заносило на тесную нью-йоркскую улицу в поисках хлеба насущного?!

Илья Константинович Русской лежал на постели, лениво наблюдая за тем, как собирается на деловую встречу Жора Хилькевич. Жора надел джинсы и, разложив по постели футболки, придирчиво выбирал нужную. После некоторых раздумий он выбрал синюю футболку, на которой желто светился слоган «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить», выполненный на русском и английском языках.

— Ил, — задумчиво спросил он, — а ты не знаешь, кто этот слоган придумал? Евтушенко или Вознесенский?

— Вроде бы Тютчев, — неуверенно сказал Русской. — А может быть, и Сам...

Жора недоверчиво уставился на него.

— Загибаешь, — сказал он. — Не может этого быть, братан. Разве Пушкин рекламой баловался?

— А то! — уверенно сказал Илья Константинович. — Да ты уроки литературы вспомни. «Из «Искры» возгорится пламя!» или, скажем, «Давайте пить и веселиться», «Лечись — иль быть тебе Панглосом»... А ты куда собираешься, Жора?

Хилькевич поднял руки, натягивая футболку на полные телеса.

— Да встретиться надо кое с кем, — невнятно сказал он из-под футболки. — Сделка наклеивается одна...

— Ты поосторожнее здесь, — остерегающе сказал Русской. — Это тебе не Мурманск, здесь тебя быстро обуют, голько зевни...

Хилькевич натянул футболку и улыбнулся.

— Слышь, братан, — сказал он. — Меня уже столько обуть мечтали. И где они теперь? В основном на биржах труда отираются, о работе по специальности мечтают. Ты что думаешь, я пальцем деланный? Два года назад мы одной компанией в столице фирму открыли. Да ты, наверное, видел, еще ролик рекламный по телевизору постоянно крутили. «Мы обуем всю Россию!»

— Ну и как? — с жадным интересом спросил Илья Константинович.

— Не знаю, как Россию, — сказал Жора, меланхолично почесывая загривок, — а компаньонов я обул круто. В кирзачи!

— А не боишься? — поинтересовался Русской.

— Волков бояться, — туманно сказал Хилькевич, — шампанского не пить. Не хочешь со мной прошвырнуться?

Илья Константинович немного полежал в задумчивости и встал.

— А куда пойдем? — спросил он.

— Ну ты даешь! — хохотнул Жорик. — В Штатах никогда не был? Куда еще тут русскому пойти?

А действительно, куда в Соединенных Штатах пойти русскому, если искусство тебя не колышет, детей и жены рядом нет, купаться на Канарах надоело, а голливудские боевики можно прекрасно и в России по «видаку» посмотреть? Угадайте с трех раз! На «ка» начинается, на «ка» заканчивается, состоит из 5 букв.

Ладно, читатель, не морщь задумчиво лоб. Объясняю для тугодумов и непьющих — нормальный русский пойдет в нормальный кабак. Не туда, где водки наливают на палец, да и ту бесстыже разбавляют льдом и апельсиновым соком, а туда, где можно посидеть с корешами и опустошить не одну запотевшую бутылочку и даже не две. Я слышу, мне подсказыва-

ют? Верно, братила, четырех бутылок на троих вполне достаточно. Еще и силы останется, чтобы местных полицейских погонять. И не надо, не надо мне рассказывать о жестокости нью-йоркских копов, это сказочки для любителей боевиков.

Штатовский полицейский начинает с того, что зачитывает задержанному его права. Вы хоть раз слышали, чтобы гражданские права зачитывали русские менты? Они же до сих пор думают, что задержанный никаких прав не имеет — только обязанности. Так что русские служители закона не в пример жестче американских, но и то время от времени благодаря демократически дарованной народу свободе слова они запросто могут узнать, кто они есть на самом деле, кто их родственники и куда они могут засунуть свои дубинки, которые в конце XX столетия русский народ метко называл ускорителями перестройки.

Ресторан, в который Жору Хилькевича пригласил его деловой партнер, был чисто русским и назывался «Золотая тройка». Держал его выходец из СССР Иегудиил Автандилович Гоцерадзе. На входе в ресторан стояли негры в малиновых косоворотках и в шевииотовых штанах, заправленных в хромовые сапоги, которые блестили не хуже лоснящихся сытых морд негров. «Мои арапы», — называл их Иегудиил Автандилович. Под Петра Великого, барыга несчастный, косил.

По небольшому залу грациозно сновали официантки в мини-сарафанах и кокошниках. На голубом атласе сарафанов, задорно топорщащемся на груди, блестили карточки с именами. Судя по ним, официанток звали незатейливо — Мариями, Наташами и Катями. Иегудиил Автандилович бдил за нравственностью своих девиц, но еще более он следил за тем, чтобы они не брали с настойчивых клиентов менее уличных жриц любви.

Столик был действительно заказан и поражал своим великолепием и сервировкой. Это сразу показалось Илье Константиновичу подозрительным. С какой стати американскому солидному бизнесмену тратиться на нувориша из дикой России? Тут было два варианта.

Первый был прост и незатейлив — американский партнер полагал Жору Хилькевича бараном, с которого предстояло снять вожаденное золотое руно. Второй был сомнителен — Жора так необходим акуле Уолл-стрита, что та не считалась с затратами. Тут, правда, тоже было все ясно. Рыбацкий принцип — приманки не жалеть. Разве мы сами на рыбалке не разбрасываем приваду щедрыми горстями, чтобы поймать жирного карася?

Американский бизнесмен сиял улыбкой и фальшивыми бриллиантами. Русскому он сразу не понравился, похоже было, что Илья Константинович у этого бизнесмена тоже особых симпатий не вызвал. Зато Хилькевича он встретил с распростертыми объятиями. Жора терпеливо подождал, когда объятия закончатся, и был в этот момент удивительно похож на вождя американского народа Билла Клинтона, которого лобызает российский президент. Покончив с приветствиями, Жора целеустремленно уселся за стол и оглядел его с плотоядной предвкушающей улыбкой. Улыбающийся лик американского предпринимателя будил в Илье Константиновиче смутное беспокойство. Русского не оставляло ощущение, что эту показушно доброжелательную и хитрую морду он где-то уже видел, но где и при каких обстоятельствах, этого Илья Константинович вспомнить никак не мог.

— Георгий Васильевич, — с легким, но заметным иностранным акцентом сказал бизнесмен. — Надеюсь, наша встреча окажется полезной для нас обоих...

— О делах потом, — сказал Жора, озираясь на официантку.

Озираться было на что, честное слово, было! Официантка подала меню. Меню было на трех языках, в том числе, как это ни странно, и на русском, поэтому разобраться в нем было легко. Однако меню оказалось ненужным — американский предприниматель все уже заказал, в том числе и красное анжуйское урожая одна тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года. Скажите на милость! Русской снова ощутил

недоверие, с чего бы этому янки выбрасывать на ветер более трех тысяч долларов? А ведь одной бутылкой обед не завершился бы, тут уж Илья Константинович смело мог заключить пари даже на собственную жизнь.

И все-таки этот американский пройдоха был чем-то странно знаком Илье Константиновичу.

Сытый голодному не товарищ. Некоторое время произносились витиеватые двусмысленные тосты, и собравшиеся за столом уделяли внимание разным деликатесам, перечисление которых было бы утомительным для среднего русского читателя и вызвало бы у него определенную неприязнь к жирующим предпринимателям. Мы же должны сохранять симпатии к героям, иначе наш рассказ об их похождениях не вызовет необходимого слезливого надрыва и душевного отклика у тех, кому он адресован.

Американский бизнесмен поднялся, сверкая улыбкой, хрустальным бокалом в руке, фальшивыми бриллиантами в запонках и непринужденным остроумием.

Глядя на него, Илья Константинович снова почувствовал беспричинное беспокойство. Причина этого беспокойства, похоже, лежала на поверхности, но что в происходящем было не так, Русской решительно не понимал. Наверное, именно так недоумевал и мучился Распутин, уминая в доме Феликса Юсупова пирожные, начиненные цианистым калием: вроде бы и вкусно все, а что-то ему не нравилось. Но что именно было не так, Григорий сообразил, лишь когда в него начали стрелять хозяин дома и его гости.

И только когда американец поднял тост за успех будущего предприятия и по-гусарски хлопнул фужер виски, заняв его тонким кусочком ржаного хлеба, словно пелена с глаз Ильи Константиновича спала. И как это он сразу не узнал в американце известного хабаровского мошенника Леху Примочку? Усы, что ли, мексиканские помешали? А может быть, набриолиненные волосы в заблуждение ввели?

— Леха! — прочувствованно и растроганно потянулся Русской со своим фужером к хабаровчанину. — Земеля! Ты

здесь какими судьбами? Ты грин-карту получил или уже, как и мы, гражданин полноправный?

Даже если Леха Примочка и был ошарашен тем, что его так не вовремя узнали, то держался он как достойный мошенник — даже глазом не моргнул.

Поставил фужер, подтянул манжеты, извинился и сказал, что ему надо срочно позвонить по телефону. Еще раз сверкнул набриолиненной прической, запонками, косо и недобро глянул на Илью Константиновича и вышел.

— Жора, — тихим и быстрым шепотом сказал Русской, — никакой это не американец. Наш он, с Хабаровска... Леха Примочка, мы с ним два года назад япошек прилично обули!

— Братан, — не менее тихо отозвался Жора, — ты чего волну гонишь, бизнес ломаешь? Я сразу понял, что он наш, совдеповский.

— Как догадался? — завистливо поинтересовался Илья Константинович.

— Да ты сам посуди, — сказал Жора Хилькевич и принялся неторопливо загибать пальцы. — Во-первых, фиксы во рту. Здешние давно золотых коронок не ставят, все больше на фарфор или керамику ориентируются. Потом стол, который он заказал. Ты только глянь, что на столе? Это же надо, анжуйское к щам подавать! До такого только наши додуматься могут! Но ведь и это, братан, не главное. Ты разве не заметил, с какой распальцовкой он фужер держал? Тут и сомнений быть не могло, тем более что на безымянном пальце правой руки у него перстенок синел, по малолетке наколотый!

— А что ж ты молчал? — потрясенно поинтересовался Русской.

— А на фиг раньше времени бакланить? — в свою очередь удивился Жора. — Стол-то гляди какой богатый! И потом — у поморов пословица такая есть, дословно не помню, но смысл такой: выходишь в море охотиться на нерпу, будь внимательней, поглядывай, не охотится ли на тебя самого белый медведь. Это еще вопрос, кто и кого обул бы!

Он с легкой грустью оглядел стол.

— А теперь нам за все платить придется. Спугнул ты его, Константиныч! Не ко времени признал. Ну да хрен с ним, гулять так гулять! С шампанским! С цыганами! С бабами! Скажи, братан, официанту, пусть гармониста с саксофонистом ведет! И чтобы саксофонист обязательно на Клинтона был похож!

Глава 30

— А может, все-таки в Мурманск? — поинтересовался Жора Хилькевич. — На озера съездим, шашлычков поедим! Ты хоть раз морошку моченую пробовал? А корюшку половить не хочешь? Хочешь верь, братан, хочешь не верь, но когда ее из воды вытаскивают, она свежими огурцами пахнет! «Муромца» попили бы! В сауне попарились! Представляешь, напаришься в сауне и голышом в ледяное море! Сердце останавливается! А потом стаканчик «Муромца» — хлобысть! — и чувствуешь, как кровь замерзшая тает и по жилочкам прямо так и журчит!

Соблазняя товарища мурманскими возможностями, Жора лежал в кресле. Сейчас он был в джинсовом костюме и кроссовках. Куртка была расстегнута, и на черной футболке виднелась надпись: «Билл! Заставь молчать Монику!» Выглядел Жора расстроенным и несколько уставшим, что было совсем немудрено — их посиделки в «Золотой тройке» закончились ближе к утру, когда саксофонист устал, а цыгане стоптали кабуки своих щегольских сапожек. Немало было выпито, но еще больше — съедено. Платил за все Жора по кредитной карточке. Карточка была та еще — стоило Иегудиилу Автандиловичу Гоцерадзе ее увидеть, так он от стола уважаемых посетителей не отходил. Мигни ему Жорик, Гоцерадзе сам на стол накрывать стал бы, и, заметьте, по самому высшему

разряду. Девочки юбчонками гребли, как могли богатеньких Буратино соблазняли, однако им ничего не обломилось. Уже под утро Жора вспомнил свое пребывание в Африке и потребовал, чтобы гоцерадзевские арапы изобразили ему сцену охоты на леопарда в африканской саванне. Иегуди-ил Автандилович отправил кого-то из своих к директору ближайшего антропологического музея, и его арапы, вооружившись самыми настоящими копьями, такую охоту изобразили. В роли леопарда выступала одна из официанточек, и забавно было смотреть, как из-под шкуры леопарда задорно и обольстительно белеют аппетитные ляжечки чистокровной хохлушки.

Праздник удался на славу! Только в номере гостиницы Русской и Хилькевич обрели покой и смогли наконец предаться настоящему отдыху. Жора смотрел телевизор. По телевизору показывали Москву, ресторан «Савой» и догорающие останки «мерседеса».

Кто погиб, Илья Константинович так и не понял, слишком уж быстро комментировал московские происшествия американский диктор, но ясно было, что в Москве не слишком хорошо. Да что там говорить! Плохо было на Родине, однако Родину, как и мать, сыновья не выбирают. Родину сыновьям выбирают матери. Даже если отцы иностранцы.

— Мне надо домой, Жора, — сказал Русской. — Там уже куча дел накопилась. Знаешь, глупо мы себя в России ведем. Накалываем друг друга, киллеров нанимаем. Что нам, накалывать больше некого? Весь мир перед нами, знай только рукава закатывай. Они ведь здесь, за бугром, как непуганные идиоты — самое время пугнуть! Ты только глянь, здесь чего только нет, и все — бесхозное. Эти идиоты даже до такой простой вещи додуматься не могли, как разбавлять бензин водой! Да мы, Жорик, с нашими мозгами быстренько их мир к своим рукам приберем, только бы нам между собой договориться!

Жора Хилькевич засмеялся.

— Как же! Ты нашего Бормана никогда не видел. С этим олигофреном только договариваться. Он согласится и тут же киллера наймет. Или — что уж совсем хреново — еще и с ментами договорится. Будут тебя мочить сразу с обеих сторон. У вас во Владике что, Россия другая? Или ты в жизни козлов не встречал?

Русской вышел в гостиную, взял со столика две банки с джином и вернулся к Хилькевичу. Бросив одну банку товарищу, Илья Константинович вскрыл свою и сделал несколько жадных глотков.

— У нас дураков тоже хватает, — согласился он. — Но ведь договариваться надо, Жора! Тут на одних наркотиках озолотиться можно. Они же, идиоты, чистым кокаином торгуют и не подозревают, что его зубным порошком разбавлять можно. Да откуда у них зубной порошок, они же разными там «Аквафрэшами» зубы отбеливают! У них уже давно мозги не работают, Жора! А мы ведь только из-за железного занавеса вылезли. Мы, братан, как обезьяны, которые с дерева слезли. Мы к жизни больше них приспособлены. Это мы лук придумать можем и стрелы, а они ни в жизнь! Думаешь, на хрена они наших ученых к себе выписывают, бабки им бешеные сулят? Потому что свои мозги жиром заплыли! Мы этих Ротшильдов с Фордами быстро к общему знаменателю приведем — отнимем ихнее барахло, Жора, и разделим!

Хилькевич фыркнул в банку.

— Ты вчерашнего фраера помнишь? — спросил он. — Ну, того, кто меня обуть хотел? Так вот, Илюшенька, ты с ним никогда не договоришься. Он так и будет считать, что, если бы не ты, он бы меня раздел по самое не хочу. Он тебе мстить будет, Илья, ты уж мне поверь, мне самому с такими дебилами сталкиваться приходилось...

— И что? — с интересом спросил Русской.

— Ну, видишь, с тобой сiju, джином балуюсь, — хмыкнул Хилькевич. — Приеду в Мурманск, в первой же церкви молебен за всех невинно убиенных закажу. Упокой, Господи, душу рабов Твоих!

Русской давно уже понял, что первое впечатление о Жоре Хилькевиче у него было в корне неверным. Не баран сидел перед ним, а умудренный разбойным опытом волк, который только рядился в шкуру, снятую неведомо с какой овечки, да и то лишь для того, чтобы теплее было. Пытаться такого обуть — себе только дороже выйдет. Прежде чем такого, как Жора Хилькевич, попытаться обмануть, надо в церковь сходить и заупокойную себе заказать.

— Интересно, — наморщил толстый лоб Жора. — Я все думаю, куда эти делись... которые в тебя палить думали в южноамериканском порту?

А куда они могли деться? Сидели на крыше соседнего здания, жрали гамбургеры и наблюдали за номером Русского и Хилькевича в бинокли. Подслушивающие устройства в номер они заложили еще ночью, а теперь с интересом слушали высказывания Ильи Константиновича.

— Ты знаешь, — сказал долговязый, — а мне этот мужик нравится. И мыслит он по-государственному. Ну, помочат они друг друга в России, а на какие шиши мы тогда жить будем?

— На наш век хватит, — флегматично сказал коренастый, сноровисто собирая снайперскую винтовку. — Кто стрелять будет — ты или я?

— Нет, братила, в словах нашего клиента что-то есть, — задумчиво высказывался вслух долговязый. — Мне куда приятнее было бы здешних мочить по заказам российских пацанов. Может, прежде чем стрелять, с Диспетчером свяжемся?

Коренастый лег и пробно прицелился в стоящего у входа в гостиницу полицейского. Оптика работала превосходно, тупая добродушная морда копа была как на ладони, видно было, как янкесс меланхолично двигает челюстями — не иначе как жвачку жует.

— Да не буду я Диспетчеру звонить, — сказал коренастый. — Он с нас и так вычтет за кругосветку. Мы с тобой только на Таити и не были.

Однако долговязый уже принял какое-то решение. Сидя на корточках, он торопливо набирал номер спутникового телефона.

— На Таити, говоришь, не были? — загадочно спросил он. — Погоди, может, мы еще и на Таити побываем!

Русской и Хилькевич прощались в Нью-Йорке. Да что там говорить, долгие проводы — лишние слезы! Хилькевич летел в город Санкт-Петербург, чтобы отправиться на берега сурового Белого моря, а Илья Константинович отправлялся на западное побережье Америки, откуда до родимого Владивостока рукой было подать. Перед каждым расстиралась трудная дорога российского бизнеса, только дорога эта была у каждого своя.

— Ты, братан, береги себя, — прочувствованно сказал Жора. — Лучше бабки потерять, да время выиграть. Не зря же в Штатах говорят: время — деньги! В жизни выигрывает тот, кто переживает соперника. Ну, что твой Краб? Обсосок спортивный. Прилетишь во Владик — не спеши. Посиди подумай, как ему клешни обломать. Я в тебя, Константинович, верю. Ты сможешь!

Илья Константинович порывисто обнял толстяка.

— До встречи в столице, — сказал он. — Сам знаешь, Жорик, в России все дороги в столицу ведут. Я обычно в «России» останавливаюсь. Изредка меня можно найти в гостинице «Москва», там телки клеветают и менты их особо не гоняют. Визитку не потерял?

— Обижаешь, братан, — улыбнулся Жора. — Я твои данные давно уже в свой компьютер занес!

Уже в самолете Илья Константинович Русской встретился глазами с долговязым парнем в спортивном костюме. Парень улыбнулся, коротко кивнул Илье Константиновичу как старому знакомому и склонился к уху своего коренастого спутника. Илья Константинович почувствовал, как тревожно екнуло сердце. Некоторое время он пытался вспомнить, откуда знает этого долговязого, но так и не вспомнил. Впро-

чем, мало ли россиян сейчас в Штатах себя чувствовали лучше, чем дома! Вытянув ноги, он прикрыл глаза и начал планировать, что будет делать по прибытии в родной город. Перво-наперво, конечно, он свой заказ отменит в отношении Краба. Если успеет, конечно. Пусть Краб живет и здравствует. Если им в городе места не хватает, то на земном шарике пока еще вполне просторно.

«Надо договариваться, — устало сказал себе Илья Константинович. — Мы просто не выживем. Перестреляем друг друга. А потом придут другие, из-за рубежа. Те, которые договариваться научились. Неужели Краб этого не поймет? Должен, должен понять. Не debil ведь, и не все шарики из головы ему футбольным мячом выбили!»

А «Боинг» уже начал свой разбег по бетонке взлетной полосы, пения турбин почти не было слышно, и надо было думать, надо было хорошо и упорно думать, чтобы остаться в живых и сделать все, чтобы в городе наступил мир. Потому что только мир среди соотечественников Ильи Константиновича Русского мог обеспечить выход россиян на международную арену, а быть может, даже на бесконечные просторы Вселенной.

Но для этого нужно было думать еще больше.

Глава последняя, которая вполне могла быть прологом

Илья Константинович ворвался в ресторан, обуреваемый противоречивыми чувствами. Страх в нем боролся со всепрощенчеством, радость возвращения — с вполне понятными опасениями. Швейцар из бывших работников комитета государственной безопасности приветственно отдал ему честь и уважительно сказал:

— С возвращением, Илья Константинович!

Группа бизнесменов, что-то обсуждавшая меж запыленных пальм, устроила ему овацию. На шум выскочил метрдотель Иван Акимович Полуцало, который, даже еще не узнав вошедшего, встретил его распростертыми объятиями, а узнав, сомкнул эти объятия на спине Русского:

— Здравствуйте, здравствуйте, наш герой! Вы прямо как Хабаров! Да что там Хабаров, Витус Беринг, однозначно!

— Краб здесь? — спросил нетерпеливо Русской, выдираясь из цепких объятий работника общепита.

— Александр Терентьевич? — почтительно переспросил Полуцало. — Здесь. Шестой кабинет изволили занять. Только они с дамой-с, велели не беспокоить.

В зале играл оркестр, и певица, поднеся микрофон к большому рту, вопила: «Я — ворона! Я — ворона! Я — ворона!» Что ж, она говорила правду. Говорила, потому что пением издаваемые ею звуки назвать было трудно. И сама она — высокая, черная, голенастая, с большим клювом над накрашенным ртом — действительно походила на обитательницу полей и помоек.

Не обращая внимания на бубнящего метра, Илья Константинович прошел по коридору и, отстранив ошалевшего телохранителя, вошел в кабинет. Александр Терентьевич Мальчевский действительно был с дамой и дама эта была хорошо известна Русскому, он сам не раз вызывал ее к себе в офис для приятного, как обычно пишут в газетах, времяпрепровождения.

Александр Терентьевич сел, узнал вошедшего, апоплексически побагровел и, не отводя от Ильи Константиновича испуганного взгляда, принялся на ощупь искать брюки.

— Ты? — сипло удивился он.

— Я, — подтвердил догадку бывшего товарища Ильи Константинович. — А ты, я вижу, не рад? Брось, Саня! Хватит глупой вражды! Если бы ты знал, как много я передумал и пережил за время... — он запнулся, но все-таки закончил, — своего путешествия. Не стоит, дружище, убивать друг друга, жизнь все-таки прекрасна! Ты ведь знаешь, я ведь весь мир

посмотрел. Чего мы делим, Саня? Что мы делим? Ну что такое Владик? Маленький уголок в необозримой Вселенной! Пора делить мир, Саня! Пора делить мир! Там такие бабки прямо под ногами лежат!

Он посмотрел на ягодицы торопливо собирающей свою одежду женщины. Нет, все-таки не зря ей платят такие деньги! Попка у нее была великолепная, а личико ничем не хуже попки. Такая бы на любом континенте не потерялась. Илья Константинович вздохнул и повернулся к Мальчевскому. Похоже было, что Краб его не услышал. Он сидел, покусывая губы, и в руках у него был отнюдь не газовый пистолет.

— Саша, Саша, — укоризненно сказал Илья Константинович. — Неужели ты решишься сам, при таком количестве свидетелей?

— Надоел ты мне, — сказал Краб. — Хуже горькой редьки надоел!

— А ты ее пробовал, редьку-то? — прищурился Русской. — Слушай, Шура, не хочу я с тобой ругаться. Мы же не пацаны, а? Может, заключим перемирие? Я лично свой заказ отозвал. На нашей планете места всем хватит — и тебе, и мне, и другим!

Краб молчал, и первоначальное радужное настроение Ильи Константиновича уступало место грустной озабоченности.

— Ну как знаешь! — сказал он. — Тогда я пошел!

Он уже вышел в общий зал, когда Мальчевский его окликнул.

Илья Константинович обернулся. Мальчевский стоял в раскрытых дверях кабинета и криво усмехался.

— Джентльмен, — сказал он. — Полное очко благородства. Значит, ты свой заказ аннулировал? А я от твоего благородства должен на колени стать и на тебя, как на икону, молиться? А вот хрен тебе! Ты, Илюша, запомни, я свой заказ аннулировать не собираюсь, понял? Я не успокоюсь, пока тебя в гроб не уложат. Тогда и помиримся. Я тебе обещаю, я

в «Ритуале» самый роскошный гроб закажу, поминки на весь Владик отгрохаю...

Илья Константинович разочарованно пожал плечами и пошел на выход. Благородный хэппи-энд, как и следовало ожидать, не удался.

Он шел через зал, и посетители смотрели на него, как смотрят на покойника — с безгливой жалостью и сожалением. Оркестр перестал играть, и певица, как клюв открыв рот, смотрела на Илью Константиновича черным немигающим глазом. В зале стояла звенящая напряженная тишина, слышно было, как плывет к вентиляторам сизый табачный дым. И в этой тишине кто-то расколол грецкий орех. По крайней мере многим именно так и показалось, поэтому, когда Мальчевский начал падать, сохраняя на лице злобно-недоуменное выражение, все продолжали смотреть на Илью Константиновича, спокойно идущего через зал к выходу.

— Свободен! — продекламировал кто-то в этой напряженной тишине бессмертные булгаковские строки. — Свободен! Он ждет тебя!

Не о чем здесь говорить! Каждый знает, что карточный долг священен. Карточные долги даже такой гений, как Пушкин, отдавал. Потому, кстати, и написал так много!

Мальчевский упал, и с его падением в ресторане наконец началась суматоха. Телохранители Мальчевского растерянно бегали по коридорам, беспричинно паля в потолок, визжали женщины, хрипло и командно кричали неведомо откуда взявшиеся милиционеры.

Илью Константиновича никто не задерживал. Он вышел на улицу.

Площадка перед рестораном была забита милицейскими автомашинами, несколько ментов досматривали черный «джип» его недавнего врага Краба. Один из ментов был тем самым следователем, который осматривал взорвавшийся «мерс» самого Ильи Константиновича. Подняв голову, он заметил Русского и кивком поздоровался с ним.

— С возвращением, — сказал он. — Только по мне было бы лучше, если бы вы навсегда остались там. Но, кажется, вы действительно освободились. Краб — покойник и вам больше ничего не угрожает. Завидная судьба, а? И алиби железное. В копеечку небось обошлось?

— Не понимаю, — вежливо сказал Илья Константинович. — Вы о чем?

Сев в служебную «мазду», Илья Константинович нервно закурил.

Водитель и охранник изумленно смотрели на шефа, они никогда еще не видели его курящим. Да еще такую дрянь, как моршанская «Прима».

— На фирму, Илья Константинович? — осторожно спросил водитель.

Русской откинулся на сиденье, помахал рукой с сигаретой перед собой, разгоняя вонючий дым, и устало сказал:

— Домой!

По дороге домой его обогнали старенькие разбитые «жигули». За рулем сидел коренастый плечистый водитель и что-то втолковывал своему долговязому и худому пассажиру. Заметив, что Русской смотрит на них, они приветливо помахали руками. «Вот оно что! — догадался Илья Константинович. — Так это они аннулировали заказ Краба!» Он почувствовал благодарность к своим незадачливым преследователям, заставившим его обогнуть земной шар. Все-таки путешествие было неплохим, хоть и опасным. Как у фирмы «Мальборо», даже похлеще.

Приехав домой, он отпустил охранника и водителя, запер двери, прошел в гостиную и включил свет. Жена с детьми были еще во Франции, они должны были вернуться лишь через неделю. Приготовив себе на журнальном столике ужин, Илья Константинович принял ванну, надел халат и, усевшись на диван, включил телевизор.

Показывали местные известия.

Кокетливая белокурая дикторша, глядя прямо в глаза Илье Константиновичу, сообщала:

«Сегодня около шести часов вечера в ресторане «Морской дракон» был убит преступный авторитет города Александр Терентьевич Мальчевский, известный в криминальных кругах под кличкой «Краб». Убийцам удалось скрыться. Милиция полагает, что имело место заказное убийство, явившееся следствием раздела сфер влияния различных преступных группировок. Интересно, что убийство Мальчевского совпало по времени с возвращением в наш город известного бизнесмена и мецената Ильи Константиновича Русского, совершившего кругосветное путешествие вокруг земного шара и таким образом вписавшего свое имя в один ряд с известными путешественниками разных стран. Известно, что незадолго до убийства в ресторане «Морской дракон» господин Русской встречался с Мальчевским и предлагал ему отказаться от насилия в экономической деятельности».

Дикторша уступила место на экране морским пейзажам. «Разболтались! — неприязненно подумал Илья Константинович, отмечая, впрочем, что на этот раз средства массовой информации допустили известную деликатность. — Надо подумать об акциях телевидения. Деньги свободные есть».

Он зевнул, без интереса посмотрел немного видеокассету с итальянской комедией, но настроения не было. Выключив телевизор, Илья Константинович выпил еще рюмку коньяку, закусил пряный ожог красной икоркой и лег, задумчиво глядя в потолок. Честно говоря, после всего случившегося его нынешняя жизнь во Владике казалась Русскому пресной.

Зазвонил телефон.

Илья Константинович полежал немного, надеясь, что телефон замолчит. Однако звонивший был настойчивым, и на восьмом звонке Русской сдался и взял трубку, одновременно отметив, что телефон номера звонившего не определил.

— Ну, здравствуй, — раздался в трубке знакомый и вызывающий дрожь старческий голос. — Слово ты держишь, за то тебя хвалю. Деньги я уже получил.

— Спасибо, — сказал Илья Константинович.

— Это за что? — удивился старик.

— За то, что оба заказа аннулировали, — сказал Русской.

— За второй ты ребят благодари, — возразил старик. — Это они посамовольничали.

— Тогда им спасибо, — сказал Илья Константинович.

— Ладно. — Старик прокашлялся. — Тут, Илюша, опять у нас с тобой закавыка получается. Заказали тебя, но на этот раз другие. Догадываешься кто?

— Леха Примочка, — со вздохом сказал Илья Константинович. — Некому больше. Считает, кретин, что я ему в Шта-тах подлянку сделал!

— Бизнес есть бизнес, — прохрипел в трубку Диспетчер. — Хорошие деньги за тебя, дурака, дают.

— А вы откажитесь, — похолодев, предложил Русской. — Ну что он заплатит — слезы одни! Я больше дам.

В трубке послышался мелкий дребезжащий смех.

— Вроде ты, Илюша, в годах, — отсмеявшись, сказал старик, — а дурак дураком. Если от заказов отказываться, фирма прогореть может. На это я пойти не могу. А вот предложение к тебе есть.

— Слушаю, — чуть оживился Илья Константинович.

— Давай-ка мы твою кругосветку еще раз повторим, — предложил старик. — Выиграешь, слово даю — никто в России тебя пальцем не тронет. Кроме ментов, разумеется, за них я пока гарантий дать не могу. А заказчика твоего я на себя возьму. Ну как?

— Я устал, — включив свет и наливая себе в кофейную чашку коньяк, жалобно сказал Илья Константинович. — Дайте хоть недельку передохнуть, жену с детьми встретить! Неделю... Дней пять хотя бы!

— У нас фирма с гарантией, — сказал Диспетчер. — Ну, как говорится, вольному воля... — Он подумал и со вздохом добавил: — Жаль, если не согласишься. Не знаю, как тебе, а моим ребятам очень понравилось. Да и башка у тебя варит получше, чем у других. Докладывали мне твои планы. Думай, дружочек. Так и быть, ночь тебе на размышление даю. Ох погубит меня эта доброта!

Илья Константинович задумчиво подержал телефонную трубку в руке и бережно положил ее на аппарат. От хорошего настроения не осталось и следа. Плеснув еще раз в чашку коньяку, Илья Константинович подошел к окну. За окном мерцали звезды. Некоторое время Русской задумчиво разглядывал их беспощадный блеск, потом решительно поднес чашку ко рту, но выпить не успел — в дверь пронзительно и требовательно позвонили.

Русской подошел к двери и глянул на монитор видеоглазка. Перед его дверью стояла женщина, в которой невозможно было не узнать почтальоншу.

Чертыхнувшись, Илья Константинович с определенной опаской открыл дверь, оставив ее на цепочке.

— Распишитесь, — с сухой завистью неимущего к богатому сказала женщина и протянула Илье Константиновичу телеграмму. Расписавшись в получении телеграммы, Илья Константинович закрыл дверь и вернулся в зал. С первого прочтения Илья Константинович Русской ничего не понял, поэтому вчитался в текст телеграммы еще раз.

«Братан, — гласила телеграмма, поступившая из Новой Зеландии, — плыви валить Моби Дика. Китобоев я уже нанял. Твой Жорик».

Волгоград, 1999 год

Содержание

Реинкарнатор	5
Вокруг света с киллерами за спиной	301

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Лужанская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Синякин Сергей
Реинкарнатор
Вокруг света с киллерами за спиной

Художественный редактор О. Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев
Технический редактор О. В. Панкрашина
Младший редактор Н. К. Чернова

Подписано в печать 31.01.01.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 26,04.
Тираж 13 000 экз. Заказ № 3621.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

ISBN 5-17-004960-9

9 785170 049608

Кто не помнит дивные слова «и, может быть, в начальника душа твоя вселится»?

Желаете, значит, переселиться в тело крупного политика?

Извольте платить — конкуренция есть двигатель прогресса!

Желаете, может, переродиться во образе «крестного отца»? За деньги возможно и это. Но — не перепутать бы тела и души своих родных, «братков» и оказавшегося случайно рядом СТАДА БАРАНОВ. Таинственный реинкарнатор не намерен решать ВСЕ проблемы клиентов!

Думаете, это все? О нет! Вас ожидает еще и уникальная мистическая версия классических «Восьмидесяти дней вокруг света». «Проделки Фикса» — ничто перед проделками киллеров, гоняющихся за «крутым бизнесменом» по заказу, пересланному через мистического Дипетчера...

Мы, господа, — в Новой России.

А в Новой России возможно ВСЕ!..

ВОКРУГ СВЕТА
С КИЛЛЕРАМИ ЗА СПИНОЙ

СЕРГЕЙ
СИНЯКИН

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ